

МИФЫ ФИННО-УГРОВ

М И Ф Ы
ФИННО-
У Г Р О В

В. ПЕТРУХИН

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

Москва
Астрель АСТ Транзиткнига
2005

УДК 291(100)
ББК 82.3(О)
П 31

Оформление и макеты иллюстраций
В. Кузнецова

Подписано в печать 02.02.2005. Формат 60х90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Антиква. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0
Доп. тираж 3 000 экз. Заказ № 2254

Петрухин, В.Я.

П 31 Мифы финно-угров / В.Я. Петрухин. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 463, [1] с.: ил. — (Мифы народов мира).

ISBN 5-17-019005-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-06472-7 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-9578-1667-1 (ООО «Издательство Транзиткнига»)

Эта книга расскажет заинтересованному читателю о самобытных мифологических традициях финно-угорских народов — финнов и карелов, венгров, эстонцев, мордвы и марийцев, коми и удмуртов, хантов и манси. Мифы о птице-демиурге, о небесном охотнике и гигантском лосе, подвиги знаменитого эпоса «Калевалы», безусловно, вызовут интерес широкого круга читателей.

УДК 291(100)
ББК 82.3(О)

ISBN 5-17-019005-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-06472-7 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-9578-1667-1 (ООО «Издательство Транзиткнига»)

© ООО «Издательство Астрель», 2003

ВВЕДЕНИЕ

Мир и миф древних финно-угров. Финно-угорская общность: миф и язык

Финно-угорские народы с древнейших времен обитали на лесных просторах севера Восточной Европы и Западной Сибири — от Финляндии и Карелии на Западе до Зауралья на Востоке — вместе с близкородственными самодийскими народами Крайнего Севера — ненцами, нганасанами и другими. Родственные финно-угорские и самодийские языки составляли некогда единую «семью», которую принято называть уральской. Уральский хребет был географической осью, вокруг которой формировались финно-угорские и самодийские народы — недаром в мифах зауральских (обских) угров Урал считается поясом бога, сотворившего мир и бросившего свой пояс на землю, а у коми — перьями гигантской громовой птицы.

Леса, где обитали финно-угры, не были непроходимыми, особенно для опытных охотников и рыболовов, издревле привыкших использовать реки не только как источник рыбных богатств, но и как дороги, ведущие в самые отдаленные уголки Земли, а также, согласно мифам, на тот свет, в преисподнюю. Древние пути сообщения, как водные, так и сухопутные, связывали области и народы, относящиеся к разным языковым семьям и культурным традициям (хозяйственно-культурным типам). Охотники тайги и даже тундры издревле обменивали добываемые ими ценные меха на продукты скотоводства и земледелия, а начиная с бронзового века — и металлургии, у своих южных соседей, индоевропейцев, — общих предков индийцев, иранцев, греков, германцев и славян.

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

Показательно, что один из главных героев обско-угорской мифологии Мир-сусне-хум именовался «Купцом верхнего и нижнего света». В результате этого обмена финно-угорские племена переняли навыки земледелия и особенно скотоводства у своих соседей, о чем свидетельствуют данные языка. Особенно интенсивными эти процессы были в железном веке, в 1-м тысячелетии до н. э. и 1-м тысячелетии н. э., когда финно-угры вступили в тесные контакты с ираноязычными, а затем тюркоязычными народами на Юге; балтскими, славянскими и германскими племенами на Западе.

На рубеже 1-го и 2-го тысячелетий н. э. стали формироваться самостоятельные культурные и мифологические традиции западных прибалтийско-финских народов — собственно финнов, карелов, эстонцев, ливов, вепсов, води, ижоры; поволжских финноязычных народов — мордвы и марийцев; пермских народов — коми и удмуртов, а также зауральских угров — хантов и манси. Отделившиеся от своих зауральских родичей венгры переселились в Центральную Европу, лишь частично сохранив древние мифы. К финно-угорской мифологии близки мифы саамов (лопарей) — охотников, рыболовов и оленеводов севера Скандинавии и Кольского полуострова. Уже самоназвания многих из этих народов свидетельствуют о единстве их судеб и одновременно — о привязанности каждого из них к своей земле. Так, *хяме* — самоназвание одного из древних финских племен — созвучно имени саамов (саами): оба они восходят к балтскому обозначению земли (*земе*); народ Суоми (суомалайсет) — современное самоназвание финнов, как и древнерусское *сѹмь*, также связано с исторической областью на юго-западе Финляндии. Как и у многих других народов, богиня, воплощающая Землю, именовалась «Мать-Земля» — Маан-Эмойнен у финнов, Маа-Эма у эстонцев, Маддеракка у саамов, Мых-ими у хантов; Матор-аве («Матери-Земле») поклонялась мордва.

Общие мифы о сотворении Мира, прежде всего Земли, и общие имена богов напоминают о некогда единой финно-угорской мифологии (ее реконструкцией занимаются филологи и фольклористы — венгерский исследователь М. Хоппал, отечественные ученые Е. А. Хелимский,

В. В. Напольских и др.). Так, у прибалтийских и поволжских финнов и зауральских угров сохранились мифы о водоплавающей птице, которая достаёт Землю, ныряя на дно Мирового океана, часто — по повелению бога-творца. Реже встречаются мифы о птице, снесшей яйцо, из которого был сотворен Мир (у саамов, карелов и других прибалтийских финнов, у коми).

Мифологическая Вселенная у финно-угорских народов делилась на три основные зоны. Центром верхнего, небесного, мира была Полярная звезда, которой касалась мировая ось — гора, столп или гигантское дерево. Средний мир — Земля, окруженная с севера водами Мирового океана. С юга на север, в преисподнюю — загробный мир холода и мрака — текла гигантская река (так, с юга на север, текут Обь и Северная Двина — великие реки финно-угорского мира). Верхний мир считался обителью небесных богов, прежде всего творца Вселенной. Имена этих богов родственны у многих финно-угорских народов и означают небо, воздух, погоду: это финский и карельский Ильмаринен, удмуртский Инмар, Ен у коми и другие. Общим оказывается и другое название небесного божества — финского Юмала, Йомала коми, Йомали загадочных биармов, марийского Юмо, саамского Юбмела. Через отверстие в небесах творец Вселенной наблюдает за Землей и спускает туда младших богов — покровителей людей. Землю в финно-угорской мифологии воплощала богиня, часто являвшаяся супругой небесного бога, который за провинность сбросил ее на Землю. Она стала покровительницей хтонических (земных) существ — различных гадов, змей, лягушек и т. п., одновременно воплощавших плодородие и связанных с землей, водой и преисподней. Верили, что эта богиня обитает в верховьях (или низовьях) Мировой реки, покровительствует роженицам и детям, наделяет их судьбой-долей, а шаманам дарует сверхъестественные способности. В нижнем мире, полагали древние, обитает младший брат и соперник небесного бога, окруженный сонмом злых духов и мертвецов: из преисподней через отверстие он посылает на Землю болезни и смерть.

Юг, страна тепла и света, «Страна птиц», противопоставлялась в финно-угорской мифологии Северу, кото-

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

рый отождествлялся с преисподней — страной мрака. Две этих страны соединяла по земле великая река, а по небу — Млечный путь, «Дорога птиц». Это естественно, ведь по вечерам в марте — апреле Млечный путь направлен с севера на юго-запад, дорогой перелетных птиц. Он так и именуется — *Линнунрата* у финнов, *Линнутее* у эстонцев, *Нармонь ки* у мордвы-мокши. У других финно-угорских народов это наименование конкретизируется: *Кайыккомбо корно* у марийцев, *Дзо-дзог туй* у коми-зырян, *Вирь мацеень ки* у мордвы эрзи, *Луд зазег сюрес* у удмуртов означает «Гусиный путь».

К общим финно-угорским мифам относятся также миф о медведе-первопредке, спустившемся с неба, миф о небесной охоте на гигантского оленя или лося, о добычании светил у обитателей преисподней и другие.

Верили финно-угры и в существование низших духов — «матерей» и «отцов», «хозяев» — покровителей полей, лесов и источников, дворов и жилищ, родовых покровителей и т. п.

Главными святилищами финно-угров, лесных жителей, были культовые урочища — скалы, рощи. Лес в любой мифологии был одновременно и источником охотничьих богатств, и обителью злых духов, а также иным миром (местом погребения). Поэтому священные рощи финно-угров носили нередко общее наименование с лесными и злыми духами — *хийси* у карелов, финнов и других прибалтийских народов; *луд*, *керемет* у удмуртов, марийцев и других. Древнейшими святилищами были скалы с рисунками-писаницами (или петроглифами).

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ МИР
ДРЕВНИХ ФИННО-УГРОВ:
НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ, ИДОЛЫ,
«ЗВЕРИНЫЙ» СТИЛЬ**

Древнейшие свидетельства духовного богатства уральского мира — наскальные изображения (писаницы или петроглифы), которые древние художники высекали на плоскостях скал, начиная с эпохи нового каменного века — неолита и вплоть до эпохи железа. Две области богаты наскальными изображениями — Урал и Карелия, особенно район Онежского озера и побережье Белого моря. На Урале преобладают изображения оленей, лосей и водоплавающих птиц: уток, гусей и лебедей — персонажей, столь характерных для космогонических мифов. Есть также изображения светил — солнца и астральных знаков, а также охотничьих орудий — ловушек, бумерангов, каменных шаров — боласов и т. п. Реже встречаются изображения людей или фантастических полулюдей-полуживотных. Известны целые композиции, включающие изображения лося или оленя, солярного (солнечного) знака или некой фигуры, напоминающей радугу-небосвод, иногда — охотничьи ловушки. Все эти композиции запечатлели миф о небесной охоте. Другой космогонический

сюжет объединяет фигуры водоплавающих птиц, солнечные знаки и знаки дерева (так называемое Мировое дерево, ось Вселенной).

Сюжеты карельских петроглифов богаче: помимо многочисленных лесных и морских зверей, водоплавающих и прочих птиц, охотничьего оружия, там присутствуют и сложные композиции: сцены охоты, лодки с людьми. Иногда в этих композициях доминируют водоплавающие птицы, сравнимые своими размерами лишь с огромными морскими животными Беломорья. Иногда основные персонажи — лоси. Но главным героем наскальных сцен является человек или полужооморфный персонаж (получеловек-полуживотное). Эти сцены, несомненно, свидетельствуют о том, что древние люди стремились запечатлеть некие мифологические образы, рассказы, ибо миф был основным проявлением первобытного творчества.

Знакомый нам сюжет можно обнаружить на острове Гурий на Онежском озере: огромная водоплавающая птица снесла яйцо, под которым изображены солярный знак — солнце с двумя лучами — и два молодых (безрогих) оленя или лося. К. Д. Лаушкин предполагает, что перед нами — космогонический миф о сотворении мира из яйца. Действительно, Солнце должно было получиться из желтка, Земля — из белка. Землю первобытные художники, как правило, изображали при посредстве символических животных — копытных, ходящих по земле. Два оленя и есть символ Земли: в более позднем искусстве, когда композиция строилась по закону симметрии, их обычно изображали справа и слева от Мирового дерева, у вершины которого размещались Солнце и Луна. Не менее характерны для искусства эпохи неолита изображения оленей с солярными символами. Так, в саамских и других мифах олень несет Солнце по небу. Удивительную аналогию пет-

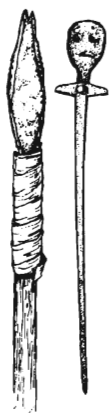

роглифам представляет кремневая статуэтка со стоянки 2-го тысячелетия до н. э. на Верхней Волге: правда, здесь зверь несет на спине символ луны — лунарный знак. Там же, в Верхнем Поволжье, была обнаружена относящаяся уже к железному веку бронзовая статуэтка медведя с солярным знаком (о ней и о медведе — ездовом животном Солнца — речь пойдет ниже).

Сложнее разгадать содержание иных композиций. На восточном берегу Онежского озера в урочище Бесов нос сохранилось изображение странной сцены охоты. Лося преследует лыжник, переодетый волком. В руках у него охотничье орудие, напоминающее капкан или болас — каменный шар на шнурах, которые должны опутать ноги пойманного животного. Понятно, почему охотник представлен в виде хищника, ведь его цель — догнать лося, ему нужна быстрота дикого зверя. Исследователи петроглифов обратили внимание, что болас напоминает одновременно солярные и лунарные знаки, изображаемые здесь же на скалах: финно-уграм был известен миф о космической охоте на гигантского лося — не зашифрован ли в петроглифах этот космогонический миф?

На других скалах антропоморфные персонажи имеют голову, по очертанию напоминающую солярный и лунарный знаки, впрочем, Солнце и Луна в мифах саамов и других финских народов были антропоморфными (имели вид человека).

Еще одна сцена на мысу Пери нос (Онежское озеро) представляет собой то ли охоту с собакой на лося, где охотник изображен уже метнувшим болас, то ли расправу над каким-то животным, находящимся под ногами лося. Лаушкин полагал, что это могла быть лягушка — злое хтоническое существо, подменяющее, согласно саамским сказкам, человеческих детей своими детенышами, которых затем трудно было изгнать из человеческого мира (об этом еще бу-

дет рассказано в главе о саамской мифологии). Однако последние исследования показали, что по очертам зверь, на которого идет охота, напоминает скорее бобра, о хтоническом культе которого еще не раз будет повод поговорить. Для более поздней пластики Прикамья, о которой пойдет речь ниже, характерна фигура человека, стоящего на ящере между двух лосей. Подобное сочетание трех образов — человека, хтонического животного и лося — очевидно, должно было выражать соотношение трех миров.

Характерно название одного из мест, где сосредоточены наскальные композиции, — Бесов нос (на Белом море известно урочище с писаницами — Чертовы следки). Оно дано русскими христианами, которые, конечно, усматривали в изображениях на скалах бесовские — языческие — сюжеты. Сохранилось и предание о Бесе и Бесихе, которые жили на берегу Онеги. Бес захотел перенести свой дом дальше от берега и, свив веревку, потащил мыс в озеро. Но это оказалось ему не под силу: он оторвал лишь огромный камень, вместе с которым свалился в озеро, камень же торчит из воды до сих пор. Ясно, что предание повествует о первобытных великанах, которые создавали ландшафт, оставляя после себя озера и скалы. Но христиане усмотрели в наскальных писаницах изображения того самого Беса, тем более что изображен он был между нечистыми тварями — ящерицей и налимом (в финно-угорских верованиях это были хтонические существа преисподней). Вот почему монахи выбили на изображении Беса крест, чтобы он не мог навредить христианам.

Настоящие языческие идолы были обнаружены археологами при раскопках уральских торфяников — в торфе дерево хорошо сохраняется. Один идол, найденный в Шигирском торфянике, представлял собой изготовленную из сосновой древесины фигуру длиной 5,30 м, с остроконечной головой. Идол из Горбу-

новского торфяника, также вырезанный из соснового ствола, менее схематичен. Правда, скульптор снабдил его только ногами, а вот рук у него нет. Аналогии с этими изображениями прослеживаются в верованиях ближайших угорских народов — хантов и манси. В их мифах рассказывается о лесных великанах-менквах, неудачном творении бога Нуми-Тору-ма, который сначала хотел сделать людей из лиственницы, но те превратились в «недоделанных» лесных чудовищ. Сходные изображения были найдены в торфяниках другой «окраины» финно-угорского мира, в Прибалтике, но они относятся к мелкой пластике, а не к монументальной скульптуре.

Гораздо более выразительны обнаруженные в тех же уральских торфяниках ковши, ручки которых оформлены в виде голов водоплавающих птиц, но особенно впечатляет деревянный жертвенный сосуд, представляющий фигуру лося. И здесь преобладающими оказываются образы священных животных, связанных с космогонией — водоплавающей птицы и лося.

В торфянике Вис, в республике Коми, нашли лыжу, нос которой украшен резной головкой лося. Очевидно, это изображение призвано было магическим способом ускорить бег лыж, ибо у финно-угров популярен был миф об охотнике, преследующем небесного лося на чудесных лыжах.

К настоящим шедеврам искусства относится резная кость (рог) из жертвенного места на городище Усть-Полуй в низовьях Оби, где обитали древние угры. Ложки с головами лося, и особенно ложка с изображением хищной птицы, терзающей голову лося, несут на себе явное влияние скифо-сибирского звериного стиля. По другую сторону Урала, в Прикамье, также прослеживается звериный стиль в наскальных изображениях и его центральным образом остается опять-таки лось. Большая

часть этих произведений искусства и предметов культа относится к раннему железному веку — I-му тысячелетию до н. э., когда в степной зоне господствовали ираноязычные племена. Об иранском влиянии на финно-угорскую, и особенно угорскую, мифологию нам еще не раз придется говорить.

Огромную коллекцию предметов искусства и культа собрали археологи на месте святилища II в. до н. э. — II в. н. э., расположенного на реке Нижней Мулянке, одном из притоков Камы. Святилище получило название «Гляденовское костыще», ибо в слоях золы и пепла было найдено много костей и черепов жертвенных животных — как домашних (лошади, быка, барана, свиньи), так и диких (северного оленя, медведя, рыси, росомахи, бобра), а также рыб. Там же были найдены многочисленные обломки посуды и целые жертвенные чаши, стеклянные бусы (видимо, игравшие роль денег) и наконечники стрел, но главными находками стали votivные предметы — мелкие металлические изображения человека и животных, принесенные в жертву вместо настоящих людей и зверей. Среди них — бронзовые фигурки летящих птиц, фигурки медведей в характерных «жертвенных» позах — так выставляли убитого зверя во время «медвежьих праздников», о которых еще пойдет речь. Среди изображений людей выделяются симметричные парные фигурки — свидетельства близнечного культа, и фигурки всадников, в том числе оседлавших хищного зверя. Интересна серебряная бляха с изображением божества, стоящего на спине зверя. Она очень напоминает ближневосточные композиции, изображающие богов-хозяев зверей.

Неповторимым, не имеющим аналогов, является раннесредневековое искусство Прикамья — Пермской земли: бронзовое литье передает те же образы лосей, полулюдей-полуживотных, которые были вы-

биты на скалах Онеги и Беломорья, но фантастические черты в бронзовых изделиях этого региона гораздо более очевидны. Археолог А.А. Спицын назвал эти изображения «шаманскими», в современной науке за ними закрепилось наименование «пермский звериный стиль». К этому стилю нам еще придется обращаться в ходе нашего повествования.

Наконец, в эпоху средневековья и славянского расселения (X–XIV вв.) финно-угорские мастера-литейщики изготавливали многочисленные женские украшения-амулеты, сохранявшие традиционные образы священных животных, прежде всего – водоплавающих птиц. Другим популярным образом стал конь, иногда – всадник. Общей чертой этих украшений было использование многочисленных «шумящих» привесок на цепочках, часто имеющих форму утиных лапок. Шум, производимый этими украшениями, должен был отпугивать злых духов.

Образы всадника и привески в виде утиных лапок дожили до наших дней в культовом искусстве обских угров. У манси до недавнего времени воспроизводились и образы, характерные для звериного стиля. В одном из исследованных домов наряду с бронзовой фигуркой ястреба с человеческим лицом – изображением, восходящим к I-му тысячелетию н. э., обнаружены недавно отлитые из свинца фигурки волка и оленя с подогнутыми ногами. Последние имеют точную дату, потому что в фигурку волка впаяна советская монета 1936 г.; хорошо известна и история этих изображений, а, значит, и вкладываемый в них смысл. Оказывается, участились случаи нападения волков на оленье стадо: их алчность стала чрезмерной, ибо они резали и рвали на части гораздо больше оленей, чем требовалось для утоления голода. Это означало, что волки за что-то наказывают хозяина стада. Тогда хозя-

ин использовал магию, поместив рядом фигурки волка и оленя в позе покорности. После этого волки перестали рвать оленей.

Финно-угры и индоиранцы

В целом мифы земледельцев Прибалтики — финнов и карел, таежных охотников — хантов и манси и других финно-угорских народов значительно различались. Они испытывали воздействие мифов соседних народов и сами влияли на мифологические представления соседей.

Культурный обмен в древности затрагивал не только хозяйственную сферу. Уже в XIX в. ученые обратили внимание на общность как отдельных слов, означающих зерновые культуры и термины скотоводства, так и мифологических сюжетов у финно-угров, иранцев и индийцев-ариев, сохранившихся в знаменитом своде религиозных гимнов — «Ведах» и мифологических эпосах. Арии отделились от иранцев и ушли в Северную Индию в бронзовом веке — во 2-м тысячелетии до н. э. Значит, общие слова и сюжеты у финно-угров и ариев должны восходить к эпохе индоиранской общности.

К этой эпохе непосредственных контактов финно-угров и индоиранцев восходят и сами названия финских народов, прежде всего — мордвы, удмуртов и коми, которые зовут себя *коми-морт*: основы этих этнонимов, *морт*, *мурт*, происходят от индоиранского обозначения человека, мужчины, равно как и обозначение «смертного» в финских языках имеет индоиранское происхождение. Наименование персонажей, приравняемых к высшим божествам, (мордовское *паз*, *пас*, *павас*) в финских языках также имеет индоиранские истоки — термин *бхага* означает «бог, удача, счастье» (славянское слово *бог* также имеет иранское происхождение).

Прародина ариев и Уральские горы

**МИФЫ
ФИННО-
УГРОВ**

В преданиях древних ариев — индоариев (см. «Мифы Древней Индии») — сохранились воспоминания о полумифической прародине, расположенной где-то далеко к северу от Индии. Обитавшие в этой стране арии могли наблюдать удивительные явления. Там семеро небесных мудрецов-риши движутся вокруг Полярной звезды, которую творец Брахма укрепил в центре мироздания над Мировой горой Меру. Там обитают и прекрасные небесные танцовщицы — апсары, — сияющие всеми цветами радуги, а солнце восходит и светит полгода подряд. Семь риши — это, вероятно, созвездие Большой Медведицы, а апсары — воплощение северного сияния, которое поражало воображение многих народов. В мифах саамов, как будет рассказано дальше, северное сияние — это битва, которую ведет на небе витязь Найнас, а у эстонцев — павшие в битвах герои, живущие на небе (эти представления напоминают также мифы скандинавов о Вальхалле — чертоге павших героев, где они продолжают сражаться в загробной жизни). Туда могут добраться только волшебные птицы, в том числе вестник индийских богов Гаруда, — в финно-угорской мифологии Млечный путь, соединявший север и юг, именовался Дорогой птиц. Мировая гора или ось мироздания — Меру — соотносится в этой картине мира с Уральскими горами, становым хребтом земли, и поясом бога-творца в мифах обских угров.

Этот миф усвоили и русские люди, пришедшие на Урал в средние века. Так, до XVIII в. Урал назывался «Камень», «Большой Камень», «Столп» и считался мировой осью, горой. Одновременно Уральские горы именовались «Земным поясом», «Земным Каменным поясом».

Согласно верованиям древних иранцев, чья мифологическая картина мира чрезвычайно близка индийской, Мировую гору Хара установил в центре мира творец Ахурамазда. Он поместил над ней Полярную звезду и запустил вокруг светила. Там обитают птицы и великие боги, в том числе божество напитка бессмертия Хаома (в индийской мифологии волшебный напиток называется Сом; боги добывают его, пахтая горой Меру Мировой океан). Индийская Меру, иранская Хара, финно-угорский Урал – одновременно и гора, и Мировая ось, и хребет, тянувшийся по всему земному пространству. У Геродота и других античных авторов Уральские горы назывались Рифейскими или Рипейскими – у хантов слово *rep* означает «гора». Вершины Мировой горы сияли золотом – Уральские горы также именовались золотыми. Крайний Север считался в легендах древних народов, населявших Евразию, средоточием неслыханных богатств и чудес. Главный герой угорских мифов (и другие угорские боги) Мир-сусне-хум именовался «Золотым богатырем», «Золотым богом» – Шорни-торум, а в песне манси говорится об озере с золотыми берегами, расположенном на горной вершине. Венгерское и обско-угорское обозначение золота считается при этом заимствованием из древнего иранского языка.

Золотая баба

В многочисленных средневековых рассказах о чудесах Севера постоянно упоминается некий идол, именуемый «Золотая баба». Первые сообщения о ней в русских летописях относятся еще к XIV в. Новгородская Софийская летопись сообщает, что «пермичи» (коми-пермяки) молятся Золотой бабе. Об этих рассказах из русского дорожника узнал и знаменитый автор «Записок о Московии» XVI в. австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн. Он

помещает Золотую старуху или бабу уже в низовья Оби, в Обдорскую землю, где текут другие реки, берущие начало «с горы Камень Большого Пояса» (Урала), и где живут народы, которые платят дань великому московскому князю.

Из этого упоминания Герберштейна не ясно, что означает «Золотая Старуха» — имя божества или название местности, хотя из дальнейшего повествования следует, что это идол, которому поклоняются местные жители. Сам Герберштейн считает эти рассказы «баснями», но передает подробно внешний вид Старухи, которая держит на коленях сына, и там же видно другое дитя, которое именуется ее внуком. Рассказывают также, что она создала нечто вроде музыкальных инструментов, которые издают трубные звуки. Герберштейн предполагает, что эти звуки может производить ветер, дующий в трубы.

Европейский путешественник, естественно, считал эти сведения мифическими. Русский дорожник, которым пользовался Герберштейн, повествует также, что в Лукоморье, за Земным Поясом и рекой Обью, обитают некие черные люди, о которых рассказывают удивительные вещи. Якобы они засыпают в конце осени, на Георгия Зимнего (27 ноября) и пробуждаются лишь на Георгия Весеннего (до 24 апреля). Соседние же народы, продолжает Герберштейн, ведут с ними невиданную торговлю: черные люди оставляют свои товары перед тем, как уснуть на зиму, а торговые партнеры обменивают их на свои товары. Кроме черных людей в Лукоморье живут еще люди, наподобие зверей заросшие шерстью, и люди с песьими головами — те монстры, которые в древних фантастических описаниях всегда заселяли края Ойкумены.

Люди, засыпавшие на зиму, именовались «черными» не потому, что они были неграми, а пото-

му, что Крайний Север считался краем мрака. В русских средневековых энциклопедиях (азбуковниках) упоминались сонливые люди, которые именовались орионами, оргианами или оригенианами, и они будто бы засыпали там, где их заставляла зима. При этом, как говорится в древнерусском сочинении «О человецех незнаемых в восточной стране», из носу у них потоком шла вода, которая застывала в виде сосульки, приковывавшей спящего к земле. Если кто-нибудь из иноземцев задевал такого примерзшего аборигена и отламывал сосульку, несчастный пробуждался и немедленно умирал. Орионы и оригенианы – это не имя северного народа, а прозвание последователей одного из первых христианских философов – богослова III в. н. э. Оригена. Он считал, что души людей созданы были Творцом для небесной жизни: охлаждение любви к Богу привело их на Землю, где они и «застыли» в виде косной материи...

Однако легенды о «сонливых» народах Севера гораздо древнее средневековья и даже сочинений Оригена. Они восходят к античности времен Геродота (IV, 23, 25). Отец истории повествует, что к северу от скифов у подножия высоких – Рифейских – гор живет народ, у которого и мужчины и женщины плешивы от рождения. Дальше – за недоступными горами – не бывал никто. Плешивцы же рассказывают, что в горах живут козлоногие мужи, а за ними – народ, который спит полгода, но этим рассказам Геродот не верит.

Однако более поздние авторы часто с большим доверием относились к рассказам о краях Ойкумены и добавляли любопытные подробности. Так, в одном из рассказов, якобы записанном на Новой земле у ненцев-самоедов, говорится о счастливом крае, где нет вражды и злобы. Нача-

ло напоминает сведения того же Геродота о счастливой стране гипербореев, но дальше говорится о людях, которые пребывают в вечной любви, ходят парами и не могут расстаться ни на мгновение. Привязанность эта имеет, впрочем, вполне анатомическое объяснение: дело в том, что эти люди одноноги, и могут передвигаться, лишь держась друг за друга. Поодиночке они падают и умирают.

Вера в таких духов-«половинников» действительно существовала у самодийцев. Одноногие, однорукие и одноглазые духи (*баруси*) в мифах нганасан могли помогать людям и даже возвращать к жизни умерших. Более агрессивными считались безголовые людоеды, жившие за горным хребтом и не пускавшие к себе нганасан. Марийцы наделяли своих половинников, ходивших парами, песьими носами, а удмурты верили в лесных духов, палэсмуртов, похожих на леших (*шурале*). Сходные поверья существовали и у тюркских народов (о них еще пойдет речь). В фольклоре народов Поволжья о взаимной любви половинников ничего не известно, зато рассказывают, что они очень смешливы и любят щекоткой доводить до смерти своих жертв.

Рассказы о Золотой бабе также не относились к книжной традиции, хотя у Герберштейна она и изображена в виде античной богини с копьем и в короне, а у других европейских авторов — с рогом изобилия и т. п. античными символами.

Авторы, описывающие Крайний Север, сообщают, что Золотой бабе приносят жертвоприношения, прежде всего — шкурки пушных зверей. Итальянец Гваньини сообщает, что сам идол сделан из камня, а в жертву ему приносят не только меха, но и оленей, кровью которых мажут глаза, губы и разные части тела идола: так, действительно, принято было «кормить» идолов у язычников тайги. Англичанин Флет-

чер в конце XVI в. не верил рассказам о Золотой бабе или Бабе-яге, якобы прорицавшей будущее. Он писал, что Золотая баба — это не идол, а скала в устье Оби, которая по очертаниям напоминает женщину с ребенком. Может быть, этот «идол» действительно был скалой причудливых очертаний на Урале, а может, кумир Золотой бабы считался воплощением столпа — Мировой горы...

Интересно, что Флетчер, знаток русской культуры, отождествлял Золотую бабу с русской Бабой-ягой. В финно-угорских традициях высшие богини, которые оказывались сброшенными на Землю, становились злобными волшебницами, напоминающими Бабу-ягу (такова Йома в мифах коми, которой посвящен специальный раздел).

Легенды о фантастических богатствах Севера будоражили воображение последующих авторов, и швед Петрей в начале XVII в. сообщает о том, что Золотой бабе приносят в жертву не только отборных соболей и куниц. По его сведениям, иноземцы должны отдавать ей часть денег, серебра, золота, жемчуга и драгоценных камней, иначе она собьет их с дороги, поднимет бурю, которая не прекратится, пока не будет совершено жертвоприношение. Жрецы обращались к ней, как к дельфийскому оракулу, ожидая предсказаний будущего.

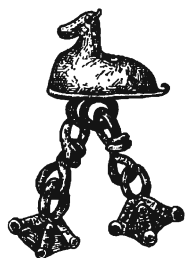
Наконец, с завоеванием Ермаком Сибири появились новые русские свидетельства о Золотой бабе: лазутчик казачьего войска наблюдал моление этой богине в одном из обско-угорских городков. Поклонявшиеся богине пили воду из серебряной чаши, в которой стояла литая из золота статуэтка богини. Когда на Обь пришли казаки, богиня якобы объявила, что покидает эти места, и велела бежать своим поклонникам. Ходили слухи, что богиню унесли дальше, за реку Конду.

Эти рассказы о бегстве богини с приходом русских казаков напоминают легенды русского Севера о малом народе — чуди, который исчез с приходом христиан (об этом еще пойдет речь). Существеннее, что в мифологии обских угров сохранились представления о «золотом» семействе верховного небесного бога Нуми-Торума, жена которого Калтащ-эква именовалась также Сорни (Шорни)-сис — «Золотая»; их сыном был упомянутый золотой всадник — Шорни-Торум, Мир-сусне-хум. Местом обитания и культа богини считалась Нижняя Обь. Ее косы были такой длины, что по одной из них поднимался соболь, по другой спускался бобр.

«Золотую Калтащ» или Йоли-Торум («Нижнюю богиню») сравнивают с иранской богиней, также воплощавшей утреннюю зарю, плодородие и целебную влагу Мировой реки (Ардви — «Божественный источник»), стекающей с Мировой горы, именуемой Ардвисурой Анахитой (сходной с русской матерью-сырой землей, покровительницей богатырей и роженец). Эта богиня давала истоки всем мировым рекам, в том числе и Волге — Ранхе, реке, текущей у края мира. Ее атрибутами было золото (златопрядный плащ, диадема, серьги и даже обувь) и меха (Анахита имела шубу из 300 бобров, ослеплявших золотым и серебряным блеском). Бобровые меха были неслучайным атрибутом богини: ведь она была воплощением влаги и Мировой реки, а бобр — речное животное. Ардвисуре приносили в жертву тысячи голов скота.

Миф о происхождении бобра записан у обских угров на реке Конда: в бобра превратилась некая пряха, которую обижали собственные дети. Они не давали пряхе пить, и та решила уйти от них в воду — платье ее сделалось шкурой, а прядильная доска превратилась в хвост. Казалось бы, этот миф не имеет отношения ни к Калтащ-экке, ни к Ардвисуре

Анахите. Но мифологи хорошо знают, что покровительницы рожениц и детей во многих мифологиях были пряжами — пряли судьбу, сидя возле чудесного источника... согласно одному из мифов хантов, celý народ должен был превратиться в бобров, чтобы спастись от врагов (или в наказание за грехи).

Александр Македонский и Уральские горы

Русская начальная летопись — Повесть временных лет, составленная в Киеве на рубеже XI и XII вв., — передает рассказ некоего новгородца, который добрался до племени печера (на реке Печора) и дальше до югры, соседствующей с самоядью (так русские называли угров и самодийцев) «в полунощных странах». Югра и рассказала ему о «дивном чуде», которое происходило в горах, уходящих в Лукоморье и вершинами достигающих небес. В горах этих слышен был «клич велик и говор» (это напоминает о звуках, издаваемых чудесным «органом» Золотой бабы) и слышно было, как «рассекают гору», желая «высечься» из нее. В горе оказалось высеченным «оконце мало», и людей, говоривших из оконца, нельзя было понять — лишь жестами они указывали на нужные им вещи из железа, и в обмен на нож или секиру давали меха (о подобной торговле рассказывали русские и во времена Герберштейна). До этих северных гор трудно было добраться из-за непроходимых снегов и лесов.

В этом рассказе исторические реалии — обмен с аборигенами, язык которых был непонятен пришельцам, — переплетены с мифом, который и прокомментировал летописец. Люди за горами — это дикие народы, которые заключил туда сам Александр Македонский после того, как завоевал весь мир. Правда, в средневековых легендах

об Александре речь шла о других горах — он «заклепал» народы Гога и Магога за Железными воротами Кавказских гор: оттуда они вырвутся лишь тогда, когда наступит конец Света. Для жителей Средиземноморья, составлявших эти легенды, северными были Кавказские горы, для русского летописца полуночными — Уральские.

Волга и миф о Мировом океане

Мировая гора стояла на берегу Мирового океана или священного водоема, с нее стекали великие реки. Ученые полагают, что иранское представление о великой реке Рангха, Ранха или Рах, берущей начало на вершине Мировой горы и омывающей край света, и ведийский миф о реке Раса нашли отражение в античном названии Волги — Ра и мордовском — Рава (у мордвы-мокши) или Рав(о) (у мордвы-эрзи), что означает также просто «река». В священной книге иранцев-зороастрийцев «Авесте» рассказывается, как благой творец Ахурамазда создавал места и страны для обитания там людей; его же противник злой творец Анхра-Манью всячески вредил творению: когда у истоков реки Ранхи Ахурамазда создал некую страну, управляемую без правителей, Анхра-Манью сотворил зиму, «творение дэвов» — демонов. Действительно, истоки Ранхи находятся в северных краях, где в те времена люди жили родоплеменным строем — без правителей.

Отец истории Геродот записал скифскую легенду о том, что персидский царь Дарий в своем походе на Скифию дошел до реки Оар — Волги: с тех пор скифское (иранское) имя этой реки стало известно античным ученым. Истоки Волги древние географы искали в Уральских горах (возможно, Волгой — Ра считали реки Каму и Белую). Согласно финской и карельской мифологической традиции, на севере, в Ледовитом океане — Сарайас, — находилась Страна

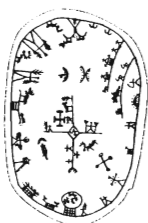

умерших; слово *сарайас* восходит к индийскому *джрайас* — «великое водное пространство», иранскому *зрайа* — мифическому озеру у самого подножия Мировой горы.

Чудесный зверь и волшебный всадник

Сходные мифологические представления о Мировой горе, неподвижной Полярной звезде и великой реке — океане можно найти у многих народов. Но вот индийский миф о чудесном лесном звере шарабха, которого не в состоянии был настичь и самый искусный охотник, потому что у зверя было восемь ног, находит прямые соответствия в мифах обских угров. Там чудесный зверь — лось — обитал сначала на небе, и у него было шесть ног. Сам творец Нуми-торум послал чудесного охотника в погоню за лосем. Тому удалось догнать зверя и отрубить две лишние ноги — с тех пор лось живет на Земле, став добычей земных охотников. Названия лося у обских угров — *шор(е)n*, *сарп*, *шарп* — напоминают имя мифического зверя шарабха.

Российские ученые Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский, сопоставившие мифологические сюжеты древних иранцев и индийцев с мифами северных народов, обратили внимание на еще одно замечательное совпадение. Античные авторы передают удивительную историю о том, как перс Дарий в середине VI в. до н. э. в числе других семи аристократов сверг самозванца и сумел занять персидский престол, потому что раньше прочих подъехал на коне к дворцу, и конь своим ржанием приветствовал солнце. Конь, как священное животное Солнца, часто использовался при гаданиях, в том числе и тогда, когда надо было выбрать правителя. В XIX в. далеко от Персии, на р. Оби, у народа манси был за-

писан миф о том, как на Земле, оказавшейся во власти семи сыновей Нуми-Торума, начались великие распри. Сам творец спустился на Землю, чтобы установить порядок, и сказал сыновьям, что править ими и людьми будет тот, кто первым на рассвете подъедет к его дворцу и привяжет коня к серебряному столбу — коновязи. Им оказался младший сын бога — всадник Мир-сусне-хум. Он и стал покровителем людей. Это замечательный пример того, как на протяжении тысячелетий в народе сохраняется древняя мифологическая традиция, заимствованная у другого народа. Обские угры некогда заимствовали у индоиранцев, а затем и иранцев, не только мифологические сюжеты: иранское происхождение имеет и терминология коневодства, а конь становится главным священным животным. Само имя Мир-сусне-хума, означающее «мир созерцающий человек», близко имени индоиранского божества Митры, воплощающего мир, космический и правовой порядок, «наблюдающего за людьми».

Как божество, наблюдающее за миром, Мир-сусне-хум в мифологической традиции оказывается связанным с разными землями и народами. В сказании, записанном уже в середине XX в., он именуется «Купцом Нижнего Света, Купцом Верхнего Света», который продает и покупает дорогой товар русского человека.

О подвигах этого обско-угорского героя мы подробно расскажем ниже. Сейчас же следует отметить, что наименование целого класса финно-угорских персонажей: мордовский *озыр*, удмуртский *узыр*, *озыр* — «хозяин» коми, равно как и обско-угорский *отыр*, или «богатырь», восходит к иранскому (или индоиранскому) обозначению божеств — *ахура (асура)*.

Индоиранское влияние глубоко проникло в представления финно-угров о шаманах и колдунах.

Шаманизм и экстатическое зелье на Оби, в Иране и в Индии

Своеобразный и древний культ вплоть до наших дней сохранялся среди народов Севера, в том числе финно-угров, особенно саамов и обских угров: для общения с богами и духами, лечения болезней или насылания порчи колдуны использовали камлание — особую технику экстаза, устраивая целое драматическое представление и выкликая свои заклятия под удары бубна. Эту форму культа принято называть шаманизмом — от слова *саман*, известного у соседей финно-угров — эвенков (возможно, впрочем, что и это слово восходит к индоарийскому обозначению песнопений). О том, что у самих финно-угров шаманский культ восходил к эпохе уральской общности, свидетельствуют общие термины, обозначающие шаманов: финский *нойта*, эстонский *ныйт*, саамский *нойда* (при этом финны считали саамов самыми опасными колдунами), вепсский *нойд*, манси *найт*.

Погребение древнейшего шамана было обнаружено на Оленьем острове, расположенном на Онежском озере — там, где сохранились многочисленные наскальные изображения. Этот могильник относится к каменному веку — неолитической, а может быть, и мезолитической эпохе, т. е. функционировал уже 6 тысяч лет назад. В одной из могил был погребен мужчина, у головы которого располагался роговой жезл с изображением головы лося — один из шедевров первобытного искусства. С двух сторон от мужчины были погребены две женщины. Археологи не могут сказать точно, умерли ли все погребенные одновременно, или женщины были принесены в жертву на похоронах мужчины с жезлом. Б.А. Рыбаков обратил внимание на то, что погребение

ние в плане напоминает композиции на бляшках пермского звериного стиля: по сторонам от человека, голова которого увенчана изображением лосиной морды, располагаются две женщины со сходными головными уборами. Жезл с головой лосихи мог использоваться в качестве колотушки для шаманского бубна: бубен и колотушка были не только музыкальными инструментами — они считались «транспортными средствами» шамана, переносящими его в иные миры. В погребении были обнаружены и птичьи кости: птица должна была поднимать шамана в небесные сферы.

Чтобы достичь транса, шаманы обских угров ели мухоморы — *пангх* или *панх* (сходным образом именуется гриб у мордвы и марийцев) — и пили настои из них: этот галлюциногенный гриб угры считали пищей богов и духов. Это название мухомора восходит к другому индоиранскому слову — *бангха*: так арии и иранцы обозначали напиток, сделанный из конопли или белены. Более того, исследователи предположили, что и загадочный индоиранский напиток бессмертия — *сома* или *хаома* — также изготовлялся из мухоморов.

Этот напиток добыла для богов (и людей) волшебная гигантская птица, владеющая человеческой речью, — Гаруда у индийцев или Саена у иранцев. Позднее Саена стала именоваться Симургом — этот «царь птиц» и вестник богов имел крылья, голову и ноги пса и был покрыт рыбьей чешуей. Владение человеческой речью, очевидно, означает, что волшебная птица была шаманским духом или воплощением божественного шамана: ведь шаман наделялся способностью превращаться в птицу — чтобы попасть на небо; становиться оленем или лосем — чтобы быстро перемещаться по земле; рыбой — чтобы проникать в морские глубины и саму преисподнюю. Представления о такой птице — Крылатом или Небесном Карсе —

были известны обским уграм: гигантская птица могла перенести героя к самому Ледовитому океану. В карельских и финских эпических песнях — рунах — гигантский орел способен переносить целое войско или приносить вести о грядущих бедствиях — войне.

Среди образов пермского звериного стиля встречается птица с собачьей головой; еще более причудлива птица с «говорящей» человеческой головой — у нее открыт рот. Характерно, что по манере изображения эти литые фигурки напоминают образы скифского звериного стиля, что свидетельствует о связи с иранским миром.

Более распространенный образ пермского звериного стиля — птица с распростертыми крыльями и человеческой личиной на груди — «шаманский дух», возносящий шамана на небо. Головка одной из таких птиц увенчана собачьими ушами Симурга, или Сенмурва. Устрашающего вида личина венчает «идол» такого крылатого шаманского духа, найденный в земле Коми: на его тулове изображена схематически человеческая фигурка самого шамана. И уж совершенно фантастическим оказывается образ птицы с тремя головами и личиной на груди: личину окаймляют головы лося, крылья птицы также оформлены в виде лосиных голов. Это химерическое существо призвано было проникать во все три зоны космоса и служило воплощенным символом этих зон.

На птицевидных привесках, видимо, украшавших шаманский костюм, часто изображались человеческие фигурки шаманов, переносимых птицами-помощниками на небо: так обско-угорская птица Карс переносила главного покровителя людей, мифологического всадника Мир-суснехума. Этот изобразительный образ также имеет иранские аналогии в синхронных изобразитель-

ных памятниках: важно, что именно в раннесредневековый период (VI–VII вв.) Пермская земля оказалась тесно связанной с Сасанидским Ираном и получала оттуда в обмен на меха шедевры декоративного искусства, которые украшают ныне коллекцию Эрмитажа. Среди них – серебряное блюдо с изображением орла (с собачьими ушами Сенмурва), который несет в когтях женщину, протягивающую ему кисть винограда. Исследователи гадают, что означает этот сюжет – то ли похищение хаомы, то ли упомянутый в иранской священной книге «Авеста» миф о некоем лодочнике, который превратился в коршуна и поднялся на небо, но не смог спуститься на землю, пока Ардвисура Анахита не вернула ему человеческий облик. Важно, что с этой композицией были знакомы мастера Прикамья.

На птицевидных привесках шаманского костюма изображались не только личины и человеческие фигурки: на одной из них помещено изображение лошади, на другой – человек и лошадь. Конь вполне мог быть священным животным – помощником шамана: ведь последнему нужно было передвигаться не только по вертикали – на небеса, но и по горизонтали – по земле. Наконец, шаманская личина изображена также между двух хтонических тварей – ящеров или бобров; оно и понятно, ведь шаману нужно было проникать и в преисподнюю. Более наглядно это сошествие шамана в преисподнюю изображено литыми фигурками, где человек оказывается сидящим на ящере. На одной из причудливых ажурных пермских блях человек в шаманском головном уборе в виде головы лося сидит верхом на ящере, туловище которого покрыто изображениями рыб. Вспомним, что ящер (впрочем, некоторые исследователи считают, что это выдра)

воплощал не только преисподнюю, но и подводное царство. Над сидящим шаманом изображены три летящие птицы с собачьими головами. Вновь три зоны мифологического космоса воплощены в зооморфных образах.

Горизонтальная проекция космического пространства также нашла воплощение в пластике пермского звериного стиля. На одной из блях три головы людей-лосей заключены в круг, который образует свернувшийся в кольцо дракон. В мифологиях разных народов гигантский змей окружает Землю, свернувшись кольцом в Мировом океане. Интересно, что и здесь присутствует ящер, также передающий образ преисподней: у него две головы, значит, и он «бесконечен», как Мировой змей, тянущийся к своему хвосту.

Археология предоставляет ценные свидетельства о том, что и в средневековую эпоху продолжались контакты двух уральских регионов – Прикамья и Зауралья – с иранским и византийским миром, Хазарией и Волжской Болгарией. Именно здесь, на месте святилищ, датируемых IX–XII вв., обнаружены шедевры иранской и византийской ювелирки, драгоценные сосуды. Эти шедевры живо напоминают о тех легендарных сокровищах, которые искали викинги в Биармии. Не менее интересно другое. На драгоценных сосудах последователи местных шаманских культов прочертили ножами свои собственные рисунки. Главный персонаж этих рисунков – шаман в зубчатом головном уборе с саблями в руках. Рядом с ним – его птицеобразные и зооморфные помощники, олени, всадники и др. Этим рисункам есть точное этнографическое соответствие – шаманский ритуал у хантов, совершавшийся после летнего промыслового сезона. Ханты собирались в большой юрте, где возле идола были сложены сабли и копья. Шаман принимался бить саблю о

саблю, а затем раздавал оружие всем присутствующим мужчинам (женщины оставались за перегородкой). Воинственный танец завершал охотничий сезон. У духов Верхнего мира, по верованиям хантов, также есть волшебные сабли, истекающие пивом.

В одном из святилищ манси, расположенном на реке Манья, — в культовом амбарчике, посвященном родовому духу-предку Ворсик-ойке («Старику Трясогузке»), этнографы обнаружили целый арсенал, включающий ритуальный меч, саблю, топор, миниатюрные железные луки и стрелы (которые жертвовали отцы после рождения у них мальчиков) и, конечно, шаманские бубны. Сопровождавший этнографов манси предупредил, что саблём размахивать нельзя — она воспламеняется. Там же находился антропоморфный идол самого Ворсик-ойки, а также его жены (ее изображала кукла — сверток из разноцветных лоскутов). Внутри святилища этнографы обнаружили литые свинцовые фигурки: одна из них напоминала то ли ящерицу, то ли рыбу (к спине которой присоединена медная монета), другая — странное пресмыкающееся существо, третья — бобра.

Обращает на себя внимание то, что число антропоморфных персонажей на законченных композициях на блюдах равно семи. На хазарском Коцком ковше из Зауралья главный шаман в центральной части окружен семью меньшими. Это число весьма символично для финно-угорской мифологии.

Семь слоев мифологической Вселенной в символах «звериного» стиля

Шаманский мир состоит из многих слоев, и композиции на ажурных бляхах позволяют их считать: помимо трех зооморфных символов (или трех ликов, трехголового персонажа), — воплощаю-

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

ших основные зоны космоса, на бляхах помещены, как правило, изображения семи лосиных и птичьих голов, процессии из семи следующих друг за другом людей-лосей. Число семь — священное в финно-угорской мифологии: Верхний и Нижний миры делились на три яруса каждый, поэтому Вселенная оказывалась семислойной. Семь небес по семи цветам радуги насчитывали коми, семь ярусов Вселенной — обские угры. У верховного бога Нуми-торума было семь сыновей — покровителей Земли; семь вождей возглавляли венгров в их преданиях об обретении родины, семь сыновей родилось и у Перы-богатыря, первочеловека в эпосе коми; семь яиц снесла утка-демиург в карельской руне и т. д. Наконец, на одной из блях мы видим всадника, сидящего на лосе: перед ним — две лосиные головы и птица, за ним — пять лосиных голов и преследующий всадника хищник. Очевидно, здесь изображено странствие шамана в небесный мир через семь слов Вселенной — путь на небо ему указывает птица.

Бляхи нередко украшены узором в виде вьющихся полосок, окаймляющих головы и хвост ящера. Возможно, это изображение мировых рек, соединяющих Верхний и Нижний миры.

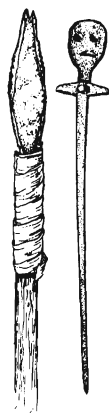
Центральным во всех подобных композициях оказывается образ человека (или личины) — шамана — в окружении зооморфных или полузооморфных помощников: в симметричных композициях пермского звериного стиля человеческая фигура помещается между двумя людьми-лосями, стоящими на ящере. Еще более изощренные шаманские сюжеты можно увидеть на бляхах, где центральный персонаж — крылатый дух — покровительница шамана с личиной на груди. На ее крыльях стоят два человеко-лося, поддерживающих своими головными уборами лик, который воплощает Верхний мир (Солнце?). У ее ног — почтительно склоненные че-

ловеческие фигуры; попирает она неких ракообразных существ — воплощение преисподней. На схожей по сюжету бляхе крылатая богиня стоит на лошади, венчает же композицию хищная птица. Еще одна богиня стоит на фантастическом двухголовом животном, попирая череп — символ преисподней; она лишена крыльев, зато по обе стороны от нее размещены по семь лосиных голов. Это означает, что богиня объединяет все семь слоев Вселенной.

В связи с этим становится понятным смысл изображений в упомянутом мансийском святилище Ворсик-ойки: сам «Старик Трясогузка», хоть и был воплощен в антропоморфном идоле, представлял небесную — птичью — сферу мироздания. Его жена, напротив, связана с хтонической сферой, представленной зооморфными символами земли и воды: значит, их брак воплощал священный брак Неба и Земли, символически выражая единство Вселенной. Антропоморфный идол не менее важный символ: ведь «Старик Трясогузка» был тотемическим предком настоящих людей — одного из родовых объединений манси. Брак Неба и Земли (и воплощавших их зооморфных существ) предшествовал рождению людей — обитателей Земли, «Срединного мира».

Тотем — это мифологический предок родового объединения людей, который имел, как правило, не человеческую форму; чаще всего тотема представляли в виде какого-нибудь животного. В родоплеменную эпоху тотемическая система представляла собой нечто вроде современной па-спортной системы или средневековой системы гербов. Характерно общее название тотемических предков у обских угров: «Все Крылатые и Ноги Имеющие». Чтобы знать, к какому роду ты принадлежишь, нужно было знать свой символ — тотем. Это было необходимо, ибо в родо-

племенную эпоху действовал универсальный принцип экзогамии — жен можно было брать только вне пределов своего рода или родового объединения (братства — фратрии): не распознавший родства и вступивший в брак с кровной родственницей совершал тяжчайшее преступление — инцест. Это преступление в родоплеменном обществе каралось смертью, и миф о такой казни преступников сохранился у тех же обских угров. Тотемический предок одного из объединений манси — Трясогузка — неслучайно выбрал себе столь неподходящую супругу, образ которой воплощали хтонические твари: она заведомо была тотемом другого рода, значит, их брак был законным.

Таким образом, целая космологическая система запечатлена в искусстве петроглифов, художественном литье Пермской земли и святилищах обских угров.

Но не ученые первыми заинтересовались святилищами финно-угров. Алчные иноземцы давно прослышали не только о пушных богатствах их земель, но и о драгоценностях, которые скопились в их культовых местах.

Волшебная страна Биармия и викинги

Среди своих соседей — скандинавов и русских — обитатели Крайнего Севера финно-угры и саамы славились как колдуны и оборотни. Недаром в средневековой Скандинавии Белое море называлось в сагах *Гандвик* — Колдовской залив. За землями финно-угорских народов простирались неведомые края. В «Истории Норвегии» (XII в.) рассказывается, как моряки, отправившиеся из Исландии в Норвегию, были отброшены бурей за пределы известных им северных стран карел, квен-финнов и неких «рогатых финнов» (саамов, носивших шаманские уборы с ро-

гами?) в «зимние земли», расположенные где-то между Гренландией и Биармией, окраиной финно-угорских земель. Там обитали великаны и амазонки, которые способны были зачать от глотка воды – фантастические народы, обитающие на краю Ойкумены.

Но больше всего чудес рассказывалось в исландских сагах о Биармии – фантастической стране неслыханных богатств, где живут люди, наделенные сверхъестественными способностями. Само название *Биармия* напоминает имя Пермской земли на севере Восточной Европы.

Описание сказочного храма в Биармии сохранилось в одной из саг о древних временах – «Саге о Стурлауге». В храме, посвященном скандинавским богам Одину, Тору, Фрейру и Фрейе, хранятся огромные богатства. Главное из них – волшебный рог Урархорн, рог волшебного зверя единорога, блестящий как золото, но полный колдовских чар – до него нельзя дотрагиваться голыми руками. Конунг – правитель свеев – посылает Стурлауга раздобыть этот рог.

Стурлауг и его товарищи проникают в Биармию через страну хундингов, людей-собак. Это один из тех народов-монстров, что населяли, по средневековым поверьям, край Земли вместе с великанами и амазонками. Хундинги схватили наших героев и бросили в узилище – внутри полых камней. Но Стурлауг нашел внутри оружие, которое помогло героям выбраться наружу.

Когда они добрались до храма, то увидели идол Тора, сидящего на почетном возвышении. Перед ним стоял стол, полный серебра. Рядом лежал Урархорн, наполненный ядом. Принадлежностью храма были и шахматы из золота. По стенам на шестах были развешены роскошные одеяния и золотые кольца.

Богослужением занимались 30 женщин. Одна выделялась из остальных богатырским ростом и ус-

трашающим видом — она была темно-синего цвета, как скандинавская богиня смерти Хель. Именно она совершала обряд перед Тором, и, увидев Стурлауга, произнесла угрожающие стихи-висы: напрасно герои мечтают поживиться кольцами и обрести рог — Стурлауг будет раздавлен мельничными жерновами. Действительно, путь к алтарю преграждали каменные плиты, но Стурлауг сумел перескочить через них и схватить рог. Его друг Хрольв, также преодолев препятствие, схватил золотые шахматы, но злобная жрица бросилась за ним и так швырнула его о плиты, что тот сломал позвоночник.

Стурлауг со своей добычей успел добежать до кораблей, и в тот момент, когда страшная жрица достигла его, он пронзил ее своим оружием — тем, что помогло ему выбраться из каменной тюрьмы. События, описываемые в саге, фантастичны, биармам — жителям севера Восточной Европы — приписано поклонение скандинавским богам, но явно прослеживаются отголоски древних верований и культов.

В «Саге о Хальфдане Эйстейнссоне» викинги встречаются в бою с предводителями финнов и биармов — страшными оборотнями. Один из предводителей финнов, конунг Флоки, мог стрелять из лука одновременно тремя стрелами и попадал сразу в трех человек. Хальфдан отрубил ему руку так, что она взлетела в воздух. Но Флоки подставил свою культю, и рука приросла к ней. Другой конунг финнов тем временем превратился в гигантского моржа, который одновременно задавил пятнадцать человек. Конунг биармов Харек превратился в устрашающего дракона. Викингам с большим трудом удалось расправиться с чудовищами и овладеть волшебной страной Биармией.

Великий исландский историк и скальд Снорри Стурлусон в своем знаменитом собрании саг «Круг земной» более реалистично описал поездку сканди-

навов на Гандвик, в устье Вины (Северной Двины), где находился торговый центр биармов. Предводитель викингов Торир, закончив торговлю, решил прекратить мир с биармами и поживиться их сокровищами. По обычаю биармов, треть имущества умершего должна была помещаться в святилище в лесу, под курганом (земляной насыпью); там золото и серебро было перемешано с землей. Викинги подобрались к такому святилищу и проникли за изгородь. Торир велел каждому брать столько, сколько можно унести — не трогать только бога биармов, который зовется Йомали. Когда викинги собрали сокровища, Торир подошел к идолу Йомали и взял большую серебряную чашу, что стояла у него на коленях. Чаша была полна серебряных монет, которые Торир высыпал себе за пазуху. Увидев это, один из его спутников подбежал к идолу и срубил драгоценную гривну, что была у божества на шее. Удар был так силен, что у кумира отлетела голова. Тут-то и раздался страшный шум (который напоминает нам о трубных звуках, издаваемых органом Золотой бабы), привлекий целую рать биармов. Но Торир оказался ведун, не худшим, чем кудесники биармов: он велел посыпать следы и свою отступающую дружину чем-то, похожим на пепел, — так они сделались невидимыми для биармов.

Сходный обычай был известен самим финнам: чтобы обезвредить злые чары колдуна, с угрозами покидавшего дом, хозяева должны были бросить ему вслед золу из очага и трижды плюнуть. Затем следовало произнести специальный заговор и замести следы.

Еще больше чудесных сведений о верованиях биармов сообщает исландская сага, повествующая о подвигах викинга Боси. Коварный скандинавский конунг отправляет викинга и его побратима Херрауда в Биармию, чтобы они достали чудесное, расписанное

золотыми рунами, яйцо чудовищного ястреба. Проникнув в Биармию, Боси узнает от влюбившейся в него девицы о том, где находится желаемая добыча. Ястреб обитает в храме бога Йомали, наполненном сокровищами. Хозяйка храма, колдунья, — мать правителя Биармии, — благодаря волхвованию узнает, что не проживет и месяца, и велит привести в храм красавицу Хлейд, чтобы та сменила ее в страшном капище. Специальный раб ежедневно приводит телку, которую поедает колдунья. Но перед этим телку должен покрыть заговоренный бык, которого держат на цепи в храме. После этого мясо телки становится отравленным, и всякий, отведавший его, приходит в безумное состояние. Этого мяса должна поесть и Хлейд, чтобы стать злобной колдуньей.

Побратимы подкрадываются к храму и убивают раба, а также и телку, которую тот пас. Побратим Боси облачается в рабский плащ, а шкуру телки набивает листвою, сам же Боси взваливает на спину труп раба, пронзив его копьем. Жрица спала, когда побратимы проникли в храм. Тут бык набросился на чучело телки, и герои свернули ему шею. Ястреб же, увидев труп, хотел схватить его чудовищными когтями, но Боси пронзил птицу копьем, и та рухнула прямо на героя. Проснувшаяся колдунья бросилась на Херрауда и поранила его до кости своими когтями, но поскользнулась на крови ястреба. Побратимы расправились со жрицей, и, когда та испустила дух, земля содрогнулась.

Герои нашли яйцо в гнезде ястреба и так много золота, что у них едва хватило сил, чтобы его унести. Идола Йомали обнаружили сидящим у алтаря. Герои сняли с него корону, украшенную драгоценными камнями, гривну, взяли с колен чашу, наполненную червонным золотом. Удалось спасти и красавицу Хлейд, прикованную в храме, а само капище подожгли.

В этом фантастическом рассказе не трудно обнаружить знакомые мотивы: служители капища приводят себя в транс, поедая отравленное зелье, идол одет в драгоценный убор, даже чудовищная птица напоминает о птице Карс и подобных ей волшебных пернатых. О чудесном яйце повествуют многие финно-угорские мифы — о них еще пойдет речь.

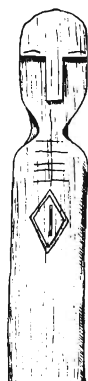
Гораздо более реалистичны древнерусские описания северных — чудских — земель.

Чудь и волхвы

В Древней Руси финно-угорские народы, прежде всего предки эстонцев, с которыми первыми встретились новгородские славяне, заселявшие Восточную Европу, именовались «чудью» — чужими, чудными людьми. Они говорили на непонятном для славян языке и имели странные обычаи.

В «Повести временных лет» рассказывается о том, как некий новгородец пришел в землю чуди и захотел погадать — «поволхвовать» — о будущем у чудского кудесника. Это — древнейшее описание камлания, относящееся к концу XI в. Кудесник принялся призывать «бесов» в свой дом (бесами христианин-летописец называл духов, которых шаман призывал на помощь). Новгородец, сидя на пороге шаманской «храмины», наблюдал, как кудесник упал, оцепенев в трансе («бес сшиб его» — так комментирует этот рассказ летописец). Наконец кудесник встал и заявил новгородцу, что его «боги» (шаманские духи) не смеют войти в дом, потому что иноземец имеет при себе нечто, чего боятся духи. Тут-то новгородец понял, что они боятся нательного креста, и положил его подалеже от «храмины», где камлал шаман.

Сходный рассказ о саамском шамане записал уже в XVII в. французский путешественник Рень-

яр. Шаман неистово колотил в свой бубен, пока не упал и не окоченел, как палка. Так он лежал с четверть часа, и окружающие не давали никому к нему приблизиться (даже отгоняли мух, чтобы не вывести шамана из транса). Наконец шаман стал приходить в себя и признался, что его дух не может ему повиноваться при иноземце, ибо сам иноземец — большой чародей, чем шаман...

Следующий «сеанс» новгородца удался — духи явились и поведали кудеснику о том, что хотел узнать гадающий. При камлании шаман «метался», одержимый духами. Любопытный новгородец, однако, не мог не спросить, почему «бесы» боятся креста. Кудесник отвечал: «Это знамение небесного Бога, которого наши боги боятся». «Каковы же ваши боги и где они живут?» — спросил новгородец. Кудесник же ответил: «В безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются и под небо, послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну». «Так и есть, — добавляет монах-летописец, — ведь грешники пребывают в аду, а праведники обитают на небесах с ангелами».

Было бы опрометчивым, однако, сводить весь рассказ к представлениям древних о христианстве и язычестве. Показательно, что сам новгородец — христианин — обратился к чуждым богам, чтобы узнать нечто, от него сокрытое. При этом он снял крест — так обычно поступали при гаданиях русские люди не только в средневековую эпоху, но и в новое время. Значит, новгородец считал, что «богам» — шаманским духам, которых вызывал кудесник, было доступно тайное знание, которое нельзя получить в церкви. Это тайное знание было открыто обитателям преисподней — бездны, — злым духам, с которыми

и должен вступить в контакт шаман. Все колдуны обращались за помощью к нечистой силе, но шаманы считались способными не только получить от нее сверхъестественные знания, но и подчинить себе злых духов и даже победить их.

Дуалистический миф о сотворении человека и прения с волхвами

Итак, славяне, встретившиеся с финно-угорскими племенами на севере Восточной Европы, довольно быстро познакомились с их «чуждыми» верованиями и богами. В Новгороде даже стали делать амулеты для чуди – металлические фигурки божков с питьевым рогом в руке. Их до сих пор находят в Вятке и некоторых других отдаленных регионах.

Эта встреча двух культур привела к взаимодействию разных традиций, так что зачастую бывает непросто отделить в фольклоре исконно «чуждые» черты от исконно славянских. Это относится уже к древнейшему и драматическому эпизоду в истории Севера Восточной Европы – региона, вошедшего в состав Древнерусского государства и принявшего крещение на рубеже X и XI вв.

В той же Начальной русской летописи под 1071 г. рассказывается о голоде, который разразился в Ростовской земле. Тогда и объявились два волхва, которые стали уверять людей, что знают тех, кто «обилье» (припасы) держит. С толпой оголодавших они двинулись по Волге по погостам, где собиралась княжеская дань и, действительно, хранились припасы. Там волхвы указывали на «лучших» (знатных) жен, обвиняя их в том, что одна прячет жито, другая – мед, третья – рыбу, четвертая – меха. Наивные слушатели приводили к волхвам своих

жен, сестер и матерей, а волхвы, мороча людей, делали разрезы на спинах у несчастных женщин и якобы вынимали оттуда то жито, то рыбу, расправляясь таким образом со знатными женами, а имущество их забирали себе.

Когда волхвы дошли до Белоозера, с ними было уже 300 человек. Здесь они столкнулись с воеводой князя Янем Вышатичем (который и рассказал летописцу об увиденном). Он собирал дань, и белозерцы поведали ему о том, что два кудесника уже убили многих жен по Волге и Шексне. Янь узнал, что волхвы — зависимые люди, смерды его князя, и потребовал их выдачи. Но восставшая толпа не желала выдавать предводителей. Воевода попытался расправиться с восставшими силой оружия, но те отбились от Яня и его немногочисленных отроков и даже убили священника, который, видимо, пытался их образумить. Янь вынужден был обратиться к самим белозерцам, пригрозив им, что если они не схватят волхвов, он будет кормиться у них с дружиной целой год. Угроза подействовала, и белозерцы схватили волхвов. Тут и началось судебное разбирательство, которое превратилось в итоге в религиозный диспут — прения об истинной вере.

Воевода спросил, за что волхвы убили столько людей. Они отвечали, что люди эти прятали припасы, и обещали продемонстрировать это воеводе — вынуть из тел своих жертв жито или рыбу. Янь был начитанным христианином и обвинил волхвов во лжи — ведь человек сотворен Богом из праха земного, состоит из костей и кровяных жил, истинное же знание о человеке доступно одному Богу. Волхвы же настаивали на том, что они знают, как сотворен человек. «Как же?» — спросил Янь. «Бог мылся в бане и вспотел, — отвечали волхвы, — отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. Тогда заспорил Сатана с Богом, кому из ветошки сотворить человека и сотворил человеческое

тело, Бог же вложил в него душу. Вот почему после смерти тело попадает в землю, а душа идет к Богу».

Янь возмутился всей этой «бесовской прелестью» и спросил у волхвов, какому богу они поклоняются, те же отвечали — «Антихристу, что сидит в бездне». Тут Янь и произнес проповедь, чтобы образумить волхвов: ведь в бездне сидит бес, а не Бог, который восседает на своем небесном престоле. Тот же, кого волхвы называют Антихристом, тоже был ангелом, но восстал против Бога и был низвергнут с небес в бездну. Он вновь восстанет против Бога, но тот сойдет на землю и окончательно скует Сатану и его слуг в преисподней: ту же муку примут и его слуги, а волхвы примут муку от воеводы и ныне, и после смерти в преисподней.

Волхвы же упорствовали и утверждали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего». Воевода же отвечал — «Лгут вам боги» — и велел бить их и повыдергать им бороды. Те не смирились, и тогда Янь велел заткнуть им рты деревянными обрубками, самих же привязать к мачте ладьи и плыть к устью Шексны. Там он вновь спросил волхвов, что говорят им боги, и те признались: «Боги молвят, что не быть нам живыми от тебя». Кудесники еще пытались уговорить воеводу отпустить их, обещая ему много добра и угрожая злом и печалью, если он их погубит. Но Янь отвечал, что хочет получить награду от Бога, и выдал волхвов тем, чьих матерей и сестер они погубили. Так свершилась кровная месть — убитых волхвов повесили на дубе, ночью же пришел медведь и пожрал их трупы.

Монах-летописец с торжеством заключает, что волхвы погибли по бесовскому наущению: другим они пророчествовали, своей же собственной гибели предвидеть не могли.

Этот летописный текст по-разному интерпретируется многими исследователями. Одни

видят в нем восстание язычников против новой христианской религии и поддерживающей его власти, но летописец нигде не называет волхвов язычниками — «погаными». Другие усматривают в восстании волхвов движение финно-угорских племен, не стерпевших гнета Русского государства. Для такого наблюдения есть определенные основания. Русский писатель П. И. Мельников-Печерский, повествуя о быте и нравах мордвы, указал на обычай, объясняющий загадочные манипуляции волхвов с «лучшими женами».

В Мордве существовал такой обычай. Для сбора коллективных жертвоприношений два служителя культа (пивовар и выборный сборщик припасов — повар) отправлялись по деревням, в которых уже знали о готовящемся сборе продуктов. Женщины шили для этого специальные мешочки на тесемках, в которые клали муку, жбан с медом, деньги, яйца, масло и т. п. Мешочки эти клали на стол в избе, куда приходили пивовар с поваром. Последние останавливались у дверей, один — с паркой (меховой одеждой), другой — с жертвенным ножом, читая молитвы мордовским богам (о них еще пойдет речь ниже). Служителей культа уже ждали женщины, стоящие спиной к дверям: грудь и плечи у них были обнажены. Самая старшая брала за тесемки мешок с мукой, закидывала его за спину и, пятась задом, подходила к дверям. Один из сборщиков подставлял парку, другой колол пять раз ножом обнаженную спину и плечи хозяйки и обрезал тесемки — мешок падал в подставленную парку. Так повторялось с каждой женщиной, пока все мешки не оказывались у сборщиков. Затем мешки укладывали на возы, а сборщики следовали в очередную избу. Когда припасов набиралось достаточно для коллективного моления, варили пиво и устраивали жертвоприношение быка, овцы или птицы — в зависимости от важности случая или божества, которому посвя-

шались молебны в священной роще — керемет (мы еще вернемся к этому обычаю удмуртов, мордвы и других поволжских финнов).

Сходный обычай был обнаружен и у вепсов — народа, который считается потомками веси, жившей на Белом озере. Обычай этот был приурочен как раз ко времени сбора урожая — к окончанию жатвы. Жнецы возвращались домой с поля и вешали серп на шею хозяйке: «Или пироги делай, или голову отрубим!» — говорили они. Тогда хозяйка принималась печь праздничные пироги. Такой же ритуал известен у южных карел и финнов: жнец клал серп на спину хозяйке и требовал пирогов. Эти ритуалы напоминают многочисленные календарные «обходные» обряды, когда «обходчики» требовали у хозяев подарков, угрожая скаредам. Эти обряды призваны были обеспечить благополучие, то есть изобилие в наступающем году (напомним, что в Древней Руси год начинался в сентябре).

Деяния волхвов, однако, не были имитацией жертвенного акта, как в мордовском и прибалтийско-финском обряде: их жертвы погибали. Как явствует из летописи, древние волхвы обвиняли лучших жен не только в том, что они прячут запасы, но и в том, что они виновны в неурожае и голоде — то есть в ведовстве. Повсюду в Европе именно колдунов и особенно колдуний, ведьм обвиняли в том, что они наслали засуху и «отобрали» урожай. Немецкий миссионер и хронист Генрих Латвийский рассказывал (в XIII в.), что другой финский народ — ливы в Прибалтике — принесли в жертву своим богам монаха Теодориха, потому что урожай на монастырской земле был обилен, а у ливов погиб, затопленный дождями. Христианская церковь боролась с этими древними предрассудками, и Янь выступил против волхвов как истинный христианин.

Но летопись сохранила для нас и рассказ волхвов о сотворении человека, тело которого создал сатана, а душу вдохнул Бог. Стало быть, тело человека, вопреки христианскому учению, может содержать все, связанное с нечистотой, бесовщиной — недаром Сатана создал его из ве-тошки, которой Бог утирал пот. Миф о том, что тело человека сотворил Сатана, бытовал у многих финно-угорских народов, и мы еще не раз о нем вспомним. Однако едва ли этот миф, в отличие от обряда, имеющего мордовские параллели, восходит к древнейшему прафинно-угорскому или уральскому периоду. Он был распространен не только у финно-угров, но и у их ближайших соседей — тюрков и славян. Возможно, все эти народы почерпнули вышеуказанный миф из общего древнего источника, и этот источник довольно хорошо известен историкам религии.

Так называемые дуалистические мифы о сотворении мира и человека — когда в творении принимают участие два творца, добрый (Бог) и злой (Сатана, дьявол) — восходят к древнеиранской религии, а в средневековом мире распространяются вместе с многочисленными дуалистическими ересями. В Византии и Восточной Европе такой ересью было возникшее в Болгарии богомилство. Богомилы считали, что земной телесный мир — это создание Сатаны, обитающего в преисподней. Духовный же, божественный, мир — это небесная обитель. Богомилы были ярыми проповедниками своих идей, и их миссионеры проникали далеко за пределы Балканского полуострова. Можно предположить, что дуалистическая ересь получила распространение среди народов Восточной Европы после того, как они приняли христианство. Очевидно, большинство новообращенных христиан не могли толко-

во объяснить происхождение зла в мире и защитить христианские истины.

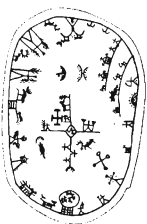
Прошло много столетий, и в начале XIX века другой искатель религиозной правды — недавно крещеный мордвин Кузьма Алексеев, объявив себя пророком (как и волхвы), также поднял восстание против властей и также был ими осужден (но об этом пойдет речь ниже — в главе о мордовской мифологии).

Расправа с волхвами: миф и ритуал

Итак, Янь Вышатич на практике, используя средневековое судебное расследование, пытку и казнь, пытался убедить этих нестойких в вере христиан, что у мира есть лишь один Творец, а волхвы не способны предугадать и собственное будущее. Эти пытки и казнь тоже сами по себе представляют интерес. Воевода велел повывергивать захваченным волхвам бороды: этот обычай унижения, нанесения бесчестья широко распространен в архаичном праве, в том числе в древнерусском (недаром даже в XVIII в. русские люди так сопротивлялись указу Петра I брить бороды). Однако для чуждых окраин Руси этот обычай мог иметь дополнительный смысл. Так, в записках одного из первых исследователей Сибири Г. Новицкого (XVIII век) сохранился рассказ шамана манси о том, что вместе с остриженными волосами можно исторгнуть из человека и душу. Волосы (и ногти) — неотделимая часть тела, даже остриженные волосы надо хранить при себе. Если учесть, что описанные события происходили в XI веке, то можно утверждать, что вместе с бородами Янь лишил волхвов силы в глазах их сторонников.

Повешение на дереве также было широко известной казнью у народов Европы. Так расправ-

лялись с преступниками. И вновь мордовский фольклор помогает объяснить этот обычай, описанный в русской летописи. В мордовской песне рассказывается, как некая девица кается перед смертью и просит похоронить ее не на кладбище, а «около большой дороги на старом дубе». Девица эта была колдуньей: она три года провела в утробе матери, и когда появилась на свет, хотела «высушить текущую воду», навести порчу на луга и хлебные поля, даже погубить деревья в лесу. Очевидно, злобная девица признавалась в тех преступлениях, в которых сами волхвы хотели обвинить истребляемых ими «лучших жен»: воевода казнил их так, как следовало казнить ложных обвинителей в ведовстве.

На деревьях иногда хоронили шаманов, которые, как считалось, и рождались там же, в птичьих гнездах: ведь шаманы должны были проникать и на небо, и в преисподнюю. Иное дело — преступники-волхвы. Повешение казненных на дереве у реки (водной дороги) — между небом и землей — означало, что они не могут стать злыми духами преисподней и после смерти вредить людям, не могут они попасть и на небо, ибо «привязаны» к дереву. Их окончательная гибель свершилась однажды ночью, когда медведь пожрал их трупы. Медведь для христиан — нечистое животное (церковные уставы запрещали даже излюбленную во всей Европе забаву — водить ученого медведя). Но для финно-угров медведь — это священный зверь, тотем-первопредок, сын верховного бога, некогда спустившийся с неба. И души и тела волхвов были истреблены...

Странную историю о медведице-плакальщице рассказывали карельские сказочники. Однажды у старика умерла старуха, и тот пошел искать плакальщицу. Первым на дороге ему попался волк, но его вы-

тье не подходило для похоронного причитания. Так же не понравились старику лай лисицы и причитания зайца. Зато медведица стала причитать по правилам:

«Ах, старик мой горемычный,
Умерла твоя старуха,
Кто спечет пирог предлинный,
Кто его намажет маслом,
Кто сошьет тебе рубаху?»

Старик привел медведицу в дом оплакивать старуху, сам же пошел за попом. Тут-то «плакальщица» и съела старуху. У коми известна сказка о жене охотника, которая жарила медвежью лапу: за это ее съел медведь, охотник же нанял в плакальщицы не медведицу, а лису...

Эта история напоминает всем известную с детства сказку о глупом мышонке. Но в ней обнаруживается и древний — дохристианский — смысл: ведь лесная «плакальщица» получила свою жертву до прихода священника, который должен был позаботиться о спасении ее души. Может быть, сюжет сказки восходит к тем временам, когда финны и карелы хоронили своих умерших в священных рощах хийси и почитали медведя как священное животное.

Культ медведя и медвежья свадьба в Ярославском Поволжье

Медведь, завершивший в летописи прения о вере с волхвами, был главным героем одной легенды, восходящей к древнерусским временам. В ней рассказывается об основании Ярославля. Это было в начале XI в., когда князь Ярослав, прозванный Мудрым, правил еще в Ростове. На месте будущего Ярославля — у впадения Которосли в Волгу — находилось урочище, называемое Медвежий угол. Там обитали «человецы поганая веры» — злые язычни-

ки. Поклонялись они скотьему богу Волосу (Велесу), в святилище которого — керемети — горел неугасимый огонь и совершались жертвоприношения. Обряды совершал особо почитаемый волхв.

Купцы, ходившие по Волге, непрестанно жаловались князю Ярославу, что язычники грабят их караваны. Тогда князь с дружиной двинулся к Медвежьему углу. Язычники уступили силе и клялись своим богом Волосом в верности князю, креститься же не желали. Князю пришлось вновь вернуться туда уже со священниками, но язычники выпустили на князя некоего «лютого зверя» и псов, чтобы они растерзали пришельцев. Князь повел себя как герой — секирой убил зверя. Строптивые язычники покорились, легенда же о княжеской победе дожила до нового времени — так в гербе Ярославля появился медведь с секирой.

В ярославской легенде переплелись воспоминания о славянском язычестве — клятва славянским скотьим богом Волосом — и местные обычаи поволжских финнов, жертвоприношения в керемети. В легенде невозможно отделить славянское от финского, тем более, что верования соседних народов были сходны: культ скотьего бога у славян действительно непосредственно связан с культом медведя, ведь этот зверь был опасен для скота и одновременно воплощал плодородие. Но и у финно-угров — коми — существовали поверья о колдунах — шаманах, имевших медвежьи лапы: рассказ об одном из них, напавших уже в XIV в. на христианского миссионера Стефана Пермского, будет приведен ниже. У финнов пастух, наделявшийся колдовскими способностями, перед выпасом скотины в лесу проводил по спине каждого животного медвежьей лапой с когтями. Наконец, удмурты верили, что нельзя ломать сучья в священной роще керемети

или луде — иначе ее хозяин Луд явится в облике медведя и растерзает нарушителя запрета.

У финно-угров почитание медведя восходит к прауральской эпохе, а следы его культа на севере Европы известны археологам по крайней мере со 2 тыс. до н. э. Многочисленные пластины-амулеты в пермском зверином стиле обнаружены на жертвенных местах и в поселениях Прикамья: они изображают голову и передние лапы медведя так, как принято было их укладывать во время «медвежьего праздника», завершившего удачную охоту на этого зверя (о медвежьем празднике будет рассказано ниже). Можно считать эти изображения первой «геральдической» композицией, предшественницей герба Ярославля. Одна из таких привесок, найденная в могильнике племени муroma на Оке, по соседству с верхневолжской мерей, имела также специальные «шумящие» привески на цепочках с утиными лапками на концах. Можно считать, что эта привеска воплощала финно-угорский миф о мироздании: ведь согласно мифам финно-угров медведь был спущен с неба на землю (таков Консыг-Ойка, или «Когтистый старик», у обских угров), сама же Земля была поднята со дна первичного океана водоплавающей птицей. Звериная композиция из Пермской земли включает медведя, который терзает голову лося или ящера, и хищную птицу, которая когтит самого медведя. Звериные образы воплощают отношения между тремя мирами финно-угорской Вселенной — Небом, Землей и Преисподней: в карельской песне-руне рассказывается, как орел должен был распотрошить брюхо щуки, которая проглотила яйцо, снесенное птицей-демиургом. В одной из могил средневековых марийцев (Нармонский могильник) найдена привеска, где на туловище медведя

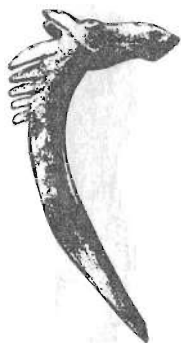

изображен солярный знак — свидетельство его небесного происхождения; в мифе саамов солнце Пейве разъезжало по небу на медведе.

Там, где начиналось восстание волхвов — в Верхнем (Ярославском) Поволжье — и где исконными обитателями были племена мери, археологами был изучен уникальный погребальный обряд. В больших группах курганов IX–XI вв. наряду с оружием, украшениями, жертвенной пищей, посудой найдены глиняные амулеты — кольца и имитации медвежьих лап. Помимо Верхнего Поволжья такие амулеты найдены только в курганах Аландских островов на Балтике, где жили и скандинавы, и финны: оттуда группа переселенцев и перенесла этот обычай в Верхнее Поволжье, где стали изготавливать загадочные глиняные кольца.

Обряд был мало понятен археологам, хотя почитание медведя — и медвежьих лап — было распространено повсюду, где водился этот зверь. Остатки настоящих медвежьих лап и подвески из медвежьих клыков — обычная находка в раннесредневековых могилах Северной и Восточной Европы. Широко распространены также представления о том, зачем человеку после смерти могут понадобиться медвежьи лапы, особенно — когти: согласно этим представлениям, умершему (как и упомянутому выше шаману у коми) нужно было взобраться на Мировое древо или ледяную гору, чтобы достичь загробной обители. Охотник коми, которому удавалось в одиночку убить медведя, отрубал животному лапы и хранил их, чтобы удача не оставляла его.

Однако сравнительно недавно, в 1970 г., археологи нашли в погребении одного из ярославских курганов не глиняный или бронзовый амулет, а остатки настоящей медвежьей лапы, на палец которой был надет серебряный перстень с сердоликовой вставкой. В могиле были погребены две женщины,

рядом с одной из них — девочкой 11–13 лет — и обнаружена эта уникальная находка. Исследователи предположили, что перед нами — древнейшее свидетельство медвежьей свадьбы, широко распространенного мифологического сюжета о женитьбе медведя на девушке из человеческого рода.

Мордовская песня рассказывает о девушке, которая пошла по грибы, заблудилась и была унесена медведями в их дом. Там она рождает от медведя детей, печет пироги, занимается хозяйством. Наконец, она решается навестить родителей и берет с собой «мужа». Сама она заходит в избу, а медведя оставляет на дворе: тут братья лесной жены и убивают зверя. Сестра проклинает их — ведь они оставили ее без мужа и кормильца.

Мы еще не раз встретимся с этим сюжетом при изложении финно-угорских мифов: от браков со священными животными рождались богатыри-первопредки (таков Кудым-ош у коми). Интересно, что и в русском фольклоре Верхнего Поволжья сохранились пережитки этого мотива: ряженые медведями на свадьбах валили на пол девушек, мазали их сажей, а сама «молодая» — невеста — именовалась медведицей. У мордвы одна из родственниц молодых встречала их обряженной в вывернутую наизнанку шубу — изображала медведицу. У карел же медвежьи лапы повсеместно использовались в качестве свадебных оберегов.

Нужно добавить, что девочка не случайно была обручена с медведем после смерти: умершие до замужества, не избывшие свой жизненный срок, считались особенно опасными после смерти, так как становились злыми духами. Чтобы нейтрализовать опасность — возвращение умершей в мир живых, девочке подбирали подходящего лесного «жениха».

До сих пор непонятно предназначение амулетов-колец из ярославских курганов. По размеру они

напоминают браслеты и не могут быть «обручальными». Тут нельзя не вспомнить ярославскую легенду, рассказывающую, как язычники клялись Волосу, а также отрывок из «Повести временных лет», где упоминается ритуал клятвы у русских до принятия христианства: дружинники в знак соблюдения мирного договора возлагают кольца-обручи и оружие перед кумиром. Неясно, с каким богом могли быть связаны эти амулеты, но, видимо, язычники рассчитывали на его покровительство и на том свете.

Финская заговорная грамота

Мы видим, как на чудских окраинах Руси уже в раннем средневековье переплетались финно-угорские, славянские, дохристианские, христианские и еретические идеи и обычаи. Об этом свидетельствуют также жертвенные места саамов и самодийцев, где среди массы жертвенных предметов могут быть обнаружены символы не только местного, но и христианского культа.

Результатом этого взаимодействия культур стала еще одна сенсационная находка, представляющая собой древнейший финский писанный текст. Одна из новгородских берестяных грамот, которых обнаружено ныне более 1000, датированная XIII в., содержит необычный текст, записанный кириллическими буквами:

«Юмолануоли .i. нимижи
Ноулисъханолиомобоу
Юмоласоудънииохови»

Вот как его перевел один из ведущих финно-угроведов Е.А. Хелимский:

«Божья стрела, 10 имен твоих
Стрела сверкни, стрела выстрели
Бог суд так правит»

В грамоте употребляется знакомое нам имя небесного бога Юмала: ему принадлежат стрелы, которыми бог поражает злых духов — правит небесный суд (вспомним о чудесной способности финского владыки стрелять сразу тремя стрелами); показательно, что в финском фольклоре словом *юмала* могут обозначать и христианского Бога, и колдуна. Записанный заговор явно направлен против духов болезней — и в славянских заговорах их истребляют Божьи стрелы. Один из русских заговоров призывает: «И стрели батюшко, истинный Христос, в мою любимую скотинку своим тугим луком и калеными стрелами в ясные очи, в сырую кость, и угони, выганивай двенадцать ногтей, двенадцать недугов, тринадцатый набольший».

Другой русский заговор не менее интересен для понимания того, насколько взаимными были представления финно-угров и славян. Сам Господь Саваоф «испускает» в этом заговоре от своего престола «царя грома и царицу моланию; царь гром грянул, царица молания огненное пламя спустила, молния освистала; разскакались и разбежались всякие нечистые духи; и как из тья Божией милости, из грозной тучи вылетает грозная громовая стрела, и сколь она грозно и пылко и ярко, и приичево диявола изгоняет, и нечистаго духа КССН (неясная аббревиатура — имя демона), и мамонта насыльного, и нахожего у меня, раба Божия, и из двора выганивает, камень и дерево разбивает». Божьи стрелы должны прогнать дьявола и насыльного «дворового мамонта» в свои прежние жилища. Дело в том, что представления о мамонте как о древнем допотопном чудовище, обитателе подводного мира, характерны для финно-угорского фольклора, и из него перешли в русский заговор.

Интересно, что среди финских слов в новгородской грамоте читается одно древнерусское — «суд»: видимо, представление о Божьем суде стало доступно прибалтийским финнам в результате русского христианского влияния — вспомним суд Яня Вышатича над волхвами. Юмала, в этом тексте небесный стрелок, уже явно ассоциируется с христианским Богом.

В свою очередь, по верованиям русских поморов, болезни — это стрелы, которые пускают из Корелы по ветру колдуны. *Нойданнуоли* — горящая стрела, выпускаемая колдуном, — не знает промаха. «С ветру» начинается колотье в суставах, которое именуется «стрелья» или «стрел». Тех же колдунов часто приглашают как целителей, ибо только они и могут вылечить болезнь, а также на похороны и свадьбу; они же считаются искусными кораблестроителями. Новгородская берестяная грамота — раннее свидетельство таких взаимосвязей русского и финского обрядового фольклора.

Гневливый громовник и небесная свадьба. Перкунас и Перкель

И другие финно-угорские небесные боги — самский Айеке, финский и карельский Укко, мордовский Пурьгине-паз могут преследовать злых духов громовыми стрелами. Но здесь очевидно древнее германское и балто-славянское влияние на образы богов-громовников.

Великий русский филолог и историк А.А. Шахматов в начале XX в. записал у мордвы-эрзи замечательную свадебную песню, исполнявшуюся при приготовлении свадебного каравая:

«Перть, перть, благый бурьгине,
Уж перть ёнкски пурьгине,
И серьгедеть вергедеть,
Каракарчи васыдить.»

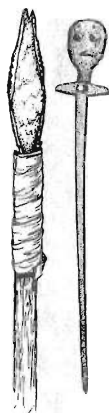
Перевод этого текста таков:

«Со всех сторон злой гром,
Уж со всех сторон молния,
И закричат, и блеснут,
При встрече соединятся.»

Из последующего текста выясняется, что эти громы и молнии гремят и освещают дом отца жениха, куда должна прибыть невеста. Почему об этом поется в свадебной песне, нам поможет прояснить миф, записанный Мельниковым-Печерским. Громовник Пурьгине-паз решил жениться на земной девушке. Впрочем, имя ее – *Сыржа*, то есть Заря, – может выдавать небесное происхождение. Но во время брачного пира громовержец разошелся, принялся с грохотом сотрясать стол, а потом его взгляд засверкал молнией, дом загорелся, и жених с невестой вознеслись прямо на небо...

В одной мордовской сказке образ самого громовника несколько приземлен, ибо он изображен богатым государем (инязоро). Зато он не только женится на земной девушке, но и поражает молнией семиглавого змея.

Мы еще вернемся к земным невестам громовников в финно-угорских мифах. Следует заметить, что обозначение грома и громовержца в мордовском языке заимствовано из балтского: там громовник именуется Перкунас. Он тоже оказывается героем свадебных песен, но там его гнев вполне определенно мотивирован: Перкунас участвует в небесной свадьбе Месяца и Солнца, но Месяц изменяет Солнцу с Утренней Зарей (вспомним мордовскую Сыржу), и Перкунас разрубает его мечом – так объясняется убывание луны. Но гневливый громовник есть и в мифологии финнов: когда небесный бог Укко ссорится со своей женой Рауни, гремит гром и начинается плодородный дождь. Мотив же небесной

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

свадьбы Солнца и Луны присутствует и в финской, и в саамской мифологии — повсюду, где племена балтов жили по соседству с финнами. У финнов этот миф точно повторяет балтский; земную девушку сватают Солнце и Месяц, но она предпочитает сына Полярной звезды.

Миф о женитьбе громовника широко распространен у индоевропейских народов: громовержец оказывается супругом земной богини, которая вдобавок изменяет ему с хтоническим — змеевидным — существом. Так что не напрасно гневается бог грома. Существует даже реконструкция той мифологической фразы, которая еще в эпоху праиндоевропейской общности описывала расправу громовержца с обидчиком. Индолог Я.В. Васильков обратил внимание, что эта фраза напоминает зачин мордовской песни: «Перть, перть, благый бурьгине». Мордва оказалась наследницей древнейшей индоевропейской поэтической формулы, хотя индоевропейский миф, видимо, был передан ей уже при позднейшем балтийском посредстве. Интересно также, что русское слово «благый» — «благой» в мордовском языке получило обратный смысл — «злой». Такое же значение родственное слово имеет в литовском языке. Впрочем, в мордовском фольклоре существует представление о чудесном зачатии, когда дети рождаются от связи девушек с небожителями: такие дети именуются также «благими».

Сходная трансформация значений произошла и с именем самого балтийского громовника в саамской мифологии. Перкелем там именуется злой дух, соблазнивший жену громовержца. Но об этом — в свой черед.

ФИНСКАЯ И КАРЕЛЬСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Мифы двух близких прибалтийско-финских народов раньше всего стали известны в Европе, ведь первые описания верований финнов были составлены еще в Средние века. Но самым знаменитым собранием финских и карельских мифов стал эпос «Калевала», составленный Элиасом Леннротом в первой половине XIX в. Калева — название мифической страны древних героев. И хотя Леннрот во многом искусственно объединил разрозненные финские и карельские эпические песни (руны) и литературно их обработал, большая часть мифологических сюжетов стала известна из его собрания. Древние мифологические сюжеты сохранились также в рунах близкого карелам и финнам прибалтийско-финского народа ижора. Огромное фольклорное богатство — 33 тома песен-рун было собрано в Карелии и Финляндии.

Сотворение мира.

Мировое яйцо и птица-творец

Древний миф, известный всем финно-угорским народам, повествует о том, что изначально

существовал лишь бескрайний океан. Над ним в поисках гнезда летала одинокая птица — в разных рунах это могли быть утка, гусь, орел и даже ласточка. Птица и увидела колено первого человеческого существа, которое торчало из воды: то было колено мудрого старца Вяйнямёйнена или (в других рунах) его матери — небесной («воздушной») девы Ильматар, чье имя напоминает имена небесных богов других финно-угорских народов. Птица снесла яйцо на колено, но, конечно, оно скатилось вниз и разбилось: из этого первичного материала птица-творец и должна была создать мир (в некоторых рунах мир создает первочеловек Вяйнямёйнен, а небосвод кует кузнец Ильмаринен). В карельских рунах рассказывается, что щука — враждебное существо нижнего, водного мира — успела проглотить три яйца, снесенные орлом; но орел поймал рыбу и вспорол ей брюхо. Из верхней половины яйца было создано небо, из нижней — земля, из желтка — солнце, из белка — луна, из скорлупы — звезды.

В ижорской руне Мир из яйца творит ласточка — «птица воздуха». Она находит кочку посреди вод, отликает гнездо из меди и кладет туда золотое яйцо. Тут налетела большая туча и скатила гнездо в воду. Тогда ласточка летит к кузнецу и просит сковать ей грабли со стальными зубьями. Этими граблями птичка достает лишь половину белка и половину желтка; разбившаяся скорлупа становится звездами на небе.

В самой ижорской руне сохранились «осколки» древних космогонических мифов. Ясно, что из желтка и белка должны быть сотворены солнце и луна, хотя в руне об этом и не говорится. Но здесь же присутствует некий кузнец изначальных времен. В карело-финских рунах этот кузнец носит имя Ильмаринен, имя древне-

го божества воздуха, «атмосферы». Сама «воздушная птица», равно как и воздушная дева Ильматар карело-финских рун, принадлежит той же космической стихии. Но кузнец в карело-финских мифах — отнюдь не только подсобный работник в деле творения Мира. Ильмаринен в эпических рунах называется кователем небосвода, он же выковывает солнце и луну — вместо светил, похищенных демонической хозяйкой Севера. Об этом мифе еще пойдет речь ниже, но уже сейчас можно предположить, что в древнем мифе кузнец помог добыть светила со дна Мирового океана и укрепить их на небосводе.

В финской руне о создании Мира Вяйнямёйнен (Вяйно) оказывается в водах моря потому, что злобный саамский колдун стреляет в него из лука. Шесть лет плавал он по водам как еловое бревно. Утка летает над волнами в поисках места для гнезда, и Вяйно подставляет ей колено и лопатку. Утка откладывает там «яйца золотые», согревает их и ждет, когда вылупятся утята. Но Вяйно не выдержал жара от яиц и стряхнул их с колена. Яйца разбились «на шесть кусков и семь осколков». Из нижней части возникает Мать-земля, из верхней — небосвод. Вероятно, с образом Вяйнямёйнена — демиурга, создавшего звездное небо, связано и одно из названий Млечного пути в финской традиции: «Путь Вяйнямёйнена».

Согласно другому мифу, творцом мира оказывается не птица, а Бог, но и он плавает в водах начального океана на чудесном судне — каменной лодке. Из пены появляется Сатана, и Бог заставляет его нырять на дно, чтобы достать землю. Лишь на третий раз, помянув Божье имя, Сатана смог добыть землю, но часть ее утаил во рту. Бог же стал перетирать землю ладонями и рассеивать ее по океану, отчего земля стала разрастаться на волнах. Раста ста-

ла и утаенная Сатаной земля, так что тот вынужден был выплевывать ее — так возникли холмы и горы.

Наконец, в карельском варианте мифа инициатором творения оказывается Сатана. Он велит гадгаре трижды нырять за землей, и только когда птица устроилась на суше, а сатана запрятал часть земли в рот, появился Дух Божий. Он увидел, что земли мало, но сатана настаивал на том, что со дна ее подняли всю. Тогда Бог обнаружил землю у Сатаны во рту и заставил ее выплюнуть. Тот плюнул на север, и она превратилась в камни, скалы и горы. К тому же Сатана поранил палец. Бог упрекнул Сатану: зачем он утаил землю — вот теперь она превратилась в камни и всякую нечисть, а сам Сатана наказан раной. Только после этого Бог заговорил рану (этот миф о первом ранении и заговоре мы еще перескажем, когда речь пойдет о культурном герое Вяйнямёйнене).

Сходные мифы известны восточным финно-уграм, и о них еще пойдет речь. Они явно восходят к славянским апокрифам — дуалистическим легендам о сотворении мира и человека двумя творцами. Ранний вариант распространения такой легенды в финно-угорском мире читатель помнит: древнерусские волхвы рассказывали, как Бог с Сатаной создали человека. В финском фольклоре сохранился иной миф о происхождении человека, во многом повторяющий космогонию — сотворение мира.

Сотворение человека и небесная свадьба

В финской руне рассказывается миф о земной невесте небесных светил — девушке Суометар. Однако начинается руна с мотива, который явно напоминает нам о сотворении мира. Некая пастушка поймала на болоте «крякуню-утку», и та снесла «на ра-

дость людям» золотое яичко. Пастушка принялась согреть яичко, и из него вышла молодая девушка, которой дали два имени – Сорсатар и Суометар.

Имя Сорсатар означает «Дочь утки» – ведь девушка появилась из утиного яйца (как и весь мир). Но еще интереснее другое имя девушки: *Суометар*, что означает «Дочь Суоми» – так называют свою землю финны. Значит, рожденная из яйца девушка – праматерь финского народа.

Через полгода девушка уже стала красавицей-невестой, и к ней явились женихи. То были Месяц, Солнце и сын Полярной звезды. Месяц первым позвал девицу замуж на небеса, «рассыпая то сиянье золотое, то серебряные звонь». Но Суометар отказала Месяцу: ведь он так непостоянен:

«То широк лицом, то узок,
По ночам привык шататься,
Целый день во сне проводит,
Из-за этого, пожалуй,
Никакой семьи не выйдет...».

Следом Солнце позвало девицу в свои хоромы – «золотые и серебряные избы». Но и у Солнца оказался «дурной характер»:

«Летом мучает жарою,
А зимой большим морозом,
Портит пору сенокоса
Непрестанными дождями,
Сушь великую напустит
На овес, когда он зреет».

Соглашается дева пойти за сына Полярной звезды, который:

«Пришелся ей по нраву,
Как хозяин бережливый,
И в семье как сын прекрасный

У Медведицы на небе,
На спине у семизвездной».

Вспомним о том, что Полярная звезда в финно-угорской мифологии — центр небесного мира, вокруг которого вращается небосвод. Земная дева оказывалась, таким образом, в центре мироздания.

Этиологические мифы — происхождение созвездий и священных животных

Этиологическими называются мифы о происхождении явлений и реалий нашего мира. О происхождении светил, огня, растений, рыболовной сети, железа мы расскажем специально при изложении мифов о богах и культурных героях, которые и создали эти реалии. К древнейшим этиологическим мифам относятся мифы о священных животных.

Миф о небесной охоте рассказывает про звездный мир: охотник пытается догнать на лыжах гигантского лося Хийси, мчащегося по небу, но не может этого сделать (или упускает добычу, размышляя о шкуре неубитого зверя). Охотник превратился в Полярную звезду, его лыжня — в Млечный путь, лось — в Большую Медведицу.

Очевидно, этот миф был популярен в Восточной Европе, в том числе и у русских, потому что знаменитый путешественник XV в. Афанасий Никитин удивлялся тому, что в Индии голова Лося (Большой Медведицы) обращена на восток.

Погоня за небесным лосем приписывается в карело-финских рунах разным героям. Один из них — «хитрый парень Лемминкяйнен», беспокойный герой-неудачник. Сделав чудесные лыжи, он похваляется, что ни одно существо в лесах не сможет от него уйти. Его похвалбу слышат злобные хозяева ди-

ких тварей — Хийси и духи-ювттах. Они сотворили лося Хийси:

Голову из кочки сделав,
Из валежника все тело,
Ноги смастерив из кольев,
Уши из цветов озерных,
А глаза же — из болотных.

Духи посылают лося бежать на север «по полям сынов лопарских, ко дворам Похьелы мрачной»; там он опрокидывает котел с ухой, вызывая слезы девиц и смех женщин. Этот смех Лемминкяйнен воспринимает как насмешку над собой и бросается в погоню за лосем на своих лыжах:

Первый раз он оттолкнулся
И исчез он с глаз на лыжах.
Во второй раз оттолкнулся
И уже не стал он слышен.
Третий раз он оттолкнулся —
И вскочил на спину лося.

Удачливый охотник уже сделал клеть, чтобы держать там добычу, и стал мечтать о том, как было бы хорошо постелить его шкуру на брачное ложе и ласкать на нем деву. Тут-то волшебный лось и вырвался у размечтавшегося добытчика: в ярости он разломал клеть и умчался. Лемминкяйнен бросился было вдогонку, да впопыхах оттолкнулся так, что сломал и лыжи и палки...

Неудача Лемминкяйнена связана с запретом, который он нарушил: во время охоты нельзя помышлять о брачных утехах — это отпугивает добычу. Кроме того, шкуру созданного духами священного животного нельзя использовать для бытовых нужд.

Можно предположить, что охотничий миф о гигантском олене, превратившемся в созвездие,

в обществе, которому уже было известно скотоводство, трансформировался в миф об огромном быке, которого не могли заколоть боги.

Космический бык

В рунах этот бык настолько огромен, что между его рогами ласточка может лететь целый день, а белка целый месяц может прыгать по его хвосту. Сам верховный бог Укко пришел, чтобы забить быка, ему должны были помогать другие сверхъестественные существа – Палвонен и Вироканнес. Но бык движением головы раскидал незадачливых «мясников». Убить этого быка способен только герой-кузнец Ильмаринен. Но и тот не может справиться с первого раза. Лишь получив большой молот, кузнец смог поразить в лоб «быка Виро» (Виро – финское название Эстонии), и тогда сварили мясо для «всех людей Калевы». Иногда быка – или гигантского вепря – убивает, напротив, старец, чудесный маленький человечек, вышедший из моря, или даже сам бог грома Туури.

В образе бога Туури просматриваются черты скандинавского громовника Тора, который сражался своим молотом с мировым змеем, опоясавшим всю Землю. Однако еще в XIX в. ученые обратили внимание на то, что чудесный вепрь, выходящий из моря, присутствует и в другой мифологии, далекой от финской, но обнаруживающей неожиданные связи с Дальним Севером. Индийский миф рассказывает о том, как Земля в давние времена оказалась переполненной живыми существами. Она изнемогала под бременем гор и в итоге погрузилась в воды Мирового океана. Тогда сам великий творец Вишну обратился в вепря с глазами, подобными звездам, и нырнул вглубь Мирового океана. Он поддел Землю своим клыком и понес ее на поверхность. Но это увидел

некий асура (это индоиранское обозначение демонических существ было заимствовано и финно-уграми для обозначения духов хозяев), который захотел овладеть Землей. Вишну одолел в поединке асуру и утвердил Землю прямо в середине Мирового океана.

В карело-финской руне, напротив, божество или чудесный герой побеждает гигантского вепря или быка. Но суть не в этом, а в том, что в мифах финских и других народов Земля держится на рогах огромного быка, стоящего на рыбах в водах Мирового океана. Сюжет руны о пире на весь мир явно восходит к космогоническому мифу о сотворении Земли, которую воплощало гигантское животное, выходящее из моря.

Другой мотив мифа о Вишну также напоминает рассказ, известный большинству финно-угорских народов. Во время борьбы с асурой вепрь-Вишну своим гигантским копытом пробил в земле отверстие, да еще обронил туда свое семя. От этого семени возникли демоны преисподней. У финно-угров демиург или его противник также проделывают отверстие в земле, то есть вход в преисподнюю; через это отверстие проникают на поверхность земли злые духи, болезни и вредоносные насекомые.

Жертвоприношение большого быка для общего пира находит аналогию в святочных — новогодних — обрядах карел. На новый год ряженные устраивали «заклание быка»: старика наряжали в вывернутую шубу и коровью маску с рогами, на голову надевали котелок. Так его водили по всей деревне, бык страшно ревел, пугая женщин и детей. Наконец, быка «убивали» ударом дубинки по котелку. Ряженого разоблачали и угощали пивом, после чего начиналось общее застолье. Очевидно, что этот древний обряд восходит к

главному годовому празднику с жертвоприношением, которое должно было обеспечить людей изобилием пищи на весь год. Вспомним также чудовищного быка в храме Йомали у биармов. Бык был главным жертвенным животным и у эстонцев: Генрих Латвийский рассказывает, что когда упорствующие язычники схватили некоего тучного миссионера, они посадили его на быка и бросили жребий, кого из них принести в жертву богам; жребий, к счастью для христианского священника, пал на быка. Когда эсты собирались осаждать крестоносцев в замке Беверин, согласно сообщениям того же Генриха Латвийского, они стали гадать по приносимым в жертву животным: считалось, что если закалываемый бык падает на левую сторону – это дурное предзнаменование, означающее гнев богов. Еще один пример: у христианизированной мордвы на Троицу устраивался пир, на котором забивали купленного в складчину быка. Возможно, культ жертвенного быка восходит к охотничьему культу жертвенного оленя или лося и имеет очень древние истоки.

Небесное происхождение медведя

Особым почитанием у финнов и карел, как и у прочих финно-угорских народов, пользовался медведь. Он возник из шерсти, брошенной с небес в воду; по другим мифам – родился возле небесных светил на небе, у Большой Медведицы, откуда был спущен на серебряных ремнях в позлащенной колыбели в лес, где и остался на серебряных ветвях сосны (о сходном мифе, известном обским уграм, будет рассказано ниже). Охота на медведя сопровождается целым циклом заговоров, в которых зверя уговаривают, будто он не был убит охотником, а сам пришел в дом к людям «с медным животом от меду»: для

него, как для дорогого гостя, убирают избу. Медведь — родственник человека, он из рода Адама и Евы: известны его отец и мать — Хонгатар (слово, родственное названию сосны). В некоторых заговорах медведя встречают как жениха, «в шубе денежной красавца» — стелят постель с золоченой периной (о медвежьей свадьбе мы говорили выше). Череп убитого медведя вешали на сосну — туда, откуда пришел первый мифический зверь: верили, что дух медведя возродится вновь.

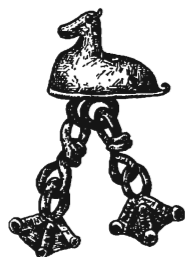
Происхождение вредоносных тварей

В финской и карельской мифологии творцом вредоносных существ оказывается злая волшебница Сюэтар (Сюэятар). Она породила вредоносных насекомых, из ее плевка в море рождаются змеи:

«Ветер слюни там баюкал,
Дух воды качал на волнах,
Выдохнул потом на камни,
Растянул тугою лентой.
Вылезла личинка Туони,
Земляной червяк родился.»

В других мифах — заговорах о происхождении змей — говорится, что они возникли из волоса девы-хийси, упавшего в море.

В карельских сказках, где Сюэятар оказывается ведьмой сродни русской бабе-яге, она хочет проникнуть в мир людей, чтобы навредить им. В одной сказке рассказывается, как старуха, у которой было девять сыновей, стала готовиться к новым родам. Тогда сыновья покинули дом, велев матери вывесить на дверях прялку, если родится девочка, и топор, если опять появится мальчик. Старуха родила дочь, но Сюэятар ночью поменяла прялку на топор. Увидев этот условный знак, сыновья тут же решили не возвращаться домой.

Когда мать рассказала выросшей дочери, как ведьма обманула ее братьев, та решила отправиться на их поиски. Дочь испекла колобок, замешанный на своих слезах, и попросила его катиться к девяти братьям. Но по дороге ее повстречала Сюэятар, и как только они добрались до жилища братьев, стала уговаривать девушку: «Плюнь мне в глаза, а я тебе». Наивная девушка поддалась на уговоры, тут-то Сюэятар и заклала ее: «Твое лицо мне, а мое лицо тебе!» Красавица-сестра превратилась в безобразную ведьму, а Сюэятар отобрала у нее и разум, сказав братьям, что привела с собой пастушку.

Поселившись с братьями ведьма и вправду заставила бедняжку пасти коров в лесу, возвращая ей на время ум. В хлеб пастушке Сюэятар запекала камень. В лесу девушка пела жалостливую песню, рассказывая о своей судьбе, — эту песню и услышали братья. Братья и подучили девушку вернуться домой среди дня, чтобы ведьма не успела лишить ее ума, и пожаловаться на боль в глазах. Братья заставили Сюэятар плюнуть в глаза сестре, и та вернула себе прежний вид.

После этого хитрые братья истопили баню, а перед порогом вырыли яму, заполнили ее горящими ветками, а сверху прикрыли ковром. Сюэятар упала в яму, но, сгорая, успела произнести заклинание:

«Пусть же будут из меня: чижики из глаз моих,
А сороки из волос, из ушей-то вороны,
А вороны же из пальцев ног,
Чтобы всех людей клевали, у людей добро съедали!...»

О том, почему вороны и сороки считаются вредоносными (вместе с воробьями и прочими птичками), хорошо знали крестьяне, хранившие свой хлеб в ригах. В другой — финской — сказке рассказывается, как сорока пригласила к себе на обед ворону — поклевать лишайник с елей. Воро-

на отказалась от невкусной еды и позвала сороку в ригу — поклевать хлеб, но предупредила, что надо клевать, да оглядываться. Тут появились хозяева и пристрелили воровку. С тех пор ворона охает, а сорока стрекочет — смеется над товаркой, которая сама попала в беду.

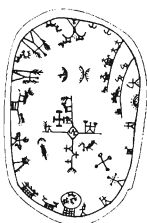
Концовка первой сказки представляет собой типичный этиологический миф о происхождении вредоносных птиц из тела злобного первосущества, второй — о происхождении криков, которые издают птицы.

Другой вариант этиологического мифа содержит финская сказка о щуке и змее. Некогда они жили вместе в воде и поспорили: кто первым сможет доплыть до берега, тот останется там жить. Щука сказала: «Если я раньше доберусь до суши, съем ребенка и овечку». Змея же отвечала, что не причинит никому вреда, если ее не раздражат. У алчной щуки весло переломилось во время плавания: с тех пор кость в ее голове похожа на сломанное весло. Змея же осталась жить на земле.

Как устроен мир

Круглая — сотворенная из яйца — Земля омывалась волнами Мирового океана. Она была накрыта вращающимся небосводом (состоящим из нескольких слоев), неподвижной осью которого была Полярная звезда, Мааннэла — «Гвоздь земли» (в эстонской мифологии ей соответствует Похьянэл — «Гвоздь севера»). Медная, каменная или железная гора или огромный дуб с вершинами, касающимися Полярной звезды, поддерживали небосвод. Дуб посадили три или четыре девы, напоминающие дев-норн у Мирового древа в скандинавской мифологии. В ижорской руне дуб вырос из пены, слитой после варки пива — священного хмельного напитка у финно-угров. Космический дуб был так велик, что его

крона загораживала солнце и луну. Тогда из моря вышел чудесный человечек, который срубил дуб одним ударом своего топорика; мировое дерево упало и превратилось в небесную дорогу, соединяющую все части Вселенной – Млечный путь; упавшее Мировое древо стало также и мостом, соединяющим мир живых и мир мертвых. От щепок-стрел, летевших при падении Мирового дерева, распространились по миру болезни (недаром в заговорах говорится о колдовских стрелах, насылающих порчу, и о бо-
жьих, сражающих болезни).

Мировое дерево имело параллели в обрядовой жизни: у карел обрубленное или срубленное с особыми ритуалами дерево, как правило, ель, именовалось карсикко: оно отмечало границу охотничьих угодий, границу между «домом» и «лесом», а на древних кладбищах в священных рощах служило для связи мира живых и мира предков. На такие деревья наносили изображения духов.

В легендарных песнях девы выращивают дуб из «любовного листика»: Мировое дерево связано здесь со свадебным фольклором. Крона дуба разгоняет тучи, а в них каплями блестят озера; в озерах на красных лодках плывут парни, которые умиряют море, чтобы можно было увезти по нему невест.

Мировая гора располагалась в центре мира и одновременно на севере – там небо соединялось с землей. В «Стране Севера» – Похьеле (она именовалась также Сариола, Пиментола, Унтамола – «Темное царство», «Страна людоедов», «Злая страна»), расположенной там, где небосвод смыкается с землей, была и обитель мертвых, преисподняя – «Подземная страна» Манала (от финского *маан алла* – «под землю») или Туонела. От мира живых Страну мертвых отделяла река; ее воды – огненный поток или быстрый поток мечей и копий. Через реку Ма-

налы ведет мост-нитка, а на другом берегу умершего поджидает чудовищный страж с железными зубами и тремя псами. Ворота Туонелы открываются только перед теми, кого оплакали родные в специальных причитаниях. Туони — хозяин Царства мертвых, воплощение смерти. У него есть дочери, которые посылают лодку за покойником, чтобы он мог переправиться на тот свет. Сыновья Туони плетут железные сети, чтобы покойник или шаман, явившийся за ним, не смогли выбраться из Царства мертвых. Дом Туонелы — гроб: его ковры — женские волосы, крышу подпирают мужские кости. Погружение в воды Маналы означает смерть; смерть заключена и в напитке Маналы, который ни в коем случае нельзя пить живым.

В загробный мир ведет гора с гладкими стенами — холм или скала Туонелы: чтобы взобраться на нее, нужно всю жизнь собирать остриженные ногти. Обитатели преисподней — змеи, их еще называют «червями Туони»; змеи появились из плевка в воду злобной волшебницы Сюэтар (она же считается создательницей вредных насекомых и птиц). В Туонелу уносят с собой свои тайные знания колдуны и знахари: самому Вяйнямёйнену пришлось проникать туда в поисках магических слов. Там же обитают и предки — «славные прародители Туонелы», «население Маналы». Хозяйка Похьелы Лоухи — старуха-колдунья, главный противник героев карело-финских рун. Возможно, «Лоухи Похьелы хозяйка» — эпитет Похьелы, а не имя хозяйки: финское «лоухи» означает «скала», «камень», а постоянный эпитет Похьелы — «скалистая». (Вспомним, как в мифе о сотворении сатана выплюнул камни и скалы на север.) Лоухи похищает солнце и месяц, огонь из очагов Калевы — страны героев, завладевает чудесной мельницей сампо и прячет похищенное в основании скалы Похьелы. Миф о мельнице-чу-

деснице сампо, корни которой проросли в Похьеле, также связан с представлениями о Мировой горе и Мировом древе (о сампо пойдет речь ниже).

В Похьелу — на далекий север — в заговорах отгонялись болезни. Таков карельский заговор от зубной боли:

*«Застрелю зубного змея,
Отгоню я костоеда...
Уходи, куда велю я,
Через двери Похьелы, где
Дупла для тебя найдутся.»*

Вместе с тем Похьела — страна лесного и водного изобилия: в заговорах «деву Похьи» называют «хозяйкой дичи, зверя, рыб озерных», призывают пригнать добычу с далекого севера в землю людей.

А в противоположной стороне света, на юге Мирового океана, существует остров, обитателями которого являются карлики. Это Линнумаа — «Страна птиц», куда птицы летят по Млечному пути (перелетные птицы отличаются от вредоносных, возникших из тела Сюэятар). В центре же Мирового океана находится гигантский водоворот, «глотка курумуса», выпускающий и поглощающий воды: из него происходят приливы и отливы.

Боги и духи

Мифов, повествующих о финских и карельских богах, почти не осталось — ведь и финны, и карелы были формально обращены в христианство в XI–XII вв. Общефинское слово, обозначающее небесных духов, — *Юмала* — уже с XII в., как мы видели, читая берестяную грамоту, стало означать небесного бога (с введением христианства — Бога христианского). Лишь в 1551 г. протестантский епископ Микаэл Агрикола собрал сохранившиеся сведения о финском языческом пантеоне. Он пи-

сал, что некогда финны (хяме) поклонялись боже-
ству леса Тапио, который посылал добычу охотни-
кам в их ловушки. Бог вод Ахти давал удачу в рыб-
ной ловле. Ейнмейнен, в имени которого угадыва-
ется древнее имя Вяйнямёйнена, создавал —
«ковал» — магические песни. Некому злomu духу
Рахкой приписывали лунные затмения — в позд-
нейших финских верованиях сохранились мифы о
духе Рахко, который управлял фазами луны. Лиек-
кио почитался как бог трав, корней растений и т. п.
От Ильмаринена, создателя мира и воздуха — воз-
душного пространства, зависела погода, в том чис-
ле удачное путешествие. Турисас давал победу в
битве; в финских верованиях сохранился и упомя-
нутый миф о громовнике Туури, который убил сво-
им топором (или молотом) гигантского вепря или
быка. Кратой (или Кратти) заботился об имуще-
стве человека и его товарах.

От духа Тонту зависело домашнее хозяйство,
но он, как бес, мог довести до бешенства, замечает
Агрикола. Действительно, сохранилось поверье,
что домовые и овинные духи могли приносить богат-
ство и наказывать болезнью нерадивых хозяев. Счи-
талось, что тоннту рождался из обрядового послед-
него снопа, который хранили в овине. Гадая об уро-
жае, подходили к овину и прислушивались: если
слышен скрип — урожай в следующем году будет хо-
рошим. В современных коротких мифологических
рассказах (быличках) финнов и карел тоннту высту-
пает как «дух-обогадатель». Один такой дух по но-
чам ходил молотить в соседские овины и воровал от-
туда намолоченное зерно для своих хозяев. Но од-
нажды соседу удалось подстеречь воришку и
ударить его что есть силы. Тоннту взмолился:
«Ударь еще раз!», но хитрый хозяин не стал этого
делать, ибо знал, что второй удар вернет нечистой
силе жизнь и паразит его самого. Так тоннту и по-

гиб — возле проезжей дороги от него осталась лишь зловонная лужа. Из шведского фольклора к финнам проникло представление о духе пъя, или пара, который также приносил добро хозяевам.

Дух Капе считался виновником лунных затмений — «ел луну». Считается, что такой род занятий духов, связанных с фазами луны и затмениями, восходит к той древней эпохе, когда у финских народов был распространен не солнечный, а лунный календарь. Наконец, сыны Калева расчищали покосы и освобождали пространство для жизни людей.

Агрикола перечислил и карельских «идолов». Среди них — бог урожая Ронготеус, дающий рожь: в финском фольклоре известен «отец ржи» Рункатейвас. Пеллон Пеко («Пеко полей») — дух ячменя — также имеет параллели в прибалтийско-финском фольклоре: таков Пеко у эстонцев-сету. Вирканнос — дух овса; Эгрес сотворил бобы, горох, репу, капусту, лен и коноплю; Кёндёс, покровитель пахоты, создал подсеку и поля. Вообще, карелам и финнам, как и всем другим земледельческим народам, свойственно почитание многочисленных духов растительности.

В финском и ижорском фольклоре известен Сампса Пеллерво, дух растительности, которого будит весной солнце — тогда и начинает всходить хлеб на полях. В отличие от старца Укко, Сампса — юнец. В других фольклорных текстах за ним посылают «сына зимы», который правит конем-ветром; приносит Сампса «сын (а) лета». Сампса обитает на острове, где живет с собственной матерью как с женой — кровосмесительный ритуальный брак (священный брак) характерен для богов плодородия. Вероятно, его супруга и мать — сама Мать-Земля. Имя Сампса происходит, как полагают, от германского обозначения весенних кормовых трав, то есть Сампса оказывается плодом пробуждающейся весной Земли. Как

гласит один из заговоров Сампса (от ранения при падении дерева):

«Засевать пошел всю землю,
Вересняк весь по болоту,
По борам он сосны сеял,
В чаще вырастил он ели,
А в ложине-то березы.»

До недавнего времени карелы почитали «Хозяйку земли» Маннутар. К ней обращались в заговоре, произносимом при начале сева:

«Маннутар, земли хозяйка,
Ты заставь-ка дерн ожить,
Землю плодородной быть...
Просыпайся-ка, земля,
Отгони свой сон, лужок,
Пусть поднимутся здесь стебли,
Пусть появятся здесь всходы...»

Плодородию в целом покровительствовали небесный бог Укко и его жена Рауни, семейные отношения которых вызвали особый интерес и возмущение епископа Агриколы (см. об этом ниже). Образ Укко сливался в представлениях финнов с образом общефинского небесного божества Юмалы. Функциями громовника в финском фольклоре были наделены также уже упоминавшийся Туури, Палванен, или Пайанен, которые, возможно, были эпитетами Укко, а также «атмосферный» бог Ильмаринен, который в карело-финских рунах превратился в культурного героя-кузнеца.

Кекри, или Якри, согласно Агриколе, способствовал плодovitости скота (он известен в карельском и финском фольклоре как покровитель скота и урожая Кеури). Интересно, что сходным образом именовался и финский календарный праздник кекри или кеури, связанный и с поминовением умер-

ших в конце октября — начале ноября, во время «раздела» между летом и зимой, когда заканчивался обмолот зерна. Именем «кеури» именовался и пастух, который последним пригонял скот в последний день выпаса, а также последний жнец во время уборки ржи. На праздник кеури топили баню и стелили постель для душ умерших предков — покровителей живых: считалось, что в этот день они возвращались с того света, и, если их хорошо принять, они обеспечат урожай и благополучие скота в будущем году.

Хийси оказывался у Агриколы не гигантским лесом и не лесным святилищем, а духом, помогающим в лесу, покровителем охоты у карел. «Мать вод» заводила рыбу в сети. Специально охоте на белок покровительствовал Ниркес (в карело-финском народном календаре долго сохранялся приходившийся на октябрь особый «день белки»), охоте на зайцев — Хатавайнен.

Финны и карелы, давно освоившие земледелие и скотоводство, не оставляли промысловой охоты. Поэтому среди их духов известны многочисленные «матери» зверей, от которых зависела удача в охоте: Керейтар — «золотая жена», мать лисиц, Лукутар — мать чернобурых лис, Йуолетар и Хиллерво — матери выдр, Тухеройнен — мать норок, Нокеайнен — мать соболей, Йуонертар — мать северных оленей. Все они могли именоваться дочерьми Тапио, хозяина леса. Почиталась и мать диких птиц, которые были ее «стадом», — старуха Холохонка, или Хейхенейкко (сходный образ известен обским уграм).

Агрикола сетовал в XVI в., что еще недавно финны и карелы поклонялись ложным богам (несмотря на существование «папской веры», ехидно замечал этот протестантский епископ), а также камням, пням, звездам и луне и приносили жертвы покойникам.

Хийси — лесной дух, ставший чертом

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

К древним духам, которым поклонялись все прибалтийские финны, относился и Хийси. Его имя восходит к названию священной рощи, где запрещалось ломать ветки и рубить деревья и где в древности хоронили умерших: одно из названий загробного мира и Северной страны Похьелы — Хиитола у финнов (Дом Хийси) и Хииела у эстонцев. Еще до недавнего времени в этих урочищах существовали жертвенники, куда приносили еду, пиво, деньги, шерсть, одежду и т. п. Хиитилайсет, или хииденвяки («народ Хийси») — это души людей, не нашедшие загробного пристанища. Путник, встретивший толпу этих духов — безголовых уродцев, движущихся в вихре или на лошадях «по тропе хийси», — может умереть или сойти с ума. Известны также отдельные культовые деревья хийси — береза, сосна, ель, а также озера хийси, каменные курганы и груды камней, называемые «камни Хийси». Рассказывают, что эти камни набросали древние великаны (Хитской камень и Хидгора известны и русскому населению Онежского озера). Самому Хийси приписывался великанский рост. Считалось, что у него есть сыновья и жена. После христианизации священные рощи были заброшены, а Хийси превратился в злого духа, лешего. Так стали именовать ад, чертей, нечистую силу — «народ хийси». Появились представления и о подводных хийси, чертях, обитающих в водоворотах и водопадах. Считалось, что у водяных хийси есть чудесный скот — можно подстеречь их коров, когда те выходят из озера пастись, а затем похитить их.

*В финской руне «Сватовство в водопаде» па-
рень пытается высватать у жены Хийси дочку.
Та задает жениху трудные задания — вспахать
голыми руками гадючье поле, срубить, не разбив,*

ледяной забор, свить веревку из мякины. Жених выполняет все эти задачи, и ему приводят невесту. Оказывается, что дочка Хийси «глазки изредка, но мыла, ушек вовсе не касалась». Жених, естественно, требует, чтобы ее отвели в баню и отмывали до тех пор, пока «лаки не размочит, каменка не изотрется»...

Пособниками Хийси являются вредоносные насекомые: шершень – «пташка Хийси», паучиха – «шлюха из рода Хийси». «Стрелы Хийси» несут болезни, к ним обращаются в заговорах колдуны. «Конь Хийси» – воплощение чумы. Явление Хийси человеку знаменовало смерть. Как и всякий леший, он мог погубить заблудившийся скот, а мог и спасти его, а также способствовать удачной охоте (о чем писал Агрикола).

Карельская руна повествует о том, как Хийси превратился в сатану с приходом христианства: Луё («Творец») спасается на лыжах от преследований «паганов» – язычников, последние настигают Творца на святой горе, помещают в глубокую яму и заваливают камнями. Но злокозненный кузнец Хийси требует, чтобы Творца заковали в цепь, которую он изготовит. Тем временем Творец молит Солнце, чтобы оно выпустило его на свободу. Солнце растопило камни и советует Творцу отправиться к кузнецу Хийси. Кузнец не узнает Луё – ведь он думает, что тот сидит в яме. Хитроумный Творец советует Хийси испытать выкованную цепь на прочность. Хийси, наконец, выковывает такую цепь, которую и сам не может порвать. Луё заговаривает цепь на шее у сатаны, чтобы он не смог вырваться.

В сказках, повествующих о происхождении нагромождения скал, разрушенных церквях и т. п., хийси – это древние великаны, которые могли бросаться огромными камнями, так что убивали сразу двух быков. Брошенный хийси ка-

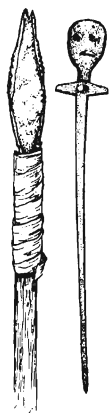

мень становился порогом на реке; озерные рифы — это мосты, которые не достроили хийси; каменные гряды появились потому, что хийси бросались друг в друга камнями. О том, что хийси были некогда вытеснены христианской религией, свидетельствует их особая нелюбовь к церквям — они боятся колокольного звона; если хийси и строят днем церковь, то ночью они ее разрушают, или церковь обрушивается прямо на прихожан. Иногда хийси наделяются чудесными свойствами, которые в апокрифических легендах приписываются Творцу мира — они могут плавать на каменной лодке. Древние наскальные рисунки, камни-следовики с изображениями ступни — все это следы хийси. Недаром петроглифы Карелии именовались в русской традиции «бесовыми следками» — монахи даже выбили на них крест, чтобы противостоять нечистой силе.

Образ Хийси сливается со схожим образом злого духа Лембо, который также может выполнять функции лешего, покровителя зверей. Так, в одной финской руне зайчиха желает своему зайчонку «ног проворных, как благие крылья Лемпо». Представление о лембохх было заимствовано на севере русскими: считалось, что целые полчища их обитают в горах, они имеют свои села, где живут семьями. При этом они похищают проклятых родителями детей.

Тапио и Миэллики — хозяева леса

В отличие от Хийси, Тапио остался в верованиях финнов и карел по преимуществу духом-покровителем лесных промыслов, «золотым королем леса», «лесным седобородым старцем». В заговорах к нему обращались с просьбой о помощи в охоте; в лесу, возле пня — «стола Тапио» — ему оставляли мелкие приношения. Лесная страна именовалась Тапиола, или Метсола (иногда она отождествля-

лась с Похьелой как средоточием лесных богатств). Руна о певце Вяйнямёйнене рассказывает, как «мудрый старец Тапиолы» выходит из медной горы на золотой холм, чтобы послушать чудесное пение. Его женой считалась Миэлотар, Миэлиikki (Меттиikki) – «лесная хозяйка», «мать» или «дочь леса», к которой также обращались охотники в заговорах с просьбой «отворить сундук медовый... выпустить золотого и серебряного зверя» или привести их «из дальней дали» – из самой Похьелы. Покровителями охотников считались также сын Тапио Вирбуса и дочь Тыыниikki. К «лесным парням и девам» обращались в заговорах с просьбами сохранить пасущийся там скот. Особо выделялась Тапиотар, или Хонготар («Сосновица») – хозяйка соснового бора, которая считалась прародительницей медведей. Недаром череп убитого зверя с особыми церемониями хоронили на сосне: верили, что он возродится у своей матери, в лесу.

Финская сказка сохранила этиологический миф о суде Тапио, который учредил правила поведения в животном царстве. В давние времена собаки, лисы, волки и медведи жили в мире и ходили вместе по лесу. Но однажды они поссорились из-за добычи. Медведь и волк как самые сильные и самые алчные захватили доли лисы и собаки. Собака отправилась в Метсолу к Тапио, чтобы он рассудил зверей. В первый раз медведь и волк послушались хозяина леса, но потом вновь завладели добычей и не пошли на суд. Тогда Тапио решил поставить ловушку для медведя и очеп – петлю для волка. Тут хищники и попали в западню. В ловушке медведь лишился своего длинного хвоста. Он попытался выручить волка – лупил его дубиной по спине, чтобы тот выбрался из петли. С тех пор у волка спина не гнется. Собака стала врагом волка и медведя, а охотники получили ловушки для зверей.

Среди лесных духов известен и леший метсехалтья («хозяин леса»). Это старик с длинной седой бородой и одеждой из мха; он может изменять рост и становиться вровень с деревьями. Подстать ему «лесная дева», которая только спереди имеет вид женщины, а сзади оказывается корягой или переплетением ветвей с хвостом (тем не менее она любит вступать в связь с мужчинами).

Особые отношения вынуждены были устанавливать с лешими пастухи — ведь им нужно было оберегать скот от диких зверей. Рассказывают, что перед началом весеннего выпаса пастух шел в лес договариваться с лешим — ударять по рукам. Для этого он надевал шерстяные рукавицы, а поверх правой рукавицы — еще соломенную руку. Если леший решит схватить пастуха, в лапах у него останется искусственная рука.

В фондах Российского этнографического музея в Петербурге хранится деревянная «кукла», обнаруженная во время этнографической экспедиции к тверским карелам. Кукла была вырезана пастухом и прибита к дереву в лесу. Фигура эта имеет странный вид: на голове куклы — фуражка, а на туловище вырезаны пуговицы, как на мундире. Оказалось, что это — изображение лесного хозяина, которого звали нубликяз — «пуговичник». Кукла представляет собой пример того, как древняя традиция делать изображения на деревьях трансформируется в условиях современной культуры: образ лешего в мундире с пуговицами явно передает фигуру лесничего — государственного чиновника, опасного для людей, занимающихся лесными промыслами.

В одной быличке рассказывается, как одинокий батрак развел в лесу костер. К нему подошла лесная дева, села рядом и принялась вязать. Батрак хотел потушить костер, но дева попросила его не делать

этого — в благодарность она подарила ему чудесную рубаху, которая не изнашивалась, и ее не нужно было стирать. Он проносил рубаху три года и не говорил никому, от кого получил этот чудесный подарок. Но однажды во сне батрак все же проговорился о визите лесной девы, и рубаха тут же превратилась в еловый лапник.

Дух леса может показаться в виде тетерева, глухаря, лося, медведя. Ему приносят мелкие подношения, чтобы он оберегал скот и даровал удачу в охоте — загонял зайцев в силки.

Ахти — хозяин вод

Водяной бог Ахти, упомянутый Агриколой, считался покровителем рыб и тюленей, владельцем водных богатств, «золотым хозяином моря» в рунических песнях. Его представляли в виде старца с седой или позеленевшей бородой, в серебряных одеяниях, иногда в виде рыбы. Море — Ахтола — его амбар. Ему были посвящены рыболовецкие заговоры, в которых иногда рыба отождествлялась с самим богом Ахти:

«Окунь, дедушка наш Ахти,
Приходи клевать скорее»

Его супругой или дочерью была Велламо, которую безуспешно пытался изловить и взять в жены сам Вьяйнямёйнен. Прославленный эпический певец также имел непосредственное отношение к рыболовству: его струнный инструмент — чудесное кантеле — был сделан из хребта гигантской щуки. Игра на кантеле заставляла заслушиваться всех обитателей суши и моря. Рыбацкий заговор гласит:

«Не нашлось в воде живущих
Шестерых питомцев Ахти,
Кто бы слушать не явился,

Поглядеть на отраженье.
Ведь сама воды хозяйка
В зарослях всплыла прибрежных,
На утес речной забралась.
Слушают питомцы Аhti,
Как играет Вяйнямйнен.»

Руна о чудесной игре должна была привлечь этих «питомцев Аhti» в сети.

Как к хозяину иного мира — целебной водной стихии — к Аhti обращены заговоры с просьбами исцелить от болезней; как к хозяину богатств — просьбы о наделении золотом и серебром. В одной карельской сказке говорится, как некий пастух обронил в реку свой нож. Аhti услышал жалобы пастуха, и принес ему со дна золотой нож. Но честный пастух отказался от чужого имущества. Тогда Аhti принес серебряный нож, наконец — принадлежавший пастуху железный. Когда пастух взял потерянный нож, Аhti похвалил его за честность и оставил ему все три ножа. Завистливый товарищ решил нажиться на щедрости водяного и бросил свой нож в воду. Когда Аhti пришел к нему с золотым ножом, жадный пастух попытался схватить его, но остался ни с чем. Аhti отплыл от берега.

У финнов и карел известны были и другие водные духи: водяной Ветехинен, «мать воды» Веденэма, «хозяйка воды» Веденэманта. Водные духи могут показываться в виде рыбы, собаки, жеребенка, козла, даже испуганного зайца, так что увлекшийся его преследованием рискует упасть в море и утонуть. Предание гласит, что опасно встретиться в море с одноглазой рыбой: она может хвостом сбить рыбака с лодки в воду, а если попадетсЯ в сети — поднимает шторм. Чернолицая русалка любит расчесывать свои волосы у воды, моет в волнах длинные груди, которые может забрасывать за спину. Иногда ру-

салки попадают в рыбацкие сети: если их отпустить, удача будет сопутствовать в рыбной ловле.

Рассказывают о чудесной озерной деве, которая ночью пускалась в пляс под игру музыканта (вспомним игру Вяйнямёйнена и Садко). Однажды музыкант ухитрился осветить ее лампой, и озерная красавица осталась с ним. Она даже родила ему ребенка, но продолжала тосковать по озеру. Наконец, не в силах более сопротивляться зову подводного мира, супруга решила поделить дитя и разорвала его пополам, оставив половину мужу, а со своей половиной спустилась под воду.

Водяной Ветехинен мог угрожать людям и затащить их под воду с помощью заклинаний или превратившись в животное, в бревно (у которого есть один глаз) или дерево у воды — оно тонет, как только на него сядет человек. От водяного можно было избавиться, бросив камень — «пирог водяного» — в воду или при помощи колдуна, но некоторым удавалось побороть его в открытой борьбе. Однажды рыбаки отрубили руку Ветехинену, который хотел перевернуть их лодку. Водяной пообещал не тревожить больше людей, если ему вернут руку. И, правда, после того как рыбаки бросили руку в воду, дух перестал показываться.

У водяных есть свои чудесные стада, которые выходят ночью пастись. Можно завладеть стадом водяного, если бросить в воду железный предмет или успеть обежать стадо вокруг (сходные поверья распространены у всех финских народов).

Маахисы — подземный народ

Среди многочисленных духов, в которых верили финны, выделялся целый мифический народец — маахисы («жители земли»), маанвэки («земной народ»), мааналайсы («подземные»). Они похожи на людей, но безобразны (одна ступня у них повернута

назад и т. п.), хотя могут иметь красивых дочерей. Маахисы принимают вид лягушки, ящерицы, горностая, кошки и других животных. Населяют, помимо подземного мира, леса, горы, холмы, пустыри. Путь в их страну ведет по муравьиным тропам, через озера и источники. В подземном мире маахисы ходят вверх ногами по обратной поверхности земли. Попавший в Подземное царство не должен вкушать пищи и пить напитков маахисов, иначе он не вернется на землю (сравните запреты пить смертный напиток преисподней — Маналы) или, вернувшись, обнаружит, что год у маахисов равен пятидесяти людским годам. Маахисы похищают у людей детей, оставляя своих уродцев — подменышей, и скот. Считалось, что человеку, заблудившемуся в лесу маахисов, следует вывернуть наизнанку одежду, чтобы левое на его пути не оказалось правым, а заночевавшему в лесу — оставить приношение (молоко, мед, зерно и т. п.) на тропе маахисов, у дерева или священного камня. Расположением маахисов пользуется тот, кто не мучает домашний скот. Маахисы — обладатели чудесного скота; чтобы завладеть им, нужно бросить в стадо какой-нибудь железный предмет — ключ, иголку, пуговицу. Человек, завладевший коровой маахисов, становится богатым. Тому, кто выдал дочь за маахиса, они подносят богатые дары. По финским верованиям, прежде чем строить дом, надо выкупить землю у маахисов, закопав в ней монету. Маахисы просят людей перенести хлев, если он оказался над их жилищем: ведь из хлева стекают нечистоты. В эстонской мифологии этим духам соответствуют маалусы.

Духи-хозяева

Карелам и финнам (как и прочим финно-угорским народам) известны были также многочисленные низшие духи — хозяева (халтья, халдья) стихий

(земли, воды) и природных урочищ — лесов и гор («хозяева» обитали внутри гор и скал), покровители рода и семьи — домовые духи, среди которых особым почитанием пользовались хозяева очага и хозяева бани. Хозяин очага напоминал с виду того, кто первым разжег в очаге огонь. Свое недовольство нерадивыми хозяевами низшие духи демонстрируют странными шумами, стуком и т. п. Иногда домовые хозяин и хозяйка имеют диковинный вид — один глаз во лбу и красную шапочку с кисточкой. Считается, что домовым становится самый первый умерший в доме. Даже лодка — важное для финнов Балтики транспортное средство (недаром о строительстве первой лодки слагались специальные руны) — имела своего духа-хозяина.

У финнов сохранилась быличка о домовом духе, который обитал в хлеву на сеновале в виде белой кошки. Хозяева привыкли к нему, кормили молоком и даже сдвигали с насиженного места, если нужно было сено. Дух заботился о лошадях, которые лоснились от довольства, хотя и не получали лишнего корма. Но однажды на сеновал заявился нерадивый пьяный работник. Кошка злобно зашипела на него, и тогда работник ударил ее оглоблей. Ему показалось, что удар пришелся по камню, и он ударил еще раз (что недопустимо в обращении с нечистой силой): оглобля сломалась, и обломок попал по лбу пьянице, который пролежал без сознания до утра. Домовой же перешел в другой дом, и сразу же кончилась сытая жизнь у лошадей. Часто домовый дух принимал вид змеи — при таких змеях всегда хорошо плодилась скотина.

Баня (сауна) была особо почитаемой постройкой, где проходили многие ритуалы, связанные с родом и семьей — начиная с родин, когда роженица должна была очиститься в бане. Неслучайно миф о сотворении человека, который пересказывали волх-

вы русскому воеводе, начинался с того, что Бог мылся в бане. В баню отправлялась и молодуха, которую после свадьбы принимали в новую семью: она дарила полотенце хозяину или хозяйке бани (приношения делались и хозяину хлева). Наконец, баню топили для умерших предков на упомянутый праздник кекри. Нельзя было поздно мыться или ночевать в бане: банный дух мог запугать, ободрать кожу, замыть до смерти.

Рассказывают, что был некогда судья-мздоимец, который выносил несправедливые решения. Пострадавший от него человек проклял мздоимца — пожелал, чтобы черт забрал его. Однажды судья отправился в полночь в баню, но выронил огниво: он никак не мог отыскать огниво и вынужден был отпустить слугу, чтобы тот принес другое. Когда судья вернулся, дверь сауны оказалась запертой, из бани же слышались стоны. Слуга не смог открыть дверь и, смекнув, что дело нечисто, побежал за пастором. Но и священник оказался бессилён. Лишь когда у двери собралось двенадцать пасторов (по числу апостолов), черт выкинул кожу судьи на сушильном шесте, тело же забрал с собой.

Сходными духами народная фантазия населяет и прочие постройки — хлев, ригу, мельницу. Этих духов умиловляли мелкими приношениями — лили на землю молоко, брагу, подносили первую долю каждого кушанья, для духа риги оставляли один необмолоченный сноп.

Характерным для земледельческих народов было представление о «хозяине межи» (райянхалтья), следившем за тем, чтобы правильно проводились границы между полями. Этот дух мог явиться жулику-землемеру и разоблачить его криком: «Исправь межу!» В некоторых рассказах сам несправедливый землемер мог после смерти не иметь покоя — превратиться в духа, бродящего по межам.

В христианские времена появились даже представления о «хозяевах церкви» или церковного кладбища: это дух того, кто был первым погребен на этом кладбище.

Дух-добытчик пяра

Пяра — дух, который воровал для хозяев масло и молоко и доил соседских коров. Его можно было создать при помощи простых подручных средств. Чтобы создать пяру, нужно было тайком принести в сауну веретено, в которое для оживления вставлялась облатка с каплей хозяйской крови. Веретено могло проникнуть на соседский двор, если в заборе были дыры от сучьев. Но пяра мог являться и в виде черной птицы с большим брюхом, в котором переносил сливки в хозяйский дом, или в виде лягушки, кошки. Если убить такое животное, вместе с ним погибала и хозяйка пяры (сходные поверья были распространены и у ижоры). Подобные духи известны очень многим европейским народам, в том числе венграм и мордве.

Калма — смертная сила

Калма («смерть», «могила», «неизлечимая болезнь») в финских и карельских поверьях — воплощение смерти, вредоносная сила, исходящая от покойников (калманвяки — духи умерших), пребывающих на кладбище. Умерший мог наслать болезнь и смерть, поэтому, чтобы очиститься от калмы, после похорон нужно было прикоснуться дома к печи — дух домашнего очага ограждал живых от смерти. Сила калмы воплощалась в предметах, которые соприкасались с покойником, — в «смертной кости» или сумочке с кладбищенской землей, которую могли использовать для наведения порчи колдуны. Эти предметы следовало уничтожить. После выноса покойника выметали избу, выбрасывали мусор и про-

гоняли смерть. Чтобы смерть не вернулась, у эстонцев-сету вколачивали в порог гвозди или рубили на пороге голову курице, трижды махали поясом вслед похоронной процессии. По дороге на кладбище останавливались у поминального дерева, где прощались с умершим, а ствол обвязывали цветными нитками. Обрядовое дерево было сродни мифологическому Мировому древу — оно также считалось путем на тот свет. По народным приметам, увидеть во сне падающую сосну — к смерти; если возле дома высыхает ель — умрет хозяин. Возвращаясь с кладбища, разводили на дороге костер и прыгали через огонь — чтобы смерть не пристала: этот обычай был известен многим финно-угорским народам — эстонцам-сету, води, ижоре, мордве и обским уграм. По поверьям, смерть можно было отогнать и игрой на кантеле.

Против действия калмы направлены многочисленные заговоры, цель которых — выявить источник болезни: послана ли она от Бога, надуло ли ее ветром, пришла ли она из жилищ мертвых, или ее наслал «народ Метсолы» (леса). Характерно обращение к воде, древнейшей стихии, из которой когда-то была добыта земля:

«Ты, вода, создание Божье,
Старшая ты между братьев,
Первая среди живущих!
Если зло ты сотворила,
Ты явись признать деянье,
Вылизать явись больного,
Зло свое приди поправить.»

Обитель калмы — это одновременно и кладбище, и загробный мир, Манала, Туонела, где обитают «дети калмы». Считалось, что у смертного одра собирались «старики Туонелы» — умершие предки, которых видел умирающий. У ворот кладбища плакальщица будила «народ калмы — народ Туонелы»,

чтобы открылись ворота Туонелы и вновь прибывшего не облаяли псы преисподней, и предки приняли умершего в свою «славную общину», к «белым прародителям», в «белые места». Чистота («белизна») предков в причитаниях противопоставляется вечному мраку Туонелы в мифологическом эпосе.

Поединок колдунов

Колдовство, как и шаманизм, было занятием, распространенным в северных странах. Недаром в финском и карельском фольклоре сохранилось множество наименований для колдунов и колдовства: *тиэтайя* – предсказатель, *нойта* – общефинское обозначение колдуна или колдуньи, *юмала* – обозначение сверхъестественной «божественной» способности. Многие наименования были заимствованы из других языков – ведь чужие всегда казались самыми опасными колдунами. Таковы *велхо* – волхв, маг, *мюррюсмиес* – шептун, *поппа* – от русского «поп» (христианские священники наделялись сверхъестественными способностями), *поху* – от русского «бог». Слово *турья* означало «лапландец» (саамы считались у финнов самыми могущественными колдунами), *лойтсья* – заклинатель, *маа-тохтори* – «земляной доктор» (врачеватель, черпающий свои способности из преисподней), *пусо-кари* – знахарь, *хамассуу* – «зуборотый».

Последнее название связано с поверьем, будто у колдуна, прошедшего обучение, вырастает особый зуб. Другой атрибут колдуна – колдовская сумка, в которой он держит кладбищенскую землю, смертную кость, жабу и змею – хтонических существ, пепел (вспомним о его использовании в Биармии), пряжу, а также деньги. Сумка эта может передвигаться сама по себе. Если бросить ее в огонь, она сгорит со страшным шумом; колдун же может от этого умереть.

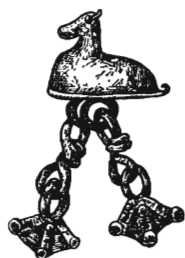
Чтобы избавиться от угроз колдуна, надо использовать его же средства: бросить ему вслед пригоршню пепла из очага, трижды плюнуть вслед и произнести заговор:

*«Рот колдуна лизать не буду,
И лопарский дар не стану.
Дети хийси пусть лакают,
Лижут огненные стрелы.»*

Затем надо замести следы колдуна, и его порча не подействует.

Сам колдун не горит в огне, кипящую воду может заморозить, а мороз для него нечувствителен, так же как удар клинка или пуля. Колдун властвует не только над хтоническими гадами, но и над дикими зверями, особенно над медведями и волками; может вызвать ветер и бурю, поднять вихрь и перемещаться в нем, вызвать с того света умершего. Ему подчиняются черти. Колдун наводит порчу и произносит целебные заговоры: чтобы, например, заставить змею явиться и зализать собственный укус, загасить пожар, найти вора (к нему прилипает украденное добро) и пропавшую в лесу скотину («запирает лес»), «присушить» и «отсушить» парня или девушку, превратить целый свадебный поезд в волков.

Среди народов севера распространены мифологические рассказы о состязаниях колдунов и шаманов. Злой колдун заклинает змею, та ищет жертву и заползает в церковную лодку; другой колдун отправляет змею назад, вставляя ей в пасть горящий трут. Змея возвращается в дом злобного чародея, и дом сгорает. Один саамский колдун в образе тетерева хотел переманить всех птиц в Лапландию, но и на него нашлось колдовское средство: ружье зарядили серебряной пулей (или хлебом) и выстрелили в тетерева-колдуна. Тот упал с дерева и превратился в саама.

В карело-финском эпосе соревнуются в магическом умении герои Вайнямёйнен и Еукахайнен, Лемминкяйнен, а также хозяева мифической страны Пяйвелы.

Священный брак Укко и Рауни

Громовник Укко был верховным богом, известным всем прибалтийским финнам. Его именовали также Исянен, эстонцы — Уку. Другие персонификации грома, с которыми мог отождествляться Уку у эстонцев — Пикне, Кыу, Эйке. Иногда Укко именуется Ильман Укко — именем общего для финноугорских народов божества. Его представляли в виде старика с седой бородой (недаром он именовался Эйке, а также Ванем — «Старик» или Таеватаат — «Небесный дед»). В голубом плаще (символ туч) он разъезжал на колеснице по каменной небесной дороге. Основным атрибутом Укко — молния, ее символами было оружие громовника — топор (иногда каменный), палица или меч. Золотой палицей (молнией) он ударяет по дереву, высекая огонь. Иногда Укко приписывались каменные «громовые когти». Этими когтями он высек огонь, который на земле достался герою Вайнямёйнену. Укко катает небесные камни, отчего происходит гром, и поражает громом и молнией злых духов, которые могут скрыться от него только в воде. Его лук — радуга. Стрела Укко — щепка от дерева, пораженного молнией, — считается сильным магическим средством (вспомним о божьих стрелах заговора на бересте). Интересно, что черт, противник громовержца, в финском фольклоре мог носить имя Перкеле — это имя было заимствовано финнами у соседей-балтов, называвших своего громовержца Перкунас. Но бог соседнего народа превратился в беса (такое же превращение испытал Перкунас и в мифологии саамов: там Перкель — также противник громовника).

Как бога-воителя Укко («Золотого короля») просили в заговорах наделить воина огненной шубой, «дать кольчугу как рубаху», воздвигнуть каменную стену, чтобы воин мог скрыться за ней. Как «атмосферный» бог Укко выступал и покровителем охотников в зимнюю пору: его вместе с Палваненом просили в заговорах присыпать землю свежим снегом, чтобы видны были заячьи следы. К нему же обращались и при охоте на медведя.

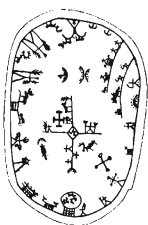
Укко — хранитель скота, помогает молоть хлеб. Святилищами Укко были рощи и камни, которым молились об излечении от болезней и о хорошем урожае. К верховному богу, обращались с призывом послать «с востока, запада и юга дождевые тучи», окропить из них «медом» — плодородной влагой — растущие хлеба. Агрикола рассказал об обрядах, посвященных древнему богу и о семейных отношениях Укко и его жены Рауни (возможно, это не имя богини, а переименованный эпитет самого Укко — заимствованное из древнескандинавского слово, означающее «господин»). После сева, со слов Агриколы, распивали специальный кубок Укко, все напивались допьяна — в том числе и женщины, и творилось много непотребств.

Когда жена Укко ругается, бог начинает сердиться. С севера гремит гром — рычит Укко. После дождя устанавливается хорошая погода, обеспечивающая урожай. У финских крестьян долго существовал обычай складывать угощение в берестяной короб и относить в священное урочище — на «гору Укко», чтобы летом не было засухи. Это — миф о священном браке бога неба и богини земли: священный брак призван обеспечить плодородие земли, вызвать небесный дождь. Недаром в мифологии прибалтийских финнов сохранилось представление о Матери-Земле — финской Маан-Эмойнен, эстонской Маа-эма.

По-видимому, имя Рауни – ранний эпитет Укко: финское «раунио» значит «куча камней», а камни – атрибут Укко. Культ Укко – «Старика» связан также с культом предков. Иногда имя Укко несет на себе функцию обращения к любому божеству и сближается со значением Юмала.

С введением христианства образ Укко стал сливаться с образом христианского громовника Ильи-пророка, а также с образом апостола Иакова – Яакко, в Евангелии – «сына грома». День Иакова – 25 июля – назывался и днем Укко: по этому дню определяли погоду на период жатвы и на всю осень. В день Укко нельзя было работать, иначе в дом может ударить молния. У ижоры праздник Укко сливался с днем пророка Ильи (20 июля) – принято было варить пиво, чтобы вызвать плодородный дождь.

Но главным героем финской и карельской мифологии стал не Укко, а другой старец – Вяйнямейнен. Его образ донесли до нас эпические песни – руны.

Чудесное рождение Вяйнямейнена

Согласно эпическим рунам, герои Калевы родились от чудесного зачатия. Девушка Иро расчесывала волосы на морском берегу. Ее гребень упал в море: Иро долго искала свой гребень, но нашла лишь три волоска. По поверьям, нельзя было выбрасывать или сжигать волосы – с хозяином волос могло случиться несчастье. Иро положила находку за щеку и от этого зачала. У нее родились три сына, и дева решила не носить их к попу, а сама дала им имена. В некоторых рунах дети сами придумывают себе прозвания. Первого стали называть Вяйнямейненом (Вяйнямейни, Вяйне), второго – Еукахайненом, третьего – Ильмариненом.

Чудесное зачатие — извечный атрибут мифов о первоначальных временах творения (в рунах это дохристианские времена), когда прама-терь, не имея супруга, родила первых людей. Недаром в некоторых рунах мудрый старец Вяйнямёйнен, чародей и шаман, — первое существо, обитатель Мирового океана. Он был рожден некоей воздушной девой Ильматар. На колене Вяйнямёйнена, торчащем из воды, птица снесла яйцо, из которого Вяйнямёйнен своими заклинаниями сотворил мир.

Певческое искусство Вяйнямёйнена — искусство заклинателя. Его песнопениями не только сотворен мир: без них «исчезнет в мире радость», и даже скот станет неплоден. Вяйнямёйнен создал также скалы, рифы, выкопал озера, полные рыбы.

Добывание огня

В некоторых рунах Вяйнямёйнен сам добыл огонь — высек первую искру из своего ногтя или при помощи кремня и трута. Но «огненная рыба» — лось — проглотила искру (недаром ее именуют также «красной рыбой»). Вяйнямёйнену пришлось вновь добывать огонь из чрева огненной рыбы, изготовив первую сеть для рыбной ловли.

Рассказ о происхождении огня содержится в особых рунах, являющихся заговорами против пожаров — страшного бедствия в лесной стране. Огонь в руне добывает Вяйнямёйнен вместе со своим главным соратником и соперником — Ильмариненом (иногда огонь высекает и небесный бог Укко):

«Высек пламя Ильмаринен,
Выбил искру Вяйнямёйнен,
На восьмом на небе верхнем,
Воздуха девятом слое.»

Искра выскальзывает с верхнего неба вниз и через дымоход попадает на землю и в колыбель младенца, опаливая грудь матери. Та спасает свою жизнь и заговаривает пламя — опускает искру в море (или смаывает в клубок и опускает в Туонелу). Тогда море (или река Туонелы) закипает — волны поднимаются выше елей. Сиг глотает искру и начинает мучиться от жжения, но его глотает щука, а ту — красная семга. На земле тем временем продолжает бушевать пламя. Не было пламени лишь за «амбаром Ахти» — хозяина водной стихии и покровителя рыболовств. «Амбар Ахти» — это море, откуда достали змею — «червяка Туони» (рожденного, как мы помним, от плевка Сюэтар в море) — и сожгли ее. Из посеянного пепла вырос лен, который стали вымачивать в воде и делать из него нити. Из нитей была создана сеть, которую закинул в море Вяйнямейнен, взяв ее в железные рукавицы, чтобы не обжечься об огненную рыбу. Мудрый рыболов вновь добывает искру, которую приручает — помещает в колыбель и пестует как младенца. Чтобы уменьшить силу огня, из Похьелы призывают «ледяную деву стужи» (она приносит и медные рукавицы Вяйнямейнену), а чтобы обезопасить людей от ожогов, отправляют пчелу за целебной мазью.

В некоторых заговорах Вяйнямейнен, Ильмаринен или громовник Пикемойнен добывают огонь при помощи пестрых змей: змеи здесь — метафора молний.

Строительство первой лодки

Культурные деяния Вяйнямейнена — не только трудовой подвиг, но и магическое действо: подбирая дерево для строительства лодки, он спрашивает у дуба согласия стать остовом будущего судна. Дуб соглашается лечь в сани Вяйнямейнена, если тот построит из него боевую ладью. Для окончания строительства первой лодки Вяйнямейнену не хватило

трех магических слов (иногда — инструмента). Он выведывает их в загробном мире — Туонеле, куда пробирается по лезвиям секир, мечей и остриям игло-лок, или же пробудив от мертвого сна великана Випунена. Випунен — древний великан начальных вре-
мен, ему доступна тайная мудрость — тысяча закл-
ятий. Но он давно уже умер и пребывает в Туонеле. На подбородке его выросла ольха, на зубах — сосны.

*Лес на теле Випунена напоминает о сход-
ных скандинавских мифах, согласно которым
мир создан из тела первобытного великана Ими-
ра (лес — это его волосы). Вообще, мотив строи-
тельства первой лодки связан с космогонией: в
ижорской руне лодку делает главный герой из
кроны Мирового дерева.*

Вяйнямёйнен проникает в утробу Випунена (или тот проглатывает героя), но не может добыть тайные знания. Тогда он строит в утробе великана кузницу, выковывает шест, которым ранит внутренности Випу-
нена, распирает его пасть, затем сооружает прямо в утробе первую лодку и три дня плавает по его «жи-
лам». Испытывающий муки Випунен вынужден поде-
литься своими знаниями с Вяйнямёйненом. Вяйня-
мёйнен выбирается из утробы великана, исполненный мудрости. Проникнув живым в Туонелу, Вяйнямёйнен обманывает стражей загробного мира — дочерей Туо-
ни — и ускользает с того света, приняв облик змеи.

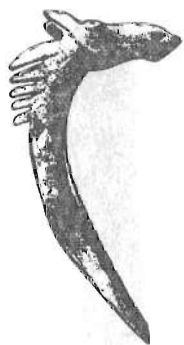

Заговор, останавливающий кровь

Специальные руны повествуют о том, как Вяй-
нямёйнен, вытесывая первую лодку, поранил коле-
но или палец железом, так как Хийси (Лемпо) на-
правил топор против работника. Тогда заклинатель
произносит заговор, от которого останавливается
течение рек и бег ручейков — все, что течет, по зако-
нам магии, должно остановиться, чтобы кровь не
вытекала из раны.

Вяйнямёйнен напоминает железу о том, что оно не было «таким великим», чтобы ранить человека, когда его доставали из болота. Герой рассказывает руну о происхождении железа, ибо, по архаичным представлениям, чтобы устранить следствие несчастья, нужно поведать о его причине — начале. Железо, добываемое из земли, не может ранить человека: ведь он — брат железа, такой же ребенок Матери-Земли.

Специальный стихотворный заговор раны Вяйнямёйнена исполнялся для того, чтобы остановить кровь: в нем рассказывалось не только о происхождении железа, но и о том, как раненый Вяйне отправился искать знахаря. Он не нашел его в нижнем и среднем доме, лишь в верхнем — в небесах — старуха смогла заклясть кровь: ведь кровь не речка, чтобы течь по земле. Знахарка (в некоторых рунах — сама дева Мария) обратилась к пчеле, чтобы она принесла целебных мазей.

Создание кантеле

Лодка Вяйнямёйнена сетует, что хозяин не использует ее для славных дел. Тогда герой снаряжает дружину гребцов и отправляется в море. Там лодка застревает в хребте огромной щуки или лосося. Вяйнямёйнен убивает мечом чудовище и создает из хребта (или зубов) струнный музыкальный инструмент — кантеле. Для струн берут волосы Хийси (или конские). В некоторых рунах певец пытается поймать в воде упущенную им деву Велламо, а выуживает лишь череп щуки, из которого и делает чудесный инструмент (иногда кантеле изготавливает кузнец Ильмаринен). Играть на кантеле пробует Еукахайнен — извечный молодой соперник Вяйнямёйнена, — но его игра не приносит веселья. Когда же кантеле берет в руки Вяйнямёйнен, его игру и пение слушают как зачарованные звери и птицы, хо-

заяйка воды и хозяйка леса — даже скалы сдвинулись с места. Не удается Вяйнямёйнену лишь выманить из воды приглянувшуюся ему деву.

Миф о кантеле напоминает распространенные мифы о музыкальном инструменте, который был создан из костей утонувшей или погибшей девушки, из волос которой сплели струны; иногда из тела умершей девушки вырастает поющее дерево, тростник и т. п. Певческое искусство зачастую связано с жертвоприношением хтонического или первобытного существа. Так, ижорская руна сохранила сюжет о том, как кантеле было создано из рогов жертвенного животного. Некая девушка тяжелым трудом заработала зерна ячменя на посев, но тот ячмень стал травить дикий баран. Баран был пойман, и из его рогов кузнец сделал кантеле. Овладеть инструментом смог лишь слепой старец, игрой которого заслушался весь мир.

Исследовательница культуры обских угров — хантов и манси — этнограф З.П. Соколова обратила внимание на то, что у этих народов название сходного музыкального инструмента дословно переводится как «любимое богом пятиструнное дерево». Сама форма инструмента напоминает лодку, а детали его корпуса склеивались рыбьим клеем — все это напоминает нам о сюжете создания Вяйнямёйненом чудесного кантеле. В карельских рунах рассказывается, как кузнец Ильмаринен хочет срубить дерево для того, чтобы сделать кантеле: но дерево не готово быть срубленным — на его корнях лежит черная змея, а в ветвях поет гриф. И только когда на ветвях кукует золотая кукушка, а у корней спит прекрасная дева, дерево можно срубить. Чудесный инструмент изготовлен из необычного дерева, ибо волшебный певец, как шаман, черпает вдохновение во

всех мирах, и чудесное кантеле напоминает шаманский бубен — оно воплощает Мировое древо.

Неудачная женитьба Вяйнямёйнена

Романтический миф повествует о деве-лососе Велламо: Вяйнямёйнен ловит чудесную рыбу, дивится ее необычному виду и хочет приготовить ее на обед, для чего просит у самого Укко золотой нож для разделки добычи. Но лосось вырывается и оборачивается русалкой Велламо, дочерью Ахти. Из волн она упрекает рыбака в неразумности — ведь она хотела стать его женой, а не быть съеденной. Вяйнямёйнен пытается снова поймать Велламо, но это ему не удается. Напрасно просит он Ильмаринена выковать ему грабли «в двести сажен», чтобы добыть деву со дна морского — граблями он достает лишь кости или череп щуки, из которых мастерит чудесное кантеле.

Согласно одной из карельских рун, после неудачной рыбной ловли отчаявшийся Вяйнямёйнен кинулся в воду, где девять лет творил подводные скалы и устраивал отмели. Потом он выставил из воды колено, которое и заметила утка, снесшая на «острове» семь железных яиц, из которых возник весь свет (рассказ о неудачной женитьбе предшествует здесь мифу о сотворении мира).

Возможно, миф о Велламо восходит к древним тотемическим мифам о женитьбе героя на хозяйке животных — вспомним медвежью свадьбу в финно-угорском фольклоре.

Вяйнямёйнен и Ильмаринен освобождают Луну и Солнце из Похьелы

Игра Вяйнямёйнена на кантеле заставила даже Месяц и Солнце спуститься с небес на вершину сосны. Тут их и схватила Лоухи, хозяйка Похьелы. Ей удалось упрятать Месяц в пестрый камень, а Солн-

це — в стальную скалу и замуровать их там с помощью заклинаний. В Калевале и даже на небе, у престола Укко, наступила темнота: не рос хлеб, не плодился скот. Тогда народ Калевы попросил кузнеца сковать им новые светила. Кузнец изготовил из золота солнце, а из серебра — месяц. Он развесил их на вершинах сосны и ели, но искусственные светила не грели и не светили.

Вяйнямёйнен стал гадать — бросать жребий из ольховой щепки — куда делись светила. Жребий указал, что солнце скрыто в скале Похьелы. Три дня шагал герой до ворот Похьелы. Дойдя до реки, граничащей с преисподней, он крикнул сыновьям Похьелы, чтобы они дали ему лодку. Но жители преисподней отвечали, что у них свободной лодки нет.

Вяйнямёйнену пришлось превратиться в шуку, чтобы переплыть поток, разделяющий мир людей и Похьелу. Там героя встретили сыны Похьелы, и ему пришлось сражаться с ними, пока он не добрался до острова, где под березой в скале были скрыты светила. Вяйнямёйнен мечом написал магические знаки на облаке, и камень раскололся. Внутри скалы герой убил змеев, стерегущих запоры, но не смог открыть замки — у него не было ключей, а заклинания оказались бессильны. Тогда герой вернулся к своему помощнику — чудесному кузнецу Ильмаринену, и попросил его сковать ключи и отмычки. Тот принялся за работу. Лоухи, хозяйка Похьелы, почуяла недоброе и, обернувшись ястребом, полетела узнать, чем занят кузнец. Ильмаринен поведал «ястребу», что кует ошейник для Лоухи, чтобы приковать ее к подножию скалы. Испуганная хозяйка Похьелы сама вернула на небо месяц и солнце, и уже в облике голубки сообщила об этом героям.

Космогонические мифы прибалтийско-финских народов позволяют предположить, что хозяйка Похьелы не была первоначально похити-

тельницей светил: ведь они изначально пребывали в ином мире – на дне Мирового океана, куда упало чудесное яйцо. Оттуда их добывают волшебная птица и герой-кузнец. В ижорских рунах сохранился миф о древних временах, когда

«...без солнца жили,
Копошились без луны.
Ощупью ходили люди,
Пальцами искали пашни,
След ноги (то есть дороги – В.П.) –
мизинцем малым,
При свечах пахали землю,
Засевали при лучинах.»

В те времена все происходит «наоборот»: «из реки дрова палили, суп из родника хлебали, заячью капусту ели». И кузнец Инкеройнен (то есть ижорец), дочь кузнеца, сам Юмала – Бог, дева Мария, «сын Божий» или какой-либо иной герой отправляется искать светила (в одной руне сам Вяйнямёйнен рассказывает герою о том, что они спрятаны на северной стороне моря). Герой находит их в Похьеле (или Хиитоле) – в ивовом кустарнике или березняке, под крышей гумна или в амбаре. Он усыпляет народ Похьелы или стражей, стерегущих светила, при помощи «сонного клубка», выносит светила, «держа месяц цветком в руке», а солнце ставит на голову. Героя преследуют хозяева похищенных светил, но он уходит от погони благодаря прихваченным с собой чудесным предметам: из брошенного им кремня вырастает гора, щетка становится непроходимым лесом, кувшин – глубокой рекой. Герой развешивает добытые светила на дереве. Сначала они светят лишь богатым, но Божий сын их перевесил, и они стали светить всем людям.

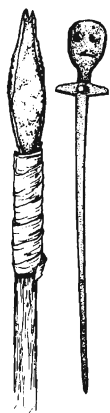
Упомянутые выше потешные руны изображают «мир наизнанку», а сказочное бегство героя похоже на бегство детей от Бабы-яги. Но рунические небылицы напоминают и о самом серьезном, что есть в мифологии — о сотворении мира, первобытном хаосе, из которого необходимо сотворить космос, разместив светила на Мировом древе.

Обращает на себя внимание то, что «кователь небес» Ильмаринен не в состоянии выковать новые светила (как он оказался не в состоянии выковать себе жену, о чем еще пойдет речь). Эпоха творения закончена — эпический и культурный герой может создавать лишь блага культуры, но не может вновь сотворить свет.

Вяйнямёйнен похищает у жителей Похьелы источник изобилия — сампо, где, по одной из версий, оказываются скрытыми солнце и месяц; затем он усыпляет их игрой на кантеле (или применив «усыпительные иголки», или же уговорив солнце светить жарче) и, наконец, отплывает с добычей и сопровождающими его героями (Еукахайнен, Ильмаринен и другими) на лодке.

Вяйнямёйнен и Еукахайнен

Мудрый старец Вяйнямёйнен противопоставляется в карело-финских рунах молодому самоуверенному герою-неудачнику Еукахайнену (Еукахайни, Еугамойни, Еугамойне). В карельских рунах Еукахайнен (он может быть родом из России или Швеции) едет состязаться с самим Вяйнямёйненом в пении и мудрости; их сани сталкиваются в дороге, и уступить путь должен мудрейший. Еукахайнен выдает себя за мудреца времен творения мира:

«Я уже был тогда,
Когда вспахивали первое море,
Когда создавали горы.»

Но настоящий демиург Вяйнямёйнен, который выкопал ямы рыбам и сделал небесный свод, песней-заклинанием, от которой затряслась земля и задрожали горы, загоняет хвастуна в болото (в «Калевале» Еукахайнен даже окаменевают, как первобытный великан). Он выпускает неудачника оттуда лишь после того, как Еукахайнен дает выкуп — не золото и не коней, которых много у самого Вяйнямёйнена, а свою сестру в жены герою.

Еукахайнен сопровождает Вяйнямёйнена в его культурных деяниях, по-видимому, как неудачник-трикстер — демиургу. В некоторых рунах Еукахайнен — младший брат Вяйнямёйнена (см. ниже Ен и Омоь в мифологии коми, Нуми-Торум и Куль-Отыр у обских угров и т. п.). Вяйнямёйнен делает лодку — Еукахайнен ее портит; меч Еукахайнена ломается о хребет гигантской щуки, которую Вяйнямёйнен убивает своим оружием и из которой делает кантеле; Еукахайнен неумело играет на инструменте — Вяйнямёйнен зачаровывает всех своей игрой. Когда Вяйнямёйнен похищает сампо, Еукахайнен уговаривает его запеть, и пение будит хозяйку Похьелы. Согласно одной из рун, Еугамойне даже стреляет в Вяйнямёйнена из лука, когда тот возвращается из Похьелы.

Вместе с тем этот поединок Вяйнямёйнена и Еукахайнена напоминает состязания колдунов у разных народов. У соседних саамов сохранился рассказ, как колдун Ломпосоло добился удачи в рыбной ловле, призвав на помощь идола — сейд — которого соорудил на берегу из камней. Другой колдун сбросил сейд в реку, но Ломпосоло

сделал нового идола, и рыба опять пошла к нему в сети. О подобных состязаниях колдунов будет рассказано ниже.

Вяйнямёйнен выступает также соперником другого героя — кузнеца Ильмаринена — во время их сватовства в Похьеле: хозяйка Похьелы дает женихам трудные задачи — достать звезду с неба, вспахать змеиное поле, руками свернуть в клубок змей, выловить черную щуку из реки Туонелы. Вяйнямёйнен справляется с задачами, используя свои магические способности, и уводит невесту Ильмаринена после брачных испытаний.

Уход Вяйнямёйнена

Однако и у мудрого старца оказывается настоящий соперник. Карельские руны повествуют о чудесном рождении юного героя, которого дева понесла от съеденной лесной ягодки. Когда настала пора роженице идти в баню — совершать необходимый ритуал, после которого ребенка должны принять в род, — Вяйнямёйнен почуял недоброе. Старец сказал, что младенца лучше было бы убить. Тут и случилось чудо: полумесячный младенец Калева вдруг заговорил и упрекнул Вяйнямёйнена, что тому прощались и большие проступки, — Калева обвинил старца в том, что он обесчестил собственную мать. Народ нарекает чудесного младенца царем леса (Метсолы) и стражем денежной горы. Оскорбленный же Вяйнямёйнен уплывает прочь в своей лодке, предрекая, что вернется сюда умирать.

Сказанные чудесным младенцем слова — не просто оскорбление: это магическое заклинание, лишаящее старца сил. Вспомним, что сам Вяйнямёйнен также родился от девы после чудесного зачатия.

В рунах говорится также, что чудесного младенца крестят. Это означает, что новая религия приходит на место старым культам и заклинаниям Вьянямёйнена. В Карелии сохранилась легенда о соперничестве христианского Бога и Вьянямёйнена. Бог хотел убить Вьянямёйнена, потому что тот долго жил на свете и считал себя могущественнее самого Господа. Но Вьянямёйнен взмолился, чтобы Бог дал ему еще один век жизни — пока он не стопчет железных сапог. Создатель дал ему три пары сапог, но хитрый Вьянямёйнен не стал носить их — ходил в собственных сапогах. Когда Божьи посланцы вновь пришли по душу Вьянямёйнена, то увидели, что сапоги не сношены. Бог разгневался и проклял старца — «Пусть душа в тебе сидит, пока Вселенная стоит!» — и изгнал его с лица земли.

Вьянямёйнен с плачем отправился в Похьелу, но ее хозяйка отправила его еще дальше, в глотку Куримуса, в водоворот посреди Мирового океана — «в гадкую пучину моря», где он был обречен на вечное заточение.

Загадочный уход Вьянямёйнена из своей страны характерен для деяний культурных героев-первопредков: так же уходит и легендарный предводитель мордвы Тюштян, о котором еще пойдет речь.

Ильмаринен — божественный герой-кузнец

Спутник и соперник Вьянямёйнена Ильмаринен (Илмайллине, Илмойллине) — также один из создателей мира в финской и карельской мифологии. Образ Ильмаринена восходит, вероятно, к финно-угорскому божеству неба, ветра, воздуха (финское *ильма* переводится как воздух, небо, погода) и родственен демиургу других традиций — Инмару, Ену. Ильмаринен — «кователь небесного железа», что

сближает его с небесными кузнецами других мифологий (сравните греческого Гефеста). Он выковывает небесный свод так, что «след молота не виден, не видны следы клещей в нем», делает первый плуг и меч для героев Калевы.

Вспомним, что у ижоры сохранились руны, где кузнец оказывается истинным творцом мира. Яйца падают из гнезда ласточки-касатки в океан, она летит к кузнецу и просит, чтобы тот помог добыть их или выковал из разбившихся яиц светила.

В некоторых рунах Ильмаринен замещает Ваянямёйнена как творец: это он первым высекает пламя, а происхождение огня и грозы, как известно, — один из центральных сюжетов не только в финских поверьях, но в мифологии вообще. Значит, Ильмаринен не просто культурный герой, создатель земных благ; его образ, как уже говорилось, восходит к общефинскому небесному божеству, которому приписаны и функции громовержца.

Происхождение железа

Естественный для божественного кузнеца культурный подвиг — создание кузнечного искусства. В специальной финской руне о происхождении железа рассказывается, как дикие лесные звери — волк и медведь — на своих лапах вынесли руду из болотной топи. Но руду невозможно было подвергать ковке, пока некая «черная небес девица с кожей цветом словно воздух» не сцедила на землю молоко: черные капли делали железо ковким, белые превращали его в сталь (в других рунах капли кроваво-красные, что означает медь). Тогда Илмоллинни сделал кузницей свою рубаху, из шубы сотворил меха, в молот превратил свой локоть, а колени использовал как подпорки-наковальни. Стал он ковать женские уборы, «кончики иголок женских, острия

мечей геройских». Чтобы железо было «злобным» и оружие наносило смертельные раны, при ковке требовалось использовать и яд черной гадюки. (Далее рассказывается знакомый нам миф о том, как Вяйнямёйнен, стругая челн, поранился железом, и как он стал добывать заговор, чтобы остановить кровь.)

В некоторых рунах волшебные девы именуются Луоннотар или Сюннютар — «рождающие». Их три (они подобны девам судьбы в мифологиях разных народов — мойрам, паркам и норнам). Молоко этих трех дев способно излечить от всех болезней. Столь странные мифологические ассоциации между тремя девами, определяющими судьбы всего живого, объясняются сюжетами мифологической картины мира, свойственной многим народам. Три девы, воплощающие судьбу, сидят у корней Мирового дерева, возле источника, питающего весь мир. Они связаны с Матерью-Землей и ее рудоносными жилами, которые часто считаются кровью Земли. Молоко этих дев так же целебно, как и само железо — оберег против всяческой напасти.

Часто Ильмаринен выступает вместе с Вяйнямёйненом: в карельских рунах Вяйнямёйнен, Ильмаринен и Еукахайнен — братья, которые родились от непорочной девицы, съевшей три ягоды. В отличие от древнего мудреца-заклинателя, добывающего культурные блага у существ иного мира, Ильмаринен своими руками выковывает чудесные предметы, даже небесный свод, но умение преобладает у него над сверхъестественным знанием. Как творец Вяйнямёйнен могущественнее Ильмаринена: когда хозяйка Похьелы похитила светила, Ильмаринен выковал искусственные солнце и месяц, но они не могли светить, как ни старался Ильмаринен повесить их на небе. Вяйнямёйнену пришлось добывать настоящие светила в Похьеле.

В рунах о сватовстве в Похьеле Вяйнямёйнен и Ильмаринен — соперники. Вяйнямёйнен хочет опередить кузнеца, взять в жены красавицу, которую уже сосватал Ильмаринен. Тайно Вяйнямёйнен отправляется в ладье свататься, но девушка, стирающая на берегу, узнает его тайну и рассказывает о ней Ильмаринену. Тот спешит на санях в Похьелу, но Вяйнямёйнен опережает его и раньше выполняет трудные задачи хозяйки Похьелы. При этом Вяйнямёйнен использует свои магические способности: чтобы вспахать змеиное поле, он впрягает в соху медведя или лося, при помощи Укко укрощает коня Похьелы — небесный бог засыпает горячего жеребца снегом. Чтобы выловить гигантскую щуку к столу «свекрови», Вяйнямёйнен превращается в орла, когтит добычу в реке Туони и выносит на чудесный дуб с яблоками. В некоторых рунах Вяйнямёйнену удается похитить невесту Ильмаринена, и кузнец выковывает себе золотую деву, но понимает, что не может с ней спать.

Хозяйка Похьелы требует, чтобы Ильмаринен выковал чудесную мельницу сампо в качестве свадебного дара — и об этом будет отдельный рассказ.

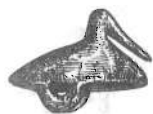
В других рунах Ильмаринен в одиночку или при помощи братьев Вяйнямёйнена и Еукахайнена совершает героическое сватовство к красавице — дочери Хийси, погубившей всех женихов. Жена Хийси ломает по дороге хомут и полоз саней, но Ильмаринен заговаривает заклинаниями лесистые острова на море и делает новые хомут и полоз (в более архаичном варианте Ильмаринен летит в Похьелу на гигантском орле). Изгородь вокруг дома Хийси — из ста колов, на которые надеты головы неудачливых женихов: лишь один кол свободен — для Ильмаринена. Но он выполняет трудные задачи

Хийси: «наговаривает» песнопениями озеро с рыбой, вспахивает змеиное поле (при этом Вяйнямёйнен заговаривает змеиные укусы), моется в огненной бане (ее охлаждает Вяйнямёйнен), вылавливает гигантскую рыбу к столу (в одном варианте приволакивает даже спящего бога Укко), вьет веревку из мякины. Сам он попадает в пасть к змее, рыбе (когда пересчитывает песчинки на морском дне) или к демоническим отцу (матери) невесты, но выковыывает в утробе врага нож и выходит оттуда живым. Отец (или мать) невесты гибнут, и та вынуждена ехать с Ильмариненом. На обратном пути Ильмаринен наколодовал песнопениями островок на море, а на островке — железный полог для брачной ночи. Но хитрая невеста просит всемогущего жениха сделать в пологе дырочку, в которую может пролететь муха, и бежит от Ильмаринена. В некоторых рунах она ломает сани, превращается в звезду, в других — в ерша, но Ильмаринен, превратившись в щуку, ловит невесту. Наконец, в отместку он превращает несговорчивую деву в чайку, чтобы вечно стонала у каменистых берегов и была досадной помехой рыбакам.

Немало мифологических сюжетов связано со сватовством и подготовкой свадебного пира Ильмаринена. Так, поимка чудесной щуки героем, обернувшимся орлом, напоминает сходные мотивы в свадебной поэзии, где орел — это жених, а невеста — щука (вспомним русалку Велламо). Поглощение Ильмаринена чудовищем — символ брачного испытания: в архаичных обществах переход из одного социального состояния в другое сопровождался особыми испытательными обрядами — инициациями. Считалось, что мифологический «патрон инициации» — как правило, зооморфное существо, — поглощает испытуемого, а затем возвращает его к жизни уже

обновленным. Такие же инициации должен был проходить всякий шаман-знахарь — вспомним Ваянмёйна, ищущего магические слова в утробе Випунена.

В «Калевале» трудной задачей оказывается и варка пива — в воду кладут ячмень и хмель, но пиво никак не начинает бродить. Тогда за девять морей, на луга, где растут золотая трава и серебряные цветы, посылают пчелу. Та собирает медовую росу и возвращается назад — от капли меда пиво начинает бродить и литься через край. Миф о волшебной пчеле напоминает другие фольклорные мотивы, где пчела оказывается главным героем, в том числе в мордовской мифологии.

Пиво — традиционный ритуальный напиток всех финно-угорских народов. Известна руна о происхождении пива. Она напоминает известный фольклорный сюжет «Джон — Ячменное зерно»: смерть растения лишь способствует его буйному возрождению. Так и хмель люди зарывают, а змеи запахивают в землю «на краю долины Осмо рядом с Калевы колодцем». Осмо и Калева — герои начальных времен, когда и происходит действие с хмелем. Колодец Калевы — вход в преисподнюю (как и всякий мифологический колодец). Погребенный там хмель вырастает и взбирается на вершину дуба — Мирового дерева. Тут он перекликается с «ячменем с большого поля и водой со дна колодца»: когда они сойдутся вместе, получится пиво, которое «освежит разумных, а безумных вяжет в драку». Все космические зоны участвуют в приготовлении пива, а варит его божья птичка — синичка.

«Сур» («пиво») — слово, известное коми, удмуртам, хантам, марийцам и другим народам Поволжья. Возможно, оно восходит к индоиранскому обозначению хмельного напитка — сура.

Другая трудная задача, которую задает Ильмаринену Хийси, — сделать «золотой прогон, поставить в нем стальные колья, змеями перевязанные, чтобы головы в одну сторону смотрели». Эта задача соответствует заговору, который должен оградить новобрачных от порчи:

«Ограду железную сооружу,
Колья стальные воткну,
С земли до неба,
С неба до земли,
Ящерицами перевяжу,
Змеями перекручу,
Чтобы не проникли ни стрелы колдуна,
Ни оружие знахаря.»

Карелы верили, что на святки, в самые длинные ночи, когда с того света являлась нечистая сила, нужно рассказывать сказки: каждая сказка создавала железный обруч вокруг дома, чтобы туда не проникли злые духи.

Ильмаринен и смерть

Ильмаринен победил смерть, заманив ее в железный сундук, якобы приготовленный им для отдыха, и спустив этот сундук на дно моря. Люди не умирали в течение 300 лет, но потом отыскивали смерть, которая с тех пор стала появляться по ночам, чтобы не попасться очередному хитрецу, — сходный марийский миф об Азырене будет рассказан ниже.

В ижорской руне миф об Ильмаринене — победителе смерти вспоминается в связи с эпидемией чумы. Смерть приходит по болотам с «убогих полей Туони, с глухих задворков Похьелы». Если бы был кузнец Ильмаринен, вековечный коваль, он запер бы смерть на пять замков в большой сундук, и красивый народ Калевы жил бы без страшной чумы...

Чудесная мельница сампо

М И Ф Ы
ФИННО-
У Г Р О В

Главным эпическим подвигом кузнеца Ильмаринена стало создание мельницы сампо — источника изобилия.

В рунах история начинается с того, что злобный лапландский стрелок — «узкоглазый Лаппалайнен» ранит Вяйнямёйнена, который с тех пор шесть лет плавает по водам. Певец молит Укко, чтобы тот послал ветер и вынес его к берегу. Но ветер выносит Вяйнямёйнена к скале Похьелы. Хозяйка Похьелы спасает певца, но за свободу он должен выковать мельницу-чудесницу сампо. В некоторых рунах Вяйнямёйнен сам справляется и с этой трудной задачей, получает за это жену (обещанную Ильмаринену — вспомним историю об их героическом сватовстве) и покидает Похьелу. Затем он просит Ильмаринена выковать кантеле, возвращается в Страну Севера, усыпляет ее хозяев и похищает чудесную мельницу.

Но чаще Вяйнямёйнен не владеет кузнечным искусством и обещает прислать Ильмаринена, чтобы тот выковал сампо. Старец является в кузницу к герою и говорит, что сосватал ему длиннокосую невесту в Похьеле. Но кузнец подозревает, что мудрый старец хочет, чтобы герой выкупил его, спас от смерти. Тогда Вяйнямёйнен песнопением создает ель с золотой вершиной, а на вершине — куницу. Ильмаринен идет смотреть на чудо и забирается на ель. Тут Вяйнямёйнен вызывает ураган, ель превращается в лодку, и кузнеца уносит в Похьелу. Ильмаринен кует там сампо с пестрой крышкой «из пушинки лебединой, из кусочка веретенца, и из молока коровы, и из ячменя крупинки». Мельница намалывает столько хлеба, соли и денег, что хватает на еду, припасы и устройство пиров. Кузнец получает невесту и отправляется восвояси.

Вяйнямёйнен, узнав о том, что мельница выкована и в Похьеле царит изобилие, готовит корабль для поездки в Похьелу. Похищение сампо из Похьелы — один из главных сюжетов финской и карельской мифологии и эпоса: Вяйнямёйнен отправляется в Похьелу в сопровождении Ильмаринена, Еукахайнена и других героев, усыпляет ее жителей сонными иглами или игрой на кантеле и добывает сампо из-под горы (из глубины в «девять саженей»). Для того, чтобы выкорчевать корни сампо из земли, Вяйнямёйнену (или его помощнику) приходится впрячь в плуг тысячеголового быка. Он увозит мельницу на лодке, но неосторожный герой Еукахайнен уговаривает Вяйнямёйнена запеть, и его песня будит хозяйку Севера Лоухи, которая начинает преследование, посадив людей Похьелы в лодку.

Вяйнямёйнен бросает позади себя свой кремень, воздвигая на пути людей Похьелы скалу, о которую и разбивается их лодка, но Лоухи настигает лодку Вяйнямёйнена на крыльях в облике орлицы. Напрасно Вяйнямёйнен насылет туман и произносит заклинания. Своими когтями, сделанными из кос, Лоухи вцепляется в крышку сампо и не хочет делиться сокровищем. Вяйнямёйнен бьет мечом по мельнице, так что сампо разбивается. Лоухи уносит крышку, обломки чудесной мельницы тонут в море (вот почему море стало соленым). Согласно народным верованиям, море гораздо богаче, чем суша (вспомним о богатствах Ахти). Лишь часть обломков достается Вяйнямёйнену. По другому варианту, часть обломков прибывает к земле: они превращаются в янтарь и способствуют обильному урожаю. В других рунах Вяйнямёйнен учреждает при помощи сохранных им обломков земледелие — «быть здесь пашне, быть посеву» — и восстанавливает космический порядок: «быть здесь месяцу и солнцу, быть здесь звездочкам на небе».

Руны о сампо исполнялись во время календарных праздников: их зачином часто был рассказ о сотворении мира – недаром эти руны так напоминают руны о добывании небесных светил из Похьелы. Множество ученых теорий посвящено происхождению мифа о сампо и самому слову, обозначающему мельницу-чудесницу. Ее пребывание в Похьеле, в горе, напоминает о Мировой горе и приводившихся выше сюжетах индийского эпоса, где эта гора используется как пест для пахтания океана: гора Меру (Мандара) тоже становится источником изобилия, ибо боги добывают из океана амриту – напиток бессмертия. То, что мельница вросла корнями в землю, обнаруживает ее связь с Мировым деревом, крона которого касается Полярной звезды, а корни прорастают в преисподней, Похьеле. Показательно также, что основа для мельничного жернова именуется в финском (и других европейских языках) «жабой» или «лягушкой» – именем хтонического существа, воплощения преисподней. Ее делали из камня, железа или стали – каменной, железной или стальной представляли и скалы Похьелы. Углубления в скалах считались в народных поверьях маслбойками или следами мельниц хийси. При этом пестрая крышка сампо напоминает о звездном небе, созданном из пестрых частей яйца, снесенного в первичном океане.

Лемминкяйнен в Манале

Лемминкяйнен (Лемминкяйни, Каукомойнен, Каукомйели) – хитроумный герой-неудачник. В рунах он предстает как заклинатель, иногда даже как «сын Випунена» – первого заклинателя-шамана. Как и Вяйнямёйнен и Ильмаринен, он совершает поездки во враждебную страну – Пяйвелу (в рунах – далекая «Солнечная страна»), Хийтолу (страну

Хийси), Лоутолу на пир или для сватовства, куда отправляется незванным, ибо хозяевам известен его буйный нрав и слава соблазнителя девушек (даже связь с собственной сестрой). Лемминкяйнен требует, чтобы мать дала ему оружие для поездки. Мать же предупреждает его об огненных преградах на пути, огненном орле на огненной березе, о волках и медведях, привязанных к воротам Пяйвелы, или изгороди из змей, предвещает Лемминкяйнenu гибель. Но герой похваляется, что это — не угрозы для настоящего мужчины (правда, он вешает гребень на стену своей избы — если с ним что-нибудь случится, из гребня потечет кровь). Лемминкяйнен обманывает орла, превратившись в березовую ветвь, вместо себя подставляет деревянную куклу (череп мертвеца), пригоняет для волков отару овец, прямо через сруб, а не через ворота проникает в избу, проявляя сверхъестественные способности шамана. В чужой стране его встречают негостеприимно, подносят пиво со змеями и червями. Герой проклинает хозяйку, принесшую пиво. Хозяйка пытается пересилить героя колдовством: она (или хозяин Пяйвелы) наколдовывает зайца, Лемминкяйнен — лисицу, хозяйка создает озеро, чтобы утопить непрошеного гостя, но тот наколдовывает огромного быка, который выпивает озеро. Наконец, хозяин вызывает Лемминкяйнена на поединок, но тот убивает хозяина. Мать советует Лемминкяйнenu укрыться от мстителей, превратившись в можжевельник или шуку, но герой отказывается от этих позорящих мужчину превращений. Тогда мать советует ему отправиться на «остров женщин», где герой соблазняет сорок девушек (рассказы об островах женщин на Севере были известны еще ранне-средневековым географам).

Согласно другим рунам, Лемминкяйнен заклинанием превращает скупых хозяев в золото и сереб-

Урал и Карелия, особенно район Онежского озера и побережье Белого моря, богаты **наскальными изображениями, которые древние художники начиная с эпохи неолита высекали на скалах.**

*Урочище Залавруга
близ г. Беломорска*

Это изображения оленей, лосей и водоплавающих птиц, небесных светил, охотничьих орудий, людей или фантастических полулюдей-полуживотных. Все говорит о том, что древние люди стремились запечатлеть некие мифологические образы.

*Мыс Бесов нос
на Онежском озере*

Серебряная бляха
с изображением
божества,
стоящего на звере

Огромную
коллекцию предметов
искусства и культа
собрали археологи
на месте святилища
II в. до н. э. – II в. н. э.,
расположенного
на одном из притоков
Камы. Святилище
получило название
«Гляденовское костыще»

Бронзовая фигурка
лесного божества
на волке

Бронзовые бляшки
с изображением **медведей**
в «жертвенной позе» –
так было принято
укладывать их во время
«**медвежьего праздника**»
в честь удачной
охоты на этого зверя.

Бронзовая фигурка «**близнецов**»

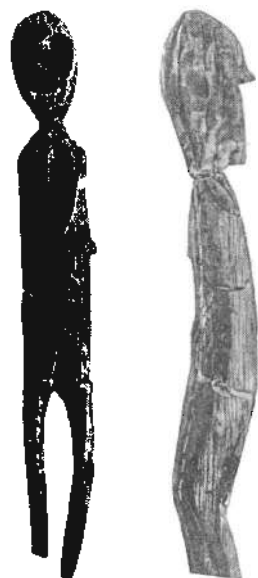

Бронзовые фигурки **птиц**

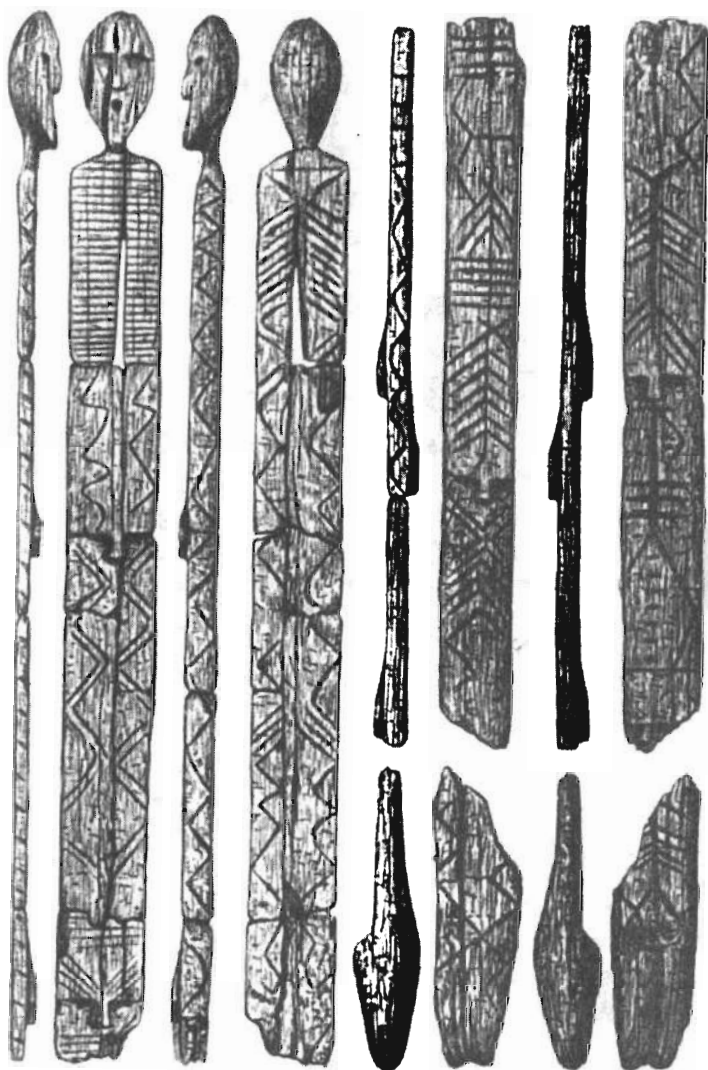

Во время раскопок в окрестностях Нижнего Тагила в Горбуновском торфянике обнаружили **изображения священных животных**, связанных с космогонией, – водоплавающих птиц и лося.

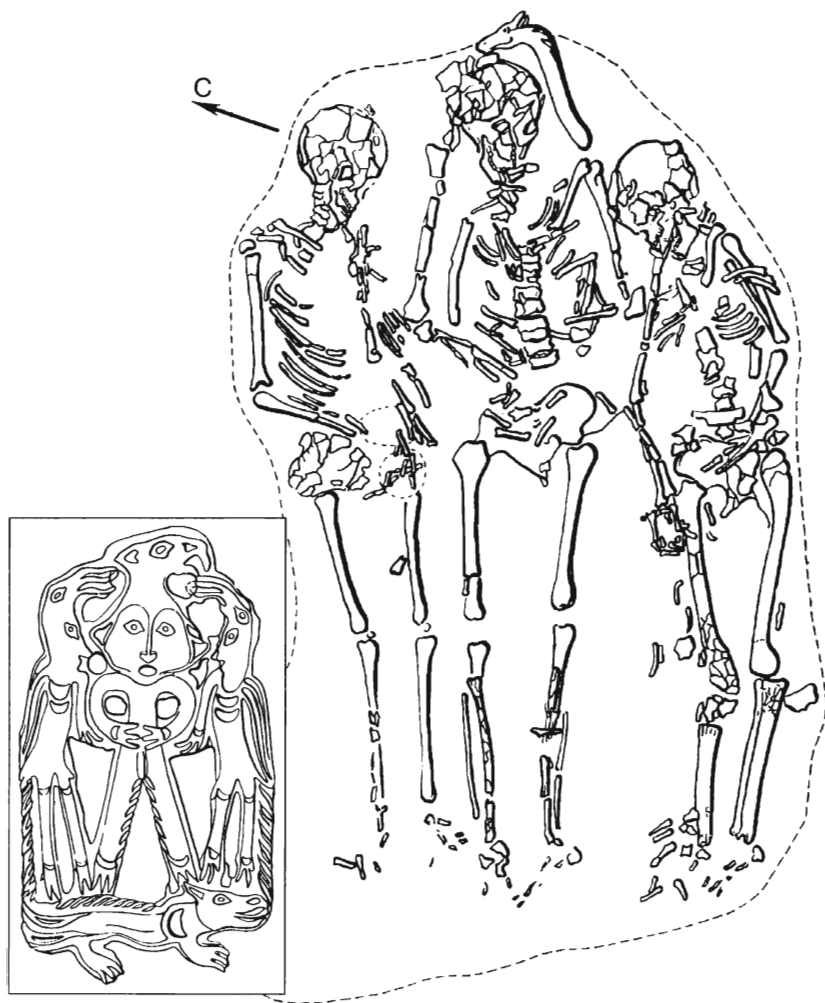
На фото – сосуд в виде лося, обломки рукоятей ковшей в виде утиной головки и в виде головы курицы, заготовка для ковшика в виде птицы.

Идол из Горбуновского торфяника, вырезанный из соснового ствола. Скульптор снабдил его только ногами, а вот рук – нет.

Идол, найденный в Шигирском торфянике, представляет собой изготовленную из сосновой древесины фигуру длиной 5,30 м, с остроконечной головой. Остроголовыми представляли **лесных великанов-менквов** обские угры.

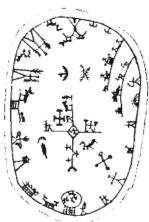

Погребение древнейшего шамана было обнаружено на Оленьем острове, расположенном на Онежском озере. Этот могильник относится к каменному веку. В одной из могил погребен мужчина, у головы которого располагается роговой жезл с изображением головы лосихи. С двух сторон от мужчины лежат две женщины. Положение тел очень точно воспроизводит распространенную композицию на бляшках в пермском зверином стиле.

ро. Не закликает он только ничтожного слепого и дряхлого старца, способного лишь мыть посуду после пира. Тот спрашивает героя, почему он пощадил убогого судомойку. Тогда Лемминкяйнен наносит старцу страшное оскорбление: герой говорит, что и в молодости он «носил собак в утробе, лошадей всех перепортил». Оскорбленный слепой старец (иногда это — сам Вяйнямёйнен) заклинанием поднимает из воды змею, которую вонзает в сердце Лемминкяйнена, расчленяет тело оскорбителя и бросает его в черные воды Туони. В другом варианте он поражает Лемминкяйнена, вонзив ему в сердце побег болиголова, а затем швыряет его тело в реку Маналы. Вспомните аналогичный сюжет древнескандинавского мифа, где от ветви омелы, брошенной слепцом, погибает бог Бальдр). Умиравший герой успевает посетовать, что не узнал у матери заклинаний против змеиного укуса. Мать, узнавшая о беде, случившейся с Лемминкяйненом, по крови, текущей из гребня (или конька крыши), отправляется на поиски, но не может найти сына ни на суше, ни в море. В некоторых рунах Вяйнямёйнен, испуганный угрозой отчаявшейся матери, что она разрушит скрепы, держащие небосвод, признается, что заклинаниями отправил Лемминкяйнена в Туонелу. Тогда мать просит кузнеца сковать огромные грабли и идет в загробный мир, где вылавливает тело сына из Туони, собирает его по частям, вопрошает сына, сохранилась ли в нем жизнь. Тот отвечает, что его нельзя вернуть к жизни — слишком много времени провел он в царстве мертвых, и превращается в рыбу, оставаясь в Туони.

Путешествие Лемминкяйнена в иные миры — Пяйвелу и Туонелу, преодоление им чудесных преград и, наконец, превращение в рыбу в водах Туони — все это обнаруживает шаманское происхождение героя, а его смерть можно понимать

как этиологический миф о происхождении смерти. В эстонской песне Лемминг-Лемминкяйнен должен спасти от смертельной болезни своего отца Осмо. Осмо — персонаж, известный всем прибалтийским финнам как первопредок; из его костей сделана некая чудесная изба, упоминаемая в заговорах и свадебной поэзии, где готовится пир (Осматар в рунах — хозяйка, которая варит пиво). Осмо, прикованный к постели, напоминает Випунена (сыном которого именуется Лемминкяйнен в некоторых рунах). Чтобы излечить отца, Лемминг должен выловить в море чудесную рыбу. Исследователи шаманизма считают, что Осмо сам был первым шаманом: во время шаманского путешествия душа его отправилась в воду в виде рыбы, и не смогла вернуться в недвижимое тело. Чтобы оживить отца, Лемминг отправился на поиски его души.

В «Калевале» Леннрота представлен более оптимистичный вариант мифа о Лемминкяйнене в Манале. Мать по частям собирает его тело, но не может оживить его. Она обращается к «птичке меда, божьей пчелке», чтобы она собрала в лугах Метсо-лы и Тапиолы живительного меда. Но земной мед не может оживить героя. Тогда мать посылает пчелку за девять морей, но и заморский мед не пробуждает мертвого. Тогда мать просит пчелу лететь вверх — «выше месяца за солнце»: там «в погребке у бога» «в золотых котлах богатых» хранится чудодейственный мед. Им утоляет боль сам творец мира. Мать смазывает раны сына чудодейственной мазью, и Лемминкяйнен оживает.

Мед — пища, дарующая бессмертие богам в индоевропейских мифах: боги Олимпа пьют нектар, скандинавские асы питаются медом, стекающим из вымени чудесной козы. Вероятно, миф «Калевалы» имеет древнее индоевропейское про-

исхождение: само финно-угорское слово «мед» (финское «меси») имеет индоиранскую основу.

Пчела как священное насекомое, без помощи которого нельзя было сварить пива для свадьбы Ильмаринена, еще будет упомянута в сходном мордовском мифе: там она пробуждает от сна невесту небесного бога.

В финских заговорах пчела приносит волшебную мазь, способную залечить раны, из-за девяти морей: ей противопоставляется ядовитый шершень – «птица» злобных духов хийси.

Первая война и мститель Куллерво

Согласно рунам, род Куллерво, сына Каллерво, или самого Калевы, был истреблен братом Каллервы Унтамо. В одной песне Каллерво и Унтамо – братья: они родились из пня, расколовшегося во время распашки поля неким слабосильным пахарем (вариант мифа о происхождении людей). Каллерво был мягок нравом. Однажды он посеял овес возле усадьбы Унтамо. Черная овца Унтамо съела овес Каллерво, а собака Каллерво загрызла овечку. Из-за этого началась вражда: разъярившийся Унтамо создал войско из своих пальцев и послал солдат истребить род Каллерво.

Вражда братьев напоминает библейский миф о Каине и Авеле, но там был убит пастух, а не земледelec. Рассказ о создании войска из пальцев означает, что руна сохранила этимологический миф о первой войне.

Уцелел, несмотря на все усилия врагов, один лишь Куллерво, который не горел в огне и не тонул в воде. Враги не знали, куда деть мальчика, и сделали его пастухом – отправили подальше в лес. В других рунах подросший Куллерво нанимается батраком или попадает в рабство к своим врагам: его хозяйкой оказывается злобная Сюэтар. Куллерво

оказывается неумелым работником. Сначала раба посылают грести, упрекают в слабосилии, и Куллерво гребет с такой силой, что ломает лодку хозяев; затем он рвет сети, а рыбаков сбрасывает в море, сжигает люльку ребенка, которого ему велели накормить. Раба посылают на подсеку, и здесь он проявляет свой богатырский нрав — силой голоса расчищает лес. Тогда хозяйка велит Куллерво пасти ее стадо и запекает камень в хлеб пастуха: тот ломает о камень свой любимый нож. В отместку он превращает стадо в волков и медведей: хозяйка отправляется доить коров, и медведи разрывают ее на части.

Деяния Куллерво типичны для юного неистового героя, который не знает, куда ему применить силу, и крушит все на своем пути. Но Куллерво — герой-мститель, и его разрушительные подвиги направлены на отмщение роду убийц его отца. Один из «подвигов» Куллерво связан с его сверхъестественными способностями: пастух приводит домой стадо диких зверей. Пастух у разных народов считается убогим и одновременно наделяется чудесными способностями: у финно-угров он слывет ведун, обладающим тайными знаниями. Действительно, его жизнь протекала между домом и лесом, он был связан с лесными духами и умел уберечь от них скот.

Негативные деяния Куллерво (иногда — Лемминкяйнена) в рунах завершаются драматическим сюжетом: герой насильно овладевает приглянувшейся ему девушкой и потом узнает в ней сестру. Инцест — страшный грех в родовом обществе, в том числе для Куллерво, который выступал защитником рода и родовой чести. Несчастливая девушка бросается в воду, где становится «сестрой сигам». Куллерво, в отчаянии, отправляется на ее поиски в царство водяного Ахти и погибает там.

Негативный герой карело-финского эпоса упоминается и в заговоре против змеиного укуса:

«Куллерво, сын Каллерво,
Направлялся на войну
Через девять всех морей,
Полморя десятого.
В камень он воткнул копье,
И в скалу тот медный гвоздь.
Петр Святой туда же шел,
Повстречался он ему;
Он покрыт корой ольховой,
А затем и шкурой Хийси,
Также кожей сатанинской.»

Куллерво превращается здесь – в христианском заговоре – в отродье сатаны, виновника змеиного укуса.

Сюзтар и чудесная женитьба

Карельская сказка о злой волшебнице сохраняет черты древнего мифа о чудесной женитьбе. Однажды жили старик со старухой, и был у них сын. Старуха умерла, и старик женился на Сюзтар, взяв в дом и ее дочь. Сын старика увидел как-то в лесу дев-лебедей, которые сбросили свои лебединые одежды, чтобы искупаться в озере. Он похитил одежду одной из дев, и та обещала в обмен на одевание стать его невестой. Парень согласился и на следующее утро отправился в лес за чудесной подружкой. Коварная Сюзтар отправила за ним свою дочь, и когда к берегу пристали три корабля, та воткнула парню сонные иголки в уши. Корабельщики, прибывшие с богатым приданым, не смогли разбудить жениха, но оставили ему письмо, чтобы наутро он ждал их снова.

Но история опять повторилась, и на третье утро, когда уже на девяти кораблях прибыла сама невеста,

одурманенный жених проспал свое счастье. Тогда он сам отправился на поиски чудесной невесты. По дороге он встретил трех животных — оленя, утку и орла — и пощадил их. Помощница — старуха-колдунья — поведала герою, что невеста его за девятью морями. Туда и перенес его орел. Но, чтобы получить прячущуюся девушку, необходимо добыть каменное яйцо. Утка нашла яйцо, но невеста скрылась вновь. Жених настиг ее на олене, но та бросилась в озеро. Но и в озере ее настигла щука, которая принесла добычу жениху. Так герой получил свою невесту.

В более пространной финской сказке у девушек скромное утиное одеяние, а злобная волшебница не названа по имени, зато рассказывается, что она поднимается из моря, враждебной людям стихии, где Сюэтар породила змей. Сама колдунья воткнула сонные иглы в уши доверчивого юноши. Скитаясь в поисках потерянной невесты, герой спасает некую огромную птицу, лисят, волчат, медвежат и щуку. Звери помогают ему выполнить трудную задачу во время поисков невесты: лиса, волчица и медведица сгоняют разбежавшийся табун лошадей, принадлежавших знающей путь колдунье (еще одна баба-яга встретила жениху на пути за девять морей). Жених выбирает в табуне волшебного коня, который и приносит его к чудесной помощнице: та поведала парню, что любовь его девицы спрятана в яйце, заключенном в камне на острове среди океана. Конь переносит его на остров и разбивает камень, но яйцо укатилось в море. Тут появляется щука и достает яйцо — с ним жених и возвращается к своей помощнице. Та готовит крошку из яйца и дает волшебное зелье девице: так влюбленные соединяются.

Волшебный предмет на острове среди океана — типичный атрибут заговора и волшебной

сказки: вспомним *Кашееву смерть в яйце*. Волшебница при помощи чудесного яйца и колдовского зелья заставляет девушку вновь полюбить своего непутевого жениха. Чтобы добыть чудесную жену, герою необходимы волшебные помощники – звери. Ясно, что в мифе, который лег в основу сказки, речь шла не просто о волшебных помощниках, но о шаманских духах, которые позволяли жениху добыть невесту (может быть, мифическую первую невесту – вспомним рожденную из яйца деву *Суометар*) в ином мире – за девятью морями. Недаром и в заговоре – обереге молодоженов – также упоминается огромная птица – орел, который «земли крылом касался, а другим касался неба». Под крыльями орла – «героев сотня, тысяча мужчин на перьях»; они вооружены ружьями и мечами, а возглавляет их сам *Ильемойллине* – *Ильмаринен*.

Сыны Калевы – герои-великаны

Герои древних времен видятся нам великанами: в прибалтийско-финском фольклоре они именовались калеванпойками – сыновьями Калевы. Сам Калева – мифический богатырь космического масштаба: Сириус – его звезда, созвездие Ориона – меч Калевы. В русских былинах сыновья Калевы именовались Колывановичами.

Еще М. Агрикола в XVI в. рассказал о главном деянии сыновей Калевы: они косили луг. То была великанская косьба – во время покоса сыновья Калевы расчищали целые равнины, создавая современный ландшафт, – вспомним, что ландшафт творил и сам *Вяйнямейнен*. В одной из карельских рун сын Калевы, хоть и был ростом с пядь отца, расчищая поле от деревьев под пожар (для выжигания кустарников и пней перед пахотой), одним ударом топора срубал пять деревьев:

деревья валились повсюду, где слышен был звук его богатырского голоса.

В одной легенде рассказывается, как слабосильный старик рубил подсеку. Он устал, и к старику подошел сын Калевы, чтобы наняться в батраки. Старику нечем было платить поденщику, но тот сказал, что удовольствуется одним обедом. Затем батрак продемонстрировал такой аппетит, что за день съел все запасы, а к работе даже не приступил — только точил свой топор. Старик начал жаловаться на судьбу — ведь близилась ночь. Но тут работник поднялся и срубил одно дерево: весь лес тут же повалился вплоть до тех пределов, где слышен был звук его топора.

Нагромождения камней в поздних преданиях считались результатом игры великанов — сыновья Калевы перебрасывались камнями как мячами: в действительности такие кучи складывали в древности, чтобы освободить луг или поле для запашки. Большие камни или скалы именовались оселками сыновей Калевы, которыми они точили косы, или грузилами, которые те привешивали к великанским рыболовным сетям. Большие каменные насыпи — курганы — это могилы сыновей Калевы или остатки их «церквей», руины средневековых замков — их бывшие жилища.

Мотив богатырского покоса начальных времен характерен для мифов коми: там косят два демиурга — Ен и Омоль (см. о них ниже); но сходные мифы о косьбе Бога и черта известны в латышском и русском фольклоре.

В мифах великаны древних времен — навсегда исчезнувшее поколение героев. Они жили в мифопоэтическое время — до появления обычных людей и распространения настоящей, то есть христианской, религии. Великаны — люди первобытной эпохи, не знавшей настоящей культуры — прежде всего па-

шенного земледелия. Появление простых людей — пахарей — удивляет и пугает их. Рассказывают, что великанская дочка заметила однажды пахаря, шедшего за упряжкой быков: она взяла его вместе с быками, как игрушку, домой. Родители-великаны усмотрели в появлении пахарей предзнаменование своей гибели. Иногда, как и хийси, сыновья Калевы разрушают церкви. В фольклоре сыны Калевы могут ассоциироваться с хийси и злобными троллями как противники христианства: они боятся колокольного звона и исчезают с распространением христианства. (Вспомним о негативном отношении к сыну Калевы Куллерво.)

По одной из легенд, люди молили Бога об избавлении от великанов, они призвали сразу девять священников, чтобы те читали молитвы. Великаны шагнули далеко на морской мыс. Но и там их настигли заклинания. Тогда они подняли паруса и уплыли прочь на плоских красных камнях.

ЭСТОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ И МИФЫ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ

Эстонская мифология близка карело-финской, а также мифам прибалтийско-финских народов: ливов, вепсов и води, но после христианизации сохранились лишь ее фрагменты. На основе эстонских народных преданий и песен Ф.Р. Крейцвальд, подражая «Калевале» Леннрота, составил героический эпос «Калевипоэг» (публикация 1857–1861), который оказал значительное влияние на эстонское народное творчество и национальную литературу.

Мифы о творении и конце света

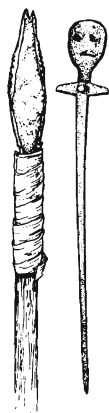
Реликты мифа о сотворении мира сохранились в эстонских народных песнях. Синекрылая птичка (вспомним ласточку в ижорской руне) летала в поисках места для гнезда и нашла три куста — синий, красный и золотой. В золотом кусте она высидивает из трех яиц сыновей: одного превращает в солнце, другого — в месяц, третьего — в звезду. По другому варианту мифа, из четырех яиц появились люди, камни, солнце и луна.

В эстонских песнях сохранился и сюжет о Мировом древе — большом дубе, крона которого загораживала солнце и месяц. Когда он упал, возник огромный мост через всю землю — в преисподнюю (в сходной карельской руне он ведет через реку Севера, в селения, где пожирают людей, селения смерти). Щепки от его падения стали стрелами колдунов. В разных вариантах песен этот дуб вырос из волос девы Севера, или в Манале — Царстве мертвых (ведь корни Мирового дерева находятся в преисподней), или на спине гигантской щуки, или на острове посреди моря. Интересен вариант, где дуб вырос из золы, оставшейся после того, как демоническая птица Севера и саамский злодей сожгли сено, убранное скосившими его небесными девами. Часть золы оставили для того, чтобы промыть волосы сыну Солнца, и волосы эти должны были стать светлыми, как лен.

Лен упомянут в песне не случайно: она явно отражает древний аграрный ритуал, связанный с выращиванием льна — этот ритуал исполнялся на день Ивана Купалы, когда солнце «играло» во время солнцеворота и принято было жечь костры. Сын Солнца мог спуститься по Мировому древу на землю, чтобы обеспечить урожай.

С образом Мирового дерева связаны в песнях образы четырех (или трех) волшебных дев, которые чистят и подметают море золотыми и серебряными щетками или прядут золотой пояс. Это — девы судьбы, подобные греческим мойрам и скандинавским норнам: пояс в традиции финно-угорских народов связан с судьбой и жизнью человека (и Земли: вспомним об Урале — поясе Земли): у эстонцев-сету после смерти девушки на поминальную сосну вешали поясок невесты. Нечистая сила, напротив, ходила неподпоясанной. В ижорской песне о чудесной пряхе говорится о том, что прямо под окном поющих плещется море, по

которому плывет утка. Под крылом этой утки — колыбель, а в ней — мальчик, который разукрашивает некую пеструю крышку. Под крышкой оказывается девица, прядущая золотую одежду. Золотая нить рвется, и дева начинает рыдать.

Порванная нить — это нить жизни в руках девы судьбы: красные нити косым крестом клали в гроб на подушку умершему эстонцы сету и водь, чтобы покойник не возвращался с того света. Утка, плавающая в море, напоминает нам о создании мира, а младенец под ее крылом — о происхождении людей. Не менее интересна и пестрая крышка, которую разукрашивает мальчик в колыбели: такую крышку имела мельница-чудесница сампо, одно из воплощений Мирового дерева.

Песня о Мировом дубе содержит и редкий эсхатологический мотив — рассказ о конце света — хотя и сохранившийся в форме небылицы. Некий злодей имел трех сыновей: один был увечный, другой хромым, третий — слепой (все это — признаки нечистой силы). Увечный согнул лук, хромым сделал стрелы, слепой принялся стрелять. Он выстрелил в небо и порушил его край, так что оно раскололось, а стрела не вернулась. Второй стрелой он выстрелил в ноги Земли-Матери, и Земля стала рушиться в преисподнюю, и та стрела тоже не вернулась. Третью стрелу он направил на гору, на сосновый холм. Эта стрела ударилась о камень и отскочила, попав в человека.

Текст песни, видимо, имеет заговорное происхождение; его цель — защитить от колдовских стрел. Последняя стрела должна вернуться и избавить пораженного от болезни.

Имена богов-демиургов практически не сохранились в эстонском фольклоре. Сказка о происхождении волка обнаруживает следы древнего дуалис-

тического мифа о творении: черт создал волка, но не смог вдохнуть в него жизнь. Тогда небесный «отец» *Ванаиса* посоветовал черту произнести заклинание: «Волк, встань, повали черта!» После этого волк действительно ожил и стал преследовать черта.

В предании о небольшом озере Илмъярв можно обнаружить отголоски древнего мифа. Это озеро считалось самым глубоким в Эстонии — его не мог перейти вброд даже великан — сын Калевы. Имя озера — «Озеро погоды» — содержит древнее обозначение «света», «мира», «погоды» и атмосферных духов *ильма* (недаром слово *ильма* входит и в состав имени «Ильмаринен»; вспомним, что от этого культурного героя, кователя неба в карело-финских рунах, зависела погода).

Сходные названия озер и связанные с ними предания известны в Карелии и Финляндии, но самое знаменитое «погодное» озеро — Ильмень или Илмерь; на этом озере в чудской земле славяне основали Великий Новгород. Не случайно героем новгородских былин — купец Садко — вылавливает в озере чудесную рыбу, а своей игрой на гуслях вызывает морскую бурю (вспомним о чудесной игре Вяйнямёйнена, которой заслушивались морские духи).

Салме — невеста звезды

Девушка Салме (Салве) в народных песнях также вылупилась из чудесного яйца, которое однажды снесла курица. К ней стали свататься Солнце, Месяц и старший сын Полярной звезды («Северного гвоздя»). Но Салме отказывает Солнцу, которое портит посевы в засуху; у Месяца же слишком много обязанностей — он должен рано вставать, а по ночам следить за всем, что происходит. Салме выбирает сына Звезды за его скромный нрав и постоянство — ведь он не передвигается по

небосклону. Тот обещает спрятать Салме в заоблачных высях, превратить в вечернюю зарю.

Как и у финнов, миф о небесной свадьбе возник у эстонцев под влиянием балтских соседей: у литовцев небесная невеста именуется дочерью солнца — Саулес дукта.

Миф о созвездии Большой Медведицы у эстонцев отличался от мифов других финно-угорских народов, усматривавших на звездном небе гигантского лося и охотника-преследователя. По версии древних эстонцев, Большая Медведица — это телега с хозяином, в которую вместе с быком впряжен волк. Волк тащит воз в наказание за то, что некогда съел одного из быков, запряженных в телегу.

Эстонцы, народ древней земледельческой культуры, определяли по созвездиям время начала полевых работ: когда Сито (Плеяды) и Цеп поднимались на определенную высоту, нужно было идти на молотьбу (о том, как сито стало созвездием, рассказывается в марийском мифе, о котором будет сказано ниже). Млечный путь эстонцы, как и другие финно-угры, именовали «Дорогой птиц». По ширине Млечного пути предсказывали, будет ли зима снежной, а урожай — обильным.

Боги и духи

Скудные отрывочные сведения о пантеоне древних богов эстонцев можно почерпнуть в средневековых источниках. Древнее общефинское обозначение небесного божества — Юмал(а) — сохранилось у эстонцев как наименование небесных духов; так же именовались высшие существа у ливов, води, вепсов. Сохранились представления о юмал как о духах-покровителях: *Маа юмал* покровительствовал пахоте («Бог земли»), *Террид юмал* был «Богом зерна». Перед сенокосом приносили куриную лапку в жертву *Виш юмал* — «Богу воды»

(или *Ветэ-Эма* — «матери воды»), чтобы он не намочил сена. Верили также в *Коду юмал* — «домовых богов», и даже *Обесте юмал* — «Бога лошадей». Возможно, язычники почитали богов в виде деревянных идолов — *пуу юмал*: изображение духа плодородия Пеко (о котором еще пойдет речь) именовалось *Пеко юмал*. Низшие духи именовались *вайм*: многочисленные верования связаны с лесными духами — *метсаваймами* и водяными — *вееваймами*. Тем же словом эстонцы обозначали и душу человека.

Главой пантеона считался небесный бог Уку, родственник карело-финскому Укко. У него были те же эпитеты — он именовался Ванатаат («Старый дед»), Ванаиса («Старый отец»), Тэватаат («Небесный дед»). Культ Уку, «деда» и «отца», был, соответственно, связан и с почитанием предков. Подобно прочим громовержцам (в том числе и литовскому Перкунасу), он поражал громом злых духов, которые могли спрятаться от него только в воде. Известны были и персонификации грома — Пикне, Пиккер, Эйке («Старший»), Тыу.

Как и в карело-финской мифологии, супругой небесного бога была Мать-Земля, Маа-Эма. Во время сева и грозового дождя («дождь Старшего»), по народным верованиям, она зачинала урожай. Эстонцы верили и в многочисленных духов — покровителей урожая. На юге Эстонии эти духи именовались «отцами» и «матерями» или «старшими» (вана), на севере — *халдьа*, общим для эстонцев и финнов наименованием духов-хозяев. У ливов также существовали представления об отце и матери поля — *нурмеезя* и *нурмеимя*, у води — об отце и матери Земли — *ма изьянтет* и *ма эмянтет*. Антропоморфным воплощением плодородия полей у эстонцев был Пеко. Особая хозяйка была и у травы: ее именовали *муруейт* («травяная старуха»).

Верили эстонцы (как и прочие финно-угры) и в других матерей стихий: таковы Мать воды Ветэ-Эма (и подводные девы — русалки *веенейтси*), Мать огня Туле-Эма, Мать ветра Туули-Эма, Мать бури Марум-Эма. Ветры, особенно вихрь, считались демоническими существами: у эстонцев-сету существовало поверье, что Бог превратил в вихрь чертова сына. Самая большая река Эстонии зовется Эмайыги — «Мать-река».

Хозяевами водной стихии и рыб, наряду с водяными вееваймами, у эстонцев были Кала-Тонт, Кала-Вайм («Дух рыб») и Кала-кунингас («Царь рыб»). Эстонский водяной царь наделялся чудесными способностями: он сам мог удить рыбу, сидя не в настоящей, а в каменной лодке (каменная лодка — атрибут бога-демиурга в мифах о творении), мог также настолько пленить волшебной музыкой, что зачарованные слушатели падали в море. Водяной имел вид человека, но во рту у него были рыбы зубы.

Многочисленные водные духи особо почитались прибрежными жителями-ливами: отец и мать рыб, *калаззя* и *калаимя*; мать, отец и дети моря — *мериимя*, *миериезя*, *миериласт*. У водных духов есть свой скот — чудесные голубые коровы. Духи довольствовались малыми приношениями — достаточно было оставить им мелкие серебряные монеты или просто поскоблить серебряный предмет.

Духи леса — эстонские *метсаваймы* и *метсатонт* — были покровителями лесных обитателей. У вепсов почитались *мецижанд* — хозяин леса (он представлял иногда в облике великана *метсихине*) и *веденижанд* — хозяин поля, а также *маижанд* и *маэмаг* — хозяева земли; кроме того, водяной *ведехине* и Туржас (у карел — Турсас) — покровитель подводных стад. Лешему нужно было приносить в жертву первую долю собранных ягод,

грибов, трав, дичи, пастухи же всегда считали первую задранную медведем корову или овцу жертвой хозяину леса.

Но более всего вепсы почитали «хозяев» хлева — ведь скот был основой благополучия этого народа (таким же почитанием пользовались хлевные духи у карел, северных финнов, ижоры, води). Хозяина хлева представляли в виде старичка маленького роста — иногда у него была старушка-жена, дети; но часто он появлялся в хлеве в облике хтонических животных — лягушки, змеи, крысы. Закрывая скот на зиму в хлеву, хозяйка раскладывала по углам кусочки хлеба, завернутые в красные тряпицы (чтобы скот был краше) и приговаривала: «Хлевный хозяюшко, хлевная хозяйюшка! Ешьте, пейте! Караульте наших пегих телят, черных коров!»

Домовые духи эстонцев, как и прочих народов, могли приносить добро в дом или вредить нерадивым хозяевам и насмешникам. Таковы эстонские *муру-эйт*, хозяин дома и двора, *кратт* (у финнов известен домовой *кратти*) и овинный *тонт* (карельский *тоннту*), а также духи очага или очагового огня — *писухянд*. Огонь наделялся очистительной силой: заболевший лихорадкой, которую представляли ведьмой, явившейся из Лапландии, должен был спрятаться в печь или перепрыгнуть через огонь. Почитанием пользовался и дух бани — *саунаатаат* («банный дед»). Домовым духам следовало жертвовать первинки — первый глоток пива, первый кусок хлеба.

Духи умерших в поверьях эстонцев (как и в карело-финских мифах) обитали в подземной стране Манала или Тоонела, Хииеела (напоминающей об общефинском обозначении культового места и кладбища — хийси). Воплощение смерти — Мана или Калм (Калма у финнов), дух преисподней *мардус*, чей голос (а также таинственный шум в доме,

звуки прядения или пение сверчка) предвещал смерть (такие же поверья о маррасе есть у финнов). Опасен был и *луупайнайа* — дух умершего, насылающий смертельную болезнь. Все эти духи могли именоваться в эстонском фольклоре «паганами» — язычниками, ибо представления о них восходили к дохристианским временам. Вместе с тем считалось, что души предков возвращаются в свои дома в ноябре — месяце умерших (вспомним о карело-финском празднике кекри); для них готовили стол и топили баню.

Общим финно-угорским оказывается и миф о северном сиянии, сохранившийся в фольклоре Южной Эстонии: Вирмалайсет — это огненные духи или души умерших, сражающиеся духи. По северному сиянию предсказывали изменение погоды (холод, осадки), а также бедствия — войну, голод, особенно если сияние имело красный оттенок.

Вороний камень

Против козней злых духов необходимы были заговоры и целительные средства. Самым волшебным из них — помогающим от всех болезней — считался так называемый «вороний камень». Его можно было добыть, если забраться в гнездо к ворону, вынуть ненасиженные яйца, сварить их и положить обратно. Ворон, чтобы оживить яйца, отправляется в дальние страны и приносит в гнездо чудесный камень. Тогда птенцы вылупляются из яиц. Надо дожидаться, когда они оперятся, и забрать камень из гнезда.

Этот рассказ напоминает известный всему средневековому миру миф о чудесном камне шамир, которым в древности сам царь Соломон резал камни для строительства Иерусалимского храма. Храм следовало построить без применения железных инструментов, для чего

и нужен был шамир. Слуга иерусалимского царя находит гнездо чудесной птицы (удода), которая улетела в поисках корма для своих птенцов, и накрывает это гнездо стеклом. Тогда птица приносит шамир, чтобы разрезать стекло, и волшебный камень достается царю Соломону.

Внимание мифологов привлек и не менее знаменитый миф о птичьем гнезде, распространенный почти повсюду в Евразии и Америке. Это, может быть, один из древнейших мифов человечества. В нем рассказывается о герое, который разорил орлиное гнездо и стал шаманом. Счастливчик, которому достается вороний камень, также оказывается наделенным чудесными способностями врачавателя. Читатель может вспомнить сюжет о викинггах, которые отправились за волшебным золотым яйцом в Биармию: эстонское поверье о вороньем камне позволяет понять, зачем скандинавскому конунгу понадобилось чудесное яйцо.

Таара — бог победы

Немецкий хронист и миссионер Генрих Латвийский в своей «Ливонской хронике» (XIII в.) упоминает некоего бога Таара (Тоора) как высшее божество, даровавшее победу в верованиях эстонцев. По донесенному хронистом преданию, Таара родился на горе в прекрасной роще (рощи и горы почитались всеми финно-угорскими народами). Когда немецкие миссионеры вырубали эту рощу и уничтожали стоявших там идолов, язычники ожидали, что из деревьев потечет кровь.

Что это были за идолы, можно представить из другого описания Генриха. Один лив рассказал миссионеру, что видел в лесу своего бога, который предсказал приход вражеского войска. Этот

бог «от груди рос из дерева» — то есть идол был вырезан прямо из ствола. Такие изображения были известны многим финно-угорским народам (финнам, саамам, коми): вспомним карельские культовые деревья карсикко. После ухода миссионеров ливы решили наказать «саксонского бога»: они отрубили одной из статуй святых, оставленных христианскими проповедниками, голову и пустили ее в море, вслед за отплывшими немцами. Интересно, что так же поступил русский князь Владимир Святой с идолом главного славянского языческого божества — Перуна — после крещения Руси: Перуна бросили в Днепр и отправили плыть за днепровские пороги, прочь из Русской земли.

К Таара обращались осажденные крестоносцами («железными мужами» эстонского фольклора) эстонцы с возгласом «Таара та!» — «Таара, помоги!». Ему приносили в жертву скот в священных рощах, а на западе Эстонии устраивали ритуальные сражения и танцы. Вероятно, у Таара были специальные служители культа: колдунов в Эстонии называли тоорумеес, «человек Тоора». Громовник Туури известен и в финской мифологии. Имя Таара, Тоора, Туури могло быть эпитетом Уку или Укко, но, возможно, финнам и эстонцам (древнерусской чуди) с древности был известен и культ скандинавского громовника Тора. Недаром четверг — день громовника Тора в германской традиции — считался у эстонцев праздничным; в этот день устраивались жертвенные трапезы. Четверг также подходил для колдовства: злые духи, преследуемые громовником, были в этот день сговорчивее. Имя Тоора напоминает также наименование высшего небесного божества у обских угров — Торум; может быть, схожим было древнее имя общепинно-угорского небесного бога.

Метсаваймы — лесные хозяева

М И Ф Ы
ФИННО-
У Г Р О В

Согласно эстонским поверьям, каждый лес имеет своего духа. Они могут принимать вид обычных людей, например мальчика-пастуха, правда, пасет метсавайм необычное стадо — зайцев. Иногда вид метсаваймов обманчив: спереди они похожи на обычного человека, но сзади имеют вид гнилого ствола, или у них есть хвост. Появляются они и в виде животных — волка, медведя, змеи. Метсаваймы покровительствуют птицам, заботятся о больных и раненых животных: от них зависит рост деревьев в лесу. Обитают они в дуплах деревьев, где могут жить семьями. Людям метсаваймы в общем не опасны, хотя могут наказывать тех, кто нарушает запреты, в том числе христианские, — например тех, кто работает в лесу в воскресенье. Метсаваймы могут сбить с пути, лишиться удачи охотника, который оставлял в лесу раненых животных. Больше опасности представляют лешие — ванахальбы («старые черти»), ванасыги («старые слепцы») — заметим, что слепота или одноглазие считались у древних признаком нечистой силы. Подражая эху, они могут завести человека в болото или непроходимую чащу. Принимая облик седых старцев, они иногда пасут стада диких животных. Впрочем, охотнику, которому удастся заключить договор с ванахальбом, обеспечена особая удача в охоте.

Пеко — покровитель урожая

Пеко, или Пекко, был особенно почитаем у восточных эстонцев — сету. Он именовался также «древним богом» или «древним идолом». Изображение Пеко изготавливали из воска или дерева, зимой особый жрец хранил его в амбаре, а во время сева идола выносили на поле. Пеко молили об уро-

жае, плодovitости скота, благополучии семьи, о защите от непогоды. Праздник, посвященный Пеко, проводился тайно в конце августа – начале сентября, во время жатвы: участвовать в нем могли только мужчины. На священной трапезе избирался жрец Пеко. Духу плодородия Пеко были близки покровитель полей у карел – Пеллон Пеко и финский Метсик (буквально – «дикий»), именовавшийся также Маа-кунингас, «Царь земли». Изображение Маа-кунингаса в виде мужчины (реже – женщины) с подчеркнутыми признаками пола носили по полям, чтобы получить урожай, а затем оставляли в лесу.

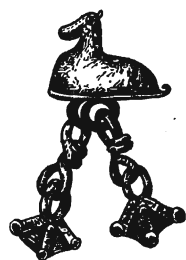
Калевипоэг, ванапаганы и священные камни

Эстонцам были известны предания о первобытных великанах – сыновьях Калевы. Чашечные углубления на камнях – это следы рук сыновей Калевы, которые метали жребий, разделяя угоды. Считалось, что большие камни появились на полях Эстонии потому, что «девушка Калевы» несла их в переднике, но ткань не выдержала тяжести, и камни просыпались. Существует предание о похищении великанской девы, которая превратилась в огромный камень у городища Иру.

Это предание характерно для мифов о народе великанов: с приходом обычных людей они окаменевают, превращаясь в скалы. Камни с чашечными углублениями, сотни которых известны в Эстонии и Финляндии, использовались до недавнего времени как жертвенные и целительные. Отпечатки на них приписывали не только Калевипоэгу, но и другим великанам, в том числе злобным ванапаганам, и даже христианским святым – например Тынну (св. Антонию), а также самому Иисусу Христу. На

камень Тынна приносили первинки урожая — первое зерно, первое молоко от коровы, мясо только что забитого скота — с приговором: «Тынн — это твоя доля!» В самих чашечных углублениях сжигали зерна злаков: каждый хутор имел свое углубление, куда складывались приношения во время сева и жатвы. В эстонских преданиях говорится, что эти камни некогда располагались в священных рощах Хии (сравните финского Хийси), и углубления на них означали число покойников, которые были погребены в роще. Камни наделялись целебной силой — дождевой водой из чашечных углублений можно было лечить глазные болезни; если потереть больное место монеткой или солью и оставить этот предмет на камне, болезнь покидала больного. Считалось также, что под чашечными камнями зарыты клады. Иногда эти камни назывались мельничными, или «пяточными», что напоминает нам о мельнице-чудеснице сампо, которая имела каменное основание. Есть мнение, что обычай делать чашечные углубления в камнях возник в глубокой древности — с распространением земледелия на севере Европы.

Самым знаменитым из потомков великана Калева стал Калевипоэг, эстонский герой-великан. Сохранились поверья о болотной траве как о волосах Калевипоэга, чертополохе, выросшем из капель пота великана: значит, в древние времена прибалтийские финны верили, что Калевипоэг был первым великаном, из тела которого был сотворен весь мир. Больше сохранилось преданий о том, как Калевипоэг создавал скалы, разбрасывая камни. Равнины — это места, где великан скосил лес, гряды холмов — следы великанской пахоты, озера — колодцы Калевипоэга, древние городища — ложа великана, гор-

ные хребты — кости его коня. Огромные камни считаются оселками Калевипоэга.

Врагами героя считались злые духи ванапаганы («старые язычники», которые иногда отождествляются с христианским чертом). Они также создают холмы, водоемы, разбрасывают камни-скалы; ванапаганы обитают в пещерах, озерах, в преисподней. Занимаются ремеслом (кузнецы, сапожники и др.), пахотой, имеют семьи, устраивают свадьбы, крестины, иногда приглашают в гости людей и одаривают их; дары ванапаганов — горящие уголья: если положить их в передник, угли превращаются в золото. В эстонских сказках ванапаганы выступают в роли глупого черта: рыбак пугает великана тем, что утянет озеро неводом, и тот в качестве выкупа таскает золото в дырявую шляпу, которую хитрый рыбак держит над глубокой ямой. Они строят гигантские мосты через озеро и даже моря (душа проходящего по такому мосту должна угодить к дьяволу). Из горсти песка, схваченной для строительства такого моста ванапаганом, бегущим от богатыря Тылла, возникли, по народному преданию, острова Харилайд на Балтийском море: ванапаган, конечно, не успел достроить моста.

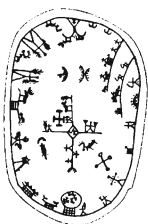
Калевипоэг (или Тылл — другой герой-великан эстонских преданий, живший на острове Сааремаа) состязается с ванапаганом в метании камней, на которых остаются отпечатки его рук или ног. Это наскальные изображения — петроглифы, которым приписываются магические свойства. Огромные камни считаются оселками Калевипоэга. Необычайной силе его посвящено предание о кольце девы Ильманейтси, которое та обронила в колодец: Калевипоэг спускается за кольцом, а ванапаганы скатывают в колодец жернов; но герой возвращается с жерновом, который он принял за

кольцо, на пальце. В другом предании Калевипоэг отбивается от ванапаганов досками, и те ломаются в борьбе; еж подает герою совет бить врагов ребром доски, за что получает от него в подарок колючую шубку. В народных сказаниях сохранились две версии гибели Калевипоэга: враги отрубают герою ноги, когда тот спит или пьет из реки; в другом мифе превратившийся в богатырского коня ванапаган уносит Калевипоэга в ад, где он, прикованный к воротам ада, должен сторожить ванапагана, чтобы тот не вышел из преисподней.

Время великанов прошло — на смену первобытным гигантам пришли обычные люди. Старинное самоназвание эстонцев — *маарахвас* — означает «народ земли»: недаром они почитали свою главную богиню, называя ее «Мать земли».

СААМСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Саамов соседние финны и скандинавы считали не только умелыми охотниками, но и опасными колдунами-шаманами: к ним даже отправляли учиться колдовству. Недаром в одной из рун о Вяйнямёйнене рассказывается, как искусный стрелок попадает стрелой в финского героя, тот падает в море и его относит в Похьелу — во власть злобной хозяйки Севера. Сама мифическая страна Севера иногда отождествлялась с Лапландией, страной лапландцев, лопарей — саамов.

Слава саамов как колдунов и предсказателей была хорошо известна на Руси. Джером Горсей, представитель английской Московской компании, писал, что перед смертью сам царь Иван Васильевич Грозный велел доставить с Севера — из области между Холмогорами и Лапландией — множество кудесников и колдуний. Шестьдесят этих предсказателей содержались в Москве под стражей, и только любимец царя Богдан Бельский имел к ним доступ, чтобы узнавать у них о ворожбе и предсказаниях, которые так волновали царя.

Вместе с тем саамы — близкие «родственники» прибалтийских финнов — имеют с ними много общего в мифологии. Саамы не только сохранили богатей-

шую мифологическую и шаманскую традицию, но и сами многому учились у своих соседей — финнов, балтов и скандинавов, заимствовали от них некоторые мифы и имена мифологических персонажей.

Знаменитым собирателем саамского фольклора был русский ученый В.В. Чарнолусский. В его записях и литературной обработке стали известны целые циклы повествований о Лунной деве и витязе Найнасе, о чудесном олене Мяндаше.

Как был сотворен мир

Саамский миф о творении начинается странным образом: в начале не было ничего, кроме... головы старика. На темени этой головы имелись колодцы, но голова была покрыта шапкой, поэтому вода была недоступна, пока гром не разорвал шапку. Тогда струи из колодцев поднялись до неба и залили весь мир. Летаящая над водой утка находит травинку среди океана: сначала травинка не выдерживает птицу, но потом подрастает и вокруг нее нарастает земля. Птица кладет на травинку пять яиц. Из яиц возникают растения, источники, рыбы и птицы, звери, наконец — мужчина и женщина. У этой первой человеческой пары рождаются сын и дочь: они отправляются в разные стороны на поиски супругов — ведь браки между братьями и сестрами были запрещены. Но первые люди не находят никого — они обходят всю землю и встречаются вновь. От них и произошел человеческий род.

Другой миф рассказывает о двух творцах мира — добром и злом. Верховный бог Юбмел советуется со злым духом Перкелем о будущем творении. Бог хотел, чтобы деревья состояли из одной сердцевины, так, чтобы их не надо было очищать от коры; чтобы в озерах вместо воды было молоко, а на всех травах росли ягоды. Но злой дух воспротивился этому, и мир стал таким, какой он есть. Затем ковар-

ный Перкель изобрел цепи и заковал в них бога, но тот осилил своего врага и заковал его самого; правда, Перкель вырвался из оков, и противостояние добра и зла продолжается. Под влиянием христианства у саамов возник миф о всемирном потопе: Юбмел просто перевернул Землю, которая покоилась посреди Мирового океана. Уцелели лишь брат и сестра, которые были перенесены на «Святую гору»: от них произошло человечество.

Юбмел — общефинское имя небесного бога (вспомним финского и эстонского Юмала: иногда он считается предком саамов). Перкель (как и у прибалтийских финнов) — имя, заимствованное у соседних балтов. У балтов, однако, оно обозначало не черта, а громовника (таковы Перкон у латышей, Перкунас у литовцев, которые были преследователями чертей). Подобное «перевертывание» значения чужих мифологических персонажей свойственно архаичному родоплеменному обществу. Оно и понятно, ведь чужак был потенциально враждебным, его добрые боги становились злыми для иноплеменников. Напомним, что сами саамы считались вредными колдунами у соседних народов.

Сватовство Солнца и космическая битва

В другом саамском мифе рассказывается о борьбе, охватившей весь мир, после того как Солнце Пейве попытался посватать за своего сына Пейвальке дочь Луны. Солнце в саамской мифологии — существо мужского рода: утром он едет по небу на медведе, в полдень — на олене-быке, вечером — на оленихе-важенке. Но, войдя в свой дом, светило становится человеком.

В доме у Пейве повзрослевший сын сетует, что ему нет подходящей невесты. Ведь земные девуш-

ки — очень тяжелые: их не оторвать от земли. Да им и не стать невесткой Солнца — сгорят от солнечного жара. Небесному жениху нужна невеста, которая была бы тоньше лунного луча. Пейве сватается к невесомой лунной дочери, но получает отказ — Луна предпочитает в зятя холодную Зарю, а не сына жаркого Солнца, боится, что невеста сгорит в его жару. Пейве и так был рассержен, что от него скрывают ребенка — дочь Луны, ведь по саамским обычаям новорожденного нужно было обносить посолонь — вокруг солнца. Когда же Солнце узнало, что ему предпочли бледную Зарю, то пришло в ярость. Луна напомнила гордому светилу, что у него нет силы ночью и во время долгой полярной зимы: Луна же и Заря живут в одном ночном мире. Луна даже не дала Солнцу глянуть на дочку — ведь лунные лучи исчезают при солнечном свете.

Так Солнце поссорилось с Луной. Начинается борьба стихий — на стороне Солнца выступают Земля и горы, домашние животные, олени, птицы. На стороне Луны — вода, тень, духи загробного мира, сполохи (северное сияние), дикие звери. Гром гремит в небе во время космической битвы. Люди в ужасе ждут конца света, не зная, кому молиться. Тут некий Старец в образе моржа опускает на землю ночь, и борьба прекращается. Образумившиеся Солнце и Луна соглашаются на союз своих детей, но когда состоится небесная свадьба, не знает никто.

Рассказ о небесной свадьбе напоминает сходные мифы балтов и прибалтийско-финских народов. Но саамский миф более архаичен: в нем все сущее разделено на две противоположные, вступающие в борьбу части: Солнце и Луна, земля и вода, свет и тень, люди и духи мертвых, домашние (полезные) животные и дикие звери. По саамским поверьям, на время долгой полярной ночи и солнце, и луна опускались в море. Миф о

космической битве описывает, таким образом, устройство Вселенной.

Морж — морской Старец

Прекративший космическую битву морской Старец, имя которого не называется, имел облик самого крупного животного северных морей — моржа. У саамов этот обитающей за северным морем Старец почитался хозяином рыбных богатств — он посылает косяки рыбы и морских зверей, тюленей и нерпу людям, он выбрасывает на берег даже китов. Когда он ворочается в своей ледяной постели, льды стонут и ломаются — и люди знают, что Старец жив во льдах. Возможно, он и был тем стариком, голова которого стала источником Мировых вод при сотворении мира: миф о том, что мир или земля покоится на животном, обитающем в Мировом океане, широко распространен у самых разных, в том числе финно-угорских народов.

Шведский ученый XVI в. Олаус Магнус в своей «Истории северных народов» рассказывает о гигантском морже, который обитает посреди Ледовитого океана: этот зверь засасывает воду, а с ней — корабли. Подобные представления об ужасном водовороте в самом центре океана мы уже встречали у финнов.

Лунная дева Акканийди

Миф о деве, оказавшейся на луне, известен многим финно-угорским народам, но у саамов ему предшествует длинная история. Некий одинокий старик увидел во сне чудесный остров на озере Сейтявр («Святое»). Старик собрал пожитки и отправился искать этот остров. Сначала чудесный остров не давался старику и уплывал от него по озеру, но, наконец, старик настиг его в тихой заводи и поселился там. Озеро неслучайно именовалось Святым — к северу от

него высилась гора, где жили прадеды — предки саамов. На востоке у Колоколовой горы пасся солнечный олень: там он когда-то потерял свой колоколец, и с тех пор это место стало любимым пастбищем северных оленей. На западе же находилась лесистая горка — Черная варака — где обитала нечисть. Но и там имелась хорошая береста, из которой можно было сделать и домашнюю утварь, и лодку.

Озеро с чудесным островом напоминает мифологическую картину мира финно-угров: на севере расположена гора предков, на востоке — солнечная страна; запад связан с преисподней и нечистой силой.

Поселившись на острове, старик обнаружил возле источника чудесную деву: на левом боку у нее сияла солнечным светом одежда, правый же бок был обнажен. Дева посетовала, что старик долго искал ее — она устала и проголодалась. Удивленный саам поделился с девой своими припасами, но увидел, что она не прикасается к пище. Тут-то он смекнул, что дева эта неземного происхождения — она сестра или дочь Солнца. Лишь когда он дал ей разные шкурки и кожи, чтобы она сшила себе одежду, дева превратилась в обычную саамку и поела. Старик стал называть ее просто Акка — «женщина, старуха». Акка научила старика строить жилище — вежу — и заклала все берега озера, чтобы чужие не проникали в их обитель. Не смогла она заклать лишь Черную вараку.

Однажды Акка велела старику сделать люльку; ночью же произошло чудо — вместе с молодым месяцем взошла и луна. Тогда Акка повела старика в лес: там, в лунных лучах, на стволе ольхи они увидели силуэт девочки. Акка завернула ребенка в бобровые шкурки, и девочка стала настоящим человеческим дитятей. Лишь имя, данное ей приемными родителями, — Никийя, «Не есть я», да золотой башмачок,

который Акка положила девочке в колыбель, напоминали о ее чудесном происхождении. Но девочку называли и простым именем Акканийди — «дочь старухи». Остров оказался воистину райским местом — он всегда был освещен солнечным или лунным светом; даже в безлунные ночи морской хозяин в образе моржа посылал на остров витязя Найнаса, и тот освещал его северным сиянием.

Медведь-жених

Однажды Акканийди отправилась за водой и с полными ведрами уже возвращалась домой, когда из-за камня выскочил медведь. Сначала зверь попросил напиться воды, а потом стал просить Акканийди выйти за него замуж, иначе угрожал ее съесть. Девочка отговаривалась тем, что она еще маленькая, у нее на голове нет перевесыке — обруча, что носят девушки на выданье. Но медведь готов был подождать, пока она подрастет: он схватил Акканийди и утащил к себе в лес, чтобы она стала у него маленькой хозяйкой.

Хозяйство же у медведя было большое: в хлевах стояли коровы и овцы, а один амбар был весь опутан цепями. Медведь велел девочке заботиться о скотине, в амбар же не ходить. В этом амбаре зверь держал Гром, которого сумел ухватить за бороду и уволочь к себе во время битвы стихий. Каждый день медведь уходил на охоту и приносил всякого мяса, даже человечину, что особенно пугало Акканийди. Однажды, когда она подошла близко к амбару, Гром попросил ее помочь ему, ведь они оба были пленниками.

Акканийди подпилила цепи и освободила Гром. Он приказал девочке взять мешок сена, ельника и огниво и посадил ее на плечи, сам же полетел по небу так, что все кругом загрохотало. Медведь бросился в погоню, но Гром велел Акканийди сбросить

вниз мешок с сеном. Пока зверь рвал мешок, Гром улетел вперед, но скоро медведь опять стал его догонять. Тогда Гром велел Акканийди бросить в преследователя горящую ветку — так возникла молния. Медвежья шерсть загорелась, и пока медведь ее тушил, Гром отнес Акканийди назад к ее ведрам. Ведро успели окаменеть — время в ином мире течет быстро, но Акканийди не изменилась. Теперь уже Гром стал свататься к ней, обещая веселую жизнь на небе, но и ему отказала Акканийди, сославшись на возраст. Гром обещал подождать, когда у нее вырастут косы и она станет девушкой.

Рассказ о волшебных женихах напоминает нам сказки о Морозко или о Бабе-яге, спасаясь от которой, дети бросают позади себя чудесные предметы. Образ медведя-жениха уже не удивляет читателя, который не раз встречался с мотивом медвежьей свадьбы. Неудивительно и то, что медведь оказывается хозяином овец и коров — он повсюду считался «лесным хозяином» скота. Удивительнее история о том, как медведь завладел Громом. В мифах медведь, конечно, может забираться на небо (с утра он везет туда солнце), иногда имеет небесное происхождение, но чаще всего он — земной зверь, хтоническое животное. В древнерусской традиции этот зверь был воплощением скотьего бога Волоса, а Волос был противником громовержца Перуна (так же, как балтский Велс, Велняс был противником Грома Перкунаса). Возможно, саамский миф воспринял этот мотив о вражде медведя и Грома из мифологий соседних народов, как был воспринят и переиначен образ Перкеля.

Сказка о неудачной женитьбе медведя напоминает также чрезвычайно древний миф о родстве медведя и человека.

Медведи-оборотни

Представления об этом родстве сохранились в быличках о медведях-оборотнях. Рассказывают, что жили некогда три сестры. Они ушли от людей в лес, обернулись медведицами и жировали там все лето. Зимой же устроились в берлоге. Тут медведиц и обнаружил охотник. Он окружил берлогу своими знаками и позвал на помощь других охотников. Те разбудили «зверей» и двоих медведиц убили. Только они освеживали их туши, как выскочила третья сестра-медведица и бросилась на распластанную шкуру сестры — лишь одна лапа не попала на шкуру. Девушка вернула себе человеческий облик, но одна рука у нее навсегда осталась медвежьей лапой.

У коми-зырян рассказывали о колдуне, отлучки которого заприметила его невестка. Она-то и увидела, как свекор пошел однажды в лес и там, перевернувшись через ствол склонившейся к земле березы, стал медведем. Невестка последовала его примеру, да задела ногой за березу, так что одна нога у нее осталась человеческой. Эта ошибка погубила оборотней: они не смогли снова стать людьми, и когда остались на зиму в берлоге, были убиты охотниками.

На другом краю финно-угорского мира, у хантов, рассказывали быличку о том, как жил одинокий старик, и к нему пришел другой белобородый старец, который и предложил ему сотворить чудо. Они подошли к кривому дереву, перевернулись через него и стали медведями. На зиму сделали берлогу. Но старец-знахарь знал больше, чем девицы из саамской былички. Он предупредил своего собрата-оборотня, когда придут охотники. Медведи приперли дверь берлоги рогатиной, охотники потоптались-потоптались, да и ушли ни с чем. Весной же старики снова превратились в людей, перевернувшись у кривого дерева. И живут до сих пор.

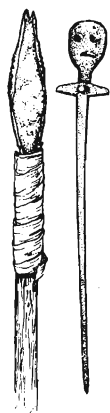
Хантыйская быличка объясняет, почему старики приняли облик медведей: в берлоге легче было пережить голодную зиму. Вспомним средневековые рассказы о людях Лукоморья, что засыпали на зиму.

Саамский и хантыйский рассказы, в свою очередь, поясняют русскую сказку о «мороке». Некий прохожий просится ночью в избушку переночевать. Хозяин пускает гостя, но требует, чтобы тот всю ночь рассказывал ему сказки. Гость («морока») заговаривает хозяина настолько, что внушает ему, будто и рассказчик, и слушатель превратились в медведей. Они убегают в лес, охотятся, а на зиму роют берлогу. Морока объясняет своему хозяину, как себя вести, если придут охотники. Тут пришедшие охотники убивают мороку, а замороженный хозяин, пытаясь спастись, бросается на шкуру убитого, чтобы перекувырнуться на ней и стать человеком, — падает с полатей и приходит в себя.

Никийя в мире людей

Однажды страшная жара спустилась на землю, а в дымовое отверстие жилища — вежи — попал луч солнца. Акка радостно распахнула дверь, и в вежу вошел Пейвальке — сын Солнца. В руках он держал золотой башмачок — точно такой же, что положила Акка в колыбель дочери. Но башмачок был еще велик Акканийди, и Пейвальке вернулся на небо — ждать, когда невеста подрастет.

Когда Акканийди подросла и получила перевеске девушки, то стала проситься с чудесного острова на землю — к людям. По ее просьбе свежий ветер отнес остров на север, к людям. Но на земле в то время разразился страшный голод, и люди чуть было не съели девушку. Тут и пригодилось ей имя Никийя — как только она его произносила, то становилась невидимой. Наконец, в ледяной горе с Севера

приплыл кит, и люди наелись его мяса. Тогда женихи стали соперничать из-за чудесной невесты, но она тотчас исчезала, как только произносила свое волшебное имя. Отец девушки поведал о том, что ее мать — сестра Солнца, и люди стали нести дары прекрасной гостье. Тогда охота стала удачной, а женщины, приносившие свое рукоделье Акканйди, получали прекрасное шитье, стоило только ей прикоснуться к изделиям. После мать Акканйди стала требовать новых и новых приношений. Тут люди начали возмущаться и вспоминать старых богов, при которых не было поборов. Злобные старухи отправились к Черной вараке и стали призывать старых богов. Делать нечего — старик опять вернулся со своими домочадцами на остров Девы, остров же поплыл дальше к северу, в сторону Черной варакы.

Оадзь — ведьма-лягушка

Однажды старик собрался в Черную вараку за берестой, но его старуха Акка, которая была ведуньей — нойтой, — предупредила, чтобы тот не нарушал запрета, не работал при свете луны. Старик не послушал жену и ночью при луне стал драть бересту. Тут к нему и пристала оадзь — мерзкая лягушка (или паук), прицепилась к его загривку, а ее дети — к ногам. Злобная тварь угрожала старику, что изранит его ножницами (колдовской инструмент) и высосет из него кровь, если он не возьмет ее в жены, а прежнюю жену прогонит. Пришлось старику взять эту нечисть домой.

Лягушка — существо, связанное с иным миром, преисподней: она и ее порождения боятся солнечного света. Для лягушки пришлось делать новую вежу, чтобы в ней не было ни щелки; в этом жилище не разводили огня. Старик продолжал рыбачить, но оадзь ездила с ним на рыбалку только ночью. Днем она забиралась в свою вежу под мокрые

сети и заманивала к себе старика. От ее ласк тот совсем облысел, оадзь же вслух мечтала, как она сожрет старика и даст полакомиться своим деткам (вспомним сюжет о злобной карельской Сюэтар). Ее сынки разглядели Акканийди, когда та приходила их кормить, и, конечно, захотели получить девушку в жены. Но отпрыски лягушки не могли справиться с лунной девой.

Тем временем сети, которыми накрывалась нечисть в своей веже, сгнили, и все меньше рыбы добывал старик своей единственной сетью. Все это пожидало семейство оадзи. Наконец, нечисть сожрала самого ослабевшего старика и добралась до Акки. Однако старуха успела перед смертью научить дочь, чтобы та собрала все ее кости и закопала в земле, а еще дала Акканийди сонные палочки.

Расправившись с хозяевами, оадзь отправилась рыбачить, оставив одного своего сына сторожить Акканийди. Та предложила сторожу поискать у него в голове, сама же закрыла ему глаза сонными палочками, так что тот уснул крепким сном.

Тут Акканийди отправилась на горку и зарыла кости матери в земле. Из земли поднялся чудесный костяной дом. В доме лежало золотое шитье, а по столу струился мед (вспомним дом Осмо в карело-финском фольклоре). С лучами солнца в гости явился Пейвальке, и Акканийди принялась шить ему пояс и пить с ним мед.

Настало время, когда должна была вернуться оадзь, Акканийди попрощалась с Пейвельке, топнула ножкой — и чудесный дом исчез. То же повторилось на следующий день, когда сторожить девушку остался другой сын оадзи, но на третий день в сторожах осталась дочь злобной лягушки, а у нее было три глаза. Оадзь раскрыла тайну Акканийди, и та бросилась к своему чудесному дому — но уже стемнело, и Пейвальке был далеко на небе. Напрасно де-

вушка крикнула свое заветное имя и исчезла — ведьма-лягушка растянула тюленьи шкуры и поймала в них Акканийди. Оадзь зашила несчастную девушку в шкуру и бросила в воду.

Найнас

Волны вынесли деву на берег моря. Та поднялась на гору и попала в пустую избу, залитую кровью. Девушка стала отмывать кровь, устала и решила вздремнуть. Чтобы не попасть в чужие руки, она превратилась в веретено (волшебный предмет у финно-угорских и других народов). Вскоре слышались шаги и в доме появились тени богатырей. Они почувствовали запах живого человека и поняли, что в доме была женщина, но не смогли найти ее.

Витязи принялись за еду, а потом — за удалую потеху: стали биться мечами, так что кровь залила всю избу. Чем больше распялялись молодцы, тем ярче становилась кровь. Наконец, боевая игра прекратилась, и бойцы тенью вышли из избы. Остался лишь их предводитель — Найнас. Он принялся искать невидимую гостью, и наконец та смиростивилась — в лучах утренней зари приняла свой облик. Найнас стал мужем лунной девы.

Невидимая дружина Найнаса — сполохи. Когда они бьются в избе, по небу разливается кровь — северное сияние. Этот миф известен многим финно-угорским народам. Сходный миф о небесной битве существовал у древних скандинавов: в небесном чертоге Одина Вальхалле собирались павшие в битвах воины и герои, пировали и сражались, каждый день воскресая для новой битвы.

Но Акканийди не могла жить в чертоге мертвых героев. Найнас отправил девушку к своей матери, дав ей волшебный клубок, который укажет дорогу,

если не оглядываться и не отвечать на зов, кто бы тебя ни звал. Таков необходимый запрет для каждого (начиная с Орфея и Эвридики), кто собирается покинуть царство мертвых. Акканийди миновала все соблазны, прошла через радугу, достигла реки и тут попросила у матери Найнаса лодку, которую делал он сам и поранился: мать поняла, что девушку прислал Найнас.

Мать приготовила постель в амбаре, и Найнас стал навещать жену по ночам. При свете солнца Найнас появляться не мог — днем его не видела даже собственная мать. Две женщины решили задерживать его хитростью — соткали звездный пояс и повесили под потолком, чтобы Найнас не отличил дня от ночи. Когда солнце уже ярко грело и Акканийди вышла по воду, Найнас пробудился и в ужасе бросился от света. За ним бросилась и жена Акканийди, чтобы заслонить его от солнца — но было поздно, Найнас растаял в его лучах. Сама же Акканийди тоже нарушила запрет — впопыхах появилась при свете Солнца простоволосой. Солнце схватил бывшую невесту своего сына и забросил ее на луну. С тех пор в лунных пятнах различают силуэт девы с коромыслом, идущей по воду.

Рождение человека

Сразу несколько саамских божеств должны были трудиться над тем, чтобы человек появился в мире. По одному из мифов скандинавских саамов, небесный бог-отец Радиен-атче перепоручил творение своему сыну, Радиен-киедде, а тот, в свою очередь, призвал на помощь богиню земли Маддер-акку, супругу небесного бога Мадер-атче (считается, что эта триада богов сформировалась уже под христианским влиянием). Радиен-киедде творит душу человека и передает ее Мадер-атче; тот вкладывает душу к себе в живот и, обойдя вокруг солнца, относит

ее Маддер-акке. Богиня земли наделяет душу телом; если рождается мальчик, он препоручается дочери Маддер-акки Укс-акке, если девочка – другой дочери, Сар-акке. Сар-акка покровительствует плодородию: родам у людей и животных, росту растений. Укс-акка и третья дочь Маддер-акки Юкс-акка оберегают детей и жилища людей. Юкс-акка («Лук-женщина») изображается с луком и может переменить пол ребенка, сделав его мальчиком-охотником. Укс-акка обитает под порогом: она заботится о том, чтобы при самом первом своем шаге ребенок не споткнулся. Вот почему в саамском фольклоре человек именуется «небесным».

Три дочери Матери-Земли напоминают о тех же трех мойрах и трех норнах, предопределяющих судьбы людей, которые известны и в прибалтийско-финском фольклоре.

Грозовник Айеке – небесный лучник

Айеке – в саамской мифологии бог грома. Даже его многочисленные имена напоминают рокотание грома: Горагаллес, Гарангаллес (у западных саамов), Гороюрий, Тиермес, Торатурос, Подне («божественный гром»).

Образ Айеке и прочих ипостасей грома сложился под влиянием представлений об эстонском грозовнике Эйке и мифов о скандинавском громовержце Торе. Как и Тор, Горагаллес одновременно был покровителем плодородия и даровал победу в битвах. В голубой одежде он ездит по облакам, и когда сердится или преследует троллей, громом и молнией раскалывает скалы. Чтобы усмирить ярость грозовника, ему приносили в жертву оленя-самца, а также молот, смоченный жертвенной кровью. Деревянные идолы саамского грозовника Горагаллеса, по свидетельству ученого XVII в. Иоанна Шеффера,

изображались с молотом в руках, в голове торчал гвоздь, забитый осколком кремня.

Этот обычай саамов может объяснить загадочный мифологический мотив, известный из «Старшей Эдды», собрания скандинавских мифологических песен (см. «Мифы Древней Скандинавии»). Имя Горагаллес (Хорагаллес) напоминает скандинавское прозвание громовника Тор-карл («муж-Тор»). Скандинавский громовник выехал на битву с великаном Хрунгниром, который был вооружен гигантским точильным камнем. Тор метнул в противника свой молот Мьёлльнир, великан же бросил свое точило. Молот расколол каменный оселок, и части его падали на землю — из них получились скалы. Но один осколок вонзился Тору в голову, так что бог рухнул на землю. Молот же Тора раскрошил череп Хрунгниру. Тор вернулся в свой чертог Трудвангар, но обломок точила всё еще торчал в его голове. Пришлось вызвать вельву — провидицу — по имени Гроа, жену некоего Аурвандиля. Гроа стала говорить заклинания, чтобы вытащить точило из мощного черепа громовержца. Точило уже стало шататься, и обрадованный Тор решил отблагодарить вещунью, сообщив ей хорошую новость о том, что Аурвандиль, который был с ним в Стране великанов, должен вот-вот вернуться. Гроа настолько обрадовалась, что забыла все заклинания. Точило же так и осталось в голове у громовника. Поэтому существует примета: нельзя бросать оселок поперек пола — точило начинает шевелиться в голове Тора, причиняя беспокойство громовнику. Самский обычай забивать гвоздь или кремень в голову деревянного идола имеет многочисленные параллели во многих архаичных религиях: гвоздь забивали богу на память, чтобы он не за-

был о просьбе, или в наказание – если бог не внял молитвам. Вероятно, та же участь постигла и идола Тора у древних скандинавов.

Кремень – характерный атрибут громовника: ведь он высекает огонь – молнии. По некоторым мифам, злой Перкель насильно овладел матерью громовника, поэтому тот преследует злых духов, бросая в них молнии – стрелы. Гром происходит оттого, что Айеке ходит по тучам; радуга – лук Айеке (Айеке-Донга). Иногда Айеке приписывалась власть над морем, водами, ветрами, над жизнью людей. С образом громовержца связан и саамский бог охоты Арома-Телле: он преследует по небу оленя с золотыми рогами, мечет в него молнии. Громовник считался и покровителем оленей – ему приносили в жертву этих животных.

Имя громовника у восточных саамов (лопарей) – Тиермес – напоминает имя небесного бога обских угров, Торума: может быть, это имя восходит к божеству, которому поклонялись еще общие предки саамов и угров в эпоху прауральской общности.

Саамские боги и три яруса Вселенной

Разные группы саамов поклонялись божествам, носившим разные имена. Боги верхнего, небесного мира покровительствовали людям. Солнце Пейве обеспечивало благополучие и хорошую погоду; в его честь устраивали пир в середине зимы, приносили в жертву белых животных. Веральден-ольмай (Веральден-радиэн) – «Муж (господин) мира, Вселенной» – воплощал Мировой столп, поддерживавший небосвод; недаром над его алтарем саамы двигали столб или дерево; он считался также покровителем оленей. (Его имя свидетельствует о скандинавском заимствовании: скандинавский бог мира и плодородия Фрейр именовался Веральдар-

год, «бог мира».) Саамам восточной Лапландии известен был и верховный бог Укко.

Богом ветра у восточных саамов считался Биегг-ольмай («Ветер-мужчина»), у западных — Ильмарис или Ильмаратче, чей образ восходил к общесамскому божеству воздуха (вспомним Ильмарине-на). Снежной лопатой бог ветра создает непогоду и пургу. Рассказывают, что некогда эта лопата была такой большой, что из-за постоянных метелей нельзя было жить на земле; но, к счастью, лопата сломалась, и половиной своей лопаты бог ветра не может покрыть снегами всю землю.

У саамов Терского берега Белого моря главным богом считался Каврай, покровитель шаманов — заклинателей, способных проникать во все ярусы Вселенной. Его брат Рухтнас почитался как бог-воитель, защитник саамов: он был заступником саамов и перед Кавраем. Их сестра и жена Рухтнаса — Разиайке («Трава-женщина»), богиня среднего мира, была покровительницей оленей, травы и пастбищ. Ее атрибут — золотое веретено: когда она раскручивает его в сторону юга, олени стада идут к северу; в сторону севера — олени возвращаются на юг. Под покровительством Разиайке олени так размножились, что съели всю траву и стали погибать от голода. Тогда бог Каврай создал волков, чтобы те очистили землю от падали и сократили число оленей, человеку же дал собаку, чтобы та охраняла стада.

Известна была также небесная Рана-нейдда (Рана-дева), покровительница первой травы, которая появлялась на возвышенностях весной; ее молили о том, чтобы олени вовремя получали траву, а на алтарь (сейд) клали пряслице и веретено — символы богини судьбы. Финские саамы почитали Равдну, богиню земли, которой приносили в жертву оленей (ее сравнивают с Рауни, женой Укко).

Покровителем охотников был Лиейб-ольмай («Ольховый человек»), хозяин леса, который надеялся обликом медведя; ольха почиталась многими финно-угорскими народами как священное дерево, похожее на человека, — ведь под корой она была красная. От этого бога зависело плодородие земли, рыбы и оленей; у его жертвенника оставляли рога и кости оленей, обрызганные жертвенной кровью, и устанавливали деревянный фаллический символ. Хозяйкой оленей считалась Луот-хозик, богиня, которая ходит на двух ногах и имеет человеческое лицо, но вся покрыта оленьей шерстью; она заботится об оленьих пастбищах, поросших мхом, и оберегает оленей от диких зверей: но охотникам она тоже покровительствует и посылает к ним оленей. У Луот-хозик есть муж — Поз-хозик.

Луот-хозик, как и олень-первопредок саамов Мяндаш, напоминают нам о мотиве человека-лося на старинных бляхах, выполненных в пермском зверином стиле.

От Аккрувы — богини с рыбьим хвостом — или Инару, хозяина рыб, который сам имел облик огромной рыбы, зависела удача в рыбной ловле. Как и прочие водяные девы, Аккрува любит расчесывать свои длинные волосы. Когда она уходит с подвластной ей рыбой в реки, сразу же начинается удачный лов. Перелетные птицы также имели свою собственную хозяйку — Барбмо-акку.

Нижний мир в саамской мифологии также имел три яруса. В рай — Сайваймо, страну изобилия, расположенную на чудесной горе, — попадали шаманы, воины, погибшие в бою (вспомним скандинавскую Вальхаллу), и матери, умершие при родах. Большая часть умерших попадала в преисподнюю — Ябмеаймо («Дом мертвых»), где правила Ябме-акка («Женщина мертвых»). Рота, или Рута, — бог болезней (может быть, он сам был воплощением чумы и смер-

ти) был повелителем той части преисподней, куда попадали умершие от болезней. Его представляли в виде всадника в синих одеждах; во время эпидемий этому богу в жертву приносили лошадей (их зарывали в землю), собаками Рота были волки (он напоминает обско-угорского Куль-отыра и других хозяев преисподней).

Временем суток также управляли боги неба и преисподней. Небесный бог Радиен-атче воплощал день — от него зависел рассвет; наступление вечерних сумерек саамы обычно связывали с властью бога нижнего мира Рота.

Многочисленные духи населяли землю, воду и преисподнюю. Владельцами диких оленьих стад считались духи-гофитерраки. Гномы (чакли) обитали в горах, под землей и камнями: они считались добродушными, но озорными созданиями, животы их были наполнены серебром. Хозяевами озер назывались чадзйелле, леса — варйелле, домовые именовались кьедиелле.

Злыми духами были воплощения болезней — пианес-ольмак («черные муки»), обитавшие в преисподней. Известен был и дуннер-мунас — женский дух, который доил (отбирал молоко) олених-важенок, отчего те заболели.

Похищение Разиайке

Каврай, Рухтнас и Разиайке пасли оленей на плодородных пастбищах. Рядом же обитал чужак — Тала. Сам он был богат — держал у себя не только оленей, но и коров, и овец, однако был при этом жаден и похищал оленей со стойбищ Рухтнаса. Он даже крал детей у саамов и заставлял их пасти свой стада. Покровители саамов не могли справиться с Талой, поскольку не знали, где спрятана его душа.

Однажды Рухтнас с братьями поднялся на небо, наказав Разиайке не петь песен. Но без пения

богини не плодились олени и не росла трава. Поэтому Разияйке запела в своей веже, и Тала услышал ее песню. Он похитил Разияйке и принес в свой дом. Хотел он жениться на Разияйке, да та задала ему трудную задачу — сломать железную паньгу, которой вожжи пристегивались к оленьей уздечке: похититель силился сломать или разгрызть железо, но только обессилел от этих попыток.

Хитрая Разияйке между тем выведала, где спрятана душа Талы: за тремя озерами, которые надо было пересечь на чудесных лодках, управляемых мышами-гребцами — хтоническими тварями. Душа была заключена в яйцо, яйцо — внутри орла, орел жил в серебряном амбаре на верхушке сосны. Разияйке попросилась у Талы пойти по ягоды. Тот отпустил, но привязал пленницу вожжами к дому, навесив на них колокольцы. Разияйке перевесила колокольцы на скалы, сама же поспешила за душой Талы. Она вернулась в дом похитителя и бросила яйцо в кипящий котел. Тогда Тала в мучениях испустил дух, так что крыша его дома опала, а очаг погас. Тут вернулся Рухтнас и изгнал всех талов за море.

Сказка о похищении Разияйке напоминает одновременно мифы о похищении богинь плодородия божеством преисподней и сказку о Кощеевой смерти, спрятанной в яйцо.

Равк — саамский вампир

Живым угрожали духи мертвых, особенно те, которые были колдунами или шаманами-нойдами при жизни. Рассказывают о том, как в избе жили старик со старухой, у которых было три дочери и сыновья. Старик умер и забрал с собой старуху: он был колдун («еретник», русское название, которое заимствовали саамы и коми), хотел забрать с собой и дочерей, да у тех не вышел жизненный срок — еще все зубы были целы.

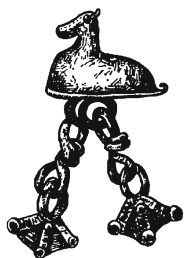
Зубы – признак молодого возраста и хорошего здоровья: в поверьях коми-зырян колдун, потерявший зуб, лишился своей силы.

Как-то осталась старшая дочь дома одна и стала плакать от тоски. Тосковать же, особенно по мертвым, опасно. Ночью слышит девица, что кто-то идет, ступая одной ногой. Обрадовалась глупая какому ни есть гостю, а тот потребовал угощения. Съев все, пришелец набросился на самую хозяйку и съел ее, не тронул лишь ножки. То же случилось и со второй дочерью. Третья дочь, оставшись одна, повела себя разумно: она спустила собаку и приготовила кипяток и камни. Вампир-равк явился и к ней, но собака не пускала его к воротам. Тогда он принялся грызть стену. Третья дочь стала лить на него кипяток и бросать камни. Выходца из могилы и это не могло остановить, так он был голоден. Равк уж было пролез в избу, да тут рассвело, и мертвец так и окостенел на месте. Сбежавшиеся соседи вбили ему спицу меж лопаток, а потом сожгли, чтобы он не возвращался больше в мир живых.

Одноногое существо – характерный обитатель преисподней, края Ойкумены (вспомним рассказы об одноногих людях, живущих на краю света) или леса (таков леший палесмурт – полчеловека в удмуртской мифологии).

Чакли

К существам иного мира относились и гномы – чакли. Жили они так же, как саамы, но только глубоко под землей, да ростом были гораздо меньше. Рассказывают, что один старик увидел в отверстии под старой елью погост чаклей и подсмотрел, как их дети выбрались ночью на землю поиграть. На следующий день старик отправился в лес и поймал маленького чаклю. Он принес его домой к старухе, так как своих детей у них не было. Мальчуган был веселым, но постоянно подсмеивался над стариками и

повторял за ними все, что они говорили. Деду он помогал в работе, но старухе он только портил дело — она чинила сети, а чакля их рвал да еще смеялся. Старуха стала допекать мужа просьбами, чтобы он отвел чаклю назад в лес, но тот дорожил своим приемным сыном. Правда, когда чакля повзрослел, он сам стал тосковать о своей земле и однажды покинул дом приемных родителей.

Но на пути он повстречал незнакомый народ. То была чудь — так русские называли эстонцев и финнов, живших на севере Восточной Европы, и саамы переняли это название. Чудь хотела завоевать саамскую землю — ее воины схватили чаклю и спросили: «Как твое имя?» — «Как твое имя?» — ответил вопросом чакля и засмеялся. На все расспросы он отвечал теми же вопросами. Тут чудь разъярилась, и чаклю бросили в воду. Тогда все увидели, что в воду полетел не гном, а воин-чудин. Военачальник ударил чаклю мечом — и от удара легли три чудских воина. Начальник понял, что силой с чаклей не справиться, и велел ему вести чудь в саамскую землю. Чакля же завел чудь к порогам, на которых загубил их лодки. Чакля вернулся к старикам, а чудь пропала.

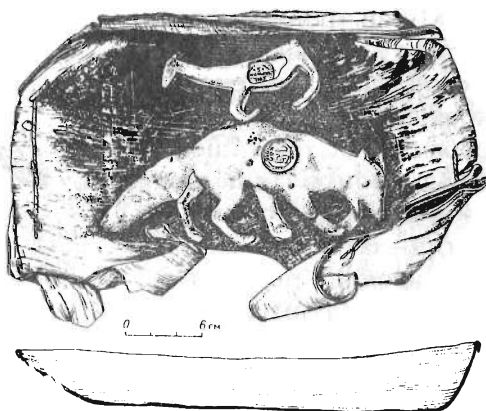
Леший-побратим

Лесные духи могли помочь человеку, если тот оказывал им услугу. Рассказывают, как один парень пошел в лес по дрова. Только хотел срубить сухую сосну, как та взмолилась, чтобы он не рубил ей ноги. Парень срубил дерево под корень, а сосна продолжала просить, чтобы он осторожно рубил ей вершину — не срубил бы голову. Лесоруб и тут справился с задачей, и из дерева вышел человек, оказавшийся варйелле — лешим: его заколдовали так, что он не мог выйти из дерева.

В благодарность леший обещал принести парню золото и, действительно, принес целый мешок —

На чердаке одного
из домов манси
наряду с древней
бронзовой фигуркой
ястреба
с человеческим
лицом обнаружены
**фигурки волка и
оленья** с подогнутыми
ногами, отлитые
из свинца в первой
половине XX в.
Хорошо видны
впаянные в фигурки
советские монеты.

Полая бронзовая пронизка в виде **хищной птицы
с человеческой личиной**. VII–VIII вв.

Большевисимский могильник.

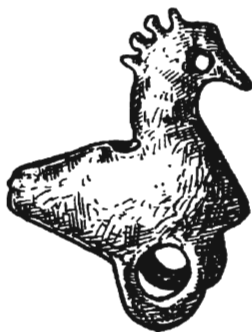
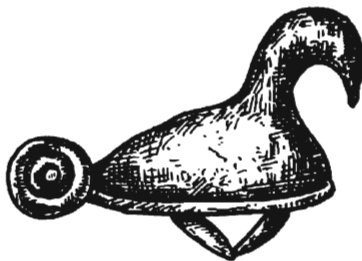
В X–XIV вв. финно-угорские мастера изготавливали многочисленные женские украшения-амулеты, сохранявшие традиционные **образы водоплавающих птиц, а также коней**, иногда – со всадником. К украшениям цепляли «шумящие» привески на цепочках.

*Подболотьевский
могильник,
Бронза.*

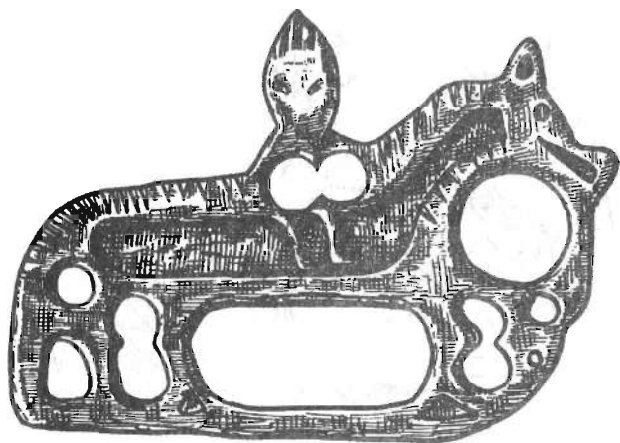
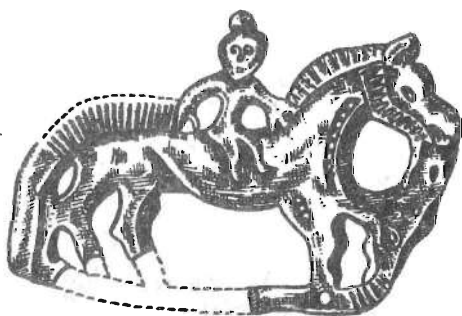
*Поломский могильник.
Бронза.*

*Костромские курганы.
Бронза.*

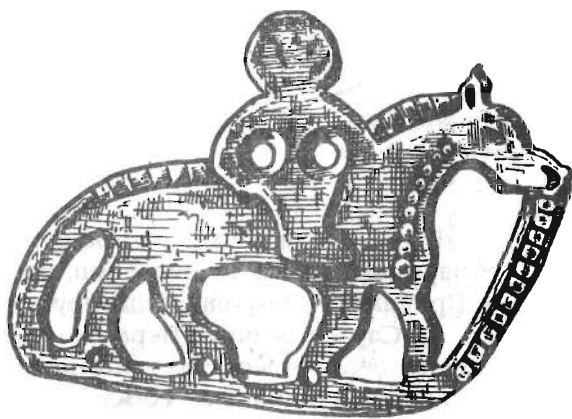

Глазовский уезд. Бронза.

Веселовский
могильник,
Бронза.

Танкеевский
могильник,
Бронза.

Драгоценная посуда из Ирана и Византии
обнаружена на месте святилищ, расположенных
в Прикамье и Зауралье и датируемых IX–XII вв.
(с. Слудка бывшей Пермской губернии).

Последователи **местных шаманских культов**
прочертили на блюдах **собственные рисунки.**

Этим рисункам
есть точное
этнографическое
соответствие –
**шаманский
ритуал у
хантов**,
совершавшийся
после летнего
промыслового
сезона.

В раннесредневековый период Пермская земля имела связи с Сасанидским Ираном и получала оттуда в обмен на меха драгоценную посуду. Например – серебряное блюдо с изображением **орла с собачьими ушами (Сенмурва или Симурга)**, который несет в когтях женщину. Этот мотив был знаком пермским художникам.

Очень распространенный образ пермского звериного стиля – птица с распростертыми крыльями и человеческой личиной на груди – **«шаманский дух», возносящий шамана на небо.** Птицевидные привески, по-видимому, украшали шаманский костюм.

Эта рукоять ложки, выточенная из оленьего рога (Усть-Полуй), изображает **хищную птицу, терзающую голову лося.** В работе чувствуется влияние скифо-сибирского звериного стиля.

так что лесоруб не смог его поднять. Но леший за- просто забросил мешок к веже парня, и родители удачливого дровосека зажили припеваючи. Своему же названному брату леший дал свистульку и шапку-невидимку, чтобы тот мог в любой момент позвать лешего на выручку.

Помощь лесного побратима скоро понадобилась, потому что парня забрали на войну. Тот взял шапку-невидимку, дунул в свистульку, и чудесный помощник вызвался воевать вместо него. Парень же оказался далеко на лесном озере, у родителей лешего. Старик-леший переживал за сына, и однажды дал выпить сыновнему побратиму чудесного зелья, чтобы узнать, что происходит в варьелле. Тут гость леших почернел, а глаз у него вытек: понял старик, что и лешему на войне приходится худо. Взял он у сыновнего побратима глаз и отправил сыну. Стало у побратимов два глаза на двоих.

Война закончилась, и леший вернулся в свой дом. Предложил он побратиму жениться — ведь в селении его ждала просватанная невеста. Девушке страшно было идти замуж за одноглазого и почерневшего односельчанина, но он был богат, и отказываться от данного слова было нельзя. Странной была свадьба у побратима лешего — ее устроили в лесу, и собралась на нее всякая нечисть. Несчастной невесте оставалось только кормить связавшегося с нечистью жениха.

Нечистое богатство не приносит счастья. Лишившийся глаза дровосек и сам стал сродни нечистой силе.

Шука-оборотень

Однажды два саама охотились в лесах и горах, но никак не могли добыть зверя. На охоте их застал рассвет, и они увидели чудо — над горизонтом взошло два солнца. Саамы тут же загадали желания:

один попросил у солнца два века жизни, другой же обратился со странной мольбой. Он просил солнце родить девушку, в утробу которой он вошел бы сам. Товарищи вбили оселки в деревья, чтобы они напоминали об их судьбе (сравните деяние Лемминкяйнена, который оставил гребень в доме, чтобы по нему мать узнавала о судьбе сына).

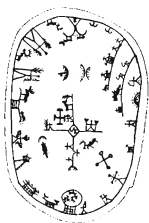
Второй охотник был знахарем — нойдой. Его товарищ стал проживать свои две жизни, знахарь же ушел в воду и стал там щукой. Два века плавал он огромной щукой в водах, зарос тиной, пока не появилась, наконец, девица, которую он просил у солнца. Отец девушки и выловил огромную щуку. Стали ее варить в котле, щука же высунула из котла свой хвост, куда загнала свою душу. Девица не утерпела и съела щучий хвост. Так нойда оказался в утробе девы.

Знахарь родился вновь, молодцем, наделенным чудесным знанием о жизни всей Вселенной. Он вспомнил о своем товарище и отыскал его — дряхлого, ничего не помнящего старца. Оборотню-щуке осталось лишь похоронить его, сам же он счастливо женился с девой, которую попросил у солнца.

Щука считалась волшебным животным у финно-угорских народов: Вяйнямёйнен не только сделал кантеле из ее костей, но и сам превратился в щуку, чтобы добыть чудесную невесту (правда, ему не повезло, в отличие от саамского оборотня). Финно-угорские водяные и даже божества принимают облик щуки, а череп щуки, согласно верованиям коми-зырян, приносит удачу в рыбной ловле.

Нойды и шаманский спиритизм

Заклинатели-шаманы *нойды* наделялись способностью проникать во все миры саамской Вселенной — договариваться с небесными покровите-

лями людей и спасать от злых духов преисподней. Самих шаманов избирали являвшиеся в видениях духи — *тонто*. Распевая заклинания, шаманы неистово били колотушками из оленьего рога в бубны, на которых изображались все ярусы Вселенной и все саамские божества, животные — помощники шаманов, а в центре — солнце Пейве, иногда — с оленем (ведь он везет солнце по дневному небосводу) или человеком. Шаманам подпевали все собравшиеся — этот шум приводил в экстаз шамана и пугал змею по имени Сайва-Гуэлле, которая сажала шамана на спину и переносила в преисподнюю. Враждебные духи преисподней преследовали шамана, и он мог навсегда остаться в загробном мире. Помощниками шаманов были и другие животные (*сайво*), представлявшие все стихии мироздания и переносившие туда нойд: олени, а также птицы — ласточки, воробьи, куропатки, орлы, лебеди, вороны. Если враждебный шаман насылал порчу на саама, его лекарь отправлял своего чудесного оленя на битву с вражеским: если олень лекаря оказывался сильнее, саам выздоравливал. Порчу насылали и при помощи птиц, которые приносили нойдам вредоносных насекомых: те собирали их в специальные короба и выпускали на людей, которых хотели испортить (сходные представления о *шеве* — порче в облике гадов, хранившихся в коробах, — известны коми). По саамским поверьям, нойды могли заимствовать друг у друга вредоносных тварей, но всегда честно возвращали долг.

О могуществе древних шаманов рассказывали специальные легенды. Еще до христианской поры жили на Кольском полуострове три брата-силача — нойды. У них было мало оленей и земли, и решили они отправиться в Норвегию, чтобы отрезать там себе земли. Мать долго ждала детей. Наконец она услышала страшный шум — это сыновья везли землю.

Женщина с радостными криками побежала встречать сыновей. Но она нарушила запрет — соблюдать полное молчание, когда творится колдовство. Сама женщина окаменела, окаменел и ее погост; олени и нойды утонули, а оторванная ими земля превратилась в Айновы острова.

Во время путешествия шамана на тот свет его тело находилось в оцепенении, пока другой шаман — его помощник, уже вернувшийся из иного мира, не будил его.

Рисунки на бубне использовались при шаманских гаданиях как столик с движущимся блюдцем во время сеанса спиритизма: в центр, на изображение солнца, помещалось кольцо, а шаман, ударяя своей колотушкой по бубну, следил, как кольцо будет двигаться; если кольцо двигалось посолонь, это считалось хорошим предзнаменованием. Так же выбиралась и жертва, которую нужно было принести богам или духам, — движущееся кольцо указывало на одно из животных, изображенных на бубне. Если жертва не помогала, шаману самому приходилось отправляться в преисподнюю — Ябмеаймо, где он должен был заклясть подземных духов не призывать в преисподнюю больного. У кольских шаманов вместо бубна использовался пояс, к которому прикреплялись кольца.

Нойда и живой мертвец

После смерти нойды становились опасными мертвецами, так как они не теряли способности посещать иные миры: теперь для них иным миром был мир живых, и нойды могли похитить живого и утащить его на тот свет. Рассказ о таком вампире (равке) уже приведен выше. О другом нойде было известно, что он испортил много людей. После смерти его стали бояться еще больше, чем при жизни: никто не решался его похоронить, даже его

сыновья. Наконец, другой нойда согласился отвезти покойника на лесное кладбище за особую плату. Он выехал на оленьей упряжке под вечер, чтобы к утру успеть совершить обряд, но в полночь олени остановились: мертвец сидел в санях. Тут возница-нойда выхватил нож и пригрозил покойнику, что, если он не ляжет, как положено мертвецу, он второй раз убьет его ножом. Здесь шаман совершил страшную ошибку: мертвецу нужно было пригрозить деревянной дубиной, но ни в коем случае не железом: хоть покойник и послушался шамана — лег, но зубы у него стали железными. Нойда понял, что в другой раз ему не спастись от железных зубов, и, бросив упряжь, полез на ель. Мертвец бросился за ним, но не мог карабкаться по дереву: ведь руки у него, по христианскому обычаю, были сложены крест-накрест. Зато он принялся грызть ель железными зубами. Шаман на вершине начал кукарекать по-петушиному, чтобы испугать мертвеца: так он продержался до зари, когда мертвецу пришлось вернуться в свой гроб. Наконец, могильщик смог закопать гроб, но положил его набок — чтобы мертвец не встал опять. Еще несколько лет люди, проходившие мимо могилы, слышали, как оттуда раздается вой...

Сейды и шаманские духи

Шаманские и другие обряды проводились возле сейд — культовых камней и скал, воплощений Мирового столпа или горы, соединяющей все миры. Иногда сейды напоминали фигуру животного или человека, и саамы верили, что на этом месте окаменели шаманы-нойды или древние предки. Здесь просили о покровительстве оленьим стадам, шаманскими песнопениями отгоняли волков.

Считалось, что в камнях обитают духи, которые живут так же, как и люди, — имеют оленьи стада, со-

бак, охотятся, женятся, но обладают при этом сверхъестественными способностями — могут летать и превращаться в животных. Как и всякие духи, они могли как вредить человеку, так и помогать ему в промыслах. Общаться с духами могли только шаманы: простые люди поклонялись священным камням, оставляя возле них мелкие приношения и олени рога.

Согласно легенде, в жертву водяным сейдам, хозяевам рыбы, некогда приносили в жертву людей (водяные у всех народов жаждут человеческих жертвоприношений). Однажды хитрый саам кинул в пасти сейдов не людей, а двух черных собак и кошку. Конечно, духи распознали обман и пришли в дом к хитрецу, требуя настоящих жертв. Но когда они раскрыли рты, саам залил их кипятком. Духи расвирепели, на море поднялась ужасная буря, но человеческие жертвоприношения вскоре после этого прекратились.

Волшебные звери

Звери были не только помощниками шаманов: им поклонялись как священным животным. Как и большинство народов Севера, саамы почитали медведя. Саамы, которым известны стали христианские легенды, рассказывают, что, когда Бог ходил по земле, олень и волк отказались перенести его через болото, и Богу послужил медведь. С тех пор медведь стал почитаемым животным. Но вместе с тем, как всякий дикий зверь, медведь считался опасным чудовищем (в сказках он иногда ассоциируется с чудяком Талой, Сталло и напоминает глупого черта из сказки) — вспомним, как он похитил Гром и Лунную деву. Но самым почитаемым животным у саамов был олень.

Для народов, живущих охотой, характерны тотемические мифы о браках с животными. Жениха-

ми, искавшими невест среди людей, становились не только медведи. Так, в сказке саамов Кольского полуострова рассказывается о старике и старухе, у которых были три дочери. Однажды они услышали воронье карканье у вежи, открыли дверь, и ворон, обернувшись человеком, сосватал у них одну дочь. Следующим женихом оказался тюлень, последнюю дочь взял в жены северный олень — Мяндаш. Через некоторое время старики пошли проведать дочерей: у жены ворона был выклеван глаз, а у супруги тюленя отгрызена рука. Благополучно было лишь в веже у оленя — тот всегда приносил с охоты свежего мяса, а, войдя в вежу, становился человеком. Старики остались жить у Мяндаша, но однажды жадная старуха возмутилась обычаями, которым следовала ее дочь: та каждую ночь выбрасывала оленьи шкуры, которые мочили маленькие дети Мяндаша. Дочь послушала мать и повесила сушить шкуру. Вернувшийся Мяндаш услышал запах человеческого мочи и не смог обернуться человеком. Так он и ушел в тундру, а за ним — его дети; даже грудной ребенок стал олененком-сосунком. Мать пыталась вернуть хотя бы младшего, но малышу дикое раздолье оказалось милей человеческого жилья. Тогда мать заклала его: пусть стережется дурного человека, к хорошему же охотнику пусть выходит сам, чтобы стать ему пищей.

Жена Мяндаша вновь вышла замуж — за обыкновенного человека. Тот не был удачлив в охоте, и жена в своей песне сетовала на голодную долю. Однажды во сне ей привиделся Мяндаш: он пожалел жену и обещал, что в «святом месте» — у сейда — новый муж сможет подстрелить оленя. Пусть только не выносит на улицу его шкуру — постель. Женщина послушалась, и с тех пор охотничья удача не оставляла людей. Лишь однажды хозяйка вынесла шкуру просушиться — и она исчезла...

Сказка-миф о браках с чудесными животными показывает, как представляли себе саамы устройство мира. Животные-обитатели чуждых человеку стихий – воздуха и моря – как правило, оказываются опасными партнерами; их жены, одноглазая и однорукая, сами обретают черты существ иного мира. Олень – обитатель земли – ближе всех к людям.

Олень Мяндаш – первопредок саамов

Древний миф повествует о происхождении кольских саамов от чудесного оленя-оборотня Мяндаша, звавшегося Мяндаш-парнь («Мяндаш-парень»), Мяндаш-пырре («Мяндаш-благо»). В некоторых мифах Мяндаш – сын нойды (шаманки) Коддь-акки («дикарьей старухи»), зачавшей Мяндаша в облике важенки от дикого оленя. Коддь-акка обернулась женщиной, но ребенок родился оленем; узнав, кто его отец, Мяндаш уходит от людей в тундру к диким стадам. С тех пор человек получил возможность охотиться на них – ведь дикие олени, став его близкими родичами, сами стали поддаваться охотникам.

Другой вариант мифа повествует о том, что Мяндаш – сын Мяндаш-девы, важенки, способной, как и он, превращаться в человека. Мяндаш ведет образ жизни человека, охотится, заготавливает дрова. Вежа построена Мяндашем из оленьих костей и шкур: ее крыша – ребра, опоры – ноги оленя, даже камни очага напоминают оленью печень. В веже Мяндаш становится человеком, вне вежи он – олень (вспомним о превращениях Солнца Пейве – входя в свою вежу, он становился человеком).

Среди бронзовых литых фигурок упоминавшегося в начале книги пермского звериного стиля есть изображения людей, а иногда и семейства, включающего взрослую пару и ребен-

ка, которые стоят на ящере. Одна такая композиция включает «пермскую мадонну», которая кормит грудью своего младенца (ажурная бляшка с этой сценой хранится в Эрмитаже, среди других мадонн): она напоминает легенду о Золотой бабе с младенцем на руках. Над счастливым семейством — свод из смыкающихся симметричных голов оленя или лося, по сторонам — свешивающиеся шкуры. Очевидно, перед нами жилище тотемических предков. Но жилище в архаичных культурах само имеет сложную символику: оно воплощает Вселенную. Недаром обитатели оленьего жилища стоят на ящере: ведь ящер — существо преисподней; в звериных образах воплощен космос, как его представляли создатели пермского звериного стиля.

Самым распространенным образом пермского звериного стиля оказывается человек с головным убором в виде головы лося или просто с головой лося, также стоящий на ящере. В.В. Чарнолусский сравнил эти образы с саамским образом Мяндаша и нашел в пермской пластике много соответствий образам саамских мифов: распластannую бронзовую «шкуру» он сравнил с постелью, которую нельзя было выносить из жилища, женскую личину — с Мяндаш-девой и т. д. Так ли это? Как нам представляется, пермский звериный стиль обладает своим «языком», который рискованно переводить на язык образов саамской мифологии. Ясно лишь, что язык звериного стиля — это язык космогонических мифов, и его центральный образ — космический лось, тотемический предок людей: недаром он совмещает черты лося и человека.

Мяндаш просит мать сосватать ему невесту из человеческого рода: мать предупреждает его,

что олень не сможет ужиться с человеком, но Мяндаш стоит на своем. Тогда Мяндаш-дева отправляется на поиски невестки: она превращается в важенку и переплывает Мяндаш-йог — реку, разделяющую землю Мяндаша от земли людей: ее кровавые волны текут из легких оленя, а камни — оленья печень (для саамов такая река все равно, что молочная река с кисельными берегами в русской сказке). Обернувшись женщиной, Мяндаш-дева вошла в вежу, где были три дочери на выданье. Первые две дочери не прошли брачных испытаний — не смогли высушить обувь Мяндаш-девы (ведь стельки в этой обуви были из оленьего жира), едва перебрались через реку, и побоялись войти в вежу из оленьих костей. В итоге Мяндаш-дева превратила их в камни. Из трех невест-сестер лишь младшая не нарушает запретов Мяндаш-девы, заклинаниями и ольховой корой она высушивает Мяндаш-йог, ласково обращается с оленями и становится женой Мяндаша.

Чтобы переправиться через кровавую реку, невеста должна была разжевать ольховую кору и сплюнуть ее в воду. Ольха считалась священным — Мировым — деревом, ее кора имела красный оттенок, поэтому ее использовали для остановки крови в заговорах и для нанесения рисунков на шаманские бубны.

У оленя и его избранницы рождаются дети, но когда младший сын мочит постель из оленьих шкур, Мяндаш уходит из вежи в тундру с другими оленями. Жена его, обернувшись в намоченную шкуру, в облике важенки — Мяндаш-каб — следует за ним. С тех пор они постоянно предводительствуют стадами диких оленей.

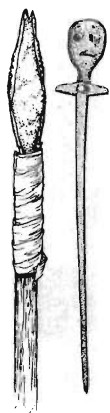

По другим вариантам мифа, в оленей превращаются дети Мяндаша, жена же сохраняет человеческий облик и напутствует детей, чтобы те не да-

вали убивать себя плохим людям. Сама она вновь вышла замуж за человека, но жила впроголодь. Мяндаш, сжалившись над людьми, явился жене во сне и обещал ей, что ее муж сможет подстрелить Мяндаша (одно из его названий – Мяндаш-аннтуг, «дающийся»). С тех пор охота стала для людей удачной. Рог, оброненный Мяндашем (*черв-вечутл*), отмечал места, где водились стада оленей. В жертву Мяндашу приносили обетного оленя на охотничьей трапезе-причастии, укладывали рога возле сейд. Это должно было обеспечить удачную охоту. После трапезы кости оленя накрывали шкурой: охотники верили, что олень (или его душа) вновь живым вернется на землю.

У русских на Севере, равно как у коми и удмуртов, известна легенда о чудесном олене, который на Ильин день сам выходил к церкви из леса, чтобы быть принесенным в жертву. Его убивали, а мясо варили и раздавали нищим. Но однажды олень запоздал, и старики убили вместо него корову. С тех пор лесной зверь перестал появляться. Эта церковная легенда распространена очень широко и имеет византийское происхождение, но за ней скрывается еще более древний миф о смене охотничьего культа на скотоводческий: человек перестал зависеть от милости «хозяев» природы.

Мяндаш был не только предком, но и культурным героем: он научил людей охотиться, надевать на себя оленьи рога и прятаться за камнем; дал людям лук. Он запретил убивать больше одной важеньки в осеннем стаде и не велел трогать хирваса – производителя, чтобы не прекратилось потомство оленей. Но вот люди вооружились ружьями, гром которых пугает оленей. Они перестали щадить и важенок, и хирвасов. С тех пор не стало удачи в охоте.

В саамском мифе о конце света Мяндаш — небесный олень; его тропа — тропа солнца. На златорогого белого оленя Мяндаша охотится громовник Айеке-Тиермес со своим луком-радугой; он видит добычу и смеется — от этого слышится гром. Человеку опасно видеть преследуемого небесного оленя: от сияния его глаз он может ослепнуть, от топота копыт — оглохнуть. Когда в оленя попадет первая стрела, горы извергнут огонь, реки потекут вспять, иссякнут источники и высохнет море. Когда вторая стрела вопьется Мяндашу в лоб, огонь охватит землю, горы сгорят, а на севере лед закипит. Северный ветер станет пламенем, и сам Северный Старец сгорит. Когда же собаки Тиермеса схватят оленя и бог вонзит в его сердце нож, звезды падут с небес, утонет солнце, потухнет луна, на земле останется прах.

МИФОЛОГИЯ КОМИ

Два близкородственных финских народа – коми-зыряне и коми-пермяки – имели некогда общую мифологию. Их древняя религия была уничтожена в процессе христианизации, но сохранился богатый фольклор. Он систематизирован ныне в специальной энциклопедии «Мифология коми».

Стефан Пермский и древние колдуны

В «Житии русского миссионера Стефана Пермского» (XV в.) рассказывается о том, что коми поклонялись богам воздуха, воды, охоты, а также многочисленным божествам леса, огню, солнцу, идолам (упомянутой «Золотой бабе»), животным и деревьям. Из одного такого дерева – «прокудливой» (проклятой) березы – Стефан изгнал бесов, срубив священное дерево: из ствола при этом текла кровь, а береза издавала стоны.

В фольклоре коми сохранилось много легенд о состязаниях Стефана с колдунами-жрецами (тунами). Один из них – Мелейка – жил на реке Мезени и гнал сусло для пива – ритуального напитка коми. Стефан плыл мимо на лодке и велел сусло не ва-

риться: в ответ колдун произносит заклинание, и лодка Стефана останавливается на реке. Только когда Стефан велел суслу «бежать», лодка побежала по реке. Тогда Стефан причалил к берегу, но Мелейка бросился на него с оружием: русский миссионер вновь произнес заговор и стал неуязвимым. Чтобы спастись, колдун произносит заклинание, охлаждает сусло и бросается в котел, но Стефан приказывает огню вновь разгореться под котлом. Спутники Стефана принялись рубить выскочившего из чана колдуна топорами, но не могли убить его до тех пор, пока он сам не велел им разрезать пояс, где хранилась его жизненная сила.

Этот рассказ повторяет предание коми о двух колдунах — Корт Айке и Паме. Корт Айке («Железный свекор») поссорился с окрестными жителями, сделал себе жилье и одежду из железа, затем перегородил железной цепью реку Вычегду у Железной горы и принялся грабить всех проезжих. Корт Айке обладал неслыханной колдовской силой — заклинаниями заставлял померкнуть солнце и луну, день превращал в ночь, заставлял реку течь вспять, насылал засуху. Другой колдун Пама водил дружбу с Железным свекром, так что когда Пама плыл по реке, тот велел цепи опуститься и пропускал собрата по чародейству. Но как-то железный колдун увлекся варкой пива (сур) и не поклонился вовремя Паме: тот обиделся и велел суслу стоять и не бродить: тогда и Корт Айке велел лодке стоять. Паме пришлось снять заговор с сусла, тогда и лодка поплыла...

Другой колдун — Ошлапей — имел медвежьи лапы (ош и означает «медведь» на языке коми); он стал убивать скот и тех людей, которые приняли христианство. Коми взмолились, чтобы Стефан спас их от злодея. Святой поплыл к его логову, колдун же под-

нял волны на реке, а потом сам превратился в гигантскую щуку, чтобы потопить Стефана — колдун умел превращаться и проникать во все сферы мироздания. Миссионер, однако, добрался до жилища колдуна, и тогда Ошлапей превратился в медведя. Зверь напал на Стефана и его дружину (подобно тому, как лютый зверь напал на князя Ярослава в Медвежьем углу), однако дружинникам никак не удавалось ранить колдуна до тех пор, пока один из них не выстрелил в оборотня наклонившись и целясь между ног. Ошлапей принял человеческий облик, но и тогда его не могли убить до тех пор, пока не разрезали его колдовской пояс.

Сам Стефан Пермский приобрел чудесные свойства демиурга в легендах коми. Он смог плыть на камне (каменном плоту), когда языческая «чудская» княгиня отказалась дать ему лодку (пораженная чудом язычница утопилась в реке). Рассказывают, что во времена Стефана водились гигантские рябчики, но один из них, вспорхнув, испугал коня святого. За это Стефан проклял птицу, и рябчик уменьшился в размерах.

Колдуны в поверьях коми сохраняли способность превращаться в разных животных — медведя, волка, черную собаку, коня, поросенка, курицу, лягушку. На Печоре верили, что колдун, желающий превратиться в медведя, снимает одежду и трижды кувыркается «против солнца»: для обратного превращения ему достаточно перекувырнуться «по шерсти солнца».

Богов и духов коми-язычников христиане считали бесами. Фольклор коми сохранил для нас древние мифы о языческих богах и сотворении мира, но и эти мифы испытали влияние христианских легенд о противостоянии Бога и Сатаны. Бог-творец Ен в поздних легендах коми нередко отождествляется с библейским Богом.

Творцы мира Ен и Омоль

В мифах коми о сотворении мира бог Ен как творец хорошей и праведной части мира противостоит своему брату Омолю (или Кулю у коми-пермяков) – создателю всего плохого и злого. Имя Ена означает «бог, небо» и близко именам других небесных богов, в том числе удмуртского Инмара. Имя Омоль – «плохой, гадкий» – по некоторым предположениям отражает наименование высшего бога Юмала у соседей коми, западных финнов. Имя Куль – общее для наименования злого духа у коми и обских угров.

Согласно одному из мифов, Ен и Омоль вылупились из двух яиц, снесенных уткой в первичном океане, куда упали еще четыре яйца. Мать просит детей достать яйца и разбить их о ее тело; сама она поднимается в воздух и, бросаясь вниз, разбивается о воду: ее разросшееся тело становится основанием земли. Когда Ен ныряет за яйцом, Омоль покрывает море льдом, но Ен разбивает лед громом и молнией и творит землю на теле матери из одной части яйца, а из другой создает солнце; из другого яйца он делает себе помощников. Омоль создает луну, болота и озера и злых духов из двух других яиц.

По иным вариантам мифа, Ен и Омоль плавали по Мировому океану в образах лебедя и гагары (иногда летали как два голубя). Лебедь сильнее гагары – он повергает ее в ужас громовыми раскатами своего голоса: молния опалает бока гагары, и та в страхе ныряет в воду – таковы этиологические мифы о происхождении грома и поведении гагары. Гагара по приказу Ена приносит со дна немного земли, и они создают Землю. В других мифах землю добывает помощник бога – голубь Ена, а ворон Омоля мешает ему. Земля достается Ену; Омоль просит лишь места, достаточного для того, чтобы воткнуть

в землю кол. Из отверстия в земле он выпускает злых духов, гадов, вредных животных. Ен творит небо (а также солнце, звезды, леса, реки и т. д.). Тогда соперник — Омошь строит второе небо, Ен — третье и т. д. до семи небес — так возникли цвета радуги. По другому мифу, Омошь сотворил медное небо, чтобы отделить Ена от творения. Затем Ен громом и молнией низвергает Омоля и злых духов на землю, где те рассеиваются по лесам, болотам, рекам, превращаясь в леших и водяных. По просьбе Омоля Ен разделил земные богатства между людьми и злыми духами — лешими (ворса), водяными — вакулями (васа) и т. п.

Рассказывают также, что Ен сначала один плавал на лодке по безбрежному океану. Ему некуда было пристать, и в сердцах бог плюнул в воду; тут и появился его двойник в такой же лодке — Омошь (в другом мифе Ен сотворил Омоля из своей тени). Ен превратил его в гагару и велел нырять на дно океана, чтобы достать земли, а сам тем временем заморозил поверхность океана. Лишь с трудом гагаре удалось пробиться на поверхность и вынести всего три песчинки. Из них Ен сотворил Землю.

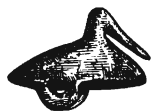
Еще один миф повествует о том, как Ен и Омошь сидели в первозданном болоте в виде двух лягушек, но Ен был слеп и глуп, а Омошь — зряч и хитер. Спасаясь от комаров, Омошь решил залезть повыше на кочку, взяв с собой Ена; но комары преследовали их и там, так что рассердившийся Омошь сбросил вниз Ена и упал сам. Внизу лягушки превратились в людей, а Омошь выбил себе два зуба так, что они стали рожками. Из крови Омоля возникают животные и женщина, которая становится его женой. Ен хотел похитить женщину, но потерпел неудачу и решил отгородиться от Омоля: он создал небо, где поселился со своими голубями. Голуби летали повсюду, но их преследовали вороны Омоля;

лишь один голубь вернулся к Ену, неся в клюве кусочек тины. Его догонял ворон, но Ен придушил злобную птицу. Из тины и возникла Земля, из воды, которая пролилась из глотки ворона, — моря и океаны. Омоль проник на небо к Ену в его отсутствие и разжег пламя у входа в его обитель. Но добрая жена Омоля дала Ену шелковый лоскут: он отбросил пламя к небесному жилищу Омоля, так что тот упал на землю вместе со всеми своими тварями, оглохнув при падении.

Лягушка — нечистое животное во многих мифологиях, злой дух оадзь у саамов, — в мифах коми может оказаться благотельным существом. Христианизированные коми-зыряне рассказывают, что во время всемирного потопа Ноев ковчег прохутился, и лягушка собой заткнула дыру, спася все живое. Поэтому нельзя убивать лягушек. Вспомним, что и в представлениях финнов «лягушкой» называлось основание чудесной мельницы сампо. Лягушка, как хтоническое существо, добывает Землю и оказывается одной из основательниц мироздания.

Земля, добытая со дна первичного океана, начинает разрастаться; растут и камни, созданные Еном, — они превращаются в горы, и тогда бог прекращает их рост. Ен сотворил также солнце, а Омоль — луну: в одном из мифов рассказывается, что светила были сотворены, когда на Земле уже жили люди и сеяли там хлеб: луна — творение Омоля — не давала тепла, и хлеб у людей стал вымерзать. Тогда Ен создал солнце — Шонди. Рассказывают также, что луна появилась потому, что Омоль оторвал кусок от солнца, сотворенного Еном. Сначала светила пребывали рядом на небе, но потом солнце и луна — брат и сестра — стали играть в прятки: с тех пор они и гоняются друг за другом. Рассказывают, что луна, созданная Омолем, когда-то по-

жалела сиротку, которую обижала злая мачеха. Она взяла девушку, несущую коромысло, к себе – с тех пор на луне виден силуэт этой девушки. Ен же за доброту признал луну своим творением.

Ен сотворил и ветер, но Омоль выпустил его на волю, и тот стал ломать дома, разметывать стога и валить деревья. Люди взмолились, чтобы Ен смирил стихию, и он успокоил ветер. Однако Омолю иногда удается освобождать ветер в виде вихря.

Соперничество Ена и Омоля продолжается и при сотворении животных. Ен создал белку, чтобы охотники могли добывать мех; Омоль – куницу, которая стала пожирать белок. Тогда Ен сотворил собаку, чтобы она помогала человеку охотиться и стерегла его жилище. Ен сотворил полезных животных – петуха и курицу, тетерева, куропатку, рябчика, чтобы человек мог охотиться на них и добывать пищу. Омоль же создал ястреба, филина и ворону, а также других хищных зверей. По другой версии, Ен сотворил одну лишь лягушку. А Омоль создал прочих животных: лося, оленя, зайца, кошку, рыб, а также вредных тварей – мышей и крыс, насекомых, которые считались у коми воплощениями болезней. Тогда Ен стал улучшать эти творения – кошке он дал шерсть и велел ловить мышей, окрасил кончики ушей зайца в черный цвет, чтобы его могли поймать люди (как творение Ена). Омоль решил извести зайцев. Он погнал их к обрыву – они могли спастись только в том случае, если найдутся твари, более трусливые, чем зайцы. Тут лягушки испугались бегущих зайцев, и те уцелели. Когда кончики ушей зайца побелеют, наступит конец света.

Дети Ена Войпель и Йома

После низвержения злого творца жена Омоля осталась с Еном на небе. Она родила ему близнецов – Йому (Ёму) и Войпеля – бога северного ветра («Северное ухо»), покровителя охотников. Но

коварный Омоль уговорил женщину приоткрыть дверь, ведущую на небо, и, ворвавшись в жилище Ена, сбросил жену и детей бога на землю. От них и произошли люди.

Обитель Войпеля расположена за Уральскими горами, на вершине, именуемой «Гнездо ветров». Он не любит шума, и если охотники шумят на охоте, их может замести снежный вихрь. Во время колошения хлебов нельзя было громко полоскать белье, а детям свистеть в свистульки — северный ветер мог заморозить посевы. Особенно осторожно следовало вести себя в горах — горный дух Шуа (ипостась Войпеля) мог превратить шумного путника в камень.

Имя дочери Ена Йомы (Ёмы, Юмы) напоминает имена высших финских богов — Юмалы, Йомалая, но в сказочном фольклоре коми и родственных финноуграм самодийцев (ненцев) она превратилась в злую лесную ведьму, обитающую в болоте, Бабу-Ягу, жену лешего ворсы или огнедышащего дракона Гундыра (в преданиях коми Гундыры — мохнатые многоголовые людоеды). Йома — воплощение болезни и смерти. У нее железные зубы и когти, она почти не видит, но обладает прекрасным чутьем. Ее овцы — волки, коровы — медведи.

Йома и Баба-яга

В коми-пермяцкой сказке рассказывается, как злая мачеха отправила падчерицу искать клубок ниток, который та потеряла, полоща белье. Девочка отправилась вниз по течению реки и попала к Егибабе. Та велела ей натаскать ситом воды, нарубить дров восковым топором, истопить баню и искупать детей ведьмы. С помощью мудрой птички падчерица справилась с трудными задачами. Детями Егибабы оказались ящерицы, лягушки, дождевые черви, муравьи — полное сито всяких гадов. За услугу ведьма

наградила девочку сундуком с сокровищами. Когда жадная мачеха отправила вслед падчерице родную дочь, та не справилась с трудными задачами и искалечила детей ведьмы, когда мыла их в бане сухим веником. Ее наградой за это стал большой сундук с горящими угольями.

В другой сказке Йома-ны — «дочь Йомы» — пристаёт к доброй ненецкой девушке-сироте, отнимает у нее одежду, а взамен дает свои одеяния лесной дикарки — из бересты. Вскоре они обе выходят замуж: ненка за Хозяина четырех белых оленей, Йома-ны — за Хозяина четырех черных оленей. У дочери Йомы рождается ребенок, свидетельствующий о связи матери с нечистой силой: у него собачье тело и человеческая голова. Но Йома-ны тайком обменивает своего уродца на младенца, рожденного ненкой (так обычно действует нечисть — рожденные людьми уродцы считаются подменышами). Хозяин четырех белых оленей, увидев страшного ребенка, бросает свою жену. Ненка же отыскивает своего сына, а уродца отдают людоеду Сюдбею. Через много лет муж возвращается к покинутой ненке и узнает правду. Тогда он сжигает Йома-ны на костре: из ее тела во все стороны расползаются гады и повсюду разлетаются комары.

С этим сюжетом связана и коми-пермяцкая сказка о золотой женщине, возможно, имеющая связь с легендами о Золотой бабе. Удачливый охотник женится на золотой женщине, которая обещала родить ему трех золотых сыновей. Перед родами она отправила мужа искать повитуху, но повитуха оказывается Еги-бабой. Она и подменяет рожденного младенца своим зверенышем. То же повторяется на второй и третий раз. Тогда охотник прогнал свою жену, а сам женился на дочери Еги-бабы. Золотая женщина отправляется на поиски своих сыновей и находит их в лесном доме Еги-бабы. Из собственно-

го молока она готовит для них сырники, и те, отведав материнской еды, признают мать. Охотник, узнав правду, расправляется с дочерью Еги-бабы и возвращает свою жену с детьми.

Более архаичный мотив сохранила другая коми-пермяцкая сказка. На свете жили сестра и три брата. У парней не было невест, и решили они, что один должен жениться на родной сестре. Они предложили ей выбрать жениха. Девушка попросила братьев отпустить ее в подпол, чтобы переодеться к свадьбе, а там стала молить Землю, чтобы она скрыла несчастную невесту от домогательств братьев. Заклинание подействовало: когда девушка надела обувь, то по щиколотки ушла в землю; одевши рубаху, оказалась в земле по колени; накинув сарафан, погрузилась под землю. По подземной дороге она пришла к Еги-бабе, у которой было три дочери. Девушке не только удалось самой спастись от людоедки, но и увести с собой ее дочерей, которых она и выдала замуж за своих братьев.

Последняя сказка повествует о происхождении важнейшего первобытного закона — закона экзогамии: в первобытном обществе были строжайше запрещены браки с кровными родственниками. Образ Йомы, вероятно, относится к той категории мифологических персонажей, которые первоначально были женами или детьми верховных небесных богов и культурными героями, но за провинность были сброшены на Землю, где стали покровителями хтонических и демонических существ. Такова обско-угорская Калтащ-эква, возможно, также карело-финская Сюэтар, прародительница хтонических гадов, имя которой связано с глаголом «пожирать» (функциями бабы-яги), самская демоническая лягушка оадзь, финская

Рауни, ссорящаяся с небесным богом Укко. У марийцев и удмуртов сохранился рассказ о сходной с Йомой злодейке по имени Обыда (обида) кышно.

Происхождение людей

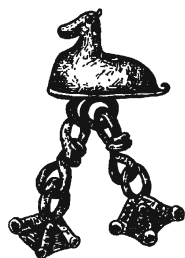
Ен сначала сотворил человека (*морт*), покрытого роговой оболочкой: но Омоль соблазнил стерегущую творение собаку, покрыл нечистотами и оплевывал человека, так что Ену пришлось вывернуть его наизнанку, а роговыми оставить только ногти. Собаке же запрещено было жить в доме. С тех пор коми говорят, что когда человек посещает отхожее место, он возвращает долги Омолю.

В другом варианте мифа Омоль плюнул и на первую женщину (отвлекая собаку-сторожа куском мяса), и именно от этого плевок произошли женские половые органы.

В других мифах о создании людей также прослеживается влияние христианства. Ен лепит мужчину (Адама) из глины, а Омоль — женщину; Ен дуновением в лицо наделяет людей душой, заповедует им жить и размножаться, не грешить и удаляется на небо на двенадцать лет. Жена Адама по наущению Омоля убивает своих двенадцать дочерей, за что Ен проклинает ее, превращает в Смерть и заточает под землю; ее двенадцать дочерей становятся болезнями — лихорадками.

Борьба Ена и Омоля

Ен был не только творцом Вселенной, но и культурным героем — он создал кузницу, чтобы дать людям железные орудия. Однако он не мог плавить железо и вынужден был обратиться за помощью к Омолю. Тот обещал помочь, но потребовал за это, чтобы души умерших людей отправлялись к нему, — так появился ад, преисподняя. Рассказывают, что

первые умершие — пьяница и скряга — стали падать в бездонную преисподнюю, вопрошая, когда же они достигнут дна. Один из них обратился за ответом к Омолю, и падение продолжалось; другой сказал, что Ен должен знать о дне преисподней, и падение немедленно прекратилось.

В некоторых мифологических рассказах Ен опять изображается глупым, а Омель — умным, но агрессивным. Два бога как-то поделили луг и принялись косить каждый свою половину, но Омель косил косой, а Ен — долотом. Конечно, Омель накосил больше, а потом вторгся на половину Ена — с тех пор пошла вражда между богами. В тех вариантах мифа, где косу сумел сделать Ен, а у Омоля вышло долото, хитрый противник демиурга ночью сумел выкрасть накошенное сено.

Омель не прекращал своих попыток испортить сотворенный мир. Взяв волшебную рукавицу, он полез на Мировое дерево, чтобы похитить солнце. Злодею удалось оторвать половину светила, но, спускаясь, Омель зацепился за сук. Тогда Ен проклял Омоля, и последний выпустил половину солнца: обе половинки воссоединились, но на светиле остались пятна — следы пальцев Омоля. А сам Омель упал на землю вместе с обломившимся суком, который превратился в его хвост.

Скучающий в одиночестве Ен вернулся на землю в облике гончара (или увидел, как его сын Войпель лепит горшок), после чего встретил Омоля во главе орды злых духов. Омель похвалялся, что может со своей ордой затмить весь свет и спрятаться даже в четырех горшках Ена. В подтверждение своих слов он влез в горшки вместе со всей нечистью. Ен тут же закрыл сосуды и спрятал их в подземном мире, в аду; лишь один горшок разбился, и часть нечистой силы — бесов Омоля — осталась на земле. Они могут угрожать людям, обернувшись вихрями.

Если омоли нападают на свадебный поезд, от них приходится защищаться, стреляя в воздух.

Раздающийся в преисподней гул и землетрясения происходят от попыток Омоля вырваться на волю. В конце времен он должен освободиться и вступить в схватку с Еном.

Ен же удалился на небо, где живет в чудесной избе, окруженной садом. Его представляют могучим гигантом, который может одной рукой поднять целую деревню и забросить за море. Иногда он открывает для людей свое жилище, и те видят северное сияние. Тогда нужно загадать желание, и оно обязательно сбудется.

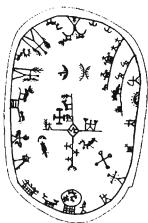
Почему небо удалилось от земли

Рассказывают, что в начале времен небо было так низко над землей, что можно было дотянуться до него рукой. Это был Золотой век всеобщего изобилия, колос у пшеницы был кустистым и начинался прямо от земли. Древний народ — чудь — был тогда малорослым. Однажды некий чудин (чучкой) умаялся жать такие колосья и, выругавшись, рванул куст руками, так что в руке у него остался лишь верхний колос. С тех пор хлебные колосья перестали расти кустами. По мифу, имеющему апокрифическое происхождение, женщина-чудинка пекла блины и остужала их, прикрепляя прямо к небу. Рядом с ней находился младенец (который с первых дней мог ходить и говорить), и мать подтерла ему зад блином, который затем тоже прикрепила к небу. Тогда оскорбленный небосвод и поднялся на недостижимую высоту, а пшеница потеряла свой длинный колос. По другому мифу, люди вообще могли лишиться хлеба, потому что все колосья стал срывать Ен, но одна собака успела ухватить кончик колоса, и Ен оставил людям этот «собачий пай».

Загробный мир

Земля отделена от того света смоляной рекой (сир-ю). Через эту реку душу умершего может перенести паук по паутине, иначе умершему придется перебираться через реку, опираясь на шест или оглоблю либо проходя по мосту или узкой жерди — упавший грешник погибает в кипящей смоле. По другим верованиям, загробный мир находится за широкими реками и высокими горами на севере, в преисподней. Там Омоль варит в кипящем котле души грешников — под христианским влиянием он превратился в дьявола. Но в представлениях коми нет четкого противопоставления ада небесному раю — белые избы, где живут после смерти праведники, могут располагаться здесь же, в преисподнем загробном мире. Или же райская обитель помещается на высокой железной горе за рекой (подобной финскому холму Туонелы), и попасть туда можно, если всю жизнь собирать остриженные ногти — они прирастут после смерти, и, цепляясь ими, можно будет вскарабкаться в рай по крутым и скользким склонам.

Чуды — древний народ

Легенды о чуды — карликовом народе древних времен — коми слышали от русских: так русские называли древние финно-угорские племена, которые исчезли еще в Средние века, во времена древнерусской колонизации Севера. В преданиях коми этот низкорослый и темнокожий народец, для которого трава кажется лесом, приобретает иногда и звериные черты — он покрыт шерстью, у чудов — пороссячи ноги. Чуды жили в сказочном мире изобилия, когда небо было так низко над землей, что чуды могли достать его рукой, но они все делают неправильно — на пашне роют ямы, скот кормят в избе, сено косят долотом, хлеб жнут шилом, обмолоченное

зерно хранят в чулках, толокно толкут в проруби. Женщина-чудинка оскорбляет Ена, потому что пачкает нечистотами низкое небо или задевает его ко-ромыслом. Тогда Ен поднимает небо, на земле вырастают высокие деревья, и на смену чудам приходят белые высокие люди: чуды уходят от них в свои ямы под землю, потому что пугаются земледельческих орудий — серпа и т. п.

Рассказывают, что однажды двенадцать чудов нашли серп и потащили его к реке, чтобы утопить. Вывезли серп на лодке на середину реки, привязали к нему камень и бросили в воду. Но кривой серп зацепился за борт и перевернул лодку. Так все чуды и утонули. По другому преданию, нашедшие серп чуды попытались поднять его, но орудие вырвалось и перерезало глотки незадачливым карликам. Тогда из их утроб выскочили ящерицы и прочие гады и разбежались кто куда: попавшие в лес стали лесными духами, в воду — водяными, а в селах появились чуды-гуменники, чуды-банники и прочая нечисть.

Читатель помнит, что миф о первоначальном покосе связан с деяниями первых героев; у карел, финнов и эстонцев — с великанскими сыновьями Калевы, в мифах самих коми — с косьюбой Ена и Омоля. В славянском фольклоре известны легенды о том, как в давние времена Бог и святой Петр ходили по земле: они увидели, что жнец не знает серпа и колет шилом стебли (как чуды в фольклоре коми) — тогда Бог и дал ему серп. Чуды — карлики начальных времен — противопоставлены первобытным великанам, творцам ландшафта.

Рассказывают также, что «чудя» жили как звери в лесах, «питались зверьем и одевались зверьем». Но тут явился «Степа-угодник» (Стефан Пермский) и стал всех крестить, а с угодником пришли царские слуги требовать оброк. Тогда «чудя» бежа-

ла в леса и скрылась в вырытых там ямах со всем своим богатством.

О богатствах чуди рассказывают легенды: к чуди прямо с неба упали серебряные кони и золотые сани, которые служили этому народу, пока он не ушел. Коней же и сани чудь спрятала, и никто не может найти этого клада, хотя и показывают урочище, где он якобы зарыт.

Есть поверье, что чуды превратились в злых духов, которые прячутся в темных местах, заброшенных жилищах, банях, даже под водой. Они невидимы, оставляют после себя следы птичьих лап или детских ног, вредят людям и могут подменять их детей своими. В одном предании рассказывается, как мать однажды цедила брагу, а к ней подошла незнакомая девушка и сказала: «Мама, дай мне на вечер сито». Хозяйка удивилась, что девушка именует ее матерью — ведь ее собственная дочь уж семнадцать лет как лежала в люльке и не росла. Тут девица и показала матери, что в люльке у нее не дочь, а чурка, и расколола ее топором. Оказалось, что мать, не окрестив дочь, понесла ее в баню, да забыла веник, и, выругавшись, отправилась за ним. Тут чудь и подменила ребенка чуркой. Девочка выросла у чуди, научилась превращаться в зверей и птиц, быть невидимой. Но чудь хотела выдать девушку замуж за одного из своих, и несчастная попросила о помощи мать: когда она услышит звон свадебных бубенцов и увидит, как со стороны бани приближается снежный вихрь, пусть кинет в него крест — его чудь боится больше всего. Так мать и сделала: из снежного вихря вылетела курица, которая и превратилась в ее дочь. Правда, девушка была не жилец на этом свете и скоро умерла.

Рассказывают, как одного гармониста незнакомцы пригласили на ночь на праздник: сани с людьми и конями въехали прямо в реку, в подводное се-

ло, где все веселились и плясали под гармонь. Но гармонист заметил, что плясуны после каждого круга мажут себе чем-то лицо. Тогда и он подкрался к сосуду с какой-то жидкостью и помазал себе один глаз. Тут гармонист обнаружил, что вокруг него — не веселящиеся люди, а кривляющиеся мохнатые, ушастые и хвостатые существа — чуды. Под утро они сами впряглись в сани и отвезли гармониста домой. Но с тех пор гармонист стал одним глазом видеть чудов, которые невидимыми проказили в мире людей. Однажды гармонист не выдержал и схватил чуда-воришку: тот удивился, что человек может видеть чудов, а наивный гармонист показал ему глаз, которым мог разглядеть нечисть. Тогда бес ткнул ему пальцем в глаз, и человек потерял способность видеть нечистую силу.

Считалось, что чудь вместе с другой нечистой силой выходит с того света в периоды солнцеворота — на Святки, когда устраивали обряд «топтанья чуди» — объезжали дворы на конях.

По другим преданиям, чудь — это, напротив, древние богатыри, к которым относятся Пера и Кудым-Ош. Они также уходят под землю или превращаются в камни, или оказываются заточенными в Уральских горах после того, как русские миссионеры распространяют новую христианскую религию. От чуди остались древние городища (кары), чудские великаны могли перебрасываться топорами или палицами с городища на городище; иногда им приписывают и происхождение озер, основание деревень и т. п. Чуды были язычниками и не пускали к себе Стефана Пермского, перегораживая реки камнями. Победа миссионера заставила чудь саму порушить столбы, на которых покоились крыши их полуземлянок, и похоронить себя в земле. От чуди остались скрытые в земле клады, добыть которые могут лишь колдуны, умеющие снять заклятие с сокровищ.

Есть такие предания, по которым чудь считает-ся предками целых селений коми, и в поминальные дни на чудские могилы принято было носить яства в берестяных коробочках и блины (сходные предания известны и вепсам).

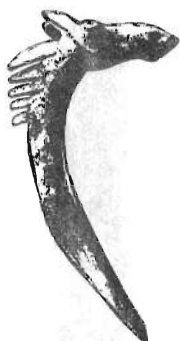
Мамонт — «земляной олень»

Мамонты — гиганты каменного века; останки их часто находят на Европейском Севере. В пред-ставлениях коми (равно как и ненцев и обских уг-ров) мамонт жил в первоначальные времена творе-ния. Он был так тяжел, что проваливался в землю по грудь — там, где он ходил, возникали русла рек и ручьев. Наконец, вода залила всю землю: коми, ко-торые знали библейскую легенду о потопе, расска-зывают, что мамонт хотел спастись в Ноевом ковче-ге, но не мог там поместиться: он стал плавать по во-дам, но птицы принялись садиться ему на «рога» (бивни), и зверь утонул. После этого все мамонты исчезли. Сысольские коми-рудокопы рассказывали о *му куле* — подземном черте, от которого остава-лись гигантские окаменелости под землей.

Коми и другие народы Севера, действитель-но, часто находили кости мамонта в отложениях на берегах рек и изготавливали из них костяные рукояти, трубки и т. п. (в эпосе коми рассказы-вается о целых нартах, сделанных из мамонто-вой кости).

Остьяс и Ошъяс — предки коми

Братья Остьяс и Ошъяс в древние времена все-общего изобилия правили многочисленным наро-дом. Но за изобилие нужно было платить страшную плату — приносить человеческие жертвы богу Йома-лю или Шурме. Братья отказались приносить в жертву людей, и гигантский коршун (или ворон), крылья которого издавали гром, а клюв извергал

пламя, истребил весь народ, а уцелевших братьев изгнал из мифической страны изобилия в дикие леса на запад. Своим когтем он провел борозду, превратившуюся в глубокую реку, но братья сделали плот и переправились через поток. Тогда коршун обронил перо, которое превратилось в горный хребет — Уральские горы, навсегда отделивший коми от их мифической прародины.

Культ братьев-близнецов — родоначальников и культурных героев, характерный для многих народов мира, — почти неизвестен финно-уграм. Тем интереснее предметы культового литья, выполненные в пермском зверином стиле и передающие близнецные образы. Одна из литых блях передает образы бородатых близнецов, вдобавок увенчанных головами хищных птиц.

Пера-богатырь

Пера-богатырь — главный герой преданий коми-пермяков. Верили, что его матерью была сама Парма, тайга. Пера стал первочеловеком-охотником: он сам сделал себе лук и стрелы. Однажды он увидел, как радуга пьет воду из реки в его лесных владениях. Богатырь по радуге поднялся на небо и среди светил увидел огонь солнца — Шонди. Пера хотел добыть небесный огонь, но был опален молнией. Герой тем не менее все же остался на небе: он сел в золотые сани, запряженные серебряным конем, а рядом обнаружил красавицу Зарань, дочь Солнца или самого Ена. (В других мифах рассказывается, что она сама спустилась на Землю по мосту — радуге.) Зарань была воплощением зари, вставала раньше Перы и ложилась позже героя, заботясь о том, чтобы солнечный огонь не сжег все живое.

Солнце не стерпело брака дочери с земным человеком и, когда они спустились на землю, ушло далеко от тайги. Наступили лютые морозы, но мать-

тайга укрыла Перу и Зарань. Семь лет не возвращалось светило, но за это время супруги породили людей — семь сыновей и семь дочерей. Тогда Шонди вернулось, природа ожила, но Солнце продолжало звать дочь назад, на небо. Оно послало нестерпимый жар, и Зарань вернулась: она хотела забрать с собой и детей, но тайга Парма создала эхо, и Зарань не смогла докричаться до детей и найти их — так люди остались на земле. Жар между тем все не прекращался. Тогда Пера поднялся на гору со своими сыновьями, которые стали стрелять из луков в раскаленное светило: огромный кусок упал в тайгу, где с тех пор начались лесные пожары. Солнце продолжает по-прежнему уходить на зиму из тайги, но его кусок продолжает греть землю, люди же получили, наконец, земной огонь.

Главным соперником Перы — хозяина тайги — оказывается злой лесной дух, леший — ворса. Пера состязается с лешим и обманывает глупого духа: когда соперники перетягивают палку, Пера привязывает себя ремнем к пню, на ночлеге подкладывает вместо себя дерево, чтобы ворса не убил его. В конце концов Пера ранит ворсу стрелой, преследует его до Урала, где леший умирает у входа в свое пещерное жилище. Там Пера находит красавицу-жену лешего, но красавица сама не чужда нечистой силы — может снимать с себя скальп и искать вшей в волосах, и Пера убивает ее.

Миф о смерти Перы характерен для рассказов о первобытных великанах: он ушел в тайгу, где превратился в камень. В камень превратился и другой герой эпоса коми — Богатырь Медные рога: каменными стали его жены и его олени.

В эпосе коми-пермяков Пера — охотник-богатырь: он вмиг настигал добычу, а оленей, лосей и медведей насаживал на рогатину, как тараканов. Однажды на московского царя напало иноземное

войско во главе с богатырем, который сидел внутри железного колеса. Колесо давило всех противников. Царь призвал на помощь Перу. Богатырь отправился на битву на чудесных лыжах или даже верхом на лосе, обогнавшем царскую тройку. Вражеское колесо отдавило богатырю мизинцы на обеих ногах, но тот поднатужился, поднял его и разбил о землю. Царь хотел наградить Перу золотом и мехами, но тот потребовал грамоту на Лупьинскую землю (по реке Лупье, где родился Пера), чтобы коми могли там беспопытно промышлять. В придачу царь пожаловал богатырю шелковые сети для ловли куниц.

В преданиях Пера оказывается иногда чудским богатырем и приставлен навечно сторожить сокровища чуди. Сохранилось и характерное предание о том, что Пера боролся с самим Богом и тот превратил его в камень.

Медведь-богатырь Кудым-Ош

Другой богатырь коми-пермяцких преданий именуется «ош» — «медведь». Его мать Повсин — могучая одноглазая ведунья, зачала сына от медведя. Юноша стал вождем одного из племен коми и одновременно жрецом, наделенным сверхъестественными способностями, — *памом*. Он разъезжал верхом на лосе и был неуязвим для оружия. А если в него все же попадала стрела, он мог излечить рану, прижавшись к земле. Чтобы отразить нападение врагов, Ош мог чарами вызвать бурю на реке. Рассказывают о его чудесной женитьбе на обско-угорской (манси) красавице княжне Косто (Хэстэ): мать заставляла ее носить на лице маску из коровьей или лосиной шкуры, чтобы отец не выдал ее насильно замуж. Отец красавицы казнил женихов, испугавшихся страшной маски. Злобная колдунья отправила Кудым-Оша свататься к красавице, чтобы погубить его, но Косто полюбила его с первого взгляда и

показала ему свой истинный облик из-под маски — тогда герой женился на девушке.

Возможно, мотив лосиной маски скрывает древний тотемический миф о невесте-лосихе: вспомним образы пермского звериного стиля.

Кудым-Ош прославился как культурный герой — в дальних странствиях он научился выращивать хлеб; он первым отыскал залежи руды и научился выплавлять железо. Кудым-Ош научил людей делать долбленные челны — раньше коми плавали на плотах. Как многие культурные герои, он перед смертью пообещал, что еще вернется на землю.

Дзудзя — прародительница

Коми-пермяки, жившие на реке Зюзде, вспоминали, что их прародительницей была богатырка Дзудзя. Она разом родила шестерых сыновей-богатырей, а чтобы Дзудзя могла прокормить их, Ен дал ей еще четыре груди. Сыновья выросли и стали жить в собственных городах на Каме, а в главном городе правила Дзудзя. Но враги напали на коми, разорили их города и полонили всех женщин. Тогда Дзудзя велела сыновьям объединиться, и все коми стали ловить ворон. Они отправились с птицами к враждебному городу и выпустили ворон на волю. Враги принялись стрелять в ворон и истратили все стрелы. Тут-то Дзудзя с сыновьями одержали победу над ними.

Этот миф напоминает предание о другой хитроумной правительнице — исторической прародительнице русского княжеского рода — княгине Ольге, жившей в середине X в. и желавшей отомстить племени древлян за смерть своего мужа. Древляне заперлись в своем граде Искоростене, и княгиня потребовала от них дани — птиц с каждого двора. Наивные враги согласились на легкую дань. Ольга же велела привязать

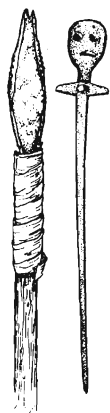
к ноге каждой птице горящую паклю и выпустить их — птицы полетели к своим гнездам. Так вражеский город был сожжен дотла.

Богатырь-сиротка

В эпосе северных коми-оленоводов рассказывается о распрах, которые происходили между коми и их соседями ненцами в борьбе за владение оленьими стадами. Распри носили жестокий, истребительный характер, и целые роды становились их жертвами. Случилось так, что лишь один младенец уцелел в колыбели. Когда он подрос, враги решили принести его в жертву: но веревки, которыми они сдавливали горло сироте, рвались. В эпических повествованиях о другом сироте — Ёвле — герой мстит за смерть отца и братьев. Он воспитывается как бедный сиротка, его парка сшита из кожи мелких пташек. Неузнанным он приходит к сестре, которую взял замуж насильник — хозяин оленьих стад. Враг разрешает сироте батрачить на него, но подросший герой хореом (шестом, которым погоняют оленей) убивает всех врагов и возвращает похищенные стада себе.

Иногда противником сиротки оказывается чудовищный мохнатый великан-людоед Сюдбей: у него, как у многих первобытных чудовищ, одна нога и один глаз, в котором и заключена его смерть. Вместо рук у него железные когти. Герой-сиротка завладевает этими когтями и ими расправляется с врагами. Его женой оказывается иногда дочь Йомы (Йома-ны) или великанша Сюдбеиха.

Эти рассказы напоминают карельские руны о мстителе Куллерво и восходят к древним временам родоплеменных распрей, кровавых жертвоприношений и первобытных великанов. Недалом сам Ёвле превратился, по сказанию, в деревянного идола, подобно другим богатырям, превратившимся в камни.

**Как медведь хотел стать
сильнее человека**

Медведь почитался у коми, как и у всех финно-угров, сверхъестественным существом, наделенным разумом и силой. Рассказывают, что он спустился с небес на землю. Однажды медведь попросил у небесного бога (или у популярного у коми святого – Миколы-угодника) большой палец – такой же, как у людей. Бог обещал исполнить его просьбу, но сказал, что в таком случае собаке он даст охотничий лук, а человеку крылья. Тогда медведь отказался от своей затеи. Зато он сам мог превращаться в человека, перекувыркиваясь через медвежью шкуру: так же поступали и колдуны-оборотни (вспомним сказки о «мороке»). Рассказывают, что сначала медведь обитал на небе и был сыном самого Ена, но однажды прельстился на земную пищу – горох и, спустившись по гороховому стеблю, стал жить на земле. Смерть (*кулём*) коми представляли в образе черного медведя. В сказках медведь-жених похищает девушек себе в жены: те спасаются из его лесного жилища, подсунув вместо себя наряженную в свое платье ступу.

Охота на медведя сопровождается множеством магических ритуалов. Перед охотой варят сладкую кашу из ржаной муки и оставляют ее на ночь перед охотничьей избушкой. Если утром котел оказывается пустым, охотники верят, что медведь принял их жертву и охота будет удачной. Прежде чем убить медведя, нужно было клятвенно извиниться перед ним, заверив, что не охотники-коми виновны в его смерти – зверя убила «русская пищаль». Убитому медведю выбивали когти и зубы, а голову хоронили, приговаривая: «Вот тебя хороним вниз головой... Не придешь больше сюда». Рассказывают, что однажды охотники с трудом справились со свире-

*пым зверем, но забыли совершить этот ритуал. Один из них стал даже похвастаться, что они за-
резали медведя, как теленка. Тут медведь ожил
и набросился на охотников. На счастье, один из
них успел совершить магическое действие — обе-
рег: он вытащил шнурок-подвязку из своих штан-
нов и натянул поперек дороги, по которой гнал-
ся за охотниками медведь, после чего тот упал и
умер окончательно.*

*Особыми обрядами коми сопровождали охо-
ту не только на медведя. Любого ценного зверя —
особенно куницу или соболя — привечали в шала-
ше как почетного гостя. Его шкурку вывешива-
ли посреди потолочной балки шалаша, а тушку
зарывали под очагом. Перед ужином «почетного
гостя» «приглашали» к столу.*

Охотники-богатыри и их чудесные жены

*Странный драматический миф о чудесной охо-
те сохранил фольклор коми. Охотник Йиркап уви-
дел необычного голубого оленя и бросился в пого-
ню. Погоня шла так быстро, что вынутый из печи
хлеб не успел остыть, как олень и его преследова-
тель оказались у Сибирского Камня — Уральских
гор. Но когда олень достиг гор, он превратился в де-
вушку. Девушка стала просить Йиркапа не убивать
ее — она готова стать его женой. Но охотник слиш-
ком долго преследовал добычу, чтобы отказаться от
своего охотничьего счастья, и убил оленя-оборотня.*

*Этот миф напоминает карело-финские ру-
ны о женитьбе Вайнямёйнена: тот не может
жениться на пойманной им русалке — лососе Вел-
ламо. Эти мифы восходят к древним временам,
когда верили в возможность браков между люди-
ми и животными — тотемическими предками:
таковы саамские мифы о Мяндаше. Но те перво-*

бытныя времена — времена Кудым-Оша — давно прошли, и женитьба на животном, даже чудесном оборотне, невозможна для человека.

В эпических рассказах коми-зырян об охотнике Вэде повествуется о том, как тот отправляется на охоту со своими двенадцатью сыновьями. На охотников нападают гигантский медведь из леса (леший ворса) и бобр (водяной васа) из реки и пожирают их. Тем временем жена Вэде родила тринадцатого сына. Он растет не по дням, а по часам и обнаруживает богатырский нрав уже в раннем детстве — мячом избивает обидчиков. Мальчик узнает из песни сказительницы о судьбе своего отца и братьев и идет выручать их. Богатырь распарывает брюхо зверям-людоедам и спасает родичей. В лесу он встречает девушку с прекрасными волосами (иногда она оказывается дочерью людоедов). Герой женится на ней, и у них рождаются двенадцать чудесных сыновей, у которых пятки подобны луне, а макушка — солнцу. Лесная жена наказывает мужу не рассказывать о ней родичам, но однажды тот не смог удержаться и похвалился своей женой перед старой матерью. Тотчас чудесная жена превращает все хозяйство в яйцо, сыновей — в двенадцать лебедей, сама же становится оленем. Больших трудов стоило герою вернуть свою семью.

Коми рассказывают былички о лесных женах, которые не могут пойти с охотником в мир людей. Однажды охотник затосковал о жене в своей лесной избушке. И тут к нему вдруг пришла его жена, которая осталась жить с ним в лесу. Когда же охотничий сезон закончился, охотник повел ее к реке, чтобы переправиться в село: но оборотень, превратившийся в жену, не смог перейти реку. В другой быличке охотник повез свою «жену» по реке, но напротив церкви она бросилась в воду и исчезла.

В балладах коми сохранился образ Горно-стай-девицы, чудесной невесты: схожий образ

известен в средневековом венгерском предании о князе Гейзе, правнуке основателя венгерской династии Арпада, который взял в жены девушку по имени Сарольта — «Белый горноста́й». В славянских свадебных песнях горноста́й означает жениха, а куница — невесту.

Петух и волшебная мельница

У зырян сохранилась сказка о животных, в которой можно усмотреть следы древнего общезырянского мифа.

Петух — птица, наделенная чудесными способностями, ведь его пение прогоняло нечистую силу и означало начало рабочего дня. В сказке зырян петух оказывается еще и владельцем волшебной мельницы. Эту мельницу у него похищает барыня (иногда — сам царь), и петух отправляется ее разыскивать. По дороге он встречает медведя, волка и лису, и все они помещаются у него в животе. Так он и является к барыне, которая сидит меж двух осин (нечистое дерево в разных традициях) и велит запереть незваного гостя в хлеву — пусть его там затопчут. Но в хлеву петух выпускает из живота медведя, который пожирает всех коров. Тогда петуха запирают в конюшне, и приходит черед волку расправиться с лошадьми. Остается овечий хлев, но и тут выручает лиса — поедает овец. Тогда петуха бросают в колодец, но его звери-помощники выпивают всю воду. Наконец, петуха закапывают в стог сена и поджигают стог — тут звери выпускают всю выпитую воду. Делать нечего — петуху отдают его мельницу.

Читатель уже может понять, что чудесные помощники петуха — это его способности к шаманским перевоплощениям. Вода в колодце и огонь означают способность проникать во все миры и управляться с космическими стихиями. Наконец, сам сюжет о волшебной мельнице, ко-

нечно, напоминает аналогичные события, связанные с похищением сампо хозяйкой Похьелы: соревноваться с ней в магии приходилось героям Калевалы, а мститель Куллерво привел к ней стадо медведей и волков.

В другой коми-пермяцкой сказке рассказывается о том, как на земле бедствуют сироты — брат и сестра. Сестра поднимается по чудесному дереву на небо и спускает оттуда волшебный ручной жернов — он постоянно мелет людям хлеб. Здесь мельницу-чудесницу также добывают с того света, но не из преисподней Похьелы, а с небес.

Ворса — леший

Среди многочисленных духов больше всего охотники коми опасались лешего — ворса (воркуль — «лесной черт», вора-морт — «лесной человек», у коми-пермяков — ворысь). Звери — скот лешего, птицы — его куры. Он являлся одиноким охотникам в виде либо великана с вывернутыми назад пятками, ростом с сосну, либо силача с мохнатыми ушами, но без бровей и ресниц, а иногда — в виде вихря. Часто он превращался в кошку или других небольших животных. Сам он не отбрасывал тени, а на лай его собаки не откликалось эхо. Ворса может досаждать охотнику и похищать его добычу, если охотник вторгся во владения лешего, в состоянии приморозить сани к дороге и заманить в трущобу. Леший уносит к себе детей, проклятых матерями. Но дух может и помочь в охоте, если человек хитростью одолеет лешего или поможет ему. Однажды охотник шел мимо плотины и увидел, как толпа водяных — вакулей — набросилась на лешего, забрасывая его камнями. Ворса пытался отбиться от них деревом, выдернутым из земли с корнем, но водяные одолевали. Тогда ворса крикнул охотнику, чтобы

тот выстрелил в главного водяного — он как раз вышел из воды в золотом кафтане и шапке. Охотник попал в водяного из ружья, а леший расправился тем временем с мелкими водными бесами. Благодарный ворса пригласил помощника к себе в избу, угостил и дал денег. Один охотник также помог ворсе, стрельнув в побеждающего водяного: за это леший указал человеку волшебное дерево, из которого тот смастерил лыжи-самоходы.

В избе у лешего живут жена и дочери, но они не показывают своих лиц людям. Больше всего ворса любит состязаться с охотником в силе. Считалось, что избавиться от лешего можно, если повернуться к нему спиной и выстрелить в него, зажав ружье между ног. Но лучше было поднести ему приношения с приговором: «Я тебе табак, ты мне — белок. Я тебе пироги с грибами, ты мне — зайцев и дичь».

Когда в лесу пропадала скотина, коми просили своих колдунов написать лешему специальную грамоту на бересте — *кабалу*. Колдун писал углем справа налево понятные ему одному и ворсе знаки и произносил заклинание. Грамоту писали в двух экземплярах: один сжигали в печи, другой оставляли в лесу.

Вакуль — водяной

Вакуль, Куль васа, или чукля («кривой») — злой водяной дух, чье имя — Куль — напоминает об имени противника богов Ена и Инмара. Он также живет со своей семьей в водоемах. Вакуль топит одиноких путников, идущих через мост, опасен для рыбаков. Считалось, что утонувшие дети становятся детьми вакуля. Вакуль продолжает козни против небесного бога. Один охотник отправился к реке пострелять уток. В это время разразилась гроза. Видит охотник, как из тучи молнии бьют в вакуля, который вышел из воды и показывает небу зад. Водяной успевал каждый раз

спрятаться от молнии в воду, но тут подоспел охотник и так ударил его ружьем, что тот не успел опомниться, как молния его настигла. Бог спалил водяного, а ружье охотника после этого стало необычайно метким, так что он приносил много дичи.

Водяной, как и леший, может появляться в облике вихря. Васа враждует с лешим ворсой: особенно опасным для людей считается полдень, когда нечистая сила выходит из своих обитателей, чтобы бороться друг с другом.

Вакуль, как многие водяные духи, любит расчесывать свои длинные зеленые волосы, в которых запутался ил. Он может напасть на человека на водяных мельницах, распугать его рыбу. У вакуля большие богатства и стада в подводном мире, но он требует от человека новых и новых приношений. Когда люди переплывали водоем, положено было бросать хлеб в воду. Яйца, деньги, кусочки ткани — это жертвовали васа, когда собирались ловить рыбу. Первую пойманную рыбу принято было отпускать в воду; иногда из нее готовили обрядовую трапезу, приглашая и водяных духов. Когда скот водяного выходит пастись на берега водоемов, его коров сразу можно отличить — они не оставляют следов. Если накинуть крест-тельник на такую корову, она не успеет скрыться в воде и останется у земного хозяина, принося большие удои.

Как и все природные духи, водяной может помочь человеку в обмен за оказанную услугу. Однажды вакуль мешал рыбаку рыбачить, и тот ударил его острогой. Тогда из воды вышел водяной и потребовал, чтобы рыбак пошел за ним, закрыв глаза. Пришел рыбак в подводный дом, а там сидит вакуль с острогой в теле. Рыбак вынул острогу, и водяные дали ему за это денег и проводили на берег. Рассказывают, что водяной дерется с лешим, которого не любит из-за того, что в водоемы попадают бревна и коряги.

Вакуль может обитать в воде в виде огромной щуки, которая поворачивается головой по течению — такую щуку нельзя бить острогой, потому что водяной может направить острогу против самого рыбака. Однажды рыбак увидел лежащую на берегу огромную щуку и ударил ее по голове. Щука бросилась в воду, а оттуда появился васа и велел рыбаку идти с ним под воду — лечить покалеченного сына. Под водой в доме водяного лежал его сын, лишившийся глаза: человек не смог вылечить мальчика, и тот вырвал у неудачника глаз, чтобы вставить его своему сыну. Утопленники считались жертвами водяному.

Нечистая сила

Нечистая сила — васа, леший ворса, чуды, а также и домашние духи (домовой олысь, банник пывсянка) — могут вредить человеку и в его доме. Особенно опасны они для младенцев: человеческого ребенка они могут подменить собственным уродцем, покрытым волосами, как ворса или чуд (вспомним сказку о Еги-бабе и ее подменышах). Если ударить такого подменыша, он превратится в осиновую чурку. Поэтому в колыбель клали обереги — ножницы, иголку (без ушка), а также хлеб и соль. Нечистая сила (*шувгей*) может принять облик вихря и унести оставленного ребенка и даже взрослого. Рассказывают, как однажды женщина отправилась за водой и пропала; муж принялся звать ее, но лишь откуда-то издалека доносился ее слабый голос. Тогда знахарь велел топором перерубить след, оставленный пропавшей. Вихрь отпустил похищенную, и ее нашли — очень далеко от села. Топор — лучший оберег от нечистой силы: если перекрестить вихрь или крест-накрест перерубить след пропавшего человека, шувгей отпустит его.

Верили также в порчу — *шеву* (ящериц, жуков и прочих гадов, которых колдуны выращивали в спе-

циальных коробах). Иногда считалось, что шева имеет вид маленького человечка, у него есть имя, он умеет говорить и даже отвечает на разные вопросы во время гадания.

Упыри-еретники

Коми, как и прочим народам, известны были былички о покойниках, которые при жизни были колдунами (русские называли их еретниками) и продолжали вредить живым после смерти. Христианизированные зыряне верили, что такого покойника нужно отпеть дважды, а чтобы он не мог выбраться из могилы, ему связывали руки. Рассказывают, как однажды парень, не слушавший родителей, шел через кладбище ночью. Тут он встретил вышедшего из могилы упыря, у которого пламя вырывалось из рта. Бедолага бросился в ближайший дом, но и там в гробу лежал оживший покойник. На счастье парня, два упыря принялись грызть друг друга и боролись так до самых петухов. Крик петуха лишил их силы.

Однако неотпетого упыря не так-то легко было отличить от живого человека. Иногда он выходил из могилы и шел на гулянье в деревню, где участвовал в общем веселье. Там он подмечал пьяных, у которых высасывал позже кровь, — пьяницы от этого заболевали. Чтобы вылечить больного, нужно было разрыть могилу упыря, забрать у него высосанную кровь, смешать ее с женским молоком и дать напиток больному в бане.

Как и прочие народы, коми-зыряне верили, что злые духи и умершие проникают в мир живых в самые темные дни года, во время зимнего солнцеворота (русские Святки). Особенно опасны те, которых не похоронили как следует: они могут явиться в виде маленьких черных человечков и утащить живых в леса и в воду (вспомним рассказы о чуди).

Орт и лов — двойник и душа человека

М И Ф Ы
ФИННО-
У Г Р О В

С рождением человека у него (из его тени или из отражения в воде) появляется мистический двойник — орт. Человек не видит его при жизни, но орт появляется перед смертью, о чем предупреждают загадочные знаки — синяки, вдруг появившиеся на теле, опрокинутая посуда и сброшенные или пропавшие вещи, неведомые голоса, шум и вой. Как предвестник смерти, орт может навести порчу на людей и скот. Его приход чует собака — ее вой предвещает смерть хозяина. Другие люди могут видеть двойника человека — он похож на своего хозяина, иногда занимается тем же, чем хозяин. Рассказывают, что дочери, прявшие возле умирающей матери, увидели ее двойника, который также сидел за веретеном: потом орт исчез, но дочери продолжали слышать жужжание веретена. После смерти орт в течение сорока дней или года — пока поминают покойника — странствует там, где на протяжении своей жизни бывал умерший. Затем умерший окончательно присоединяется к миру предков, на его могиле ставят памятник, а орт переселяется в птицу, превращается в камень или, по другим поверьям, умирает и покоится в той же могиле, где погребен хозяин.

Лов или лол — душа-дыхание: она покидает тело человека вместе с жизнью. Ее можно увидеть в виде облачка или пара, иногда — в виде животного или бабочки. Согласно одной быличке, наблюдатели увидели мышь, которая выскользнула из рта спящей женщины; когда женщине прикрыли рот, мышь превратилась в пар и вернулась в тело спящей.

Коми известна легенда о том, что на могиле убитого человека вырастает дерево — воплощение его души. Если сделать из такого дерева дудочку или рожок, оно расскажет об убийстве. «Деревом

души» — *ловпу* — именуется ольха: ведь под корой она красная, что напоминает о пролитой крови.

Ен и Илья-пророк

У христианизированных коми Ен стал небесным Богом, покровителям скота Флору и Лавру стали приносить жертвы, особым же почитанием пользовался Илья-пророк. Рассказывают, как все пророки собрались на пир в одной избе, и были все они дородными, только Илья вызывал у них насмешки своей худобой. Тогда Илья вышел и взмолился, обращаясь к Ену, чтобы тот дал ему силу. Бог послал пророку огниво и кремень. Илья высек искру, и образовались молния и гром, что привело в трепет прочих пророков. Они признали Илью «набольшим». Как и в славянской традиции, Илья преследует громами черта — куля, который в ужасе скрывается в лесу и начинает там ломать и валить деревья: вот почему после бури в лесу так много поваленных деревьев.

Илья напоминает в этой пермяцкой легенде карело-финского Ильмаринена, высекшего первую искру. Может быть, само имя пророка напоминало коми имя древнего общефинского божества. Он считался помощником Ена и воспринял у верховного бога функции громовника (которые приписывались ему в космогонической мифе о лебеде-демиурге).

УДМУРТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Мифы удмуртов (или вотяков) – народа, родственного коми, – в меньшей степени затронуты христианской мифологией. Зато на них отразились представления соседних тюркоязычных народов и ислам (особенно это относится к южным удмуртам). Так, наименование священной рощи и имя злого духа, противника доброго бога у удмуртов – Керемет – восходит к наименованию духов у татар и чувашей, которое, в свою очередь, заимствовано из мусульманской лексики; другое его имя – Шайтан – прямо заимствовано из мусульманской мифологии, где так именуется сатана.

Как Инмар и Керемет творили мир

Инмар в удмуртской мифологии – верховный бог, творец всего хорошего и доброго в мире. Имя *Инмар* родственно именам других демиургов финно-угорской мифологии – *Ен* и, возможно, *Ильма* (*Ильмаринен* и т. п.). Небесный бог заботится об облаках: он черпает воду золотым ковшом и поливает их, чтобы они не высохли от солнечных лучей. Этот добрый бог противостоит своему брату Керемету (Луду, или Шайтану, иногда – «хозяину воды»

Букузё), создателю зла. Первоначально оба бога были добрыми. По велению Инмара Керемет достал со дна Мирового океана землю, принеся ее во рту. Часть земли он выплюнул, часть — утаил. Когда земля по воле Инмара стала разрастаться, Керемет вынужден был выплюнуть остальное, отчего на ровной поверхности суши возникли горы. Инмар сотворил также растения и животных.

У удмуртов нет мифа о птице, ныряющей на дно. Сохранился, однако, обряд, свидетельствующий о почитании двух лебедей: их откармливали и приручали, а летом при них совершалось торжественное жертвоприношение в культовой роще керемети. Жертвами были кони, овцы, гуси и т. п. По окончании жертвоприношения лебедям привязывали по серебряной монете на шею, кланялись им и на паре лошадей отвозили к реке Вятке. Следили за тем, как поплывут лебеди: если вверх по течению, на юг, — значит, они доставят просьбы молящихся Инмар; если вниз, на север, — их мольбы пропадут в преисподней. Лебеди считались воплощениями божеств, и удмурты специально предупреждали живущих по берегам Вятки соседей, чтобы они не стреляли в священных лебедей.

В другом мифе говорится о том, как Инмар плавает на лодке по Мировому океану. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется Шайтан. По велению Инмара он ныряет на дно океана за землей: под водой Шайтан встречает рака, и тот уверяет ныряльщика, что не видел никакой земли. Шайтан ныряет еще глубже и достает, наконец, немного песка. Часть его он утаивает во рту и создает на земле горы, которые своими вершинами рвут облака. Пришлось Инмару поднять небо повыше — оно стало недостижимым. Первым существом, которое создал Инмар, стала собака, но на ней не было шкуры. Шайтан делает ей шкуру.

Одним из древнейших образов звериного стиля на Урале оказываются странные существа, для отливки которых из бронзы изготавливались литейные формы (VII–IV вв. до н. э.) наподобие тех, что были обнаружены археологами. Эти существа напоминают нечто среднее между человеком и некоей амфибией – скорее всего, раком. Рак, обитатель водной стихии и естественный противник небесного демиурга, удостоился быть включенным в систему тотемических и космологических образов.

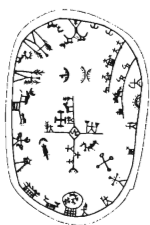
Христианские и мусульманские апокрифы повлияли на мифологическую картину мира удмуртов. По их поверьям, под землей обитает большой черный (или красный) бык – *музъем утись ош* («землю охраняющий бык»). Он стоит на спине гигантской рыбы, плавающей в Мировом океане, а на своих рогах держит Землю. Когда он двигает рогами, происходит землетрясение.

Сотворение великанов и людей

На земле Инмар создает из скал двух людей-великанов – мужчину и женщину, но спохватывается, что забыл захватить для них разум, который остался в берестяной коробке на небе. Он отправляется на небо, велев собаке стеречь людей; и тут Шайтан напоминает ей о долге – подаренной шубе, после чего оплевывает творение. Вернувшийся Инмар вывернул оплеванных людей наизнанку – поэтому внутри у людей болезни, – а разума вкладывать вовсе не стал. Неразумные великаны убрили прочь (сходные мифы о менквах сохранились у обских угров).

Творение продолжалось: Инмар создал всякую живность, а Шайтан из своей бороды – козу. Из коряг хозяин воды творит вумуртов – «водяных людей». Наконец, Шайтан добирается до берестяной коробки с разумом и разбрасывает его по всей земле.

На земле в то мифическое время творения обитали великаны алангасары. Лишенные разума, они сразу покинули творца и скитались по земле, питаясь сырой рыбой и греясь только во время лесных пожаров. Они не умели строить дома и жили в пещерах, в лесу. Лесные овраги, или *логи*, — следы ног первобытных великанов, низины — их лежбища (вспомним эстонского Калевипоэга). Стрелы алангасаров — целые сосны. Развлекались же они тем, что метали чугунные шары и плели веревки из сосен. Младший из великанов — не самый высокий, но зато удачливый охотник — нашел частичку разума. Охотясь с собакой, он встретил девушку-мастерицу, которая лепила горшки из глины и сумела приручить лосиху. От них и пошли настоящие люди. Алангасары же ушли на север, оставляя по дороге свои следы — реки и озера, и там окаменели, превратившись в горные утесы северного Урала.

Как и в других мифологиях (вспомним сынов Калевы), великаны — первое поколение людей, которое не в состоянии было освоить главных культурных навыков — земледелия (пахоты), скотоводства и ремесла. Они еще не отделены от первозданной природы и принимают непосредственное участие в создании природных объектов — озер, скал, — а с приходом настоящих людей сами превращаются в камни или скалы. Название «алангасары» напоминает имена двух древних народов — аланов и хазар, которые некогда — в конце 1-го тыс. н. э. — господствовали в Восточной Европе и брали дань с народов Поволжья. Память о них сохранилась в фольклоре тюркских народов, и, видимо, от татар попала к удмуртам. Имя древних завоевателей часто становилось обозначением доисторических великанов: у славян таких великанов называли именем аваров-обров. Напротив, древние автохто-

ны в фольклорной традиции превращались иногда в карликов – такова чудь славянского и финского фольклора.

В другом удмуртском мифе о сотворении человека очевидно влияние библейской мифологии. Инмар сотворил первого человека Урома (буквально «друг») из красной глины и поселил его в прекрасном саду, плодами которого человек должен был питаться. Довершив творение, Инмар послал Керемета проверить, все ли хорошо на сотворенной земле. Керемет увидел, что Уром скучает. Узнав об этом, Инмар велел Керемету научить Урома делать кумышку – алкогольный напиток, разгоняющий скуку, но и это не развеселило человека. Когда Керемет рассказал, что человек по-прежнему тоскует, Инмар обвинил брата во лжи. В ответ Керемет плюнул богу в лицо, и это послужило началом их вечной вражды. По народным поверьям, Инмар преследует своего противника, метая в него молнии, а тот прячется в деревьях и т. п., издеваясь над богом. Наконец Инмар сам удостоверился, что Уром скучает; последний поведал богу, что ему нужна жена. Инмар сотворил женщину и наказал Урому в течение года не пить кумышки, уже оскверненной Кереметом. Керемет, однако, вселил любопытство в женщину (за что был проклят Инмаром), и та отпила напитка, угостив и мужа: в кумышку Керемет поместил смерть и грехи. Падшие люди были изгнаны из рая, и первоначальный род человеческий сгинул, потому что Инмар запретил им размножаться.

По другим вариантам мифа, Инмар устроил потоп после грехопадения: затем он сотворил еще несколько пар людей из красной глины, приставив к каждой паре собаку, чтобы она оберегала людей от Керемета. Существует миф, где во вторичном акте творения участвуют уже не бог и его противник, а два человека, уцелевших после потопа; Инмар ве-

лел им сеять землю: один сеял днем, хорошо и ровно, другой — ночью, плохо; отсюда на земле горы и неровности. Человек попросил для житья половину созданной земли; Инмар исполнил просьбу, но в отместку за жадность выпустил из отверстия от воткнутого в землю кола вредных тварей (по другим вариантам, это сделал Керемет: вспомним такое же деяние Омоля). Когда люди стали самостоятельно жить на земле, Инмар поселился на небе (по другим вариантам — на солнце).

Рассказывают, что в мифические времена всеобщего изобилия небо было совсем близко от земли: люди клали свои дары прямо на облака (по удмуртской присказке, раньше на небо лазили, как на полати). Однажды женщина забросила сушить на небо мокрые пеленки (или человек измазал испражнениями кусок хлеба и положил его на небо), и разгневанный Инмар удалил небо от людей (вспомним сходный миф у коми).

С тех пор в молениях удмурты просят Инмара, чтобы он вернул Золотой век: чтобы из одного зерна выросло 77 колосьев, чтобы солома была толщиной с камыш, а зерна размером с куриное яйцо.

Удмурты верили, что на небе и в преисподней живут такие же люди: только на небе они — великанского роста, а под землей — карлики. Петух преисподней своим криком будит земных петухов.

Удмуртская троица

Инмара молят о хорошей погоде и урожае, на которые влияет также Му-Кылчин, божество земли и плодородия; от этих богов зависит и рождение детей. Образ Инмара сливался в представлениях удмуртов с образом другого благодетельного божества — Кылдысина, откуда пошло двойное наименование Инмара в молитвах — Инмар-Кылчин. Иногда в

верховную триаду богов наряду с Инмаром и Кылдысином включается бог погоды и «атмосферы» — воздуха Квазь (Куазь): он считался и покровителем пчел. Его в молениях иногда заменял родовой покровитель — *воршуд*.

В услужении у Инмара находятся божества судьбы Каба-инмар и Аляк-инмар, заступник людей, приносящий известия о земных делах.

Триада богов воплощала три сферы мироздания — небо, «атмосферу» и землю (о чем еще пойдет речь ниже). А вот помощники Инмара обнаруживают уже влияние ислама: имя Каба связывается с мусульманской святыней — камнем Каабой, а слово «Аляк» означало писаря, записывающего поступки людей (такой персонаж известен и марийцам).

Земной бог Кылдысин

Кылдысин, Кылдысин-му, или Кылчин в древние времена жил на земле среди людей, любил появляться на полях земледельцев в образе старика в белой одежде, ходить по межам и поправлять колоски хлеба, упавшие на межи. Но люди, снедаемые жадностью, настолько расширили свои поля, что Кылдысину негде стало ходить; они перестали одеваться, как Кылдысин, покрасив свои одежды в синий цвет. После этого оскорбленный бог удалился на небо (по другим версиям, под землю; известен миф о двух Кылдысинах — небесном и подземном, шайтане). Тогда прекратились времена изобилия — Золотой век. Люди долго молили бога у священной березы спуститься к ним вновь. Наконец они умолили его хотя бы показаться им в каком-либо обличье. Кылдысин появился на вершине березы в образе красной белки. Удмурты-охотники, намереваясь вынудить бога остаться на земле, подстрелили белку, но та, падая, превратилась в рябчика, когда же под-

стрелили рябчика, тот превратился в тетерева, затем – в рыбу и скрылся в воде (как шаман, путешествующий по всем мирам).

Среди священных предметов – фетишей, хранящихся у каждого рода удмуртов в специальном культовом коробе воршуда (покровителя рода) – беличья шкурка, щепка или ветка березы, крыло рябчика, перья тетерева и челюсть щуки – память о последнем возвращении Кылдысина.

Бляха из Чердынского музея, выполненная в пермском зверином стиле, изображает подболевшего человека, стоящего на ящере; над ним – свод из двух голов лося, к его ногам склоняются два колоса. Местные жители прозвали ее «ячменным богом». «Ячменный бог» как и Кылдысин, включен в космологический контекст: он попирает ногами существо, воплощающее преисподнюю, лоси символизируют земной мир, которому должен покровительствовать бог растительности.

Земной бог Кылдысин, чье имя означает «Творец», сближался по своему значению с представлениями о Матери-Земле и богине плодородия вообще. Когда удмурты шли навещать новорожденного, они говорили, что идут «к дороге Кылдысина». Если «дорога Кылдысина» связана с рождением, его можно считать хозяином душ, которые обитали на Мировом древе. Имя этого бога-творца родственно имени обско-угорской земной богини Калтац-эквы, покровительницы новорожденных, души которых обитали на священной березе: береза была священным деревом Кылдысина. Можно предполагать, что одна из его ипостасей – Му-Кылчин – была двуполым (андрогинным) хтоническим божеством. Во время жертвоприношений Му-Кылчину кости жертвенных животных складывались в шкуру и

зарывались в землю. При рытье могилы положено было выкупать землю у Му-Кылчина – бросать ему монеты

«Матери» явлений природы

Как и в мифах других финно-угорских народов, у удмуртов существовали представления о божественных матерях: Ин-мумы почиталась матерью неба (или самого Инмара), Шунды-мумы – солнца, Гудыри-мумы – грома, Музьем-мумы – земли, Ву-мумы – воды и т. д.

Музьем-мумы (иногда отождествляемая с Му-Кылчин) – богиня земли, которая гневается, если землю обрабатывают не вовремя, когда она еще спит. Ей также не нравится, когда копают ямы. Этой богине приносят в жертву быков и овец темной масти – цвета земли: их кости, кровь и потроха зарывают в землю, мясо съедают на пиршестве.

Следы представлений о небесной свадьбе сохранились в образах не только матери солнца, но и «зятя солнца» – Шунды-эмеспи и матери месяца – Толэзьанай. Мать солнца должна была следить, чтобы солнце вовремя всходило и заходило, не сбивалось с пути. Врагом солнца считался паук: по поверью, он мог заткать солнце паутиной и лишить людей света. Ветер препятствовал этому, разрывая паутину. С тюркскими верованиями связаны представления о том, что чудовище Убыр (у марийцев – Вувер) может поглотить солнце: от этого происходят затмения.

Особым почитанием пользовались Гудыри-мумы и Инву-мумы («Мать небесной воды»). Ее имя постоянно поминалось при молениях, а на больших молениях гуслярша исполняла священную мелодию поисков небесной воды. При этом молящиеся поднимали ритуальный плач: слезы должны были породить небесную воду. Инву-мумы обеспечивала также благополучие рода и семьи.

Водяные и их чудесные животные

Вукузё считался хозяином вод и источников. Ему особо кланялись молодухи после свадьбы: ведь им предстояло носить воду и стирать, а это занятие, как мы видели, считалось опасным у финно-угорских народов: мог утащить водяной. Поэтому молодая бросала в реку или прорубь кусок хлеба, масло, монету, произнося при этом заклинание, чтобы вода ее не пугала, обмывала, и не схватил бы вумурт, а Вукузё не посылал бы болезней. С моления нужно было принести полные ведра воды — тогда и жизнь будет счастливой.

В водоемах обитали вумурты («водяные люди») с длинными черными бородами и волосами, иногда принимавшие вид щуки. Чертовы пальцы (белемниты) — это пальцы вумуртов. Вумурты любили появляться в ручьях и мельничных прудах, вредили людям, могли утопить или наслать болезнь, смыть плотину, истребить рыбу, но иногда помогали человеку. Переплывая через реку, нужно было бросить вумурту горсть травы со словами: «Не держи меня!» В воде у вумурта свой дом, большие богатства, много скота; жена и дочь — обе красавицы; веселые свадьбы вумуртов сопровождаются наводнениями. Случалось, что вумурт приходил к людям, чтобы позвать повитуху: когда он появлялся на земле, одна пола его одежды непременно оставалась мокрой, выдавая в нем нечистую силу.

Вумурту и реке («матушке-реке») молились рыбаки, чтобы они посылали рыбу, а вумурт не портил снастей. Рассказывают, что однажды музыкант, которого никто не звал играть, сказал в сердцах: «Хоть бы вумурт позвал!» Тут неизвестные люди и пригласили музыканта на пир. Там его стали угощать, но, принимая чарку, музыкант произнес: «Господи, благослови!». После этих слов музыкант очнулся и уви-

дел, что сидит, свесив ноги в прорубь. Не помяни он Божьего имени, вумурт утянул бы его на дно.

Рассказывают, что в озерах могут водиться водяные кони и быки. Однажды цыганка постирала в озере пеленки, и оскорбленный бык перетащил озеро на другое место. Видели даже, как быки переволакивают озеро в сопровождении солдат, а реки расступаются от бычьего рева, давая быкам дорогу (при этом воды рек и озер не смешивались). Сходные мифологические рассказы есть у эстонцев и марийцев — там озеро уносит в мешке оскорбленный водяной.

Мифы о чудесных животных, обитающих в морях и озерах (от финно-угорских сказаний о мамонтах до историй о Лохнесском чудовище), восходят, видимо, к распространенному космогоническому мифу о быке, который держит землю (а сам стоит на рыбе и т. п.). Такой миф, видимо, заимствованный у соседних тюркских народов (он известен татарам), есть и у удмуртов; вспомним, однако, о гигантском быке, выходящем из моря в карело-финских рунах.

Лешие и «половинники»

Помимо многочисленных водяных землю населяли духи леса, также жившие целыми семьями: в свиту одноглазого лешего нюлэсмурта («лесного человека», или тэлькузё — лесного хозяина) входили палэсмурты. То были одноногие духи в виде половины человека (в «половинного» духа леса верили вепсы и многие тюркские народы: у них этот дух именовался шурале). Нюлэсмурт мог, как всякий леший, менять свой рост — вровень с деревьями или травой. У нюлэсмурта в лесу запрятаны сокровища — золото и серебро: воспоминания о древних лесных святилищах, видимо, отразились на этих представлениях о богатстве лесных духов. Есть у нюлэсмурта и

семья: когда он празднует свадьбу, по лесу мчится вихрь, ломающий деревья. Звери подчиняются нюлэсмурту — он собирает медведей и объявляет, когда им нужно залечь в берлоги на зимнюю спячку. Убить нюлэсмурта можно было, выстрелив сосновой щепкой. Под елью ему оставляли мелкие приношения. Известны рассказы о сражениях, которые происходили между вумуртами и нюлэсмуртами: оружием леших были целые деревья. Лудмурт — хозяин поля (луд) в свите нюлэсмурта; его рост также менялся в зависимости от пребывания духа в траве или в колосьях.

В русской сказке, записанной в Удмуртии, рассказывается о том, как водяной вышел драться с лешим и победил его, повесив на дереве. Проходивший мимо мужик снял лешего, и тот в благодарность пошел служить за него в солдаты. Мужик успел пожить у лешего в деревне, а на прощанье леший отнес его домой и подарил 100 рублей денег да полведра водки; но в избу к мужику леший зайти не решился — побоялся домового, «суседки». Сходную сказку о лешем, который пошел на войну за своего побратима, рассказывали саамы.

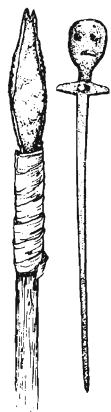
Домовые-ревнивцы

Домовые — коркамурты или коркакузё — отличались в удмуртской традиции ревнивым нравом. Они могли помогать по хозяйству, пряхсть по ночам; невидимыми они обитали в подполье, где им накрывали стол — на щепку вешали лоскут-«скатерть». С виду домовые напоминали хозяина дома; считалось, что увидеть коркамурта — к смерти хозяина. При этом они не любили чужих, даже появившихся в доме новорожденных. Хотя младенца и знакомили с домовым, поднося его к подполью, тот все равно мог беспокоить ребенка по ночам, от чего он плакал и

«спадал с тела». Считалось, что коркакузё может подменить младенца — приходилось знахарке просить домового вернуть подмену, передавать ребенка матери через хомут, что символизировало его новое рождение. Особенно опасен был чужой домовый, поэтому с младенцем нельзя было ходить в гости. Явление домового — предвестие несчастья, даже смерти хозяина. От домового лучше было откупиться — пожертвовать черную овцу.

Дворовые или хлевники — гидмурты («мужичок-с-локоток») — могли мучить по ночам коней, заплетая им гривы, выдаивали молоко у коров. Гидмурта можно поймать и бросить в печь — тогда он сгорит как полено. Одноглазые банники мунчокузё были опасны для парящихся. Они, к примеру, могли вернуть наизнанку одежду моющихся — это одна из самых невинных проделок. Не следовало оставлять ребенка одного в бане — банник мог его подменить. Банникам и другим духам необходимо было оставлять еду и мелкие приношения. Духом ветра считался толмурт (тол-пери) — он похищал девушек.

Воршуд — покровитель рода

Воршуд или шуд вордысь — дух-покровитель рода и семьи у удмуртов: слово *шуд* в переводе означает «счастье, доля». Изображение воршуда хранилось в специальном коробе в молельне — куале (куа), срубной постройке без окон, где располагался также священный родовой очаг.

Л.С. Грибова считает, что изображения воршуда были схожи с упоминавшимся бляхами, выполненными в пермском зверином стиле.

Каждая из 70 родовых группировок удмуртов имела своего воршуда со своим именем, иногда восходящим к именам священных — тотемных — животных: имя рода Юс значило «лебедь», Докъя — «глухарь», Чабья — «щука» и т. д. В качестве воршуда мог-

ли почитать и быка; его фетиш — рога — хранились в воршудном коробе. Удмуртские фамилии восходят к этим родовым обозначениям: Ошев — от «*ош*» («медведь»), Мошев — от «*мош*» («пчела») и т. д. В первобытные времена, когда действовали правила экзогамии и нельзя было брать невест из своего рода, знание этих тотемных символов было необходимо.

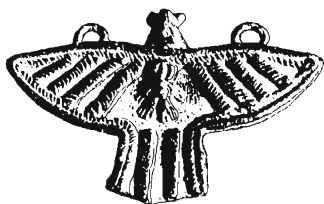
Воршуду молились вместе с Инмаром, так что их имена иногда сливались — Инворшуд. В куале приносили в жертву животных и птиц, хлеб и блины — угощение воршуда. Обзаводящийся новым домом хозяин приглашал воршуда к себе в новую куалу и устраивал по этому поводу пир; горсть золы из старого очага — воплощение воршуда — переносили в новую куалу; переезд воршуда в новое жилище сопровождался свадебными обрядами и песнями — ведь дух-покровитель должен был заботиться о продолжении рода. Воршуда молили о покровительстве во всех делах и несчастьях, особенно во время болезни, переездов и т. п. Особо ему поклонялась молодуха: ведь нужно было, чтобы ее приняли в род. Оскорбившего или недостаточно почитавшего воршуда дух мог преследовать, душить по ночам, насылать болезни, как и славянский домовый.

Ежегодным ритуалом в честь воршуда руководил жрец (*восясь*). На жертвенный стол под старой елью или сосной выносили воршудный короб, в жертву приносили белого бычка, шкура которого вывешивалась на ветвях. После каждого моления в короб складывали помимо фетишей, связанных с культом Кылдысина, серебряные монеты, которые собирал жрец. Эти деньги шли только на нужды культа — считалось, что вор, покусившийся на богатство воршуда, умрет или ослепнет. Рассказывают и об изображениях воршуда — гуся с серебряным клювом, быка с золотыми рогами (оба персонажа характерны для мифов финно-угорских народов).

Чудесный орел переносит богиню на небо:
 этот мотив повторяется на иранском блюде
 и пермской подвеске.

**Фигурка
 летящей птицы.**
 XI в. Бронза.

Прорезная бляха. VII–VIII вв.
Троицко-Печорский р-н.
Бронза.

Прорезная бляха. VIII–IX вв.
Чердынский р-н Пермской обл.
Бронза.

Раннесредневековое искусство Прикамья – Пермской земли очень своеобразно. В современной науке за этими фантастическими, шаманскими, полужооморфными фигурами закрепилось наименование **«пермский звериный стиль»**. Распространенный образ пермского звериного стиля – **человек с головным убором в виде головы лоса или просто с головой лоса, стоящий на ящере**. Среди бронзовых литых фигурок и бляшек встречаются **изображения семейства** – взрослая пара и ребенок, которые стоят на ящере.

Полая пронизка
в виде
крылатого пса.
VI–VII вв.
Похожие
отливки
обнаружены
во многих
местах
Прикамья.
Пронизки
надевали на
нить и украшали
ими костюм.
Бронза.

Прорезная бляха. VII–VIII вв.
*Пос. Курган Чердынского р-на
Пермской обл.
Бронза.*

Полая подвеска с объемными
фигурами двух **людей, сидящих
на ящере.** VIII–IX вв. (р. Ухта).
Бронза.

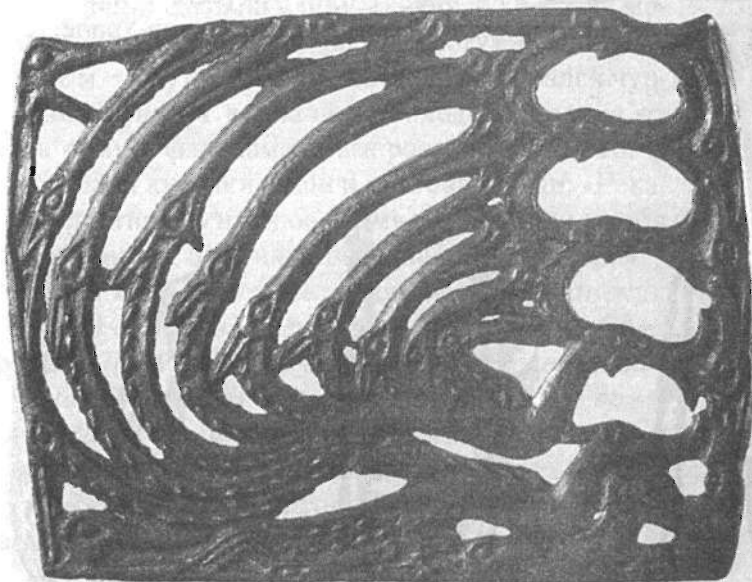
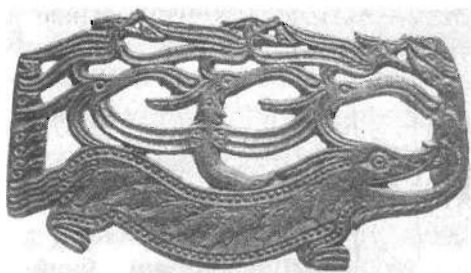

Бляха. VIII–IX вв. Местные жители прозвали эту бляху «ячменным богом». «Ячменный бог» попирает ногами существо, воплощающее преисподнюю; лоси символизируют земной мир, которому покровительствует бог растительности.
Чердынский музей.

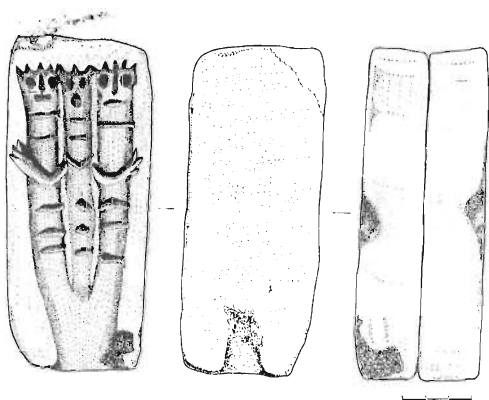
Бляха, представляющая близнецные мотивы.

VIII–IX вв. Найдена под корнями старой ели в 1947 г.
Село Кольчуг Чердынского р-на Пермской обл.
Бронза.

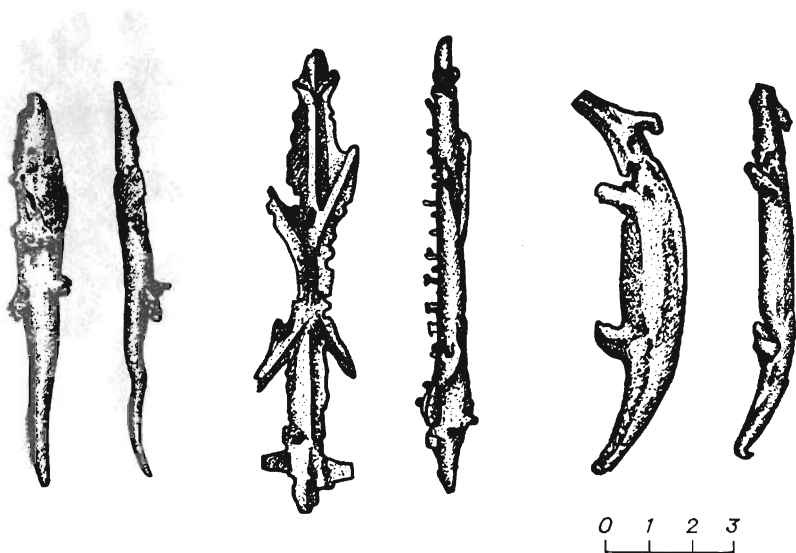

Композиции на ажурных бляхах раскрывают нам **устройство шаманской «Вселенной»**, состоящей из нескольких зон, и изображают странствие шамана в подземный либо небесный мир. Помимо трех зооморфных символов, воплощающих основные зоны космоса, на бляхах помещены, как правило, изображения семи лосиных и птичьих голов, процессии из семи следующих друг за другом людей-лосей. Узор в виде выющихся полосок, возможно, изображает реки, соединяющие Верхний и Нижний миры.

С помощью подобных **литейных форм** (VII-IV вв. до н. э.) изготавливались странные фигурки – нечто среднее между человеком и некоей амфибией; **древнейшие образы зверино-го стили** на Урале.

В культовом амбарчике, посвященном родовому духу-предку манси Ворсик-ойке, этнографы обнаружили литые свинцовые фигурки. Одна из них напоминает **ящерицу или рыбу** (к спине которой присоединена медная монета), другая – **странное пресмыкающееся** существо, третья – **бобра**.

Вожо — сезонные духи, предки и нечистая сила

Самые темные дни в году — дни зимнего солнцеворота (русские святки) — считались самыми опасными, ибо силы иного мира вторгались в эти дни в мир живых. Водяной вумурт, духи предков и сезонные духи *инвожо*, или *вожо*, появлялись на святки и жили в банях; в это время страшно было в одиночку и без огня выходить на улицу. В бане духи могли морочить людей: подsunуть им «невесту» и сундук с приданым — наутро вместо невесты оказывался чурбан. Когда святки кончались, молодежь ходила от дома к дому с факелами и выпроваживала вожо. В реку бросали кусочки пищи и приговаривали: «Река, будь милостива. В нужное время мы приняли у себя вожо, храни нас от всяких болезней и несчастий!»

Здесь очевидно уже влияние христианских (русских) обрядов — нечистая сила должна была скрыться под водой до водосвятия — освящения воды на Крещение. У русских сходными с вожо духами были шуликуны: видимо, с ними связано и сходное название таких духов у коми — шулейкин; русским по происхождению было и другое название подобных духов — чуды.

Другим опасным периодом считалось время на Страстной неделе. По удмуртскому преданию, во время битвы с марийцами много врагов погибло, и в ночь на Великий четверг души непогребенных являются в удмуртское селение. Хозяева защищают свои дома, развешивая повсюду ветви колючего можжевельника и окуривая жилье дымом этого растения. Если снять с белой лошади хомут, можно увидеть души убитых марийцев, бегущих прочь от растения-оберега.

Наконец, в дни летнего солнцеворота также опасными считались духи *инвожо*. Тогда соблюда-

лись многочисленные запреты: нельзя было полоскать белье в реке и, тем более, копать и обрабатывать землю острыми предметами. Земля считалась беременной новым урожаем — ее нельзя было тревожить. Опасно было показывать пальцем на радугу, пьющую воду: могла начаться засуха. Даже Гудыри-мумы не решалась греметь в эти дни, а лишь полыхала зарницами. В дни летнего солнцеворота устраивали именины трех стихий — земли, воды и огня. Повсюду в домах гасили огонь и на молении древним способом разжигали новый — от трения двух кусков дерева.

Считалось, что предки обитают на кладбище — в селении мертвых; старейшиной мертвых становился тот, кто был первым похоронен на кладбище. Как и прочие финно-угры, удмурты сохраняли свои представления о загробном мире, который располагался где-то на севере, в темных полночных землях. Когда думали, что причина болезни — гнев предков, то обращались к ним с молением, повернувшись на север, и спускали вниз по течению реки жертвоприношения — ломоть с хлебом, чашку с кашей.

В жертву предкам в специальных урочищах приносили коня (сын поминал так отца) и корову (дочь жертвовала ее матери), вывешивая на деревьях или складывая у ворот кладбища голову и кости ног после священной трапезы — животное после такого ритуала становилось «целым», оживало. Во время поминок приглашали предков на поминальную трапезу, отщипывая от еды и отливая от напитков в специально приготовленную посуду. При этом приговаривали: «Прадедушки, прабабушки, пусть будет это вам! Для вас мы наварили и напекли. Дайте нам удачу в посеянном хлебе и сохраните его. Дайте детям нашим удачу и сберегите их!» Считалось, что предки наделяли душой новорожденных; если ребенок рождался мертвым, также призывали предков. Воршуда, предков и Инмара поминали во

время обрядового пиршества сразу после рождения младенца. Когда умирал неженатый парень или девушка, просили предков женить их на том свете.

Опасными считались и духи болезней — *ку-тысь* или *мыж*, эпидемий — *чер* и т. п. Кутысь (буквально — «тот, кто хватает, держит») — духи умерших не своей смертью, утопленников, самоубийц, погубленных незаконнорожденных младенцев — обитали в оврагах, у истоков ручьев и рек. Они не получали поминальной пищи, поэтому голодали и наводили ужас на людей и скот своими страшными криками (так что те не могли двигаться дальше, будто их кто-то держит), но оставались невидимыми или появлялись в виде огромного чудовища. Эти духи насылали порчу — в основном, кожные болезни: услышавший плач младенца-кутысь покрывался язвами, потерпевшему следовало бросить крупы или хлеба на то место, откуда был слышен плач. Чтобы откупиться от этой нечисти, нужно было бросить в речку кусочки пищи, петушиные перья, монеты, соль и уйти, не оглядываясь.

Две души человека

Как и у других финно-угров, у удмуртов сохранились представления о двух душах, которыми наделен каждый человек: *лул* и *урт*. Лул — невидимая душа, находящаяся в груди человека; она может покидать тело во время сна, а навсегда оставляет тело только после смерти. Ее все же можно увидеть — она появляется либо в виде пара при дыхании, либо в виде летучей мыши или бабочки при возвращении с того света: поэтому бабочек нельзя трогать, когда они залетают в дом, — ведь это души умерших предков. К ним могли даже обращаться с вопросами о жизни покойников на том свете.

Урт — дух-двойник человека, воплощение его душевного и физического здоровья и счастья — до-

ли. Урт могла покинуть тело при испуге (особенно опасны были детские страхи) и болезни, и тогда человек лишался душевного здоровья. С уходом урт весь дом мог лишиться счастья — доли (*корка шуд*): можно было лишиться доли после смерти хозяина, поэтому после выноса его тела сразу выходили на улицу с белой скатертью, хлебом и одеждой покойного, просили *урт* вернуться в дом и «заводили» ее обратно в избу.

Как и у карел, у удмуртов принято было класть нитки в гроб: с их помощью умерший должен был добраться на тот свет по дороге, прямой как натянутая нить. Нитей было семь — путь в иной мир проходил по всем семи сферам мироздания.

Туно — удмуртские шаманы

Целая иерархия кудесников была связана с миром сверхъестественного у удмуртов. Главным посредником между людьми и богами был туно (сходное название жреца-колдуна известно и у коми). Он лечил болезни, отыскивал пропавшее имущество, без него не могли определить место для нового поселения: туно должен был помогать во всех затруднениях. Он заговаривал диких зверей и змей, передавал волю богов и указывал, какие жертвы угодны божеству, объяснял, почему предки (вожо) гnevаются на потомков.

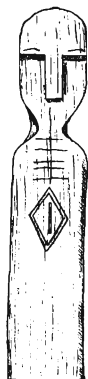
Туно мог предсказывать будущее и даже вступать в борьбу с божествами. Рассказывают, как в одной деревне кудесник сразился с самим Кереметом и заставил его отказаться от непомерных жертв. Покровителем туно считался Инмар, или Инмар-Кылчин — воплощение и неба, и земли. Рассказывают, что верховный бог является ночью к тому, кого он назначает быть туно, в сопровождении старого, уже просвещенного им кудесника. Он выводит ученика, играя на гусях, в поле или к огром-

ному оврагу, к широким рекам, через которые натянуты струны. Там посвящаемый видит 77 елей: тот знахарь, который сможет сосчитать хвою этих елей, получает силу насыщать порчу и лечить людей. У оврага глубиной 77 сажений, наполненного слюной колдунов-туно, чародеи получают вредоносную силу. Туно должен проплясать на натянутых струнах и не упасть — только тогда его можно считать прошедшим испытание.

Струны гуслей в рассказах о туно соединяют тот и этот свет: танец туно на струнах означает способность проникать в иной мир. Гусли Инмара, как и кантеле Вяйнямёйнена, оказываются шаманским инструментом, подобно саамскому бубну открывающим путь во все уголки мифологической Вселенной. Здесь нельзя не вспомнить вещего певца Бояна, в «Слове о полку Игореве» названного Велесовым (Волосовым) внуком: он рыскал серым волком по земле и сизым соколом в небесах — как шаман в своих животных ипостасях; сама же игра на гуслях воспринималась в «Слове» как волшебная охота: десять пальцев — это десять лебедей, спущенных под облака.

Волю богов туно также узнавали под игру на гуслях в святилище-керемет или в селении. Сам туно обретался вдали от селения (как и русские колдуны, часто жившие особняком). При избрании жрецов туно является для отправления культа в деревню, и его ведут в баню; тем временем в избе вокруг гусляра и стола с тремя обрядовыми хлебами и кумышкой собирается народ. Туно одевают во все белое, опоясывают белым полотенцем, в чашу с кумышкой кладут серебряную монету, и тот начинает ворожить под игру гуслей. Под священную мелодию Инву он начинает пляску с мечом в руках и нагайкой, чтобы изгнать злых духов. Во время пляски ту-

но впадает в исступление, призывает Инмара и в беспамятстве произносит имена тех, которые должны стать жрецами. По серебру гадали и о здоровье: если серебро потускнело, человек подвержен порче. Серебряную монету вбивали в дерево; новобранцы делали это для того, чтобы родители знали их судьбу (сравните обычаи оставлять священный предмет — гребень или оселок — у других финно-угорских народов).

Заговоры против порчи включают знакомые нам мотивы 77 сакральных объектов: сглазить человека может только тот, кто сможет вырастить листья на упавшем гнилом дереве, перецеловать птенцов 77 птиц, а также муравьев из 77 муравейников, наконец, выбить золотой шар — солнце — из рук Кылчин-Инмара. В другом заговоре порчу сможет наслать лишь тот, кто сумеет прорастить 77 сросшихся рябин через муравейник, слить в одну воду 77 бань и т. п.

Низшими категориями кудесников были пелляскыс — знахари-«шептуны», лечащие от болезней и произносящие заклинания, но не имеющие сверхъестественной силы для общения с богами. Ведин, ведынь (от русского ведун), пучкос или убыр (тюркское слово, означающее чудовищного людоеда, готового пожрать и светила) — колдун, по преимуществу злой, который получает силу от злых духов, насылает болезни на людей по ветру и может превращать их в животных. Как шаман, он умеет летать по воздуху и даже способен устраивать солнечные и лунные затмения. У марийцев сходный персонаж именуется вувер.

Но лишь туно мог руководить молениями Керемету в священных рощах: при этом он, как правило, не мог приносить жертвы воршуду в куале — этим занимался специально избираемый при помощи камлания туно жрец.

Мировое древо и Керемет — святилище и злой дух

М И Ф Ы
ФИННО-
У Г Р О В

Керемет, Кереметь (или Луд — по-удмуртски) — общее наименование для злого духа, противника верховного бога у удмуртов (а также коми и марийцев), и одновременно — обозначение священной рощи (у удмуртов, мордвы, марийцев и других — тюркских — народов Поволжья). Само слово имеет арабское (мусульманское) происхождение и означает «чудо», «духовную щедрость», но у народов Поволжья оно скоро стало означать старые домусульманские священные урочища и ассоциировалось со всем «языческим» и злым (хотя при жертвоприношении в керемете, в соответствии с мусульманским обычаем, жрецы не должны были есть свинину).

Рощи располагались возле каждого селения и состояли из священных деревьев — берез, липы, дуба, ели, которые любил Керемет, — да и Кылдысин вернулся к людям, появившись на березе, Мировом древе. Инмару молились под березой или сосной, обратившись на восток, Кылдысину — под березой, Квазю — под елью. Под хвойным деревом приносили жертвы и Керемету, обратившись на запад или на север. Каждый удмурт имел собственное священное дерево, возле которого он и молился, пока туно приносил жертву. Иногда это был огороженный участок в лесу, где выделялся специальный сакральный угол для жертвоприношения.

Представление о Мировом древе, известное едва ли не всем народам мира, у удмуртов было связано с поверьем об *ин юбо* — небесном столпе и *мудоре* — некоем центре Земли, совмещавшимся с деревом в Великом лесу. Вокруг него также возводили священные стены — *мудор куа*. На вершине дерева устраивали жертву верхнему миру — помещали каравай с маслом: это был солнечный символ. С верхним ми-

ром был связан Инмар, который получал жертвы, сжигаемые на священном костре: с дымом костра они возносились на небо. На ветвях развешивались шкуры жертвенных животных, куклы-фетиши, полотенца и т. п.: это были жертвы среднему – земному миру, который воплощал бог Квась. Кости жертвенного животного закапывали у корней дерева, там же закапывали серебряные монеты, корни поливали кумышкой, пивом. То были жертвы Кылдысину. Соответственно, Инмару приносили в жертву животных белого цвета, Квась – рыжей («красной») масти, Кылдысину – черного цвета.

В священной роще *луде* нельзя было ломать ветки и собирать хворост (следовало украшать себя ветвями лишь во время жертвоприношений): дух Луд мог появиться в облике медведя и растерзать нарушителя табу. Чаше Керемет или Шайтан оказывался злым духом, вездесущим на земле: он мог обитать в лесу, в воде, в заброшенных жилищах (поэтому их нужно было сжигать), но проникал и в жилые избы, откуда его следовало изгонять. Он наводил порчу на людей, скот и поля.

Моления Керемету совершались по случаю повальных болезней, падежа скота и неурожая. Туно считался хранителем рощи Керемета: во время жертвоприношений иногда ему ассистировал *ведынь* и представители удмуртских родов – *карты* (от тюркского «старик» – сходные наименования было известно марийцам и чувашам). Все они считались жрецами – *восясь* («тот, кто молится») и *утись* («тот, кто содержит святилище»): специальные жрецы (*парчась*) занимались также жертвоприношениями животных, разведением жертвенного костра (*тылась*). Накануне моления туно отправлялся в керемет, чтобы узнать, какие жертвы угодны Керемету. Тот, как правило, требовал черных быков или коней: чтобы узнать, угодна ли жерт-

ва Керемету, круп животного поливали водой – если животное вздрагивало, его приносили в жертву. Часть внутренностей бросали в огонь, часть – отдавали собакам: если дым от костра поднимался ввысь, а собаки дрались из-за еды, значит, жертва принята. Мясо жертвы варили в котле, и пока блюдо готовилось, удмурты молились Керемету. Затем они приступали к пиршеству. Считалось, что жертва, принесенная в керемете, не умирает, а, наоборот, возрождается.

На удмуртском святилище Булда раз в три года в течение трех дней приносили в жертву коня, телку, быка и двух гусей. Освящали кумышку (ее плескали в огонь), хлеб (его раздавали старикам и бросали в огонь), мясо, кашу, устраивали совместную трапезу и сбор денег для последующих молений. Приносили в жертву предкам овцу, мясо которой вместе с кумышкой и др. выставляли в поле (это приношение ели собаки). Первые два дня молились Инмару, поэтому кости жертв сжигали на костре, третий – Му-Кылчину (Кылдысину), и кости зарывали в землю для покровителя земли, в яму сливали кровь, кумышку и др. У этого святилища был специальный покровитель Булдамурт – культурный герой и предок одного из удмуртских родовых объединений, помощник Инмара. Ему в жертву приносили белых животных – овец или жеребят, во время моления играли на «великих гуслях». При других жертвоприношениях, совершавшихся ради урожая, нужен был бык черного цвета для божества земли и хлебов Му Кылчина (Кылдысина), красная нетель для Инмара или бык для Квазя, чтобы не было холодов, рыжий жеребенок для громовника (или матери грома Гудыри-мумы), чтобы не было града и проливных дождей. Жертв требовали и духи: нюлэсмурт получал птицу (гуся, утку, тетерева), вумурт – утку, а иногда – жеребенка, чер – черных кур.

В целом сакральное пространство у удмуртов имело два полюса: священное жилище куалу, воплощение Дома, освоенной людьми части пространства, и священную рощу Луд, мир вне дома, находящийся в полной власти сверхъестественных сил.

Моление богам

В 1885 г. венгерский академик Б. Мункачи записал моление удмуртов. В приводимых ниже строках запечатлен весь традиционный мир удмуртского крестьянина:

«Остэ, Инмар, Воршуд, великий Мудор, Кылчин-Инмар! Полными чашами и новыми хлебами тебя вспоминаем!

Лучшая часть пусть тебе будет, остальной части пусть великому (русскому – *В.П.*) царю на подавание достанет... Мои посеянные хлеба, как твоя земляника и клубника, пусть поспевают-уродятся: если корней, так пусть будет 30, стеблей пусть будет 12, зерен пусть будет 1000, с камышовой соломой, с серебряным колосом, с золотым зерном! Чтоб это хлебное поле не обскакать белке, не обежать кунице, не проскакать хорьку!

Теплые дожди принеси, южные ветры нагони, добрые годы-времена дай! От ночной и от всякой напасти железной, медной, серебряной оградой огради, от облаков, кровавых, как костяника, сам убереги!»

Дальше следуют просьбы, чтобы удачно сложились скирды, прошла молотьба хлеба, чтобы на охоте зверь сам попадал в зубы собаке и в охотничьи ловушки. Конечно, не забывали о здоровье и защите от порчи и сглаза. Чтобы у людей было много детей, а у лошадей – жеребят, у коров – телят и т. д.

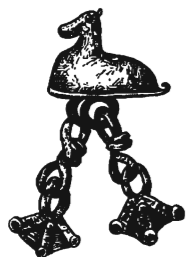
В молении сливаются образы не только небесного Инмара и земного Кылдысина (Кылчин-

Инмар) – они ассоциируются с родовым покровителем Воршудом и пупом Земли – Мудором. Просьба сделать хлеб колосистым напоминает мифы о золотом веке, когда на одном стебле было несколько колосьев.

У христианизированных удмуртов Инмар стал восприниматься как Бог-творец: ему молились перед каждой трапезой с кумышкой и хлебом о даровании насущного хлеба и здоровья семье. Инмар, Квазь и Кылдысин стали ассоциироваться с христианской Троицей, воршуд – с ангелом-хранителем, мудор – с иконами. В Ильин день также продолжали приносить христианскому громовнику Илье-пророку (как Гудыри-мумы) в жертву хлеб, кумышку, а иногда быка, жеребенка, барана или гуся. В Великий же четверг (на Пасху) до восхода солнца шли в лес и поле и громко кричали («гагайкали»), чтобы отогнать на все лето хищных зверей от стад.

Голос считался у финно-угров важным оберегом: криком охватывали освоенное человеком пространство – отвоеванное у природы пространство культуры. Вспомним богатырский крик сыновей Калевы: там, где он был слышен, вповалку валялись деревья и расчищалось поле для пахоты.

МАРИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Мифы мари́йцев (черемисов), среди которых выделяются группы луговых и горных мари́йцев, одновременно близки и мифам удмуртов, и мифологии мордвы. Сильным было воздействие на мари́йскую мифологию тюркских традиций, развивавшихся уже под влиянием ислама в средневековых государствах – Волжской Болгарии и Золотой Орде. В начале XX в. мари́йскую религию и мифологию исследовал знаменитый финский религиовед Уно Хольмберг (Харва), в последнее время исследованием традиционного фольклора мари́йцев занимаются В.А. Акцорин и др.

Кугу Юмо – «Великий бог». Его противник Керемет

Согласно мари́йской мифологии, высший бог обитает на небе, где у него много скота. Сам Кугу Юмо («Великий бог») – обожествленное небо; ветер – его дыхание, радуга – лук. Его имя, *Юмо*, *Йымы*, напоминает нам имя общезинского небесного бога Юмала.

В мифах о творении сохранились древнейшие – прауральские – мотивы: утка прилетела на поверх-

ность Мирового океана и снесла два яйца. Из них в облике селезней вылупились два брата — Юмо и Йын. Селезни попеременно стали нырять на дно океана и доставали оттуда ил: так была создана земля. На земле Юмо стал творить людей и животных, наделяя их судьбой, а Йын принялся мешать творению: за это Юмо навсегда изгнал брата под землю и запер в преисподней.

Имена демиургов у марийцев напоминают имена творца мира у коми — Ена — и его дочери Йомы. Правда, у коми Йома — злая земная богиня, а у марийцев Юмо — благодетельный небесный бог, но такая инверсия — переворачивание значения — характерно для мифов соседствующих народов.

В других мифах Кугу Юмо противостоит творцу зла — своему младшему брату Керемету (которого он, согласно некоторым мифам, изгнал с неба за непослушание). Кугу Юмо велел Керемету, который плавал в водах первичного океана в облике селезня, нырнуть и достать земли со дна. Керемет сделал это, но часть земли утаил в клюве. Бог своим дуновением сотворил землю с равнинами, пастбищами, лесами. Керемет же выплюнул утаенную часть и создал горы. Кугу Юмо сотворил человека и поднялся на небо за душой для него, оставив сторожем собаку, не имевшую шкуры. Керемет напустил мороз, соблазнил собаку шубой и оплевал человека. Возвратившись, бог проклял собаку, а человека вынужден был вывернуть наизнанку, и тот стал подвержен всевозможным болезням и греху из-за оплеванных Кереметом внутренностей.

В другом варианте мифа о сотворении человека еще более отчетливо прослеживается влияние библейской традиции. Люди, сотворенные из грязи — праха земного, были сначала покрыты роговой оболочкой. К ним явился Сатана и сказал, что Юмо ве-

лел им есть яблоки. Те послушались и лишились твердой оболочки, оставшейся лишь на ногтях. Женщина съела яблоко целиком, мужчина же — только часть, отсюда и возникли половые различия.

Кугу Юмо сотворил также добрых духов из искр, высекаемых огнивом; Керемет подсмотрел способ творения и создал злых духов — кереметов. Они расселились по земле и требуют от людей постоянных жертв.

Борьба за души

Нечистый не смог овладеть сотворенными людьми, но нашел способ заполучить их после смерти или даже при рождении. Когда родители проклинали плачущего младенца, он становился ребенком злого духа — умирал. Но добрый дух — ангел обнаружил коварство черта и рассказал об этом Юмо. Юмо запретил нечистому похищать человеческих детей — после смерти ему должны доставаться только самоубийцы да пьяницы. Черт также не мог проникнуть в тело человека, который поминал имя Юмо. Черт, однако, продолжает охотиться за грешниками, записывая каждое их прегрешение.

Нечистый не прекращал свои козни на земле: он появлялся там в образе вихря, но Юмо преследовал его в грозовых тучах и метал в него молнии, стреляя из лука-радуги. Поэтому, если приходится прятаться от грозы под деревом, надо помянуть имя Юмо — ведь в дереве может скрываться черт, преследуемый небесным богом.

Распределение судеб

Юмо предопределил каждой твари ее судьбу и назначение: человек должен был сеять хлеб, лошадь помогать ему и радовать хозяина, утка должна была стать священной жертвенной птицей (ведь она принимала участие в сотворении мира). Каждому

была назначена и пища: даже медведю положена была корова, которая заблудилась в лесу.

Сова стала жаловаться, что ей мало одной птицы в день для пропитания, и у нее мерзнет голова. Тогда Юмо велел ей охотиться ночью, а на голову дал шапку — пух, в который днем сова прячет свой клюв.

Коршун попросил у Юмо питья, и бог велел ему вырыть колодец. Но, когда колодец был готов, в нем искупался ворон, и коршун не стал пить оскверненной воды. Пришлось Юмо послать дождь, чтобы коршун смог напиться: с тех пор коршун кричит от жажды, когда долго нет дождя.

Почти такой же миф сохранился у мордвы. В нем хитрый коршун канюк ленится рыть колодец, чтобы напиться, но хочет обмануть бога. Канюк подговаривает ворона вырыть колодец и вымыться в нем, сам же после этого обмазывается илом и спешит к богу, чтобы показать, что это он копал колодец. Но обмануть бога невозможно: он наказывает хитрую птицу — отныне она должна пить только дождевую воду или росу.

Наконец, речь зашла и о нормах брачной жизни. Корове и прочим животным было заповедано случаться и приносить приплод раз в год. Но женщина стала возмущаться и кричать, так что пришлось снять для нее ограничения — пусть живет с мужем когда хочет всю жизнь.

Почему в мире все стало кривым

Закончив творение, Юмо собрал всех тварей на совет — как обустроить землю. Коротколапый еж опоздал на совет, да еще споткнулся о порог дома Юмо и покатился с него кубарем, чем вызвал смех прочих зверей. Тогда еж обиделся и, ворча, покинул собрание. Звери же не могли договориться, как им устроить жизнь на земле, и решили послать хитрую лису подслушать, что там бормочет про себя рассер-

женный ежик. Лиса и услышала слова-заклятия: «Пусть все реки текут криво, деревья растут криво, изгороди будут кривыми, дороги и улицы также искривятся». Лиса передала эти слова собранию зверей, и мир с тех пор стал кривым...

Перед нами обычный этимологический миф о том, как из-за ошибки или злой воли какого-нибудь персонажа начальных времен мир оказывается несовершенным, человек – смертным и т. п. Интересно, что и в русском духовном стихе о «Голубиной книге» говорится о том, что правда и кривда сражались друг с другом в виде двух зайцев, и после этой борьбы правда ушла на небо, а кривда осталась на земле.

Почему кончился Золотой век

В начальные времена небо было так близко от земли, что до него можно было дотянуться рукой, а колос начинался прямо от земли, и рожь была ветвистой. Но люди оскорбили небо – юмо, когда неопрятная мать подтерла своего младенца хлебом (сравните сходный миф у коми) или запихнула испугавшего ее уродливого младенца на небо прямо с грязными пеленками. Небо стало отдаляться от земли: 7 дней и ночей с грохотом поднимались вверх небеса, этот грохот и стал первым громом. Мать-земля (Мланд-ава) поглотила неопрятную женщину. Разгневанный бог хотел совсем лишить людей хлеба, но собака умолила его оставить хлеб хотя бы ей на пропитание. Люди же с тех пор должны обретаться в грязи и питаться малым куском хлеба, потому что именно с тех пор хлебный колос стал таким, каким мы знаем его сейчас.

В начале времен марийцы жили по 250 лет. Черт не мог дожидаться, когда они начнут умирать, и принялся подбивать Юмо на спор: если он сможет быстро выкорчевать целый лес, бог позволит ему

убивать людей. Сатане удалось справиться с задачей, и он принялся истреблять население земли. На земле оставались одни глубокие старики, которые не могли дожидаться смерти. Тогда Юмо сократил срок человеческой жизни, и земля стала снова постепенно населяться людьми.

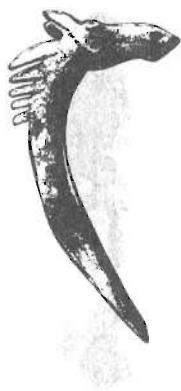
Кугу Юмо не оставлял людей своими заботами: он спускался на землю и ходил по межам на полях (подобно удмуртскому Кылдысину). Это способствовало порядку в отношениях между людьми и росту урожая. Люди принимали бога с почестями, принося ему жертвы на 77 кострах (священное число в финно-угорской традиции). Белый цвет был символом бога, поэтому он спускался в березовую рощу, которую окружали белым полотнищем, чтобы в святое место не проникла нечистая сила.

Почему случился Потоп

Марийцам были известны библейские легенды, в том числе о всемирном потопе. Рассказывают, что до потопы люди приносили человеческие жертвы. Юмо, однако, сжалился над людьми и разрешил вместо парня, которого отец хотел принести в жертву, заклать жертвенное животное. Спасенного парня бог взял на небо. Там он наказал новому небесному жителю, чтобы тот не касался без нужды серебряного посоха бога и бочки с водой. Только когда приблизится туча, парню можно было сначала побрызгать из бочки, а потом уж поливать землю из ковшика. Но бойкий небожитель тут же ухватил посох, от чего загремел гром; парню надоело также брызгать на землю, и он опрокинул всю бочку разом — от этого на земле произошел потоп.

Другой рассказ явно восходит к библейским апокрифам. Юмо сообщает о грядущем потопе некоему старцу — Кузе Кугыза, который начинает тайком строить ковчег. Крутившийся здесь же нечис-

тый – Ия (тюркское обозначение злого духа) хочет выведать, что делает старик. Он дает старухе – жене Кузе Кугыза – хмель, чтобы она наварила пива. Хмельной хозяин проговаривается, зачем ему нужен ковчег, черт же замышляет проникнуть в убежище и погубить его. Он внушает старухе, что необходимо поупрямиться, когда муж будет звать ее в ковчег. Та, действительно, долго не откликается на призывы мужа, пока тот в сердцах не поминает черта. Нечистый – тут как тут и оказывается в ковчеге. Он превращается в мышь и уже прогрызает дыру, но, на счастье, в ковчеге оказывается и кошка. Кошка не только съела мышь, но и заткнула ее хвостом течь – так все твари спаслись от потопа.

Как мари́йцы получили свою веру

Согласно легенде, Керемет задержал старейшину мари́йцев Бедоя, когда тот шел к Юмо, распределявшему религии среди народов мира; за это Юмо и заставил мари́йцев поклоняться Керемету. Его воинство злых духов пополняется за счет вредоносных покойников – колдунов, разбойников, умерших неестественной смертью.

В другом мифе мари́йцы и удмурты пострадали из-за деликатности их предков. Юмо призвал к себе представителей всех народов с семьями, и каждым велел молиться своему богу: русским – Христу, татарам – Луне в мечети. Удмурт же и мари́ец постеснялись явиться к богу со своими семьями – они казались им слишком большими. Мари́ец даже спрятал свое семейство в лесу за деревьями. За это всевидящий Юмо наказал не в меру стеснительных мари́йца и удмурта: он велел им поклоняться обгорелым пням – кереметам, в которые обратились их жены и дети. Превратившиеся в кереметов родственники без конца просят есть – им надо приносить жертвы, иначе они могут послать болезни и смерть.

Эта странная история, конечно, могла возникнуть тогда, когда традиционная «языческая» религия марийцев стала проигрывать наступающему исламу и христианству. Вместе с тем она отражает и исторические реалии: у марийцев и удмуртов, действительно поклонявшихся богам в святилищах-кереметах, были долго распространены семьи, включавшие три-четыре поколения родственников. Численность семьи могла достигать 40 человек — у соседних народов не было таких больших семей.

Небесные стада

Небесная картина мира марийцев схожа с представлениями других финно-угорских народов. Полярная звезда именовалась «Небесным столбом». Вокруг этого Мирового столпа вращались созвездия Лося — Шордо (вспомним мифы о небесной охоте), Небесного лебедя — Юмын кайык и Небесного барана (который представлялся в виде фантастического существа — барану приписывались внешние черты птицы бекаса).

На эту архаичную картину наслоились представления, связанные с развитием скотоводства у марийцев. На небе появляется небесная дева — Юмын удыр («Дочь неба»). Небесный лось становится небесным конем — Юмын имне. Появляются на небе и небесный бык или корова: они и составляют вместе с небесным бараном звездное стадо, которое пасет вокруг Полярной звезды небесная дева — пастушка. На небе помещается и небесный хлев, и Небесная река — Млечный путь.

В народной поэзии, в том числе в заговорах, Небесный столб предстает в виде веретена, которое вращает небесная дева: созвездия — это ее прялка, серебряные нити, клубок. Известен и миф о лунной деве, которую преследовала на земле злая мачеха,

заставлявшая несчастную носить воду ситом или решетом, раздетой, в зимнюю стужу. Луна сжалась над ней и взяла девушку на небо, подняв ее на серебряных или шелковых качелях. В другом мифе сам Юмо посылает за ней Луну в своей колеснице, запряженной огненным конем: в земной деве угадывается образ невесты небесного бога, мифы о которой хорошо известны у соседней мордвы. С появлением на небе девы, шедшей по воду, Лось стал именоваться Ковшом (Коркашудыр, Большая Медведица), Орион – Коромыслом, Плеяды – Решетом (Шоктешудыр).

Обозначение Плеяд как «Сита» известно не только финно-уграм (в том числе эстонцам), но и славянам, и тюркам: миф о лунной дева также был широко распространен в Восточной Европе.

Млечный путь и у марийцев именовался «Дорогой птиц»: гуси, самые сильные из перелетных птиц, оставляли на своем пути перья, чтобы прочие птицы не потеряли дороги на юг.

Семья Кугу Юмо и марийский пантеон

Кугу Юмо пребывает в своем небесном доме на золотом престоле, откуда ему видны все дела людей. В былые времена, когда открывались небесные ворота, он являлся людям сидящим на облаках и играющим на гуслях – вот тогда ему и молились.

В семью высшего бога входили Юман-ава – «Мать бога» (или Шочын-ава, «Дающая рождение»), покровительница рождений и свадеб; у Кугу Юмо был и сын по имени Эрге-Пугощ-юмо (он предопределял, у кого родится мальчик). Верховный бог стоял во главе целой иерархии небесных существ, представления о которой сложились у марийцев под влиянием ислама и христианства. Имена «юмо» («небо») и «кугу-юмо» стали обозначать

всякого бога вообще. К высшим богам причислялись: Туня-юмо, бог всего сущего, также управляющий ветрами и облаками; Ош-кече-кугу-юмо, «белый» бог солнца и света; Кава-юмо, бог небосвода; Мэр-кугу-юмо, покровитель людей, Пурышо-юмо, предопределитель судьбы; Сакче-юмо, бог-хранитель. Волгенче-юмо был богом молнии, а Кудырчо-юмо — громовником, побивающим злых духов, защитником урожая, человека и скота.

Рассказывают, будто гром происходит оттого, что Юмо скатывает с неба камни. Такие камни, падающие на землю, называют «молниевыми камнями»: их можно потушить молоком, а не водой.

Богов насчитывалось 77: столько же было на земле языков и народов, целебных трав, перечисляемых в заговорах, и т. п. Священное число 77 было общим для марийцев, удмуртов, мордвы, обских угров и венгров. Оно восходит к космогоническим символам: четыре стороны света и три яруса Вселенной дают число 7, семидневной была лунная неделя. Считалось, что по 7 богов покровительствует хлебу, пашне и пчеловодству.

В услужении у высших богов находился целый штат духов, сформировавшийся под влиянием ислама и государственных традиций Золотой Орды и Казанского ханства: недаром одним из наиболее почитаемых духов (и святилищ) был Султан-керемет, носивший тюркский царский титул. Духи *пиямбар* были посланниками богов; *суксо* или *сакче* — ангелами-хранителями; *пурышо* или *пуйыришо* предопределяли человеческие судьбы (все эти термины в основном тюркского происхождения). *Витнызе* (также от волжско-болгарского слова «писарь») или *алак* (Аляк-инмар был известен и удмуртам) сообщали обо всем, что творится на земле, и были посредниками между богами и людьми при жертвоприношениях. Имелись даже *юмын казначи* — «небесные казна-

чеи» и *юмын асаш* — собственно «небесные писари». К духам — покровителям человека относились также: *суртым-бал* — охранитель дома; *серлагыш* — охранитель от пожаров, ранений железом и несчастий в пути; *турасер*, оберегавший от глубоких мест, *капка-орол* — охранитель ворот от воров.

Во главе земных богов более низкого ранга, чем боги небесные, стоял Мланде-кугу-юмо («Великий бог земли»); к земным богам причислялись: Тул-он-кугу-юмо — бог огня; Перке-кугу-юмо — бог достатка, изобилия; Кинде-мочин-кугу-юмо — бог урожая; Вольык-кугу-юмо — бог скота; Сурт-кугу-юмо — бог домашнего очага и другие.

Каждое божество имело свое место слева или справа от престола Кугу Юмо. В этом видят влияние древней тюркской традиции. Многие имена богов, преимущественно второстепенных божеств (Пурышо, Кудырчо, сакче и др.) также имеют тюркское происхождение. Возможно, марийский пантеон земных и небесных богов формировался во времена, когда марийские земли входили в состав раннесредневекового государства Волжская Болгария.

Небесная дева

Марийский миф повествует о дочери Кугу, которая жила у Юмо на небе. Красавица тосковала в небесной обители — ведь там не было женихов: помощники отца были похожи скорее на ангелов, чем на мужчин. Имелся, правда, младший брат небесного бога — Керемет, он был даже влюблен в небесную деву, но ведь он родственник божьей дочери и вдобавок известен своими злобными деяниями.

Небесным стадам негде было пастись на небе — ведь там нет травы. Однажды небесная дева спустилась по розовой дороге — заре — на землю, чтобы выпастить небесный скот. У родника она встретила чело-

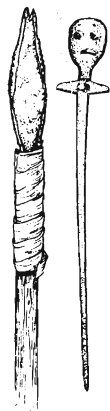
века, вышедшего из лесной землянки. Земной парень и небесная дева полюбили друг друга, но божья дочь понимала, что ей не дожидаться благословения от родителя. Тогда она уговорила своего возлюбленного умыкнуть ее тайно: с друзьями на лошадях парень увез небесную деву (в соответствии с древним марийским обычаем). На березе они оставили девичий платок, чтобы Юмо подумал, будто его дочь пропала.

Юмо действительно решил, что дочь погибла: он впал в такое горе, что на земле наступил неурожай, и люди стали гибнуть. Но горе вскоре притупилось, а когда молодые сами вернулись на небо, да еще принесли новорожденного ребенка, бог простил их и ради примирения устроил пир.

Тут-то Керемет и явил свой злобный нрав. Он напился на пиру допьяна и затеял ссору с нежеланным зятем. Керемет сбросил несчастного с неба: из его разбившегося тела выросли священные деревья — дубы и березы. Но Керемету не суждено было торжествовать победу: разгневанный Юмо сбросил с неба и самого Керемета — на земле тот стал злобным духом, требующим жертв от людей.

Эта романтическая история сохранилась только в русской записи. В марийской сказке небесная дева остается в доме земного жениха, но потом начинает грустить по небу. Она уходит подальше от мужа со своим небесным стадом и на пастбище начинает раскачиваться на шелковых качелях. Качели поднимают ее все выше, пока она не исчезает в небесах. Небесная дева, посредница между небом и землей, в марийском фольклоре может носить имена небесных посланников — Пиамбар, или даже Пуйыришо — имя божества судьбы.

Известен марийцам и миф о земной невесте небесного жениха: сын Юмо спускается на зем-

лю и берет в жены девушку, с которой поднимается на небо. Проходит время, и молодые спускаются на землю, чтобы навестить родителей невесты (такие рассказы были распространены и у мордвы).

Кугурак и небесная невеста

В верованиях некоторых групп марийцев духов-покровителей дома, ворот, стола и т. п. возглавляет Кугурак («Старейшина») или Курык кугыза («Горный старик»); иногда считалось, что ему подчиняются Азырен, водыжы и злые духи (шырты). По преданиям разных групп марийцев, некогда Кугурак был их предводителем-родоначальником и культурным героем (подобным упомянутому Бедою или мордовскому Тюштяну), имел укрепленный город и войско. У каждой группы был свой кугурак или курык кугыза, в зависимости от названия местных урочищ. В предании об одном из таких «стариков» («Старик горы Немда») рассказывается, как он предводительствовал марийцами в войнах, ездил на белом коне. Перед смертью он ушел под камень, наказав марийцам призывать его в случае войны: для этого нужно было трижды объехать священный камень. Марийцы однажды призвали его без повода, и разгневанный дух сделал их всех своими рабами: они должны были жертвовать ему ежегодно жеребенка. Жертв требовали его жена и множество слуг в сакральном урочище, где были и книгочей, и страж ворот, и страж моста.

Кугурак остается защитником марийцев перед богами, покровительствует земледелию и скотоводству, защищает поля от засухи и града.

Рассказывают, что во времена, когда марийцами правил Кугурак, они жили хорошо, ходили в белых одеждах, но самая красивая одежда была у вождя. Дочь Юмо, Пиамбар, спустилась на землю и

влюбилась в Кугурака, но влюбленные не дождались благословения небесного бога. Юмо же призвал предводителей всех народов, чтобы дать им веру. Русские, татары, удмурты, мордва пришли в бедных одеждах, Кугурак же красовался в своих нарядных одеяниях. Это рассердило бога, и он дал всем народам своих святых: русским — Христа, татарам — Магомета, лишь марийцев оставил без своего покровителя. Они стали поклоняться Кугураку и дочери Юмо Пиамбар, как покровительнице женщин (ей приносили в жертву женские одежды). Так они стали кереметами.

Жертвы и жрецы

Боги требовали жертвоприношений, которыми занимались жрецы-старейшины карты в священной роще керемет: высшему богу приносили в жертву лошадей, богине-матери — коров, иным — овец и птиц. Считалось, что в своих странствиях по небу кони Кугу Юмо стирают свои ноги, поэтому ему нужны свежие кони-жертвы — небесные кони (юмын оргамак). Каждый мариец должен был принести за свою жизнь четыре жертвы: первую по достижении совершеннолетия — богу Икшевюрше, создателю детей, еще две — богине плодородия и рождения Шочын-аве, наделяющей судьбой каждое живое существо, и покровителю всего живого Кугу-вюрше (перед свадьбой). Наконец, четвертую — самому Кугу Юмо. Жертву высшему богу мог принести лишь отец семейства, достигший сорокалетнего возраста и родивший не менее 3 детей. Если отец не успел принести всех жертв, его задолженность перед божествами передается сыну.

Богов молили о том, чтобы земные и небесные силы вновь объединились, вернулся Золотой век, людям открылись бы несметные небесные хранилища, богатство, счастье.

О карте-сновидце рассказывают материалы следственного дела о коллективном молении новокрещенных марийцев в 1828 г.: марийцев обвиняли в отступничестве от православия. Карт рассказывал на следствии, что ночью ему привиделось, будто он с множеством марийцев шел по некоей равнине; вдруг они рухнули в ужасную пропасть. Тогда карт взмолился Юмо, и все стали подниматься в гору, где сиял необыкновенный свет, все цвело и росли невиданные деревья. Услышавшие об этом сновидении марийцы решили провести моление с традиционными жертвоприношениями. Этот рассказ напоминает шаманские видения того света, со спуском в преисподнюю и подъемом на Мировую гору.

Особый культ имели Ош-кугу-юмо, Пурышо-юмо и Кудырчо-юмо: в священных рощах им посвящались три дерева, как правило, дубы или липы. Эти деревья опоясывались священным поясом из лыка, а в пояс вдевались ветви деревьев-оберегов — липы и рябины.

Умилостивительные жертвы приносились и Керемету; ими руководили старейшины или знахари-мужанг или мужедше, лечившие марийцев от болезней (муж). Больные должны были произносить мольбы в родовом святилище *кудо*, прочие же марийцы собирались на коллективные моления в священной роще — керемет. Керемета молили о том, чтобы не было болезней и падежа скота, закалывали жертвенных животных, мясо которых съедалось на жертвенном пиршестве, кости и шкуры зарывали в землю, а черепа вешали на изгородь, которая окружала священную рощу.

Знахарки требовали плату за лечение. Случалось так, что бедняк не мог заплатить мужедше; тогда он призывал колдуна локтызо, и тот произносил заговор-порчу, так что болезнь

переходила на более состоятельного мари́йца, способного от нее избавиться.

Духи-матери и духи-хозяева

Наряду с божествами отдельные явления природы воплощали духи-матери – *ава* (подобные духи были и в мордовской мифологии): Юмын-ава («Мать неба») почиталась главной, но не имела специального культа. Кече-ава («Мать солнца») была также покровительницей семьи, мать плодородия Шочын-ава причислялась к высшим божествам (Кугу-шочын-ава); как дух земли почиталась Мланд-ава, как дух воды – Вют-ава, духом огня была Тул-ава, ветра – Мардеж-ава и т. д.

Мланд-ава почиталась наряду с другими богами природы: в жертву ей приносили коров и быков темного цвета; кости жертв закапывались в землю, чтобы росли трава и злаки.

Перед началом земледельческих работ устраивали праздник пашни Агавайрем: молились божествам плодородия, бросали кусочки обрядовой пищи в огонь. В период цветения растений мари́йцы считали Мать-землю беременной (*сынкса*). В это время были запрещены все работы, которые могли потревожить Землю: нельзя было строить, копать, вывозить навоз, даже красить холсты. Работы решались у луговых мари́йцев после летнего праздника Сюрем, когда изгонялись злые духи *мужо*. Молодежь верхом объезжала священную рощу и затем, с благословения стариков, скакала по деревьям, хлестала встречных ветвями, стегала нагайками по воротам, изгоняя нечистую силу. Под игру на обрядовых трубах устраивали моления перед культовыми деревцами. Покровителями полей были Нур Кува-Кугыза – «Старуха-Старик поля», которые охраняли межи так же, как следил за ними удмуртский Кылдысин.

Духи воды, как и повсюду, считались связанными с чадородием и женскими работами. После свадьбы молодая приносила в жертву Вют-аве три бисеринки (или монеты) и раковину каури, приговаривая при этом: «Ходить мне за водой да будет спокойно, да не пристанет зло». Марийцы поклонялись также мужским духам-хозяевам: хозяином домашнего очага был *кудо-водыж* или *кудо-вадыш* («хранитель дома»), который оберегал семью от болезней, но мог и наслать болезнь на непочтительных домочадцев: его фетишем был пучок ветвей, хранившихся в специальной постройке — кудо (вспомним удмуртского воршуда). Сохранились представления о том, что кудо-водыж мог появляться в виде человека (часто в снах), а иногда — в виде лося или оленя, которому поклонялись прочие звери. Весной (после христианизации марийцев — на Вербное воскресенье) молодежь верхом на лошадях устраивала очередное обрядовое изгнание злых духов: старые пучки прутьев, воплощавшие кудо-водыж, выбрасывались в поле, вместо них привозили новые пучки.

Порт водыж — домовый, дух предка, также требовал жертв: ему готовили специальный пирог с зайчатиной; *курык-водыжи* считались хозяевами гор; *вют-водыжи* — хозяевами водных источников (могли показываться людям в виде коня); *мланде-водыж* — хозяином земли; *корно-водыж* — хозяином дорог и т. д. У марийцев существовало поверье о домовом змее — *сурт кишке* — воплощении духа предка, основателя усадьбы, обитавшем в каждом доме в облике змеи.

Особым духом-покровителем была *кудерт-кува*: если в сенях зимними вечерами слышалось жужжание веретена, считалось, что это она прядет серебряную нить (подобно небесной пряхе), а значит — хорошую долю, достаток в доме. Специально почитались банные духи — банные старик и старуха

(моча кува-кугыза), которых просили избавить от угара и действия злых сил.

Вспомним, что многие несчастья приключались с героинями финно-угорского фольклора, когда те шли по воду: вода была одновременно и очистительной, и опасной стихией — границей между тем и этим светом. У любого колодца (реки) девушка могла встретить жениха или быть похищенной (как саамская Акканийди, похищенная когда-то медведем).

Киямат и Азырен — боги загробного мира

Злых духов загробного мира возглавлял его владыка Киямат (Киямат-тора); его образ сформировался у марийцев под влиянием мифов ислама: в арабском языке близкие слова означали Судный день, день Страшного суда. Киямат считался судьей умерших. Загробный мир был разделен на светлую и мрачную части, и от Киямата зависело, пройдет ли умерший по узкой жердочке-мосту в светлый мир, где правит Киямат, или упадет в пропасть с кипящим котлом на дне. Марийцы клали цветные нити в гроб умершего (вспомним сходный обычай у карел), чтобы он мог привязать себя к загробному мосту и не сорвался в пропасть, или спустился на этих нитях, как на качелях, в преисподнюю. При похоронах родственники клали на гроб моток ниток и вытаскивали по одной с приговором: «Нас с собой не бери, я вот какую длинную нитку вытянул, не заставь меня умирать не вовремя». С покойным клали и ветки рябины и шиповника — проверенных оберегов от злых духов и псов преисподней.

Марийцам, как и другим угро-финским народам, известно было представление о нити жизни — воплощении судьбы; удмурты для предотвращения дурного глаза поязывали нить на

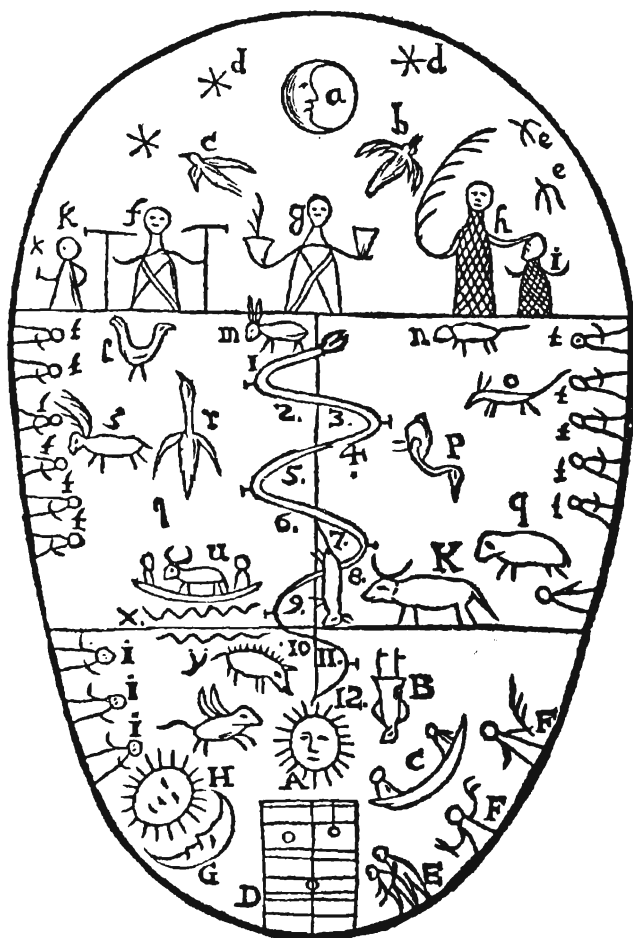
ручку младенца — оборванная нить означала прерванную жизнь. Своеобразное гадание устраивали и мари́йцы после выноса умершего. На место, где стоял гроб, клали нити разной длины: каждый тянул свою нить, обращаясь к умершему с просьбой продлить его жизнь. Нити, упоминания о которых мы уже встречали в погребальных обрядах разных финно-угорских народов, здесь воплощают и нить жизни (чем длиннее нить, тем длиннее жизнь), и путь на тот свет.

Киямат волен отпускать души людей, тоскующих по земле, — тех, кого не поминают родственники. Они являются на землю в ночные часы — от вечерних до утренних сумерек, напоминая родственникам, что неплохо бы их накормить и поставить им свечу. К ним присоединяются и те несчастные души, у которых не осталось живых родичей — они ищут, не помянет ли кто-нибудь и их. Особенно опасны эти духи, а также духи колдунов, убитых конокрадов и прочих злодеев, в период между Страстной неделей и Троицей. Поэтому мари́йцы во время еды усердно поминают умерших — своих и безродных, откладывая им по куску блина и отливая по несколько капель пива.

У Киямата были особые помощники (*савус*, управитель) — страж ворот, змеи и собаки — обитатели загробного мира. Посланник Киямата — бог смерти Азырен (его имя восходит к имени мусульманского ангела смерти Азраила). Подобно ангелу смерти в мусульманской мифологии, он являлся в облике могучего мужа с кинжалом, которым перерезал горло умирающему. Мари́йцы ставили перед умирающим чашу с водой и полотенце, чтобы ангел смерти мог ополоснуть свой нож. Там же должна очиститься и вышедшая из тела душа. В руку умершему вкладывали тяжелый посох, чтобы он смог от-

Распевая заклинания, саамские шаманы неистово били колотушками из оленьего рога в бубны, на которых изображались все **ярусы Вселенной и все божества**, животные – помощники шаманов, а в центре – солнце Пейве, иногда – с оленем или человеком. Нередко на бубнах встречается изображение **космической битвы Солнца и Луны**, которое одновременно является описанием устройства Вселенной.

Так выглядели
марийские
шаманы –
карты.

Марийцы собирались
на коллективные
моления в священных
рощах – **кереметах**.
Они молились о том,
чтобы не было
болезней и падежа
скота, **благодарили**
за **хороший урожай**.

Перед началом
земледельческих
работ маришцы
отмечали Празд-
ник пашни
Агавайрем:
молились **богам**
плодородия,
кидали в огонь
кусочки обрядо-
вой пищи.

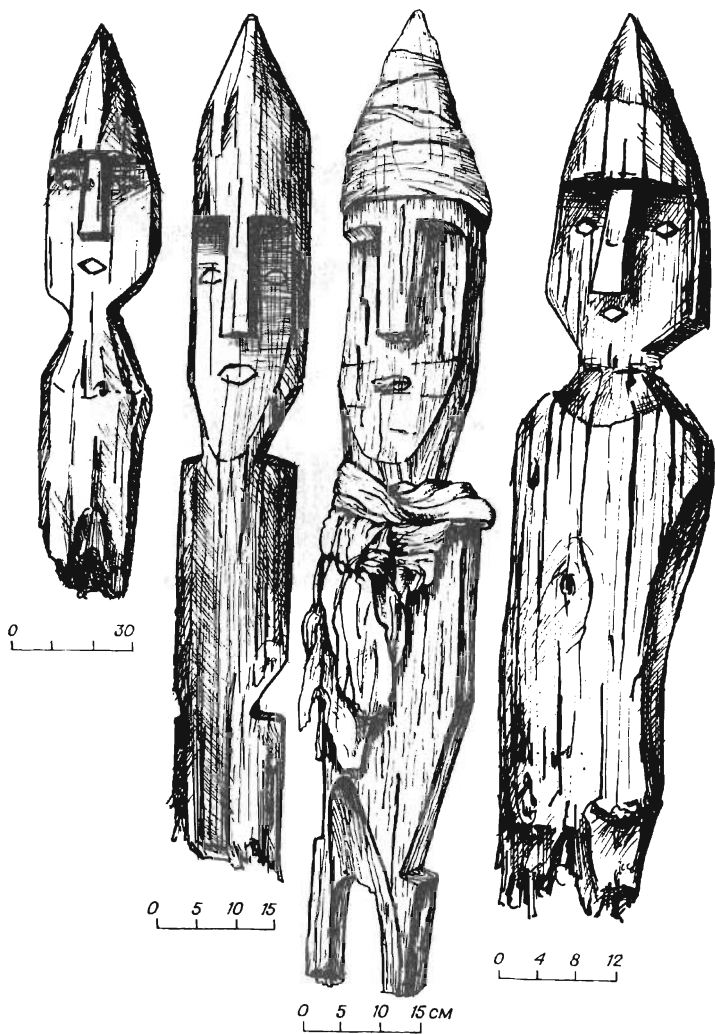
Народный **костюм мордовской невесты** – красочный,
самобытный (вторая половина XIX в.).

Слева – мордва-мокша. (Краснослободский р-н).

Справа – мордва-эрзя. (Кочкуровский р-н).

Обрядовый **костюм мансийского шамана**,
сшитый из **шкуры оленя**. XIX в.
Привезен в Пермский областной
краеведческий музей
с севера Тюменской области.
Кожа, волосы, бисер, железо.

Менквы – лесные людоеды, которые имеют человеческий облик, только головы у них заострены. Они сильные и злые, но глупые. Считается, что в менквов могут превращаться погибшие в лесу люди.

Йибы-ойка (Филин-старик) – особо почитаемый дух мансийской фратрии Пор. Считалось, что он вместе с женой жил в огромном гнезде на Мировом древе. Некогда он воевал с лесными духами, но в бою повредил ногу и упал в реку Ляпин.

Жена вытащила его на берег; с тех пор на этом месте – **святилище духа Филина**.

Это общий вид культового места Йибы-ойки.

биться от собак — стражей того света — и змей, обитающих в преисподней.

Очень архаичными следует считать представления о том, что человек умирает семь раз, переходя из одного мира в другой, пока не превратится в рыбу в самом нижнем мире (сходные поверья известны обским уграм).

Загробный мир считался источников болезней: *таргылтыш* — одноглазые духи умерших от болезней — являлись из преисподней, подчиняясь заклинаниям колдунов, и насылали на людей порчу. Еще опасней были упыри (*вувер*): они не только насылали болезни на людей и домашний скот, но могли съесть луну или солнце (так объяснялись солнечные затмения). Старые девы превращались после смерти в духов лихорадки.

Как был обманут бог смерти

В некоторых мифах Киямат считается братом Юмо (вместо Керемета): родители невзлюбили черного Киямата и прогнали его в преисподнюю. Юмо стал покровителем людей, Киямат же стал мучить их после смерти — запрягал в воз вместо лошадей, жег на костре (таковы наказания грешников в аду в представлениях христиан). Не удовлетворяясь властью над умершими, Киямат зазывал людей к себе в гости и усаживал на железный стул: это была ловушка-капкан; севший на него уже не мог освободиться. Тогда Юмо призвал мудрого старца *ибо*, который побывал уже и на небе, и в преисподней, поэтому знал о хитростях Киямата. Старец пришел на зов Киямата, но, когда злой дух предложил ему сесть, прикинулся, что не знает, как это сделать. Коварный владыка преисподней сам попал в свою ловушку: он сел на стул, а старец приковал его к этому стулу навечно. Он освободил всех людей, которых заманил к себе Кия-

мат. С тех пор в преисподнюю стали отправляться только грешники.

Рассказывают также, что однажды хитрый плотник решил избежать смерти: когда к нему пришел Азырен, тот притворился, что не знает, как лечь в гроб. Тогда Азырен сам лег в гроб, а плотник захлопнул крышку и опустил гроб на дно реки. Люди перестали умирать, но, измучившись от болезней и старческой немощи, сами стали искать смерть. Луна открыла людям место, где был сокрыт Азырен, и те выпустили смерть на волю. Азырен умертвил хитрого плотника, всех больных и старых, сам же стал невидимым, чтобы снова не попасть в руки к людям.

Мечта о том, чтобы избавиться от смерти, никогда не оставляла людей: способность заключить смерть в магический ларец или гроб приписывалась умельцам – культурным героям, чье ремесло считалось сродни колдовству – плотнику или кузнецу (вспомним карельского героя Ильмаринена).

Культ предков и свеча-солнце

Во время поминальных обрядов марийцы, как и прочие народы, зазывали на поминки самого умершего (его изображает «заместитель», одетый в одежду покойника), всех предков и даже Киямата с его помощником, чтобы они отпустили «старых людей» – *тошто марий* («старые марийцы») – на пир. При этом умерших встречали особой зажженной свечой, чтобы на том свете им жилось так же, как при солнце – на этом.

После поминок провожают умершего с пира на кладбище; если покойник был неженатым парнем, процессия едет с весельем и бубенцами. Иногда даже плясали, причем в плясках принимал участие и заместитель покойного: предки должны были уходить на тот свет с легким сердцем, не держа зла.

Поминальный «праздник свечи» — *сорта пай-рэм* — устраивался во время весенних поминок в Великий четверг на Страстной неделе. Марийцы топили для предков баню и зазывали их на пир, то же делали удмурты и мордва. Марийцы для каждого покойника (даже «безродного» — оставшегося без потомков) зажигали свечу, чтобы они «при светлом солнце ходили». Накрыв поминальный стол, обращались к предкам: «Старые мари! Темный мир ваш пусть будет светел, блаженство да будет. Щи-то, яичницу-то ешьте, хлеба и соли довольно да будет. Голодными не уходите. Пусть дойдет до вас эта пища. Дайте счастье, удачу, богатство. Умножьте число голов нашего скота... Хлеб на поле хорошо уродите. Пошлите хороший ветер. В изобилии жить помогите». Но мертвые не должны оставаться с живыми. Предков вежливо выпроваживали после поминок: «Старые мари! Бранясь не уходите... вот мы во имя ваше праздник устроили; хорошо поевши, попивши, тихо, а не бранясь, уходите».

Кереметы и родовые покровители

Отношение к низшим духам — кереметам — было двойственным: их почитали как местных и родовых покровителей и даже предков (ведь в кереметов, по мифу, превратились семьи древних марийцев и удмуртов) и одновременно боялись как нечистую силу, способную причинить болезнь и смерть. С представлениями о кереметах сливались и легенды о древних вождях вроде Кугурака. Рассказывают, как марийцы одного из сел перестали почитать своих кереметов — Моржана и Лебедя. Когда духи стали требовать жертв, люди пригрозили им, что выкурят их можжевельником, а в жертву принесут лишь дохлого поросенка. В ответ кереметы прокляли этих марийцев: они были обречены на бедность, и в их селении не могло быть больше семи хозяйств. Сами же кереме-

ты полетели прочь за реку Вятку, и их полет навсегда запомнился марийцам: от взмахов их крыльев возникали горы и курганы, а в том месте, где они нырнули в Вятку, возникло урочище Шишкин яр.

Птичий облик кереметов напоминает не только о космогоническом мифе, где птицы былидемиургами, но и о схожих образах родовых и территориальных покровителей у обских угров (см. Мифы обских угров).

Марийцы сохранили и предание о том, как племя меря (мере) в давние времена молилось больше не божеству судьбы Пурышо-юмо, а Шайтану, чтобы не вредил людям. Несмотря на то, что в культовой роще ему оставляли жертвы – серебряные монеты, завернутые в платки, Шайтан продолжал злобствовать и требовал все новых и новых жертв. Наконец, меря вооружились луками и пошли в лес, чтобы расправиться с Шайтаном. Но сколько ни стреляли лучники, они не могли попасть в духа: наутро выяснилось, что меря перебили друг друга. Богиня земли Мланд-ава с горя провалилась на том месте сквозь землю. В этой впадине и возникло Шайтаново озеро. В нем живет Шайтан, но люди больше не почитают его и не приносят жертв.

Нечистая сила

К низшим духам относились домовые, лешие, водяные и прочая нечисть.

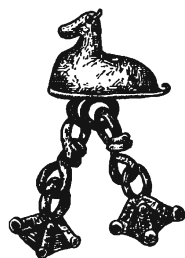
Домовые в поверьях ассоциировались с чертами-и-я. Рассказывают, что некий и-я невзлюбил хозяйина и принялся мучить его лошадь – наутро она была загнанной, вся в пене. На следующую ночь хитрый хозяин намазал лошадь смолой. Злобный дух прилип к смоле и насилу оторвался тогда, когда уже запели петухи. С тех пор он не мучил лошадь. Волки и собаки способны учуять нечисть: волки могут даже преследовать и разрывать чертей на части.

Как и прочие финно-угры, мари́йцы почитали лесные деревья: оставшийся в лесу охотник спрашивал у большого дерева разрешения на ночлег.

Овда или *овыда* (у коми *обыда*) в сказках представляла как злобная лесная волшебница вроде бабы яги или речного злого духа албасты (у тюркских народов) с длинными волосами и грудями, которые овда могла закинуть за спину. Избавиться от нее можно, если притронуться к ее левой подмышке. Рассказывают, что овда принялась похищать зверей из силков одного охотника, но в конце концов сама попала в сети. Охотник хотел расправиться с нечистью, но та запросилась к нему в жены и помощницы. Она действительно помогала ему по хозяйству и быстро работала на жатве, но не велела мужу подсматривать, как она спит. Как обычно, муж не утерпел и нарушил запрет чудесной жены: она спала, вытащив сердце наружу из левой подмышки. Овда узнала, что запрет нарушен, и покинула супруга — тот потерял и жену, и богатство. В некоторых преданиях овдами мог именоваться целый лесной народец, у которого были крылья и повернутые назад ступни, что означало принадлежность к нечистой силе: когда этот народ справлял свои свадьбы, свадебные поезда двигались по рекам — «дорогам овды». Повитуху, приглашенную на роды, овды могли озолотить. Но чаще они обитали в оврагах и любили кататься на лошадях, которых выводили на ночное пастбище: к утру лошади оказывались все в мыле.

Обидчивым нравом наделялись водяные. Водяной мог собрать в мешок и унести с собой целое озеро, если воду в нем осквернили — постирали грязные пеленки (вспомним миф об отдалившемся небе) или бросили в воду собаку. Рассказывают, что однажды водяной собрал в мешок озеро и направился с ним в другое село. Там как раз была свадьба, и подвыпившие гости принялись приставать к незнакомо-

му старику. Рассердившись, тот раскрыл мешок, и озеро затопило все село. С тех пор в озерах нельзя ни плавать, ни стирать: озеро грохочет, если его воду хотят осквернить. В прежние времена домовые требовали человеческих жертв, но люди научились их обманывать — вместо людей стали бросать в воду соломенные чучела.

Нечистая сила — *сурем мужо* — была особенно опасна во время календарных праздников, прежде всего солнцеворотов, когда ее изгоняли специальными магическими действиями.

Онары — первобытные великаны

Как и в мифах прочих народов, в преданиях марийцев землю в древние времена населяли великаны. Иногда они считались прародителями марийских племен. Так, великан-богатырь по имени Ыжмари считался предком марийцев, живших по реке Иж. О великанах — *онарах* или *нарах* — рассказывают то же, что и подобных им первобытных существах у удмуртов и тюрков (алангасары), прибалтийских финнов (сыны Калевы) и других: они перебрасывались огромными валунами или топорами с одной горы на другую, шагали прямо через реки и озера. Леса были им по колено, вековые дубы они вырывали с корнями — деревья казались им репейником, а из песка, который онары вытряхивали из обуви, возникли курганы.

Когда онар увидел впервые обычного человека — пахаря, он принял его за какое-то насекомое и отнес к своей матери. Та предрекла конец онарам — на смену им должны придти люди, обладающие навыками настоящей культуры.

В процессе христианизации марийцев, проводившейся с XVI в., в их пантеон были включены персонажи христианской мифологии: Николай

Угодник стал именоваться Миколо-юмо, Иисус Христос – Кугече-юмо, Богородица – Шочынава, Илья-пророк был отождествлен с божеством Кудырчо-юмо.

Как и у других финно-угорских народов, у новокрещеных марийцев возникли синкретические формы верований и милленаристские движения, к которым относилось и движение «Кугу сорта» – «Большая свеча», охватившее марийцев в XIX в. Главным фетишем и жертвой у сторонников этого движения были большие свечи. Главным божеством они считали Ош Кугу Юмо – верховного Великого бога, который создал 17 низших демиургов, правивших миром: 10 на небесах, 7 на земле. Они почитали также Иисуса и библейских пророков, но ждали, что в конце времен вернется Золотой век, всеобщее равенство и изобилие, старая марийская вера. Это движение было подавлено правительством как сектантское (подобно древнему движению волхвов).

МОРДОВСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Мифы двух групп мордвы — эрзи и мокши — в целом близки. По-разному именуются некоторые боги и герои. Так, у мокши верховный бог-творец носит имя Шкай («Творец»), Шкай-пас, Шкабаваз (пас или паз — «бог»), Вярдя-Шкай. У эрзи он именуется родственным именем Нишке (от ни — «великий» и шке — «творец»), Чи-паз или Чам-паз («Высший бог»). Мифы мордвы собрал и литературно обработал в XIX в. русский писатель П.И. Мельников-Печерский, религию исследовал в начале XX в. финский ученый Уно Хольмберг (Харва).

Птица-демиург и Мировое древо

Миф о птице-творце сохранился и в мордовском фольклоре. Великая птица Ине Нармонь сносит яйцо: из желтка возникает земля, из скорлупы — подземная и небесная твердь. По другому мифу, птица высидивает три яйца на Мировом древе — березе или дубе — посреди земли. Из одного яйца вылупляется жаворонок — птица, символизирующая начало весенних полевых работ, покровитель земледелия; из другого — соловей, символизирующий дом и домашнее хозяйство; из третьего — лесная

птица кукушка. Миф, согласно которому из трех яиц выводятся три «матери» — хозяйки плодородия (поля), ветра и леса, — будет изложен ниже.

О Мировом древе рассказывается и в мифе, где бог Чи-паз творит Вселенную. После творения он отдыхает не один день (как библейский Бог), а тридцать лет спит богатырским сном на земле под Мировым древом. За это время Мировое древо так вырастает, что корни его достигают подземных вод и заполняют овраги и ямы, которые становятся озерами. Крона дерева загораживает солнце, а место, где спал бог, также заполняется водой, превращаясь в реку Суру (приток Волги). Бог не мог спать дальше на сырой земле — он перебрался на Мировое древо, где проспал еще тридцать лет, пока у него не заболел сустав правой ноги: бог расправил ногу и раздавил яйцо, снесенное птицей на Мировом древе. И тогда из него появилась богиня плодородия Анге-патяй.

Как Бог и Шайтан творили мир

Эрзянский дуалистический миф о творении записал еще в 1853 г. священник Федор Шаверский (в этих мифах уже совершенно отчетливо прослеживается влияние христианской апокрифической литературы).

Когда на свете не было ничего, кроме воды, Чам-паз плыл на камне по океану. Он размышлял о том, как ему сотворить мир, чтобы им управлять. Бог посетовал, что нет у него ни брата, ни товарища, с которым он мог бы посоветоваться о деле творения, и с досады плюнул в море. Тут он увидел, что слюна превратилась в какой-то бугор (в другом варианте мифа — в скалу), плывущий за ним. Бог ударил бугор волшебным жезлом, чтобы уничтожить его, но оттуда выскочил Шайтан (имя этого помощника и одновременно противника верховного

бога — Сатаны — было заимствовано мордвой, как и удмуртами, у соседей-мусульман). Он и напросился к богу в братья и товарищи. Чам-паз обрадовался неожиданному товарищу и, хотя и отказался признать в нем брата, стал спрашивать Шайтана, как достать землю. Тот не знал, как поступить, мудрый же Чам-паз велел ему нырять на дно океана и достать песок, да при этом помянуть его — божье — имя. Шайтан дважды нырял на дно, но вместо имени Чам-паза произносил свое, поэтому песок его обжигал. На третий раз бог пригрозил Шайтану, что если он не помянет божьего имени, песок сожжет его совсем. Испуганный Шайтан набрал в рот песок и вынырнул, да отдал Чам-пазу не весь песок, желая сотворить собственную землю. Между тем бог стал посыпать песком море, и земля стала разрастаться на водах. Стала расти и утаенная земля во рту у Шайтана, да так, что голова его раздулась в огромную гору, а сам неудачливый творец завопил от боли. Пришлось Чам-пазу ударить Шайтана жезлом по голове, чтобы тот смог выплюнуть песок и исцелиться. Этот песок с такой силой низвергнулся на еще нетвердую землю, что в ней появились ямы и овраги, а выплунутый песок взял да и обратился в холмы и горы.

Шайтан принялся вредить богу во всех делах творения, и Чам-пазу пришлось все исправлять. На чистый небосвод Шайтан напустил темные тучи, но бог вложил в них плодородный дождь; на гладкую поверхность вод Шайтан выпустил ветры, но бог построил лодку, сшил парус — так люди научились судостроению. В горы бог поместил драгоценные металлы и камни, а из накиданных Шайтаном камней научил людей делать мельничные жернова. Овраги он наполнил водой, и оттуда потекли речки. Чам-паз засадил землю прекрасными деревьями, но Шайтан создал бурю и повалил их. Расчищенные от деревь-

ев места бог превратил в пашни и луга, научив людей земледелию и сенокосению. Наконец, Чам-паз проклял Шайтана за злобу и гордыню и навсегда заточил его под дно морское, чтобы он вечно мучился там от пламени.

Рассказывают также, что Шайтан в своей гордыне сказал Чам-пазу: «Ты уже стар, пора тебе на покой, а миром буду управлять я!». За это бог проклял сатану и сбросил его в пропасть.

Затем Чам-паз создал себе истинную помощницу — богиню плодородия Анге-патяй (*патяй* — «женщина, тетка»).

Согласно преданиям мокши, Шкай, также лишившийся помощника, создал некоего Солтана (Султана), почитаемого на земле как Султан-Керемет, по другим мифам — богиню плодородия Нороваву. Однажды она не поспела вовремя на небо, потому что раздавала хлеб голодным; дело было в пятницу, и Шкай, вместо того, чтобы наказать богиню, сделал этот день праздничным (*здесь сказалось влияние ислама*). В пятницу запрещалось работать: особо строгим был запрет на женские работы. Рассказывают, что одна женщина замесила хлеб в пятницу, и Шкай чуть не поднял ее за это на солнце в свое жилище (обычно так людей наказывала луна); женщина спаслась только благодаря тому, что бог пожалел ее детей.

В другом мифе о сотворении мира у мокши Шкай также был единственным обитателем Мирового океана. Он сидел на камне (или в лодке) посреди вод и из своего плевка сотворил помощника — Шайтана — в виде птицы. Шайтан (так же, как в мифах эрзя) испортил землю, сотворенную из поднятого со дна песка. Рассерженный Шкай проклял Шайтана, а тот принялся дальше вредить богу в деле творения: послал тучи на небо, но бог вложил в них плодородный дождь, в созданные Шайтаном го-

ры Шкай поместил драгоценные металлы. Шкай сотворил скот, Шайтан — хищных зверей.

Каменная лодка, в которой плавает творец по водам первичного океана, — типичный мотив дуалистических легенд у финских народов, восходящий к христианским апокрифам. Дуализм — равноправие двух творцов мира — еще более очевиден в тех вариантах мифа, где шайтан не создан из плевка, а плавает в виде утки по водам Мирового океана. Плевком, из которого возникает Шайтан в рассказанных мифах, напоминает о происхождении нечистых тварей из плевка Сюэтар в карельской и финской мифологии. В христианской традиции плевать через левое плечо — значит плевать на притаившегося там дьявола.

Чам-паз оказывается не только творцом мира, но и культурным героем: подобно Вяйнямёйнену, он делает первую настоящую, а не каменную лодку.

Из камней бог сотворил звезды, в том числе Млечный путь, который опоясывает Землю. По Млечному пути проверяют свой полет перелетные птицы.

Загробный мир, преисподняя, по верованиям мордвы, — область тьмы, где заря отделяется от звезд, куда не заглядывает солнце и куда Нишке не посылает ветров.

Образ птицы-демиурга, ныряющей на дно океана за землей, неизвестен мордовским мифам. Зато у эрзи сохранилось почитание утки как чудесной птицы, посланницы высшего бога — Вере-паза (или птицы хозяйки леса Вирь-авы): охотник, не послушавший мольбы чудесной утки и убивший ее, с ужасом видит, что от ее голоса загудело небо, ложины наполнились ее кровью. Перья покрыли всю землю. Когда алчный охотник приходит домой, то находит всех своих домашних мертвыми.

Сотворение человека

МИФЫ
ФИННО-
УГРОВ

В некоторых мордовских (эрзянских) мифах именно Шайтан хочет сотворить человека. Он даже собрал из 77 стран мира глину, песок и землю и принялся за дело, стремясь создать человека по образу божьему, но вместо человека у него выходили то свинья, то собака, то гады. Тогда Шайтан создал птичку-мышь и велел ей лететь на небо к Чам-пазу и свить там гнездо в полотенце бога. Полотенце упало на землю, и Шайтан обтер им свое творение — тогда оно и приняло облик божий (*вспомним о ветошке, из которой был сотворен человек в мифе, рассказанном волхвами русскому воеводе*). Стал Шайтан силиться, чтобы оживить человека, — но такой силы у него не было. Тогда Чам-паз велел ему убираться в преисподнюю — бог сам хотел завершить творение. Шайтан, в свою очередь, принялся попрекать бога — ведь это он создал тело человека, и творение должно принадлежать ему. Порешили, наконец, что душа будет принадлежать вдохнувшему ее богу, а тело — Шайтану. С тех пор тело после смерти обречено разлагаться в земле, теряя божий облик. Птичка-мышь была наказана за помощь Шайтану — бог отнял у нее крылья и дал хвост и лапы, такие же, как у самого злого духа.

По другому мифу, известному коми и марийцам, Чам-паз слепил человека из глины, но еще не вдохнул в него душу: за душой бог отправился на небо, оставив собаку сторожить творение. На собаке же не было шерсти, и Шайтан напустил сильный мороз (еще одно негативное творение), чтобы заморозить сторожа. За обещанную Шайтаном шкуру собака подпустила сатану к недвижной твари, и Шайтан оплевал человека. От этой слюны произошли болезни человеческого тела, Шайтан же стал вдыхать в творение свое злое дыхание. На

счастье, бог вернулся с небес и прогнал сатану: собака, одетая в шкуру, стала нечистым животным, человека же бог вынужден был вывернуть наизнанку, так что все болезни остались у него внутри. Чам-паз вдохнул в человека свое доброе дыхание — с тех пор в человеке совмещаются добрые и дурные наклонности. Шайтан по-прежнему желал овладеть творением и потребовал, чтобы люди были поделены поровну между ним и богом. Тогда бог вложил в людей разум, чтобы они могли различать добро и зло и не поддавались Шайтану. Обозленный сатана сотворил множество злых духов, и среди них — духов болезней, демонов, посылающих вредителей на поля и губящих пчел (они могут превращаться в медведя и разрушать ульи), зловредные ветры и вихри и т. п.

Согласно мокшанскому мифу, сначала Шкай создал великанов ростом в 99 аршинов: этих чудовищных людей пришлось истребить, наслав великий потоп. Когда Шкай создал человека, он всего его покрыл роговой оболочкой и поставил собаку охранять свое творение, но Шайтан оплевал его, и оболочка осталась только на концах пальцев. Вместе с болезнями Шайтан вселил в человека злобу, корысть и зависть. Шкай заключил со своим противником договор о том, что живые люди будут принадлежать богу, а мертвецы — Шайтану. Тогда Шайтан создал смерть, и все люди стали попадать к нему. Шкай подослал к нему своего помощника, и тот выкрал договор, спрятанный Шайтаном на дне моря в камне: так бог стал распоряжаться судьбами людей и после смерти.

Когда люди размножились, Чам-паз разделил их на 77 народов и языков (священное число, общее для народов Поволжья), дав каждому свою веру. Считалось, что все веры угодны богу, и переходить из одной в другую — грешно.

Богу нужны были помощники, и он стал создавать их, ударяя камнем о камень. Шайтан и тут стал подражать богу и творить злых духов, но Шкай произнес заклятие, и вместо духов у Шайтана стали получаться искры — так был сотворен огонь. Наконец, Шкаю удалось запереть злых духов в лесном шалаше, но случайный прохожий из любопытства выпустил их, и они рассеялись по всей земле.

Человек, сотворенный из пня

Иной древний миф сохранился в мордовском предании о первом человеке. Рассказывают, что когда Бог ходил по земле, где-то существовал некий чудесный пенек, напоминавший человека, но не имевший ни рук, ни ног, ни глаз. Так и стоял он тридцать лет, пока Бог не обратил на него внимания. Творец попросил у пня воды, но тот ответил, что не может дать Богу напиться — ведь он не умеет ходить, и у него нет рук. Тогда Бог велел ему встать. Тут пенек зашевелился, у него выросли руки и ноги, он протер глаза — и те стали видеть.

Читателя уже не должно удивлять это происхождение человека из пня: вспомним, что в виде коряги плавал в водах первичного океана сам Вяйнямёйнен; в карельских рунах из расколовшегося пня появились два брата, Каллерво и Унтамо. Более того, само наличие пня в мифе о происхождении человека свидетельствует о том, что мир уже пребывал в культурном состоянии — ведь дерево нужно было срубить, а рубили деревья для будущей распашки. Многие мифы повествуют о людях, сделанных из дерева наподобие Буратино; в удмуртской сказке бездетный старик хочет сделать себе сына из полена, чтобы тот пахал и кормил своего творца. С точно такой же целью сотворил первого человека и Бог мордовского мифа.

Интересное наблюдение сделала фольклорист Н.А. Криничная. То, что первый человек сидел первые тридцать лет как пень, напоминает об изначальной неподвижности богатырей — в первую очередь, всем известный мотив былины об Илье Муромце. Богатырским сном по десять или тридцать лет спят и богатыри у коми. Эпический герой напоминает первого человека, которого пробуждает к жизни, как богатыря к подвигам, божество-творец.

Бог Нишке и его небесная семья

Чам-паз, иногда отождествляемый с богом солнца Чи-пазом, считается в некоторых мифах отцом Нишке. Его почитают и поминают при молениях, но отдельного культа у Чам-паза нет: он относится к богам, удалившимся от дел (вроде обско-угорского Корс-Торума). Нишке выступает как демиург и глава небесной семьи. В представлениях эрзи сохранился и несколько иной миф о творении, также восходящий к христианским апокрифам. Бог Нишке или Нишке-паз, Вере-паз («Высший бог») создал небо и землю, пустил в Мировой океан трех рыб, на которых держится земля: севрюга обитает на востоке, осетр — в центре Вселенной, белуга — на западе. Бог насадил леса, сотворил человеческий род (эрзян), повелел мужчинам заниматься земледелием, женщинам — домашней работой. Когда Нишке зажигает свою свечу, заря озаряет землю светом. У мордвы запрягается закрывать солнечный луч, иначе можно поломать ногу божеству, нельзя и плыть через отражение солнца в воде — веслами можно задеть бороду бога. Месяц — лодка Нишке. Сам бог может превращаться в голубя, лебедя, орла, ласточку, волка, быка, коня, зайца, медведя. Лебедь — его любимая птица, посланец неба.

В эрзянской песне поется о том, что лебедь видит жизнь богача, который не молится Нишке, и жизнь бедняка. Тогда он поднимается к богу и рассказывает о том, что на земле нет правды, потому что праведник живет бедно...

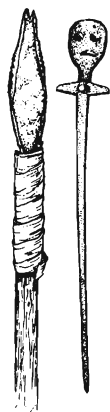
Нишке — глава целого пантеона (иногда насчитывающего 7 богов): он собирает всех богов на пир под яблоней или березой — Мировым деревом. У Нишке две (иногда три) дочери — Кастарго и Вецорго, которых призывают к заступничеству в заговорах от болезней, — и жена Нишке-ава (Нишке-матушка).

Красавица Кастарго, лицо которой в мордовской народной поэзии сравнивают с красивым яблоком, — покровительница девушек, особенно тех, кто умер до замужества: в причитаниях по умершей девушке ее просят записать покойницу в книгу, чтобы она попала к праведникам на небо.

Согласно одному из мифов, Нишке женит сына (иногда — громовника Пурьгине-паза) на земной женщине (Азравке), он поднимает невесту на небо в серебряной люльке. Рассказывают, что он живет в небесной деревне — Веле (так называют созвездие Плеяд), где у него хрустальный дворец. На небе у Нишке есть семь амбаров (напоминающие семь миров мифологической Вселенной). В одном — дед Мороз (Мороз-атя), в другом — дед Мякина, в третьем — пятница, в четвертом — воскресенье (*дни недели, связанные с особыми запретами на работу и почитаемые у мусульман и христиан*), в пятом — зима, в шестом — лето. В седьмом, который не велено открывать Азравке, видна земля с родителями невестки Нишке.

Здесь Нишке напоминает Морозко из русской сказки и жениха-медведя из сказки саамской.

В народных песнях христианизированной мордвы он предстает сидящим на дубе вместе с богом плодородия Норов-пазом и Миколой (Николай

Угодник) и раздающим людям счастье (правда, богачам оно дается полным ковшом, кто победнее – чаркой, а беднякам – на кончике медной ложки). Нишке молили об урожае, о здоровье людей и скота, поминали в заговорах.

Рассказывают, что вначале люди и пчелы не имели собственных покровителей: беззащитного человека при распределении покровителей оттеснили прочие твари, пчела же в это время собирала мед. Тогда им стал покровительствовать сам Нишке: он кормит людей пчелиным медом. Пчела, как и человек, имеет душу, что отличает ее от прочего животного мира.

Богиня плодородия Анге-патяй и ее дети

Богиня-мать Анге-патяй в мифах эрзи, пересказанных Мельниковым-Печерским, была сотворена Чам-пазом. Она является богиней плодородия: ее небесный дом, скрытый за тучами, полон семян растений, зародышей домашних и диких животных, душ неродившихся младенцев. Из своего дома богиня посылает жизнь на землю вместе с росой, дождем, молоком (от него у коров становится больше молока), снегом, зарницей. Зарница – Белая заря – считается особенно плодородной, способной проникать в глубины земли, в жилище ее хозяина – Мас-тор-паза. В своем небесном доме богиня обитает в образе прекрасной девы (здесь сказалось влияние христианского культа Богородицы), на земле же появляется в виде старухи-богатырши, под чьей поступью прогибается земля; даже на камнях остаются ее следы. Иногда богиню видели в образе большой птицы с золотым хвостом и клювом – из него просыпались на землю семена – или в образе голубки, которая бросала цветы пчелам, чтобы те собирали мед, и хлебные крошки курам – ее любимым птицам. Из

животных богиня любит больше других овцу и свинью — они наиболее плодovиты. Поэтому в жертву богине, наряду с курами и яичницей, приносят летом белую овцу, зимой — свинью, а также кашу и пиво — символы растительного плодородия (в пиво не кладут хмеля — ведь это растение Шайтана).

Анге-патяй — покровительница родов и рожениц. Ее молят, чтобы она почаще покидала свой небесный золотой дом — утешала земных внуков и детей, посылала побольше потомства, молока матерям, спасала от дурного глаза и колдунов, а девушки просят о женихах. Анге-патяй — покровительница женских работ, она и сама прядет пряжу на небе — на серебряном гребне, золотым веретеном. Летаящая в осенние ясные дни паутина считается ее пряжей. Среди растений Анге-патяй больше прочих любит просо и лен, потому что они дают много семян. Богиня сама собирает лен с каждой десятины, а с белых овец выщипывает по шерстинке и прядет из них рубашки богам. Радуга — подол рубашки Нишке, сотканной небесной богиней. Своим новорожденным любимцам она также посылает рубашки — о них говорят, что они «в рубашке родились»: эту рубашку (послед) всю жизнь хранили в ладанке как талисман.

Прядение — одна из основных женских работ — не случайно связано с символикой рождения и наделения судьбой: греческие мойры, скандинавские норны, упомянутые волшебные девы эстонского фольклора — все они пряжи, прядущие нити судьбы. Сама Богородица, с которой отождествляла Анге-патяй христианская мордва, тоже прядла, когда к ней вдруг явился ангел с Благовещением.

Сначала — во времена творения — Анге-патяй заставляла все живое плодоносить ежедневно, но земля скоро переполнилась, роженицы не переста-

вали жаловаться на родовые муки. Тогда богиня повелела всем существам рожать раз в год; чаще должны были рожать только куры, кукушки и муравьи — поэтому они живут и питаются возле людей. Считается, что муравьиное молоко слаще пчелиного, но, по наущению Шайтана, они стали прятать его под землю: тогда Анге-патяй велела им жить и плодиться в муравьиных кучах. Людям же мед стали приносить пчелы. Куриные яйца, крашенные в красный цвет и зовущиеся золотыми, — символ богини: их хранили, бросали в огонь при пожаре, клали возле пчелиных бортей, чтобы привлекать пчел, кормили ими цыплят, ели их и женщины, бездетные или те, у которых дети умирали в младенчестве. Шайтан и здесь не оставил своих козней: он подослал злых духов к курице, но петух склевал их, как зерна, — с тех пор злые духи боятся крика петуха.

Рассказывают, что в начале времен больше всех жаловалась на тяжелую долю матери кукушка, которую подбил на это Шайтан. Анге-патяй хотела сделать ее домашней птицей, но рассердилась, выгнала из человеческого жилья в лес и запретила вить гнезда. А птицу и ее яйца сделала пестрыми. С тех пор кукушка кладет свои яйца в чужие гнезда и жалуется на свою горькую долю.

Посланцы Анге-патяй — добрые духи *озксы* (буквально — «моление»), которых она высекла из огнива, подаренного Чам-пазом или Нишке, чтобы противостоять злым духам Шайтана.

Анге-патяй считается иногда матерью Нишке и других богов. Среди ее сыновей называют также Велень-паза, бога, управляющего земным миром, в том числе лесами и бортничеством. Другое его имя — Вирь-Нешке, т.е. «Лесной пчельник»). Еще один сын Анге-патяй — Назаром-паз (или Назаром-Нешке — «Темный пчельник») — бог зимы, ночи и луны.

Он судит умерших — хороших посылает к Нишке-пазу, дурных — к Шайтану. Наконец, четвертым сыном считается Волцы-пас, бог-покровитель животных (помогает также охотникам и рыбакам).

Анге-патяй родила и богинь, старшая из которых — Нишкенде-тейтерь («девка Нишке» — сестра верховного бога). Она покровительница пчеловодства и имеет богатый пчельник на земле. Нишкенде-тейтерь также является богиней судьбы: Анге-патяй велит ей определить судьбу каждого новорожденного. Сама она, по некоторым представлениям, родила громовника Пурьгине-паза.

Вторая дочь матери богов — Норов-ава («Мать земледелия») Она и Чи-паз считаются родителями Матор-паза, бога земли, обитающего в почве и дающего земле силу (он же — бог преисподней). Норов-аву призывали во время земледельческих работ: жнецы приглашали ее к обеду, просили о помощи при жатве — чтобы руки не болели, чтобы не пораниться серпом. Ей (или «Богине пашен» — Пакся-аве, Пакся-патяй) оставляли в жертву несжатую полоску, кусочки хлеба, посыпанные солью. Норов-ава почиталась и как покровительница чадородия. Перед первым кормлением новорожденного устраивали моление над хлебом: на стол ставили каравай, кашу, яйца, а повитуха или свекровь роженицы поднимала каравай над столом и просила Норов-аву, чтобы ребенок жил столько, сколько крупинок в горшке с кашей, и вырос на такую высоту, на которую поднят каравай.

Третья дочь богини плодородия — Пакся-патяй; она считается богиней пашен (*пакся*), лугов и огородов. Пакся-патяй родила бога вод Ведь-паза или Ведь-Матор-паза («Бога всех вод, текущих на земле»). Наконец, четвертая дочь — Вирь-патяй, богиня лесов, рощ и деревьев. Ее сыном считается Варма-паз, бог ветров и воздуха.

У мокши пантеон менее развит (или менее изучен). Помимо Солтана и Матор-паза, созданных Шкаем, мокша почитали богинь-матерей (*ава*), старшей из которых считалась Азор-ава, что означает «Госпожа (Хозяйка)-мать». Мельников-Печерский приписывает ее браку с Солтаном рождение других матерей: Юртазор-авы, покровительницы усадьбы, Кудазор-авы, покровительницы жилища (дома — *куд*) и скота, Паксязор-авы — покровительницы полей и урожая и прочих. Мы продолжим разговор о духах-матерях.

Духи-хранители, созданные из искр, и моления-озксы

Кроме рожденных ею богов Анге-патяй сотворила *озксов* — духов из искр, высеченных огнем Нишке. Это были покровительницы детей, помогающие женщинам при родах; именовались они так же, как сама богиня — Анге-озкс (покровительницей рожениц считалась и «Мать воды» Ведь-ава). В каждом доме появился покровитель домашнего хозяйства — Кардаз-сярко-озкс, т. е. домовый, сохраняющий мир и изобилие в доме; считалось, что он обитает в яме во дворе под священным камнем. Этому покровителю помогали Юрт-озкс, охраняющий усадьбу (юрт — тюркское заимствование), и Кёляда-озкс («березовый дух»), покровитель домашнего скота, особенно излюбленных животных Анге-патяй — овец, свиней и кур. Под началом домового были духи, покровительствующие отдельным породам животных: Айгор — дух жеребцов, Таньсяй — дух свиней.

Из искр были созданы также духи Нешке-озксы, покровители пчел и бортничества, подчиненные Нишкенде-тейтерь. Норов-аве подчинялись сонмы духов-покровителей: Совавтома — покровитель скотоводства и пашен (так называется моление

в честь первого выгона скота), Паст или Пакся («поле») – охранитель посевов от вредителей, Кереть («плуг») – охранитель сельскохозяйственных орудий. Ведь-пазу подчинялся Акшо-кал, покровитель рыболовства. У Вирь-патяй была масса духов-покровителей отдельных деревьев – березы, дуба, липы, сосны, а также покровители бревен и даже луба, но почитанием пользовалась прежде всего Вирь-ава – «мать леса».

Мордовские моления (моляны) – озксы – соответствовали циклам сельскохозяйственных работ. Весенне-летний цикл начинался с *ливтема-совавтома озкса* – моления при первом выгоне скота (*ливтемс* – выпустить, *совавтомс* – впустить): на выгон (окраину деревни) пригоняли скот, в домах огонь заливали водой, а на месте моления трением деревянных брусков добывали новый огонь и разводили костер. От этого костра каждый хозяин брал себе в горшок новый огонь, который должен был поддерживать до следующего моления. Затем устраивали помост, на котором размещали новый огонь, и под ним трижды прогоняли скот, очищая его от зла.

Перед севом устраивали *кереть-озкс* – моление плугу. От каждой семьи приносили в жертву петуха или селезня, на месте моления стелили белую скатерть, на которую ставили хлеб-соль и вареную птицу. Старейшина, обратившись на восток, молил Шкая послать урожай хлеба, «дождичка, теплую росицу, долгий светлый день, скоту размножения, нескончаемого богатства».

Золотой век

Под влиянием христианства у мордвы возникли свои представления о святом семействе: боге-отце Чам-пазе, богини-матери Анге-патяй и их сыне Нишке. Чам-паз послал Нишке на землю, чтобы он покровительствовал людям и пчелам (иногда вер-

ховный бог Нишке отождествляется с покровителем пчел Нешке-пазом). Когда Нишке жил на земле, был Золотой век — ведь бог выполнял все просьбы людей, кормил их медом, лечил, посылал дождь или ведро. Поля не требовали удобрений, а урожай были сам-тысячные; на каждом дереве в лесу висели борти с пчелами, все люди владели равным богатством. Сам Нишке ходил из деревни в деревню и учил людей добру и мастерству. Но Шайтан явился к некоему старику и подучил его посадить хмель, а из муки научил курить вино. Так на земле начались пьянство, драки и убийства. Напрасно Нишке пытался остановить людей — Шайтан уверил их, что он — не сын божий и хочет лишить их веселой жизни. Тогда люди убили Нишке и только тут увидели, что он — действительно сын бога, ибо после смерти Нишке на крыльях вознесся на небо.

На земле же солнце стало светить и греть в семь раз меньше, зима стала в семь раз суровее, земля перестала родить, скот стал пропадать. Чам-паз попустительствовал тому, что Шайтан создал злых духов, хоть и посадил их в болота и омуты. Он дозволяет Шайтану делать зло людям, которые прогневали бога, но человеку, обратившемуся к нему с мольбой, Чам-паз помогает, и не дает Шайтану покинуть преисподнюю (или воду). Чам-паз послал на землю царей и князей, чтобы они наказывали непослушный народ.

Громовержец Пурьгине-паз

Среди прочих богов особой силой у эрзи наделяется громовник Пурьгине-паз (другие имена — Мельказ, Мельседэй), приемный сын или зять Нишке (муж Вецорго). Имя и образ Пурьгине-паза возникли под влиянием балтийского громовника Перкунаса (под воздействием христианства он приобрел некоторые атрибуты Ильи-пророка). Громо-

вержец разъезжает по небу на колеснице, запряженной тремя огненными конями, колеса колесницы высекают молнии (иногда молнию представляли в виде самостоятельного божества — Ендол-паза). В левой руке Пурьгине-паза — гром, в правой — дождь. Гроном и молнией он поражает змей, чертей и прочую нечисть, гнездящуюся на земле.

По одной из легенд, Пурьгине-паз обитает в дупле тысячелетнего дуба в образе молодого человека и соглашается стать вождем мордвы. Его белые кони превращаются в вихри и ливневые грозы, громят врагов мордвы.

Вера в то, что громовник покровительствует мордве, была сильна еще во время восстания во главе с Кузьмой Алексеевым («Кузькой — мордовским богом») в 1808–1809 гг. Объявивший себя пророком (наподобие волхвов, поднявших восстание в XI в.) недавно крещеный Кузьма устраивал моления у большого многовекового дуба, обращаясь к пророку Давиду и громовнику Мельказу с призывом спуститься с небес огненным столбом и враз поразить всех врагов мордвы и мордовской веры.

В мордовской сказке говорится, как Пурьгине-паз опьянел на свадьбе собственной дочери (финские и прочие громовники обычно бесчинствуют в семейной жизни) и поразил молниями некие клады из сырого дуба. Под ними оказался семижильный дракон Сисемкаряз, которого громовник спалил вместе с дровами.

Вспомним, что имя Пурьгине напоминает имя балтийского громовника Перкунаса. Символом Перкунаса был дуб — Мировое древо, в корнях которого притаился змей — главный противник небесного бога.

У мордвы-мокши громовник — Атям, Атямшкай («Старик» — часто встречающееся наименование

громовника; вспомним эстонского Эйке и др.). Вооруженный луком-радугой (по другим мифам радуга — его дорога) и каменными стрелами, он преследует шайтанов, которые его передразнивают. В одном из мифов злой дух подражал грому, спрятавшись в дупле дерева; проходивший мимо охотник заметил змея и убил его: после этого разразилась гроза, а охотник добыл много дичи.

Небесные боги и их земные невесты

В одном из мордовских мифов Пурьгине-паз оказывается сыном бога Чам-паза и богини Анге-пай. Он рождается хромым на правую ногу; когда он спотыкается о тучи — гремит гром. Боги сбрасывают его (подобно греческому Гефесту) на землю. Как молния, он падает в Волгу и остается на земле. Здесь ему приглянулась земная девушка Сыржа (чье имя означает Заря), и он приехал к ней свататься. Родители отдали девушку за незнакомца, глаза которого горели как огонь. Веселясь на свадьбе, тот принялся плясать прямо по чашкам и ложкам, скача по лавкам и столу, крики его все более напоминали гром. Наконец он сверкнул глазами так, что вспыхнула молния, гости попадали замертво, изба загорелась, а молодые исчезли. Пурьгине-паз вместе с невестой вернулся на небо. Когда начинается гроза, Пурьгине-паз «играет», т. е. вступает в брачную связь со своей женой — так считает мордва (вспомним о громких ссорах финского Укко с его женой Рауни). Если громовник слишком расходится, люди выходят на улицу и напоминают ему о свойстве, прося его греметь потише.

По-иному складывается судьба героини со сходным именем — Сырjava — в историческом предании. Эту девушку-мокшанку хватают в городе Сызрань и ведут в дом русского воеводы. Там «главный поп» хочет окрестить язычницу, но та отказывается

принять христианство. Тогда девушку везут подальше, велют закопать в землю по плечи, а сверху прогнать табун коней. Сырвава же обращается с мольбой к своему возлюбленному Пургасу, чтобы он поднялся с востока, разрушил дом воеводы, а попа закопал по плечи в снег. И происходит чудо: табун лошадей останавливается перед девушкой, с востока же подул буран, занесший снегом попа. Испуганный воевода вынужден был отпустить девушку.

Имя Пургас напоминает имя Пургине-паса (любопытно, что так звался мордовский князь XIII в., который сопротивлялся русскому завоеванию и христианизации). Небесное имя его невесты, означающее зарю, возможно, свидетельствует о том, что изначально этот сюжет передавал знакомый нам миф о небесной свадьбе.

В другом мифе людям пришлось отдать в жены громовнику девушку-жницу, чтобы он не посылал гроз и позволил завершить уборку урожая. Бог поднимает понравившуюся ему девушку Литову на небо в серебряной люльке на цепи (так поднимают к себе земных девушек Солнце, Луна и все остальные небожители).

Сохранился и такой сюжет: Литову полюбил другой небесный бог — сам Нишке-пас или Вере-пас, также наделенные функциями громовника. Родители держали девушку в горнице, не выпуская ее даже гулять с подругами, но от божественной любви не скроешься. Однажды девушка все-таки вышла к подругам, стала качаться на качелях, и тут поднялась «страшная буря, тронулась страшная туча, прогремел страшный гром, сверкнула страшная молния». Когда гроза миновала, девушка исчезла. Ее взял на небо «вышний бог», свекровью стал страшный ветер, свекром — страшный гром, мужем — страшная молния. Но скоро Литова стала тосковать, и муж смиростивился над ней — отпустил на два часа к ро-

дителям. На небесной тройке (или в птичьем оперенье, как шаманский дух) плачущая Литова отправляется на землю (при этом на расстоянии семи дней пути слышен грохот громовой колесницы). Вся деревня на коленях с плачем встречала небесную вестницу, но она ждала встречи с родителями. Старик же не успели на короткое свидание — вновь поднялась буря, и Литова исчезла...

Существует и другое объяснение несостоявшегося свидания — нелюбовь земных родителей к Литове (или другой дочери). Понять, чем девушка вызвала такое отношение, помогает эрзянская песня, повествующая о том, что родители хотели отдать дочь... за ее брата. Этот мотив нам уже знаком: в удмуртской сказке сестра приводит братьям невест из потустороннего мира, чтобы не нарушать запрета на брачные связи с кровными родичами. Мордовская невеста нашла другой выход: она умолила небесного бога — Нишке, Шкабаваза, Вере-паса — спустить к ней серебряную люльку и поднять на небо. Бог берет ее в невесты своему сыну. Эрзянская песня сохранила древний миф о первой семье, которой негде было взять жениха для дочери, и о происхождении экзогамии. Замечательно, что само похищение невесты небесным богом воспроизводит древний обычай умыкания — похищения невесты из чужого рода.

Мокшанская песня о девушке Васальге рассказывает о том, как престарелые родители молят высшего бога Шкабаваза, чтобы у них, наконец, родилась дочь — к тому времени у них было семеро сыновей (опять это знакомое священное число!). Родившаяся девочка оказалась беспокойной и капризной (как подменыши, принесенные нечистой силой), ей не нравились даже серебряные серьги, купленные родителями. В сердцах мать призывает бога

успокоить ребенка и обещает отдать ее тому, кому это удастся сделать, хоть собаке, хоть свинье... Тогда сам Шкабаваз является к ребенку в образе собаки и успокаивает девочку. Опомнившиеся родители надеются, что взрослые сыновья защитят сестру, но когда приходит время и девочка становится невестой, Шкабаваз в грозовой туче похищает ее – берет в невесты своему сыну.

В мордовском песенном фольклоре сохранился фрагмент странного мифа. В одной из песен Литова обнаруживает, что беременна. Подозрительные женщины настаивают, что ее беременность – «от колдовства-порчи» земного парня, но девушка рассказывает им удивительную историю о том, что ее «болезнь – от бога». У ее отца были гуси, которых Литова зачем-то поместила в сундук для белья, отнесла на реку и пустила плавать. Сама же девушка уснула. Тут над ней пролетел рой пчел, и старая пчела ужалила спящую: девушка «распухла» от укуса пчелы. В мордовской мифологии известен пчелиный бог Нешке-пас – его имя может быть добавлено в список небесных мужей земных девушек. Однако сам миф обнаруживает, вероятно, более древние индоевропейские истоки: в болгарской сказке волшебник прячет невесту героя среди множества похожих на нее девушек, и герой узнает ее благодаря тому, что его помощница пчела указывает на настоящую невесту. Наконец, в мифе хеттов, древнего индоевропейского народа, проживавшего в Малой Азии во II тыс. до н. э., рассказывается, как бог плодородия Телепинус, первенец громовержца, разгневался на прочих богов, удалился в дикие места, где уснул на краю водоема, опутанный водяными лилиями. На земле началась засуха, люди и боги стали умирать от голода. Бог солнца послал орла на поиски Телепи-

нуса, но птица не отыскала бога; безуспешными оказались поиски и самого громовержца. Наконец, мать-богиня посылает на поиски пчелу: та находит и жалит уснувшего бога. Поначалу укушенный Телепинус приходит в еще большее неистовство и гремит, как гром, но богиня Камрусена, чье имя означает «Дух пчелиного роя», успокаивает грозного бога, принимая на себя всю его ярость. Вспомним карело-финского героя Лемминкяйнена, которого пчела, принеся волшебное медовое зелье, пробудила от смертного сна. В карельском любовном заговоре («присушке») девушка отправляет пчелу за девять морей, чтобы та принесла ей любовный напиток – приворожить парня.

Так или иначе, укус пчелы пробуждает плодородие и даже самую жизнь у людей земли, а залогом этого плодородия служит брак небесного бога и земной женщины, в истории религий именуемый священным браком. Недаром похищение земной невесты небесным богом сопровождается грозой и ливнем: небо оплодотворяет землю небесным дождем. Неслучайно и то, что девушка в этот момент качается на качелях: этот обряд, свойственный и финно-уграм, и славянам, связан с весенними календарными праздниками – качели поднимают от земли к небу (наподобие серебряной люльки, которую спускает за невестой небесный бог).

Другой невестой Пурьгине-паса, согласно мордовской сказке, оказывается красавица Дамая. Здесь бог именуется *инязоро*, что означает «государь», «царь»: он живет в богатом доме, владеет обширными землями и реками, через которые переброшены железные мосты на каменных сваях (это напоминает нам Пурьгине-паза – Гефеста, сброшенного на землю). Когда кони громовника, из ноздрей

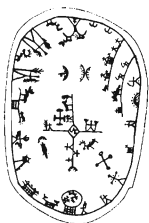
которых валит дым, а глаза излучают огонь, бегут, то земля «дрожмя дрожит, небо звеня звенит» Копыта их высекают искры-молнии. Когда они скачут, медведи и волки прячутся в лесу, змеи цепенеют на земле, ястребы прячутся за облака. Пурьгине-паз испепеляет молниями семиглавого змея, а прах его развеивает страшным вихрем.

Духи-матери

Гигантская птица высидела на березе — Мировом древе с тремя ветвями и тремя корнями — три яйца. Из них вылупились три духа-матери (ава). Первая — Норов-ава, хозяйка полей, охраняющая посевы (в том числе и от хозяйки ветров Варма-авы). Вторая — Вирь-ава, хозяйка леса, пастушка медведей, волков и других диких животных, страшный демон, о котором еще пойдет речь. Третья — мать ветров Варма-ава: она может принести тучи с плодородным дождем, но может и повалить созревший хлеб и даже раздуть пожар вместе с хозяйкой огня Тол-авой. У нее четыре сына, которые сидят в бочках по четырем сторонам света; когда Варма-ава открывает бочку, оттуда вырывается ветер. Варма-ава считалась также разносчицей болезней — поветрий.

У всех явлений природы были свои «матери»: Чи-вав (Ши-вав) — «Мать солнца», Ков-ава — «Мать луны», Ведь-ава — «Мать воды», Мо-ава или Мас-тор-ава — «Мать земли», Пакся-ава — «Мать полей», хранительница плодородия, Нар-ава — «Мать лугов», Розь-ава — «Мать ржи» и т. д. Отдельные «матери» покровительствовали и домашнему хозяйству: Кардаз-ава, Калдаз-ава (у мокши) или Юрт-ава — «Мать двора» и покровительница домашнего скота, Куд-ава — «Мать жилища», Утом-ава — «Мать амбара», Вель-ава — «Мать деревни», Бань-ава — «Мать бани», даже Пянакуд-ава — «Мать печи», кормилица. Сходные духи имелись у всех финно-угорских народов.

Особым почитанием пользовалась Матор-ава или Мода-ава. После жертвоприношений к ней обращались с мольбой: «Матор-ава, матушка, тяжесть земли держащая, вот пришли — собрались, твое имя вспоминаем, посмотри на наши поклоны. Что просим — дай, что скажем — сделай. Просим хорошего урожая, дай хорошего здоровья, Матор-ава, матушка, что бросаем на тебя, что сеем на тебя — подними, вырасти, наполни, помоги». Даже при падении на землю считалось необходимым просить у кормилицы Матор-авы прощения: ведь упавший вполне мог «ушибить» землю.

Мордовский фольклор включает баллады о строительной жертве, известной многим народам мира. Чтобы построить город (по преданиям, так были основаны Казань, Симбирск, Алатырь), мельницу или даже церковь, нужно принести хозяйке (или хозяину) земли искупительную жертву: человека, замурованного в фундамент, как правило, девушку, которую указала Мода-ава или избрал сход. Иногда старейшины пытаются заменить человеческую жертву мотком ниток (вспомним о связи нитей с человеческой судьбой) или животным — лошадью, петухом, коровой, собакой, змеей (только не хлебом, чтобы не навлечь гнева Норов-авы). Но хозяйка земли неумолима — она требует страшного выкупа за землю, использованную под строительство.

*«Кто первое дерево срубил,
Кто первую щепу отделил,
Человеческую душу обещал,
Человеческую голову поселил».*

Даже если решаются бросать жребий, жребий падает на избранную хозяйкой земли жертву. Девушку ведут на жертвоприношение как на

венчание — после обрядовой бани, надев перстень на палец, ее венчают со строящимся городом. В эрзянской песне несчастную девушку разрубают на четыре части — как принято было поступать со строительной жертвой, чтобы прочными были все четыре угла строения.

Эти баллады, содержащие международный фольклорный сюжет, никоим образом не свидетельствуют о реальности человеческих жертвоприношений у языческой мордвы.

К богам и духам-покровителям обращались во время молений-озксов, совпадавших с календарными праздниками. Накануне Нового года хозяйка брала каравай хлеба и, поднимая его над головой, просила Пакся-аву, чтобы уродился хлеб, потом брала чашку с орехами и просила Вирь-аву об урожае орехов. Наконец, хозяйка поднимала жареного поросенка и просила Юрт-аву о плодородии скота. Когда созревали хлеба, просили Варма-аву не губить урожай, не пускать «своего ветра на созревшие хлеба во время уборки сена, во время уборки соломы».

В мифологии мордвы известны были и духи-отцы — атя или кирди, «хозяева»: Ведь-атя — «отец воды», Вирь-атя — «отец леса», Варма-атя — «отец ветра», Тол-атя — «отец огня», Мода-атя — «отец земли», Кардаз-сярко, домовый (оборотень, который может явиться в облике кошки или зайца), Велень кирди — хозяин села.

Ведь-ава

Ведь-ава, водная богиня, была покровительницей плодородия: весной отправлялись к источникам молить Ведь-азор-аву о ниспослании плодородного дождя, опрыскивали все водой, магически имитируя ливень. Одновременно она считалась покровительницей чадородия и рыболовства и опасным духом. Образ Ведь-азор-авы или Ведень-кирди («Хозяйки

воды») иногда особо выделялся среди многочисленных водяных «матерей» — ведь-ав, в том числе и по внешнему виду. Она обитает в океане, одета в серебристое платье, иногда имеет рыбий хвост: о своем появлении извещает других ведь-ав нежным звоном маленького колокольчика.

Ведь-ава могла появляться на берегу в виде голой женщины с длинными белыми волосами, которые она расчесывает, как и седобородый Ведь-атя, или в виде безобразной старухи; могла превращаться в разных животных и рыб, заманивать купающихся на глубокое место. Те, кому удавалось выплыть, избавившись от водяных, приносили жертвы — мелкие деньги, пшено для еды и хмель для пива. Каждый водоем имел свою хозяйку: Рав-ава («Хозяйка Волги»); Сур-ава («хозяйка Суры») и т. д.

Ведь-ава была покровительницей деторождения, и молодую после свадьбы выводили к воде — реке или ручью, представляя ее Ведь-аве. Считалось, что она посылает потомство: в архаических обществах всегда предпочитали мальчиков — работников, остающихся в собственном роду, поэтому о новорожденном мальчике говорили: «Ведь-ава подарила», а о девочке — «Ведь-ава бросила». После родов роженицу водили в баню, где повитуха молилась Ведь-аве и Баня-аве (покровительнице бани), испрашивая здоровья для матери и младенца. Но «от воды» женщина могла и заболеть, т. е. или совсем не иметь детей, или рожать мертвых. В таком случае следовало «украсть» новорожденного у Ведь-авы: повитуха в бане заворачивала младенца в тряпки, которыми затыкали дымовое окно, и передавала его другой женщине. В жертву Ведь-аве нужно было принести пшена, соли, хмеля, трижды поцеловать воду.

Рассказывают, что однажды Тол-ава позвала Ведь-аву и ее мужа на праздник по случаю рожде-

ния ребенка. Выпив браги, хозяйки стихий поссорились — каждая из них считала себя сильнее. Наконец, Ведь-ава загнала хозяйку огня за камень, и та сдалась: Ведь-ава строго наказала ей не жечь имущества бедных.

В сказке Ведь-ава останавливает лодку, вцепившись в весла, и требует у рыболова, семь лет ловившего в ее водах рыбу, в качестве дани того, чего он не знает в своем доме. Рыболов обнаруживает, что у него дома вырос сын, которого он и должен отдать водяной. В песнях Ведь-ава иногда наказывает рыболова за то, что он хотел поймать в Волге осетра — заповедную рыбу (на трех осетрах держится весь мир).

Ведь-аве устраивали моления как покровительнице рыболовства, воплощением которой была «белая рыба» (Акшо-кал-озкс). Специальные песни исполнялись в ее честь и во время ледохода.

Мордовские эпические песни сохранили память о живой воде (эрикс ведь), которая возвращает мертвых к жизни. Добыть ее можно, лишь проникнув в преисподнюю в образе птицы (это напоминает шаманские мифы). За живой водой посылает падчерицу и злая мачеха, чтобы спасти своего ребенка: падчерица жалуется на свою судьбу умершей матери, и мать укладывает ее в свою могилу, сама же идет в загробный мир за живой водой. Падчерица выполняет трудную задачу, спасая дитя, — все это напоминает сюжеты карельских рун, повествующих о путешествии в загробный мир и Похьелу матери Лемминкяйнена и самого Вайнямёйнена.

Ребенку со всех сторон угрожала порча — ведун в облике чудовищной птицы или огненного змея мог проникнуть в полночь через дымоход, пожрать кожу и кровь младенца; считалось, что от этой болезни помогает парная баня и ее хозяева.

Домовые духи

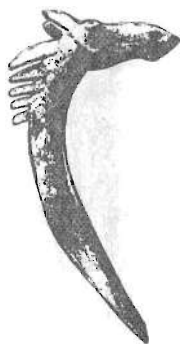
Мордве был известен также бог – покровитель плотников: Керень шочконь-паз, бог «строительных материалов», луба и бревен. Но особо почитались домовые духи – Куд-ава, покровительница дома, Юрт-ава и Вель-ава. Они считались родственницами Пакся-авы: ведь все эти духи покровительствовали культурному, возделанному людьми пространству. Главные семейные обряды – роины, свадьба и похороны – начинались с обращения (или причитаний) к богу Шкаю (Шкабавазу) или Нишке, хранительнице двора Юрт-аве или Куд-аве и умершим предкам. После первого купания новорожденного в бане повитуха просила домовых духов взять нового члена рода под свое покровительство. Чтобы Куд-ава охраняла ребенка, его трижды опускали в подполье – считалось, что там обитает «мать дома».

Перед свадьбой мать жениха просила, чтобы домовые духи помогли высватать невесту. К Юрт-аве и Куд-аве обращалась сваха, когда приходила в дом за невестой:

«Хранительница дома, Куд-ава!
С добром мы пришли,
Пусти нас – зайдем,
Купленную нами (невесту) посмотрим,
Красивую сноху мы ищем,
Венчаться мы ее берем.»

Все участники свадебного поезда совершают моление Куд-аве:

«Хранительница дома, Куд-ава!
Дай ты нам здоровья,
Дай ты нам богатства».

Невеста же должна прощаться с Куд-авой (или Кардаз-сярко), Ведь-авой, к которой она ходила за водой, и Вель-авой:

«Когда возьмут меня из дома,
Ты обо мне не горюй,
Ты обо мне не печалься»...

Специальное моление — *юртава-озкс* — совершали осенью по окончании полевых работ, когда возвращались к работам домашним. Тогда резали овцу, варили брагу, а хозяйка дома обращалась к Шкаю: «Шкай пас, кормилец! Тебе молимся со светлой свечой, с разной стряпней. Вот сварили горшок каши. Сколько в нем крупинок, соли, столько дай нам для жизни добра, нескончаемого имущества, урожая хлеба, размножающегося скота, детей. Храни нас, великий Шкай пас, на всяком месте».

Вирь-ава и злые духи

Лес был одновременно и почитаемым, и страшным пространством. Его хозяйка, как и всякие лесные, редко показывалась людям — чаще слышали ее громкий хохот; она могла изменять свой облик и нрав. Она показывалась в виде обнаженной женщины, иногда одноногой (признак злого духа), или с тремя когтями на каждой ноге, с длинными грудями, переброшенными через плечи; как и злой дух албасты в верованиях тюркских народов, она любила расчесывать свои длинные волосы. Вирь-ава меняла свой рост — в лесу была вровень с деревьями, в поле — с травой. Она была способна прийти в село в виде кошки, собаки, а то и волка. Вирь-ава могла вывести заблудившегося из лесу, а могла и погубить, защекотать до смерти. Уйти от нее можно, только пятясь задом — тогда она не разберет, куда ведут следы.

После христианизации мордвы появилась легенда о том, что Вирь-ава появилась отнюдь не из яйца, снесенного на Мировом древе: лесными духами стали люди, проклятые Богом, — их не принимали после смерти ни земля, ни небо. Бог запер их в лесной избушке, а случайный прохожий открыл дверь в жилище проклятых, чтобы укрыться от непогоды. Те потянулись было из избы, да прохожий вовремя заметил злых духов и захлопнул дверь — не то они заполонили бы весь мир. Среди них оказалось 30 сестер-лихорадок и вирь-авы, которых в старину было много, потому что повсюду росли леса.

Христианский апокрифический источник этого рассказа очевиден: у русских были популярны рассказы о лихорадках — дочерях царя Ирода. Тридцать (иногда — 77, сакральное число, известное и по финно-угорским заговорам) разряженных царских дочерей шли купаться и встретили Иоанна Предтечу, одетого в шкуру. Царевны принялись насмехаться над ним. Иоанн проклял их, вселив в них лихорадку, и заклил, предрекиши, что они будут жить до скончания века, невидимо ходить меж людей и мучить их.

Лесные духи размножились, и у вирь-ав появились мужские партнеры: вирь-атя уводили в лес женщин и девиц, сами же вирь-авы заманивали мужчин и могли прижить с ними детей. К вирь-атя обращались за помощью в мужской работе: заготовке дров, лыка; женщины просили вирь-аву показать грибные и ягодные места. В мордовских сказках вирь-ава со временем превратилась в бабу-ягу.

Священные урочища и Султан-Керемет

Мордва, как и прочие финские и тюркские народы Поволжья, почитала священные урочища — керемет или кереметь. Кереметами назывались не

только рощи, но и кладбища (как и у соседних чужах). В лесу огораживали тыном четырехугольный участок для священной рощи; туда вело трое ворот. Люди заходили через южные ворота, через восточные ворота вводили жертвенный скот, через северные ворота приносили воду, чтобы варить жертвенное мясо. У восточных ворот ставили три столба. К одному привязывали жертвенных лошадей, к другому — быков, к третьему — овец; там же вешивались шкуры жертвенных животных. У трех столбов, врытых с западной стороны, в жертву божествам приносили животных. С южной стороны располагалась поварня, где варились жертвенное мясо, пиво и был приготовлен стол для трапезы. Кровь жертв (и всех забиваемых животных) должна была стекать в специальную яму: ее запрещалось проливать на землю; когда животное забивали на усадьбе, кровь считалась жертвой домовому Кардаз-сярко.

Моление происходило у священного дерева; забравшись на него, жрец призывал всех собравшихся на молитву. Христианизированная мордва поминала в молении не только языческих богов, но и Богородицу (которая, впрочем, отождествлялась с Анге-патяй). Затем жрец спускался с дерева, подходил к яствам, наливал в ковш пива, туда же клал мясо жертвенного животного, поднимал ковш к небу и призывал богов принять жертву. Молящиеся, обратясь к востоку, где стоял жрец, поднимали руки к небу, призывая богов. Мясо, хлеб, соль и пиво бросали также в жертвенный огонь. Один из жрецов, набрав пива в рот, брызгал им в народ: это — жертва Мастор-пазу, чтобы уродился хлеб. Затем призывали всех богов, начиная с высшего: Чам-паз, Нишке-паз и Свет-Вирь-Нешке-Велень-паз, видимо, воплощали у христианизированной мордвы Троицу, ибо затем

(в описании Мельникова-Печерского) молящиеся просили Анге-Патяй-паз, Пресвятую Богородицу, послать на хлеб белую зарницу и теплую росу. Далее следовали мольбы к низшим божествам: «Мастор-паз, есть хотим, Ведь-мастор-паз (божество воды), пить хотим, Норова-парочи, уроди хлеба... Ведь-Мастор-паз, давай дождя, Варма-паз, давай тихие ветра» и т. д. Далее поминались низшие божества, и пиво лили к корням священных деревьев, раздавалось жертвенное мясо, а навар разбрызгивался в жертву божествам — покровителям скотоводства. Затем наступал черед ячницы и пирогов, развешанных на священном дереве, — молили богов о детях и домашней птице. Наконец, приступали к общему пиру. Шкуры, рога и копыта жертвенных животных сжигали на костре или зарывали в керемети.

Известно также описание молян у огромного дуба на косогоре: перед ним расстилались полотняные пологи, размещались яства и питье. Старейшины в белых одеяниях, указывая на яства, молили Керемета: «Белы ноги, Керемет, по лесу ходя, Керемет, по полю ходя, Керемет, мы тебя чтим, а ты нас оберегай». Затем кусочки трапезы зарывали в землю и складывали в дупло дуба, туда же клали монеты; к дубу женщины прикладывали холсты, которые приобретали целебную силу; из них шили и одеяния жрецов — озкс-атя.

Самым знаменитым священным урочищем был Султан-Керемет, почитавшийся и мордвой, и марийцами. Титул султана носили в средние века правители Казанского ханства. Мордва и марийцы, однако, устраивали в керемете моления осенью, во время календарных праздников, и поминали там погибших на войне. Название святилища превратилось в имя божества, созданного Шкаем в преданиях мокши.

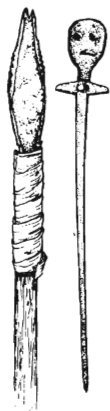
Смерть и поминки: баня и свеча для предков

М И Ф Ы
ФИННО-
У Г Р О В

Отношение к умершим и предкам было очень сходным у всех поволжских финнов.

Странный на первый взгляд ритуал совершает самый старший в мордовском доме после смерти больного. Он берет нож, водит им по шее и груди покойного и машет им вокруг. Затем этот нож втыкают в лавку около умершего или в дверь дома, чтобы никто больше не умирал. Старейшина выступает здесь в роли «ангела смерти», как воплощающий смерть старик мордовского фольклора, который носил с собой нож и кувшин, наполненный кровью (как и марийский Азырен), и одновременно отгонял смерть, ибо нож и топор — обереги против злых духов. На кладбище в могилу бросали соскобленную с монет стружку в жертву Калмо-ава, «матери кладбища» (или кирди — его хозяйке), с приговором: «Вот тебе, Калмонь кирди, пуд меди, пуд серебра, прими хоронимого». Когда проводившие умершего в последний путь возвращались с кладбища, остававшаяся в доме женщина бросала к их ногам большой нож — отгоняла смерть. Возвращающиеся должны были переступить через нож, топор или пояс (воплощение жизненной силы).

На поминках умершего должен представлять кто-нибудь из старших родственников, одетых в одежду покойника. Он садится по левую сторону стола, где умерший испустил дух, принимает почести от живых и поминальную трапезу — целую гору блинов и баранины, которую складывают перед ним, а также вино и брагу. После застолья участники поминок валяются в ноги «умершему», испрашивая у него благословения, счастья в торговле, на дорогах, в доме, здоровья себе, детям и скоту. «Покойник» наставляет их на праведную жизнь. Затем

совершался странный обряд вопрошания «покойника» о его нуждах: тот не нуждался ни в одежде, ни в пище — ему был нужен лес. Тогда его с почестями выносили на гумно, где втыкали в землю ветвь, которую «покойник» срубал, и его с «лесом» вновь вносили в избу. Там у ветки разжигали небольшой огонь, через который трижды проходили участники поминанок: считалось, что в этом огне сгорала сама смерть, угрожавшая живым.

Ветвь как центральный символ обряда напоминает нам о Мировом древе, которое в погребальных церемониях исполняло роль дороги на тот свет.

Наконец, наступает время проводов «покойника» на кладбище: на телеге его везут к могиле, где обязательно усаживают вместе со всей изобильной поминальной пищей.

Предков приглашали с того света в баню и на поминальное пиршество во время календарных праздников, на зимние «святки» и весеннюю Страстную неделю, в Великий четверг. При этом живые старались помыться побыстрее, при этом приговаривая: «Раньше сорок и ворон, раньше змей и лягушек я искупаюсь».

Читатель уже знает, что сороки и вороны, и, тем более, змей и лягушки — это «гады», хтонические существа, связанные с преисподней. Они и отождествлялись с предками — ведь они тоже были выходцами с того света (тона чи, или тона ши у мокши) и покоились в земле.

Перед поминками у мордвы, как и у марийцев, зажигают большую свечу. Старейшина приглашает предков на пир: «Прадеды, прабабки! Услышьте нас, стряхните с себя земную пыль (могильную землю), приходите к нам на праздник. На ваше имя мы блины пекли, брагу варили; соберите своих родных и приходите; может быть, между вас есть безродные, кото-

рых некому пригласить, вы их возьмите с собой, чтобы они не остались без праздника, у нас всего вдоль — всем хватит, вот для отдыха место вам приготовили, после обеда отдыхайте тут... Благословите нас на хорошее житье, урожай, на размножение скота. Храните нас от всякого зла и на ходу, и при лежании, и при вставании. Против злодея поднимите свои руки, протяните свои правые полы» (правая сторона воплощала доброе начало, а левая — злое).

Как правило, среди поминающих находилась старая женщина, которая была наделена способностью видеть умерших: она сидит у порога и наблюдает за душами, которые приходят в дом. Потом она рассказывает о том, кто из умерших сидел за столом и о чем они разговаривали. За поминальным столом присутствовал и человек, изображающий последнего умершего и облаченный в его одежду. Во время трапезы он рассказывает о своей жизни и жизни всех родных на том свете: иной занимается извозом и держит хороших лошадей, иной совсем промотался, иной занимается пчеловодством, а другой пьянствует; кто-то из неженатых женился и взял себе красивую жену...

У мордвы был известен обычай хоронить девушку как невесту — в подвенечном уборе. При этом выбиралась ее «заместительница» среди подруг и ее «жених», а похоронная процессия сопровождалась не похоронными, а свадебными причитаниями. Вернувшихся после похорон родители умершей встречали, как вернувшихся с венчания: при входе в избу вернувшиеся пели и плясали, и лишь за поминальным столом начинались настоящие поминки.

После окончания поминальных торжеств перед заходом солнца провожали предков на кладбище, угощались в последний раз и говорили: «Ну, идите теперь, прадеды, прабабки на свои места. Где угоди-

ли вам, где нет — не пеняйте. Соберите и вновь умерших, они не найдут дороги. Ты, старший дед, сам постарайся».

Проклятые мертвецы

Проклятие, особенно родительское, было страшным наказанием в архаическом обществе, которое основывалось на почитании старших. Проклятие могло коснуться не только человека, но и животного — лошади, и даже одежды или обуви. Проклятый исчезал из мира, но не находил покоя на том свете и появлялся среди живых в полночь в виде человека-оборотня или животного, пугая всех вокруг. Самоубийцы и проклятые дети превращаются в злых духов болезней или лешащих — вирь-ав.

Страшная легенда сохранилась у мордвы о лихом атамане Стеньке Разине, который был казнен — умер неестественной смертью, и, значит, должен был превратиться в проклятого мертвеца. Он не умер, а лежит в лесу, в недоступном никому месте: атамана проклял Бог, земля его не принимает, Бог же не принимает его души. Он лежит на боку (как вампир у саамов) в каменистой земле (которая не может «быть пухом»). Только сядет солнце, как к нему собираются из леса змеи, лягушки, ящерицы и всякие гады и начинают его высасывать. С восходом солнца от него остаются душа да кости, все гады уползают, лишь один змей остается у его сердца и сосет день и ночь. Днем же на Стеньке вновь нарастает тело: так он и будет маяться до конца света.

Легенда о казачьем атамане напоминает дру- гую — средневековую легенду о знаменитом короле бургундов, который был также захвачен в плен врагами — гуннами. Это был Гуннар, герой сканди- навских песен о Нифлунгах-Нибелунгах. Гунны бросили его связанным в змеиный ров, но сестра успела положить герою арфу: пальцами ног тот

принялся перебирать струны, усыпляя змей. Но злобная колдунья — мать самого Аттилы — превратилась в змею и убила героя своим ядом.

В мордовской сказке рассказывается, как мачеха-царица прокляла свою падчерицу, и та превратилась в утку. Она рассказывает охотнику, который хочет застрелить утку, о своей судьбе, и охотник спасает царскую дочь.

Отношение к покойникам и предкам было, как мы видим, двойственным. От них зависело благополучие живых, урожай и размножение скота — ведь они пребывали на том свете, в преисподней — земле, от которой зависело плодородие (недаром в карело-финской мифологии именно на том свете, в Похьеле, первоначально пребывали светила и мельница сампо). Поэтому общие поминальные торжества приходились на главные календарные праздники, призванные обеспечить плодородие. При этом предки оставались опасными выходцами с того света — могли забрать с собой живых (вспомним отношение к духам вожо у удмуртов). Особенно опасными были колдуны (у марийцев их могилы окружались изгородями), проклятые родителями и покойники, умершие неестественной смертью и не избывшие своего жизненного срока: они доживали свой срок, скитаясь по земле и нанося вред живым. Умерших неженатыми приходилось женить после смерти. Так или иначе, почитаемых предков выпроваживали из мира живых и просили их указать путь на тот свет недавно умершим.

Старик и смерть

Как и у других народов, у мордвы есть сказка о хитреце, который не желал умирать. Как-то Атякш Ега (Егор Петух) пустил ночевать двух путников, и те дали ему волшебное кольцо, исполняющее жела-

ние. Когда к старику пришла смерть – кулома (слово, общее для финно-угров) – старик приковал ее кольцом к лавке, и отпустил лишь после того, как смерть обещала ему еще три года жизни. Конечно, когда смерть пришла к хитрецу вновь, ему уже не удалось отвертеться, и он попал в ад. Но и там он ввязался в карточную игру с чертями и выиграл все души. Старик вывел души в рай, но сам все мечтал о земной жизни – рай не место для хитреца.

В мордовской эпической песне смерть приходит за молодым парнем, единственным сыном у матери. Он умоляет смерть пощадить его молодую душу, но та неумолима... и мать делает для сына новый дом – гроб – и выстилает его берестой. Является смерть и требует, чтобы сын скорее умирал. Хитрый парень говорит, что не умеет умирать, и просит смерть показать ему, что нужно делать. Смерть ложится в гроб – тут-то ее и накрывают крышкой. Перед нами не столько подвиг Ильмаринена, заманившего смерть в сундук, сколько сказочное деяние маленького хитреца, который перехитрил бабу-ягу: вспомним сказку, где Иванушка просит ягу показать ему, как садиться на лопату, чтобы отправиться в печь. Мордовский парень не собирается выпускать смерть до тех пор, пока не побелеют ее волосы и не пожелтеют зубы.

Пахарь-богатырь Тюштян

Когда Нишке создал землю, леса, луга, то увидел, что поваленные деревья в лесу остаются неубранными, а луга некошеными. Тогда он и создал народ эрзя. Но эрзяне сильно умножились – возникло целых семь селений – и стали они спорить из-за земли: не могут разделить лес, не могут косить луга. Пахарь-богатырь Тюштян (Тюштень, Тюштя), который мог пахать на двадцати четырех лошадях семью плу-

гами, на совете семи старейшин эрзи был избран *эрзянь кирди* («правителем эрзи») или *инязоро* (*ине* – «великий»; *азор* – «хозяин, господин»); это слово восходит к индоиранскому божественному титулу *асура*, *ахура*). Он согласился поделить угоды, если получит священный знак: сухая палка, воткнутая в землю, должна зазеленеть во время его пахоты. Тюштян стал справедливым правителем; при помощи колдовства и богатырской силы он одолевал врагов мордвы, мог заставить расступиться волны моря, взмахнув палкой или платком. Время его правления – Золотой век («век Тюштяна»), когда рождались одни мальчики, народ свой он поил медом.

Зацветшая ветвь в руках правителя – широко распространенный символ «священного царя» (такой «Золотой ветви» посвятил свой знаменитый труд Дж. Фрэзер). Власть священного царя благословлена свыше и простирается не только на людей, но и на силы природы, плодородие. На мордовский миф явно повлиял библейский рассказ о жезле Моисея, которым он заставил расступиться волны Черного моря, и жезле Аарона. Когда нужно было выбрать первосвященника из представителей двенадцати колен, все они оставили свои жезлы в Скинии Завета: наутро оказалось, что жезл Аарона зацвел. Замечательно, что эта библейская традиция нашла продолжение не только в мордовском мифе, но и в славянской – чешской – легенде о призвании правителя Пшемысла: когда чехи решили избрать себе князя, они обратились к пахарю Пшемыслу. Палка, которой он погонял своих волов, зацвела, что и стало знаком его избранности.

Когда Тюштян стал чувствовать приближение смерти, он обратился к сородичам за советом: умирать ли ему при всем народе, или уйти, скрыв свою смерть. Народ не хотел видеть смерти правителя, и

Тюштян ушел, оставив народу медную трубу: ветер заставлял трубу издавать звуки, которые должны были свидетельствовать о том, что вождь жив и дух его — с народом.

По другому преданию, Тюштян возгордился, пируя со знатью и богачами, а тем временем русский царь захватил мордовскую землю. Вещие птицы — ласточки бьются в окна палаты Тюштяна и сообщают ему роковую весть. Но гордец не верит в поражение: скорее щука, приготовленная к его столу, будет вновь плавать, а жареный петух запоем. Тут и происходит чудо: щука пускается плавать в меду, а жареный петух захлопал крыльями и закукарекал...

Тем временем происходит другое чудо: семидесятилетняя бедная вдова рождает младенца с каменным теменем, серебряными пятками, на лбу у него солнце, на затылке — светлый месяц, на концах волос — звезды. Мать качает его в колыбели и хочет, чтобы он обладал умом правителя — Тюштяна. Об этом рождении узнает старый Тюштян от своей вестей вороны с железным клювом. Он покупает младенца у бедной вдовы, замуровывает его в бочку и пускает ее по волнам. Но бочку прибывает к берегу, и царь в чужой стране усыновляет младенца. Тот вырастает и идет войной на Тюштяна. Старый правитель вынужден бежать за море.

Оба предания об уходе Тюштяна напоминают уход карело-финского культурного героя Вайнямёйнена. В «Калевале» Леннрота есть даже эпизод, где Вайнямёйнен оставляет народу свое кантеле, как Тюштян — трубу.

У мокши Тюштень-оцязор (оцю — «большой», азор — «хозяин»; каназор — от тюркского «хан») обитает на восходе солнца на вершине (характерный образ священного царя на Мировой горе, близкий образу обско-угорского Нуми-Торума), в сереб-

ряных палатах в золотой одежде. Он руководит собраниями народа, строит города (в некоторых песнях — даже столицу современной Мордовии Саранск). Однако ему пришлось покинуть землю, когда враги (ногайцы) одолели его: подобно шаману, он поднялся на большое дерево и оттуда вознесся на небо. Согласно другим легендам, он ушел со своими людьми за море, которое расступилось от взмаха его платка или жезла, как перед библейским Моисеем.

По поверьям мордвы, Тюштян может послать неурожай и стихийное бедствие; если он вновь выступит против своих врагов, начнется последняя война, которая погубит мир. Языческая мордва устраивала специальные пиры — братчины, называемые *тюштянами*, и зажигала обрядовую свечу, которая также именовалась *тюштян*, поминая древнего правителя.

Тюштян — культурный герой, фигура, переходная от мифологии к истории. В рукописном сборнике XVII в. сохранилось русское предание о начальной истории мордвы. В устье Оки, где ныне стоит Нижний Новгород, жил знатный и могущественный мордвин по имени Скворец. Его товарищем был другой могучий мордвин — Соловей: с ним сражался сам Илья Муромец. У Скворца было восемнадцать жен, которые родили ему семьдесят сыновей (это число — библейское число народов). Они пасли свои стада и водили их на водопой к Оке, где в пещере обитал чародей Дятел. Его и спросил Скворец о судьбе своих детей. Дятел ответил, что сыновья его будут долго владеть мордовскими землями, если будут жить в мире; если же они поссорятся, то будут покорены русскими, которые построят здесь город-камень. Дятел умер в глубокой старости и был похоронен с почестями на том месте, которое с тех пор стало именоваться Дятловы горы. Умер

и Скворец, завещав сыновьям жить в мире. Те блюли заветы отца, но их потомки, размножившись, стали враждовать. Тогда их прогнал со своих земель русский князь Андрей Боголюбский, князь же Юрий Всеволодович в 1221 г. основал на Дятловых горах Нижний Новгород.

Странные птичьи имена средневековых мордовских героев отражают реальный и древний мордовский обычай: у некрещеной мордвы был обычай давать подобные имена – Торай (Гусь), Тырпыр (Дикий голубь) – восходящий к тотемической древности. Вспомним хитрого Егора Петуха, победившего смерть, воршудные имена у удмуртов и т. п.

Последний волхв: Кузька – мордовский бог

Христианизированная мордва восприняла и переименовала в фольклоре многие мотивы христианской мифологии: уже говорилось о мордовской троице – Нишке, Николе (Никола-паз, который отождествлялся с Матор-пазом, богом земли) и Норов-пазе, сидящих на Мировом древе и раздающих долю-счастье. Иконы именовались в мордовской традиции *паз-ава* – «божья мать». Богиня Анге-патяй отождествлялась то с самой Богородицей, матерью Нишке, то с повивальной бабкой – апокрифической Саломеей, которая помогала ей при родах.

Эта синкретическая вера и породила последнего волхва. Недавно принявший христианство крепостной Кузьма Алексеев в 1808 г. объявил себя пророком, согласно доносу властей, собрал вокруг себя «богомерзких женок», новокрещеную мордву и стал совершать моления в лесу. Он пророчил грядущий конец света, запрещал пахать и сеять, а также платить помещикам оброк. Пророк, прозванный «Кузь-

ка — мордовский бог», провозгласил конец христианской веры и возвращение веры мордовской: судья придет не с востока, а с запада, и молиться надо на запад на старых мольбищах — кереметях. С запада будет восходить солнце. Два года длилось движение, возглавленное последним волхвом.

Кузьма был арестован присланной военной командой и отдан под суд. Следствие показало, что Кузьма не был сведущ ни в христианской, ни в традиционной мордовской вере — он знал имена двух-трех богов. «Пророк» был признан опасным преступником, бит кнутом, ему вырвали ноздри и отправили на вечную каторгу.

События начала XIX в. живо напоминают то, что произошло в Верхнем Поволжье в XI в.: Кузьма, с точки зрения православных властей, призывал поклоняться Антихристу, как и волхвы, ибо его бог должен был придти с запада, с «адской» стороны. Пророчество о том, что солнце будет восходить с запада, также находило соответствие в прорицаниях волхвов, но уже не на Волге, а в Киеве, где другой древнерусский «пророк» предсказывал, что реки потекут вспять, а земля Русская поменяется местами с землей Греческой. И расправа с Кузьмой напоминала о пытках, которым подверг схваченных волхвов Янь Вышатиц. Христианизация языческого населения порождала сходные явления, хоть они и были разделены столетиями.

МИФЫ ОБСКИХ УГРОВ

Ханты и манси, долго сохранявшие традиционный быт таежных охотников, рыболовов и оленеводов, на юге занимавшиеся скотоводством, также сохранили богатейшую мифологию. Ханты (остяки) и манси (вогулы) меньше были затронуты христианизацией, чем другие финно-угорские народы, но впервые «остяцкие» верования были описаны именно во время миссионерской поездки, совершенной после указа Петра I (1710 г.) о крещении остяков. Ссылный, но раскаявшийся сторонник Мазепы Г. Новицкий принял участие в работе миссии и в 1715 г. составил «Краткое описание о народе остяцком» — первую русскую книгу по этнографии. С тех пор множество ученых побывало у обских угров, ими составлен огромный корпус фольклорных записей. Среди этих исследователей выделяются финский религиовед К.Ф. Карьялайнен и отечественный этнограф и археолог В.Н. Чернецов, в последние годы — фольклорист Н.В. Лукина, этнографы И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев и др.

Как Нуми-Торум сотворил мир

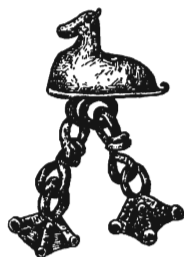
Верховным богом ханты и манси считали Нуми-Торума (Нум-Торума, Торума, т. е. «Верхнего бо-

га»), «Большого старика» (Алле-ики), Сорни-Торума («Золотого Торума»), обитавшего на небе: слово *торум* имело много значений — «небо», «Вселенная», «погода», «бог» (как и финское слово *юмала*). Нуми-Торум (в других мифах — его отец Корс-Торум) велел гагаре, плававшей в водах Мирового океана, трижды нырять на дно, пока она не вынесла в клюве ил, из которого Нуми-Торум стал творить землю. В облике гагары, согласно мифам манси, скрывался бог преисподней Куль-отыр, богатырский повелитель злых духов (кулей). Он оставил часть земли в клюве, но когда земля, по повелению Нуми-торума, стала разрастаться, утаенная часть тоже принялась расти, и гагара выплюнула ее из клюва, создав горы (Урал) на ровной поверхности. Чтобы земля не разрасталась до бесконечности и не утонула от собственной тяжести, Нуми-Торум велел Вит-кулю — водяному — пожирать ее. Лесные пожары также делают землю легче и позволяют ей держаться на поверхности океана.

Гагара в мифах разных финно-угорских народов оказывается воплощением злого творца: Омоля у коми, Куль-отыра у манси; даже у саамов она считается женой черта. К «добрым» водоплавающим птицам с древних времен относились лебедь, гусь и утка.

У хантов противником Нуми-Торума был злой дух Кынь-Лунг. Они были братьями, рожденными богиней-матерью Анки-Пугос. Когда уставший от творения бог уснул на созданной им земле, Кынь-Лунг попытался сбросить его в океан. От этого возникли неровности почвы, а земля стала разрастаться. Нуми-Торум не смог жить на земле со злым братом: по Млечному пути он удалился на небо.

Чтобы земля была устойчивой на водах океана, Нуми-Торум, по совету своей сестры, богини земли Йоли-Торум-шань, или Калташ-эквы, бросил на нее

свой пояс, украшенный тяжелыми пуговицами, и тогда он превратился в Уральский хребет, опоясавший середину земли.

Побежденный противник бога-творца проник в преисподнюю, вонзив в землю посох и проделав в ней отверстие (в других вариантах отверстие своим посохом проделывает Нуми-Торум). С тех пор через это отверстие на землю из преисподней проникают вредоносные твари — насекомые. Прежде всего это комары-кровопийцы, мучающие жителей тайги, а также болезни. Богиня — покровительница людей, Мых-ими, в мифах хантов тождественная Анки-Пугос и мансийской Калтащ-экве, загораживает это отверстие своими котлами.

Обско-угорский фольклор сохранил фрагменты самого архаичного мифа о творении, когда за землей ныряют (без божественного повеления) две птицы — большая гагара и малая гагарка. Лишь на третий раз птицам удалось достать крупицу земли со дна океана. Они так долго были под водой, что у гагары кровь пошла горлом и окрасила ей грудь. У гагарки кровь потекла из затылка, с тех пор у гагарок красный затылок (этиологический миф об окраске птиц подтверждал истинность мифа о творении). Земля, вынесенная на поверхность океана, стала сама разрастаться и растет все больше и больше.

Другой миф причудливо соединяет библейскую легенду о потопе с древним космогоническим мифом. Безымянные старик и старуха живут в доме на кочке посреди вод океана. С неба прилетают две железные гагары, которые по очереди выносят по кусочку земли и прилепляют их к бревнам избы. У старика есть белый ворон, которого он время от времени выпускает проверить, не выросла ли земля. Первый раз ворон ле-

тает недолго, на второй раз исчезает на полдня. В третий раз он возвращается лишь на третий год — но уже черным. Старик спрашивает ворона, почему тот почернел, и тот признается, что нашел на краю земли труп человека и поклевал падали. Тогда старик заклил его: ворон не будет сам добывать зверя и рыбу — он всегда будет питаться падалью. Сходный апокрифический миф рассказывается о Ное, который выпустил ворона из ковчега, чтобы он узнал, отступили ли воды всемирного потопа: такой миф был известен также саамам.

Еще один миф о сотворении мира содержит малоаппетитную на современный взгляд подробность. «Светлый муж-отец», как именуется Нуми-Торум уже под влиянием христианства, создал этот мир, который отождествляется с Сибирью. У него уже есть сын, который спрашивает у отца, не может ли он создать посреди океана холм, на котором он мог бы уместиться? Сын сам высмаркивает из глотки сопли, которые и становятся основой земли. Но тут творец видит нечто, всплывающее и вновь тонущее. Это оказался черт — куль, несомый ветром. Тогда мальчик выпускает своих помощниц — двух гагар, которые и разрывают черта.

Затем мальчик решается отправить птиц на поиски настоящей земли: одна из них скрывается под водой почти семь лет (без семи месяцев) и не достает земли, другая выныривает через семь лет и стряхивает со своих крыльев каменистую землю.

Небесная свадьба. Солнце и луна

В одном из мифов рассказывается, что солнце и луна пребывали первоначально в преисподней у Куль-отыра. Они были похищены оттуда сыном Нуми-Торума, покровителем людей Мир-сусне-хумом, или Эква-пырищем, о чем еще пойдет речь.

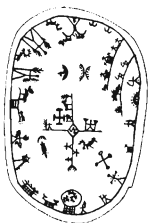

Сходный миф рассказывает о некоей хитроумной снохе, которая, подобно карело-финской хозяйке Похьелы, упрятала солнце и месяц.

Некий старик в начале времен приехал к своей снохе и попросил ее сшить ему шубу из лисы, волка, зайца и горноста. Сноха сделала ему шубу, но не стала сшивать шкурки, а склеила их. Когда старик принялся кататься с горы на гору, шуба его распалась на части, которые превратились в зверей и разбежались по земле. Голый старик разгневался и собрался воевать с отцом своей снохи. Он уже собрал воинов, но тут сноха взяла крючок, поддела им солнце и месяц и спрятала в свой сундук. Воинственный старик не только не мог пойти войной, но не мог даже поесть. Тогда он пришел к снохе и взмолился, чтобы она отпустила светила. Так люди избежали первой войны.

Миф повествует не только о похищении светил, но и о происхождении пушных зверей, которых жадный старик хотел использовать только для своей шубы. Владельцем чудесной шубы был Куль-отыр (прикоснувшийся к ней заболел).

У хантов сохранился и миф о небесной свадьбе — правда, действие его происходит на земле и сопровождается вполне земным скандалом. Одиноким мужчина жил в лесу. Однажды он решил отправиться на поиски других людей. Мужчина и правда нашел избушку, где жила женщина: она стала его женой. Но муж скоро понял, что у нее короткий век, и покинул свою подругу. Век другой женщины показался ему таким же коротким, и он нашел себе третью жену, которая, наконец, ему подошла. Долго ли, коротко, но муж, несмотря на то, что жена его не пускала, решил провести свою избушку. На обратном пути его стали преследовать брошенные жены. Он пустился бежать, но женщины настигли его у входа в жилище соперницы и разорвали надвое.

Наш герой оказался живучим: одна его половина стала жить с двумя прежними женами, другая — с третьей. Когда муж нарастил себя целиком, его жена снова оторвала выросшую половину и забросила на небо — так появился месяц. Сама же супруга также поднялась в небеса и стала солнцем.

На солнце живет такой же народ, как на земле, он даже добывает пушнину и рыбу, вот только хлеба не ест — жарко. На луне же поселились хвастливые ребята. Вот как это произошло. Дети пошли за водой при взошедшем месяце и стали похвастаться своей хорошей жизнью — есть у них и вода, и рыба... Месяц взял и поднял их к себе.

Как был сотворен человек

У Нуми-Торума, как и у многих высших богов в мифах финно-угорских народов, была семья, участвовавшая в творении. Сестра и жена высшего бога, Йоли-Торум-шань («Мать нижнего мира — Земли»), посоветовала богу создать людей — ведь Земля была уже укреплена на поверхности океана. По велению Нуми-Торума, их сын Полум-Торум вырезал первых людей из прочной лиственницы, но Куль-отыр подговорил бога поменять их на глиняных, слепленных злым духом. В них богиня земли вдохнула души, которые передал ей отец Корс-Торум, обитатель самого верхнего мира (Нуми-Торуму запрещено было присутствовать при этом таинстве — с тех пор мужчины не присутствуют при родах). Из-за непрочности глины люди подвержены заболеваниям, тонут в воде, а в жару из них выступает влага — пот.

Чтобы люди получали пропитание на земле, Нуми-Торум пообещал пустить в тайгу оленей и лосей, создал съедобные ягоды.

В другом мифе сам Нуми-Торум сотворил людей. Сначала он хотел сделать их из лиственничных

стволов, но у него получились великаны менквы, убежавшие в лес после того, как Нуми-Торум вдохнул в них жизнь. Не понравились богу и существа, созданные из сердцевин лиственничных стволов, оплетенных корнями – бог уничтожил собственное творение. Наконец из тальника, обмазанного глиной, бог создал настоящих людей.

Под влиянием библейской мифологии у манси появился миф о том, что первые люди были бессмертными великанами – богатырями-отырами: Нуми-Торум разгневался на них из-за того, что они без конца воевали друг с другом, и послал на землю пожар. Тогда великаны вырыли землянки, чтобы спастись от него. Бог же послал на землю потоп или огненный потоп, достигавший небес; в нем погибли уцелевшие в землянках великаны. Их землянки видны до сих пор – это древние городища. Уцелели лишь семь отыров – это сыновья Нуми-Торума. Затем были сотворены обычные люди.

Когда население Земли слишком умножилось, Нуми-Торум создал зиму, чтобы люди мерзли; скоро народа стало слишком мало, и Нуми-Торум спустился на Землю, чтобы добыть тепло. Тепло исходило из камня, и когда бог разломил камень, оттуда появилась Най-эква («Женщина-огонь»). Бог научил людей разводить огонь, дал им котлы и научил их варить пищу.

Первая человеческая пара

Дуалистический миф рассказывает о том, как была сотворена первая пара.

Черт Куль пришел к Богу. Тот сначала выгнал его, а потом пожалел об этом и вернул назад – ведь у черта было много всяких мыслей по поводу творения. А черт угадал, чего хотел Бог – создать людей. Да у него не было черной земли. Тогда Бог послал за черной землей черта.

Когда Куль принес землю, бог разделил ее на две пригоршни, а потом нарисовал на бумаге мужчину и женщину. Творец разжал ладони, и из земли появилась первая человеческая пара.

Черт решил повторить творение – сжал пригоршню земли, но когда разжал руку, появилась ящерица. Тогда он тоже нарисовал людей, но опять из одной руки у него выполз жук, из другой – жаба. В злобе он поднялся на небо, когда Бог был на земле, и подкупил стерегущую людей собаку шкурой, а потом оплевал и покрыл соплями тела первой пары. Бог вывернул людей наизнанку – и вот, с тех пор они болеют и кашляют, а собаку так и оставил с ее чертовой шкурой.

Другой миф продолжает историю творения мира сопливым мальчишкой. На этот раз он вновь использует свои сопли, и из них появляется «волосатый червь, волосатая змея». Из червя появился первый человек, который вырос под дождем и ветром. Ему встретились женщина, которая назвала себя ползущей (значит, имела отношение к змеям – хтоническим существам) и рассказала, что вышла из расколовшейся черной земли. Она попыталась тут же соблазнить первочеловека, но сначала у нее ничего не вышло – детородные органы человека-червя оказались подмышкой... Пришлось делать первую в мире пересадку органов, и лишь тогда образовалась первая человеческая пара.

Первый мужчина обладал в начальные времена такой твердой кожей, что не мог согнуться. Жена научила его найти в лесу три ягоды, съев которые, мужчина избавился от своей коросты. Тогда и стали появляться на свет мальчики и девочки.

Появление людей из червей и других хтонических созданий – традиционный мифологический мотив. В скандинавской мифологии из червей, возникших в разлагающемся теле первого

великана Имира, появились первые разумные существа – карлики. Сходный миф о происхождении медведей существует у хантов. Когда медведи жили на небе, бог однажды выгнал непослушного медвежонка. Тот упал на землю и застрял в развилке дерева, где и погиб. В его теле завелись черви – из больших червей вышли большие таежные медведи, из малых – маленькие северные.

О том, что человек сначала был покрыт роговой оболочкой, рассказывают многие финские мифы: этой оболочки лишил их противник бога, оплевавший только что созданного человека (сравните германский миф о неуязвимом герое – Роговом Зигфриде). В мифе манси творение нормального человека завершает женщина.

Сотворение животных

О происхождении зверей рассказывается не только в мифе о чудесной шубе. Разными творцами, согласно преданиям обских угров, были созданы звери и рыба – источник существования этого народа. Дух земли у хантов создал медведя; дух неба – северного оленя; лесной дух – лису, белку и других лесных зверей.

Существует легенда о происхождении земной птицы – скопы. У Верховного бога Нуми-Торума был сын по имени Скопа-Сюхэс. Бог послал сына на землю для добрых дел да велел одеться потеплей. Но сын не послушал и, замерзнув, упал замертво. Богу стало жаль сына, и он превратил его в птицу скопу: она летает очень высоко, но все равно не может достичь неба.

Рассказывают, что рябчик был раньше большой птицей. Однажды он внезапно вспорхнул и напугал Нуми-Торума. Разгневанный бог разорвал его на семь частей и разбросал по семи сторонам света. С тех пор рябчики стали совсем небольшими (в сход-

ном мифе коми в роли Нуми-Торума выступает Стефан Пермский).

В кукушку превратилась женщина, которой дети отказались принести кружку воды. Когда мать стала птицей, дети принялись просить ее выпить воды, да было поздно.

Медведь, спущенный с небес

По самым распространенным мифам, медведь — сын или дочь Нуми-Торума по имени Консыг-ойка («Когтистый старик»): однажды, нарушив запрет бога, он вышел из дому и увидел внизу землю, покрытую лесами. Медведю захотелось в лес, и бог спустил его на землю в люльке на железной цепи. В одной из песен, исполняющейся во время медвежьего праздника — обрядового пира по случаю удачной медвежьей охоты, — рассказывается, как медведь попал на остров, где было много ягоды — черемухи и шиповника. На тот же остров по ягоды приплыли на лодках женщины, взявшие с собой девочку и мальчика в люльках. Медведь зарычал на женщин, и те в ужасе убежали, оставив детей. Зверь сожрал девочку (исполнив перед люлькой песнь людоеда), но когда подошел к колыбели с мальчиком, явились охотники с собаками. Зверь, обстрелянный из лука, раненый рогатиной и топором, умер «великой смертью медведя».

Далее в песне сам зверь — точнее, его бессмертная душа, — описывает медвежий праздник. С него снимают шкуру, помещают в середину лодки и везут в город, где медведя встречают для священной игры. В доме начинается священный пир, а потом — священная пляска медведя, во время которой шкуру зверя наряжают в сарафан, украшают серебром. Когда праздник кончается, медведь на железной цепи поднимается к своему небесному отцу.

Охотник может убить медведя, потому что он нарушил запрет божества. Отпуская его на

землю, бог велел зверю не разорять амбаров, не отбирать у охотников добычу, не пугать женщин и детей. Медведь становится добычей охотника, но люди должны устроить в честь зверя праздник, чтобы он воскрес — вернулся на небо (или в лес). Но если медведь убьет охотника, его ждет кровная месть: родственник убитого отомстит зверю, а тело его сожжет, так что медведь не сможет возродиться.

Медведь за проступки против бога также может убить человека; существуют и специальные охотничьи табу: нельзя хвалиться легкой победой над зверем — он отомстит.

В специальной «медвежьей песне» рассказывается, как Городской Богатырь (Усынг-отыр-ойка) убивает медведя и оскверняет его священное тело: шкуру разрубает топором и бросает в чум женщинам, мясо бросает собакам. Душа медведя жалуется Нуми-Торуму: если бог нарек медведя священным зверем, зачем он допускает издевательства? Душа медведя в виде длиннохвостой мыши обходит семь берлог, и сородичи отправляются мстить за убитого. Но Городской богатырь со своими сыновьями отбивают медвежий штурм. Тогда убитый зверь опять молит Нуми-Торума, и тот спускает на железной цепи с неба настоящего мстителя — первопредка медведей, который и разрывает богатыря в клочья.

Обским уграм известны и мифы о медведях-оборотнях. Рассказывают, что некий богатырь любил ходить в лес и однажды заблудился. Чтобы выбраться из лесу, ему нужно было перелезть через поваленный ствол. Пришлось ему снять одежду и карабкаться по замшелому дереву. Когда он перелез на другую сторону, то обнаружил, что мох прирос к его телу, а сам он превратился в медведя. Богатырь полез было назад, чтобы вернуть свою одежду, но было поздно — одежда пропала. Так он и остался лесным зверем.

Небесное происхождение приписывается также лосю: некогда он имел шесть ног и мчался по небу так быстро, что никто не мог догнать его. Тогда на охоту отправился некий Сын бога или человек Мось — первопредок обских угров — на лыжах из священного дерева. Охотнику удалось согнать лося с неба на землю и отрубить ему лишние две ноги, но следы небесной охоты навсегда запечатлелись на небе: Млечный путь — это лыжня охотника, Плеяды — женщины из его дома, Большая Медведица — сам лось. Небесный же охотник с тех пор поселился на земле, где было изобилие дичи.

В другом мифе охотник — младший сын небесного бога — гнался за волшебным лосем по земле. Дело происходило в начальные времена. Сын бога по имени Мир-сусне-хум заботился о будущих людях и переживал, что они не смогут догнать лося, которого бог создал шестиногим.

Сам герой женился на земной женщине, и тесть не любил зятя — дразнил его тем, что у того в животе булькал лишь налимий суп: первые люди еще не ели мяса. Тогда зять решил догнать шестиногого, а тестя взял с собой: тот, ворча, согласился — ему хотелось отведать лосятины.

Вспугнутый лось помчался с такой быстротой, что его следы затвердевали, прежде чем люди успевали к ним приблизиться. Но голос свыше призвал сына не отчаиваться, а преследовать лося до священного озера, что в центре мира. Но и на священном озере охотник не смог догнать лося; голос свыше указал ему еще более дальний путь — к озеру в конце многорыбной реки. На волшебных лыжах, переступая сразу через пять лесов, герой, наконец, догнал лося на острове посреди озера на краю мира.

Здесь он и отрубил ему лишние ноги, а потом разделал тушу. Шкуру зверя он прикрепил к небу — она должна стать зарей, отмечающей начало дня для людей. След его также прибил кончиком лука к небу — это звезды, по которым смогут ориентироваться люди. Лося он заклил, чтобы зверь уставал и позволял обычному охотнику догнать себя хотя бы на второй день.

Сердце и язык лося герой решил все же отдать обижавшему его тестю. Но старик был еще далеко — там, где охотники только вспугнули лося. Обрадованный тесть отправился готовить мясо, а зять оставил его в лесу и заклил сварливого старика — пусть он заблудится и погибнет.

Миф повествует не только о происхождении лося, но и о происхождении охоты. Слабосильный охотник гибнет в лесу. Не случайно враждебным мифологическому герою оказывается его тесть: ведь он принадлежит иному роду, а в родоплеменном обществе инородцы были врагами.

Налим-людоед

Чудовищным зверем, обитавшим в мифические времена, представляли ханты рыбу-налима: он имел тогда крылья и мог летать по небу так же, как плавать в воде и ходить по земле. Он нападал на оленеводов и мог сожрать их вместе с оленями и даже с нартой; жертвой его стали дровосек и даже поп с крестом, попавшийся чудищу на окраине города. Пришлось старейшинам семи городов семь дней молить небесного и подземного богов («Солнце дня» и «Солнце ночи») наказать чудовище. На божественном суде прочли дощечки, на которых были записаны все преступления налима, и постановили, что ему следует отрубить крылья — пусть отныне он станет простой рыбешкой, добычей рыбаков. Кости налима, напоминающие детали нарт,

топор и крест до сих пор свидетельствуют о его былой прозорливости.

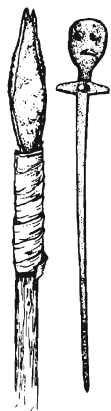
Вспомним далекие карельские петроглифы, где рядом с «Бесом» (мыс Бесов нос) был изображен гигантский налим.

Считалось, что достигшие глубокой старости звери и рыбы превращаются в подводных чудовищ с рогами — бивнями мамонта. Этими рогами чудовищный зверь вскрывал лед в водоемах.

Как устроена Вселенная в мифах обских угров

Вселенная разделена на три мира — небесный (*торум*), где и правит Нуми-Торум; земной (хантыйское — *мув*, манси — *ма*), хозяйка которого — богиня земли Калтащ-эква; и преисподний (*кали-торум* у хантов, *хамал-ма* у манси), где царит злой Куль-отыр. Небесный бог наблюдает за миром через отверстие в небе — другое отверстие соединяет землю и преисподнюю там, где небо касается земли. На три яруса членятся небесный и подземный миры; на трех ярусах неба сидят сам высший бог, его отец Корс-Торум и дед Косяр-Торум. Ярусы преисподней вглубь становятся все уже ввышину: второй ярус высотой не более хорея, которым погоняют собак в упряжке, а третий ярус вообще высотой с собачий хвост. Таким образом, вселенная делится на семь ярусов: семь — очень важное число в мифах обских угров, недаром у них семь главных богов — сыновей Нуми-Торуа.

С земли на небо ведет лестница, дерево, семи-ярусная гора или Мировой столп: на древе свила свое гнездо чудесная птица Карс, вестница богов. Под ее гнездом обитает железная лягушка, враг Карса, а в источнике под Мировым древом — водяные чудовища («живые соссель»), змеи и ящерицы, которые только и ждут, когда птенцы Карс выпадут из гнезда, чтобы сожрать их.

Птица (наряду с богом-громовником Сяхыл-Торумом) может воплощать и гром: она обладает громовым голосом, а когда раскрывает свой красный клюв, сверкает молния (архаичный образ громовой птицы сохранился у финнов и коми). Она зимует в теплых краях на юге, поэтому зимой гроз не бывает.

В преисподнюю ведет скала с отверстием, которое семь раз перекрыто рыболовной и птицеловной сетью. Шаман, который хочет проникнуть в загробный мир, сначала попадает в сеть для ловли птиц и теряет там свои крылья, затем он должен превратиться в щуку, и только после этого он сможет проникнуть в преисподнюю.

Среди «крылатых» шаманских изображений на бляхах пермского звериного стиля есть и «бескрылое», увенчанное головами лосей: даже руки этого шаманского духа заканчиваются в виде лосиных голов. Сам дух стоит на двуглавом хищнике – видимо, он изображен пребывающим в нижнем мире.

Енисейские ханты разделяли верхний мир на три яруса, в каждом из которых была своя ось – шаманское древо. На каждом древе сидели птицы, и если шаман сам не мог проникнуть в верхний мир, он посылал птиц-помощников, чтобы они доставили нужные сведения шаману. Главным шаманским духом – учителем и покровителем шамана – считался орел: он поднимал шамана на небо, сражался с его врагами. Считалось, что настоящий шаман и рождался в гнезде из яйца, снесенного птицей: после того как птица высиживает шамана, она спускает его в железную колыбель, стоящую под Мировым деревом. Сам орел обращался за советом к мудрой хранительнице земных тайн – змее (человек, съевший порошок из высушенной змеи, получал дар предвидения): орел и змея повсюду были священными животными, обитающими в кроне и у корней Мирового дерева.

Изображения орлов и змей в уральском регионе датируются ранним железным веком. Характерно изображение змей и шаманов на драгоценных блюдах из Рублева и Пашкиных юрт, относящихся к 1 тыс. до н. э.

Ханты верили, что и на небе, и в преисподней небесный и подземный народы живут почти такой же жизнью, как и земные люди. Когда умирает человек на небе, он рождается на земле; смерть на земле означает возрождение в преисподней. Правда, на том свете — в преисподней — все происходит наоборот в сравнении с земным миром: когда на земле день и светит солнце, в преисподней лунная ночь; мертвое на земле оживает в загробном мире; вещи, поломанные на земле, становятся целыми в загробном мире — поэтому принято ломать вещи покойника на могиле. Умершие все делают левой рукой и носят одежду наизнанку.

Загробный мир располагается одновременно в преисподней и на севере — путь туда идет по Оби в море, где у мыса Хом расположено отверстие, ведущее в нижний мир. Туда направляются души умерших в облике птиц или комаров. Чаше дух умершего сохраняет человеческий облик — он отправляется на тот свет в лодке, если умер летом, зимой — на оленьей упряжке (недаром лодки и нарты кладут в могилы, а оленей приносят в жертву при погребении). Умерший младенец должен тащить с собой на тот свет свою люльку — в ней он и отдыхает по дороге в загробный мир. У хантов есть поверье о том, что погибшие в бою и на охоте (особенно в борьбе с небесным зверем — медведем) будут жить на небе (как герои скандинавской Вальхаллы; сходные поверья есть у эстонцев и саамов). Посреди моря есть остров, где живут души умерших лесных великанов — менквов.

В одном из мифов об охоте на гигантского лося рассказывается, как охотник своей заговоренной

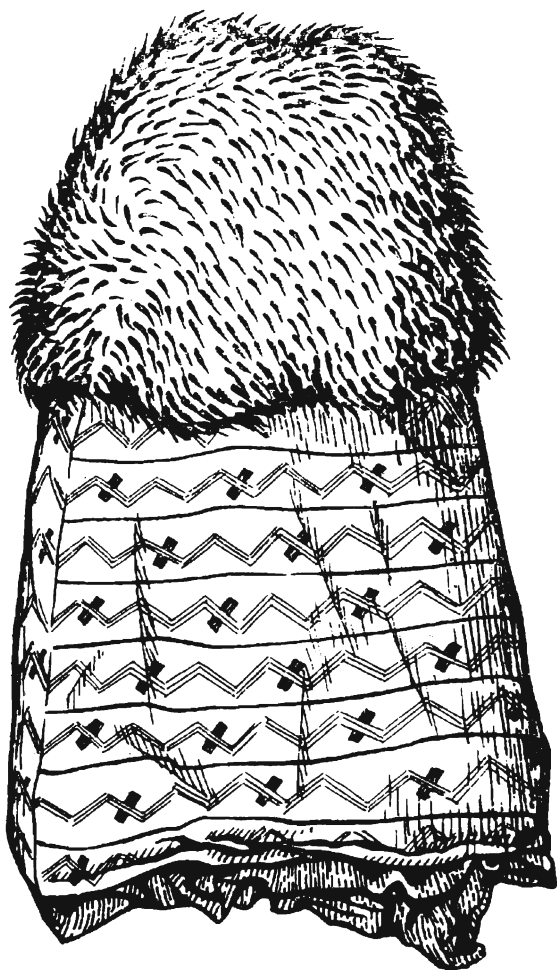
стрелой, которая с громом летела семь дней, не только убивает зверя, но и делает проход в горе (Урале). Через этот проход летят перелетные птицы.

На юге располагается Южная страна — Мортим-ма, хозяева которой — старуха и старик Мортим-эква и Мортим-ойка — принимают перелетных птиц. Край мира подобен лезвию ножа, и птицы погибают, задевая этот край. Ими и питаются хозяева страны птиц. Затем они оживляют птиц, бросая их пух и кости в море с живой водой, и омолаживаются в нем сами, когда дряхлеют (они бессмертны, но у них нет детей). Волшебное море расположено у них прямо в доме, как в амбаре финского Ахти. Вход в Мортим-ма для простых смертных загражден камнем и железной сетью — перевесом.

Название Южной страны — Мортим-ма — напоминает слово, обозначающее в пермских языках «человека»: морт, мурт. Это слово было заимствовано из иранских языков. Значит, Южная страна обских угров — это страна людей, говоривших на иранских языках. Действительно, в обско-угорских языках и мифах много заимствований из иранских источников. Иранская традиция знает и двух демиургов — благого Ахурамазду и злого Ангромайню, — Мировое древо с гигантской птицей и другие сходные с обско-угорскими образы. Но в иранской письменной традиции практически не отмечена роль водоплавающих птиц, в том числе и в процессе сотворения мира.

В связи с этим скифолог Д.С. Раевский обратил внимание на то, что водоплавающая птица (чаще всего утка) — весьма распространенный мотив в искусстве скифов, ираноязычного народа, который не оставил собственных письменных текстов, зато, безусловно, повлиял на культуру и искусство финно-угров (достаточно на-

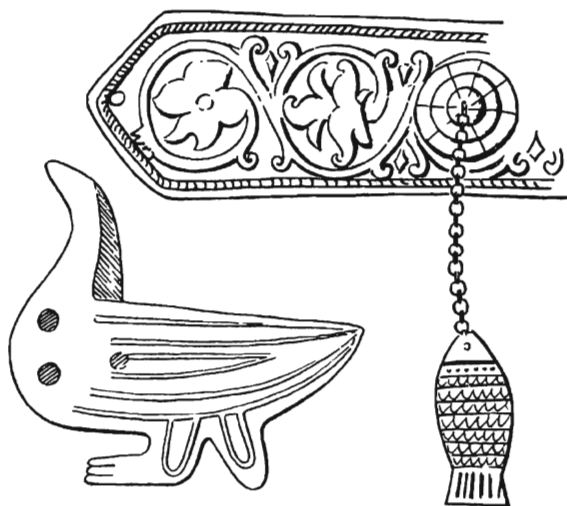
Довольно далеко от Урала в селении на реке Ляпин был обнаружен каменный фетиш – кусок привезенной с Урала руды, который именовался **Ахвтас-ойка («Камень-старик»)**. Помимо шести рубак на нем была специально сшитая шапка из пыжика.

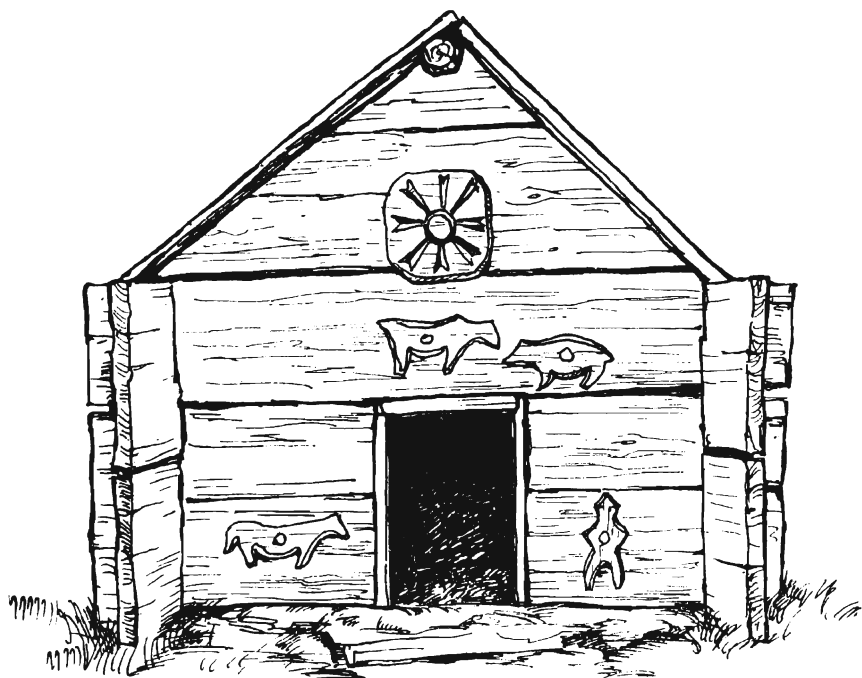

«Серебряная баба», обнаруженная на реке Казым, – фетиш, обмотанный платком, поверх которого прикреплены серебряные пластины со сценами охоты и рыбной ловли.

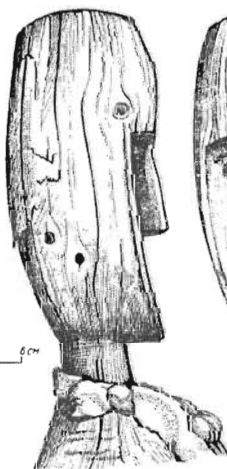
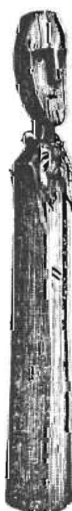
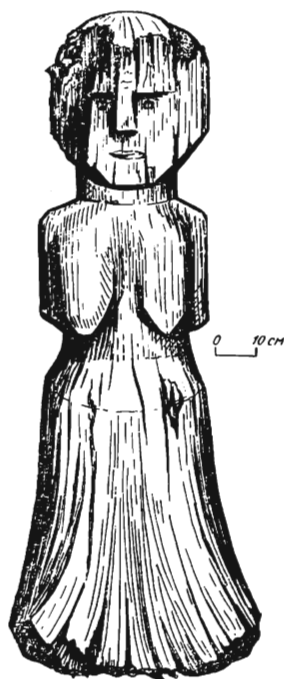

Нижняя часть фетиша обмотана платками и шкурками, к ней прикреплена фигурка водоплавающей птицы, напоминающая **древние финно-угорские привески**. Очевидно, это было одно из воплощений Калтащ-эквы.

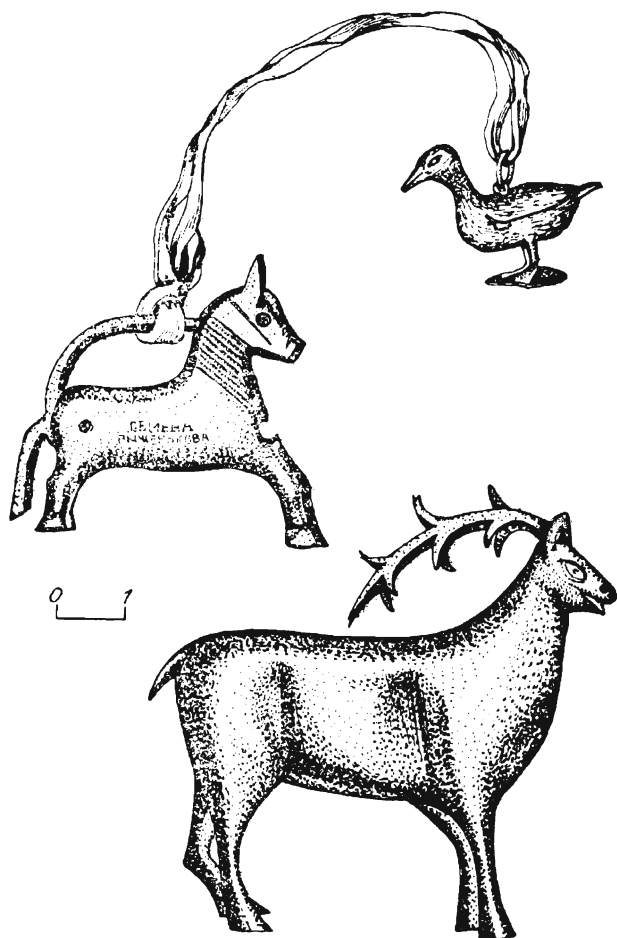

Культовый амбар **громовника Сяхыл-Торума**,
или **Шахэл-Торума** на холме **Пурлахтын-шахэл**.
На фронте амбара помещено изображение **солнца**,
под ним над дверью – деревянные **фигурки медведя**
и лося, по сторонам от двери – фигурки
человека и собаки.

В культовом месте Сяхыл-Торума были выставлены идо­лы существ, связанных с фратрией Мось: **духи огня Най-эква**, или Най-щань, и **найын-отыры**, а также мужские и женские **духи Мис-хум и Мис-не**.

Изображение (идол) **Калтащ-эквы** было обнаружено в одном из покинутых манси домов. Идол, точнее, кукла, состоял из основы, на которую одет 21 халат и платье. Внутри куклы были помещены завернутые в заячью шкурку металлические **фигурки оленихи, утки и конька**.

помнить о том, что именно скифы создали звериный стиль). Замечательно изображение на ритоне из скифского кургана в Карагодеуашх, где под двумя всадниками изображены утки — летающие и ныряющие за рыбой. Очевидно, что перед нами скифская «космограмма»: под двумя земными героями изображены существа нижнего мира, водной стихии, на которой покоится земля. Не менее выразительно украшение панциря из Семибратнего скифского кургана: на нем олениха с золотыми рогами кормит олененка; под ними — златокрылая птица, летящая вниз. Перед нами — миф о скифском небесном олене, птица же воплощает связь мира небесного и земного.

Юг и север — два полюса мифологизированной Вселенной — соединяли два пути: земной — река Обь, в низовьях которой на Севере располагался загробный мир, и небесный — Млечный путь, уже упомянутая нами Дорога птиц.

Северный ветер

Дух ветра может быть помощником громовника, но иногда он ссорится с ним, и тогда разгоняет грозовые тучи.

В начале времен Северный ветер — Луи-вот-ойка — дул не переставая, зимой и летом. Каждый день люди умирали от холода. Наконец некий охотник решился вызвать стихию на поединок. Северный ветер в ответ на вызов схватил лук и стрелы, и соперники принялись стрелять друг в друга. Охотник изловчился и попал стрелой в нижнюю челюсть ветру. Тот долго не мог дуть, и люди стали умирать от жары. Так продолжалось, пока у Северного ветра не зажила челюсть. Но дуть в полную силу он уже не мог — с той поры люди стали жить хорошо.

В другом мифе старику, который не мог даже раскрыть дверь своего дома, пришлось отдать в же-

ны Северному ветру свою младшую дочь: тогда в его доме стало тепло.

Северный ветер был страшным врагом народов Крайнего Севера и поэтому стал героем многих мифов: вспомним Войпеля в мифах коми.

Нуми-Торум — «Верхний бог»

Небесный бог ниспосылает на землю свет, недаром он именуется также Сорни-пос («Золотой свет»). Он стал верховным богом после всемирного потопа, когда искупался в огненных водах, обрел чудесную силу и воссоздал землю. Нуми-Торум живет в своем огромном и светлом небесном жилище с серебряным или золотым дымоходом, разделенном на семь покоев с семью окнами, и оно наполнено всяческими богатствами. Там у него хранятся сосуды с живой и мертвой водой, книга жизни, куда записаны судьбы всех людей (в этом он подобен христианскому Богу). На священном лугу с золотой травой пасется скот небесного бога — кони, коровы, олени. Он имеет облик величественного старца в золотых одеяниях, восседающего на золотом престоле с золотым посохом в руках, его глаза подобны восходящему солнцу. Бог может охотиться в своих обширных владениях — лугах и лесах. На железной цепи через небесное отверстие он спускает своих посланцев на землю или поднимает на небо земных героев. Вестница бога крылатая Калм сообщает ему обо всем, что творится в мире, и передает людям его повеления; она служит посредницей между ним и земной богиней Калтащ-эквой.

Нуми-Торум не только создал мир и ниспосылает на землю дневной свет. Он научил людей рыболовству, охоте, изготовлению одежды, установил религиозный культ и моральные нормы. От него зависит погода и удача в человеческой жизни, он может наделить человека шаманским даром.

Обустроив мир, Нуми-Торум передоверил его дела жене Калтащ-эква и семи своим сыновьям.

Богиня земли Калтащ-эква и богини-жизнедеятельницы

Ма-анкв, «Земли бабушка», «Земная женщина» Калтащ-эква (Калтась-эква — ее имя иногда сближается с именем удмуртского земного бога Кылдысина) была старшей сестрой и женой небесного бога. Она участвовала в сотворении мира и человека: это Калтащ-эква надоумила Нуми-Торума укрепить землю, плавающую на поверхности океана, горным поясом; она вдохнула жизнь в тела первых людей.

Затем, однако, в небесном семействе произошёл ссора: Калтащ-эква потребовала, чтобы Нуми-Торум построил себе новое жилище из костей всех зверей и птиц. Нуми-Торум возмутился: что будут есть люди, если он убьёт всех зверей и птиц? Женщина, однако, настояла на своём, и бог отправил щуку собирать всех рыб, кулика — всех птиц. Наконец собрались все, кроме мудрой совы. Она явилась лишь на третий зов и отговорила бога приносить себе в жертву все живое, попрекнув его, что он уподобится женщине, если последует ее совету. Тогда Нуми-Торум, разгневавшись, принялся бить Калтащ-эква и, наконец, сбросил ее вниз через отверстие, которое вело с неба на землю. Женщина поселилась в горе Сакв, отгородившись от мира железной дверью. Правда, истосковавшийся бог потом разыскал свою супругу и она родила ему на земле сына, который стал главным покровителем всех людей — Мир-сусне-хумом.

Согласно другому варианту мифа, разлад в небесном семействе произошёл, потому что Калтащ изменила своему небесному супругу с его противником Куль-отыром: он и здесь не оставлял своих козней (как саамский Перкель и про-

тивники небесных богов в мифах индоевропейских народов). Нуми-Торум в гнев трижды ударил жену о небесную твердь, а затем сбросил сквозь небесное отверстие на землю. Между небом и землей она родила Мир-сусне-хума: сама судьба предназначила ему быть посредником между людьми и богами, добром и злом.

Калтащ-эква также оказалась посредницей между небом и землей: как и упомянутая в начале книги Ардвисура Анахита, она воплощала земные воды (низовья Оби) и была связана с горой, связующей небо и землю. Даже ее прославленные в песнях косы, по одной из которых поднимался соболь, а по другой спускался бобр, напоминают о Мировом древе и Мировой реке, соединяющих все миры мифологической Вселенной: недаром соболь всегда устремлен к вершине, а бобр – вниз, к водной хтонической стихии.

Обско-угорские женщины, как и другие представительницы прекрасного пола в финно-угорском мире, с древних времен любили многочисленные металлические украшения, в том числе зооморфные. Косы они украшали изображениями птиц – ворона, ястреба, тетерева, которые именовались «существами вершины кос». И в погребение за пазуху умершей клали ее любимые украшения; среди них были изображения змей, лягушек, ястребов и воронов – существ верхнего и нижнего миров, а также посредников между этими мирами – ведь ворон питался падалью и был сродни хтоническим гадам. Женский наряд воплощал Вселенную – космос: недаром и в греческой традиции вселенная и женский убор обозначались одним и тем же словом – космос.

Сброшенная с неба Калтащ-эква стала богиней земли; ее эпитеты в фольклоре – «кожистая земля», «волосатая земля». Она почиталась как защитница

от болезней и подательница детей. Сама Калтащ-эква считалась прародительницей людей мось — родового объединения обских угров. Ее представляли в облике зайчихи или гуся — животного первопредка (тотема) или бабочки — «зверя счастья». Будучи прародительницей людей, Калтащ-эква не только считалась помощницей при родах, но и предопределяла людские судьбы: она отмечала на специальных бирках весь жизненный путь людей. Поэтому ей следовало приносить жертвы не только после рождения ребенка, но и тогда, когда он вырастал и мог сам отправиться на охоту. От нее зависела и смертная судьба — богиня определяла, в ком из потомков должен возродиться умерший.

В мифах и песнях обителью Калтащ-эквы считалось подножие семи берез: там, у корней Мирового древа, воплощающего семь миров Вселенной, богиня наделяет судьбой и силой рождающихся на свет людей (как это делают мойры и норны в других мифологиях). Еще более древним оказывается миф, где Калтащ в образе птицы сидит в гнезде на Мировом древе: из снесенного ею яйца появляется самая первая женщина-прародительница (вспомним сходные мифы у всех финских народов, в том числе у эстонцев и мордвы).

Как и прочие обско-угорские боги, Калтащ-эква считалась и местным духом-покровителем, чьи святилища располагались в низовьях Оби, в юртах Калтасянских, и в других местах.

Женское святилище (Эква-пурлахтын-ма), расположенное неподалеку от одного из мансийских селений в смешанном березовом и еловом лесу, было исследовано этнографами. К стволу березы, очищенному от бересты, было прикреплено тряпичное изображение Торум-щань, жены Нуми-Торума; рядом привязана фигура Мир-суснехума — сына Торум-ныг. Сюда же попал Куль-

отыр: духа болезней женщины специально поместили в свое святилище, чтобы молить его о здоровье своей семьи.

Изображение (идол) Калтац-эквы было обнаружено в одном из покинутых манси домов. Идол, точнее, кукла состоял из основы, на которую был одет 21 халат и платье. Внутрь куклы были помещены завернутые в заячью шкурку металлические фигурки утки, конька (замок, изготовленный русским мастером) и оленихи. Набор был весьма символичным: заяц считался животным Калтац-эквы, сама она могла превращаться в водоплавающую птицу, фигурка самки оленя ясно указывала на функции покровительницы земных животных.

В мифах хантов богиня Мых-ими выступает покровительницей земли и людей: она ограждает их от болезней, насылаемых из преисподней, при помощи жертвенных котлов, зарываемых в землю. Ее помощник — дух земли Мых-Лунг, который считается создателем медведей.

У восточных хантов главной женской богиней-жизнедательницей считалась Пугос (Анки-Пугос), которая была дочерью (в других мифах — матерью) Нуми-Торума. Ее жилище находится далеко на востоке — за семью горами, семью морями, семью березовыми лесами. С солнечными лучами, которые называются косами богини, Пугос посылает во чрево женщин души детей в виде маленьких птичек. При рождении она наделяет человека жизненной силой (ильт): для этого она должна семь раз качнуть семь колыбелей на золотой крыше своего жилища. Когда ребенок лепечет в колыбели, он разговаривает с Пугос, поэтому взрослые должны остерегаться при ребенке непочтительных разговоров о духах. За супружескую неверность Пугос может наказать женщину трудными родами или рождением урода. Она,

так же как и Нуми-Торум, может наделить человека шаманским даром.

Косы богини опять оказываются важным мифологическим символом — путем душ. Изображения личин с косами хорошо известны специалистам, занимающимся искусством народов Приобья. Некоторые из них датируются ранним железным веком. Археологи обнаружили многочисленные украшения для кос и волос, среди которых наиболее популярны изображения птиц.

Имя Анки-Пугос напоминает имя мордовской богини земли Анге-Патяй. Ее описание у Мельникова-Печерского казалось некоторым исследователям неправдоподобным, сочиненным литератором XIX в., но сходство мордовской богини-родовспомогательницы и хозяйки душ с ее обско-угорской «коллегой» все же заставляет нас убедиться в точности приводимых русским писателем сведений.

Куль-отыр — хозяин преисподней

Куль-отыр (у манси), Куль, Кынь-лунг (у хантов) — властитель загробного мира, злых духов — кулей и болезней, проникающих на землю из преисподней. Он считается младшим братом (иногда — сыном) Нуми-Торума и должен подчиняться высшему богу, ибо даже болезни и смерть существуют по повелению высшего бога, чтобы население земного мира не умножалось слишком быстро. Куль был сброшен отцом с неба, или даже родился под землей — у него там большой город, золотой дом и дети. Куль-отыр — богатырь в черной шубе: прикоснувшись к этой шубе ожидает болезнь и смерть. Он получает от небесного бога списки тех, кто должен умереть, отправляется за ними и перевозит их на лодке на тот свет, в низовья Оби: недаром в могилы хантов и манси клали лодки.

Образ Куль-отыра сливается в представлениях манси с образами других злых духов – кулей, водяных и леших. Помощником, а иногда и ипостасью Куль-отыра считался Самсай-ойка – буквально «Заглазный, то есть невидимый старик». Он был духом болезней: когда в каком-нибудь селении начиналась эпидемия, туда нельзя было ходить – Самсай-ойка мог добраться по той же тропе до очередного поселка. Он же был бесом, который наводил на человека безумие, мог довести до самоубийства. Вместе с тем он мог спасти от болезни, охраняя вход в дом: для этого возле двери вешали его изображение. Отношение к нему было таким же двойственным, как к Куль-отыру: они оба могли выступать и в качестве духов-покровителей разных групп обских угров (вспомним Керемета и подобных ему духов у финских народов). В архаических религиях не было абсолютного противопоставления добра и зла: зло, смерть и болезни считались необходимой частью человеческой жизни – ведь человек не мог жить вечно, а бесконечная старость была ему в тягость. Об этом свидетельствуют мифы, повествующие об избавлении от смерти. Подобные мифы есть у многих народов, в том числе у угро-финов.

Рассказывают, как из-за Куль-отыра человек стал смертным. Раньше человек вновь оживал после смерти, но однажды собака, увидев мертвого хозяина, пришла к Нуми-Торуму и спросила, что с ним делать. Бог ответил, что на ноги мертвецу надо положить камень, а на голову – гнилушки, тогда он оживет. Но на обратном пути собака повстречала Злого духа, и тот велел положить камень человеку на голову. Камень продавил человеку лоб, и тот стал смертным. Тогда бог проклял собаку: раньше она была чистым животным и ела из одной посуды с че-

ловеком; отныне она должна была питаться на дворе тем, что ей подаст хозяин. На умершего же стали действительно класть камень — чтобы он не поднялся из могилы, став вредоносным мертвецом.

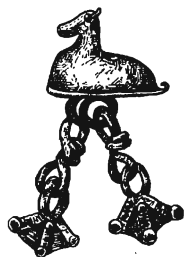
Куль-отыр — почитаемый дух, которому приносят жертвы, чтобы он избавлял от болезней. Главной жертвой был олень темного цвета, мясо которого готовили и делили между жертвователями и божеством, а кровь сливали в землю, в преисподнюю.

Культовое место — амбар Куль-отыра — было исследовано этнографами на реке Хулга. Проводники говорили, что Куль-отыр не любит долго сидеть на одном месте — его святилища приходится все время переносить. Сам идол божества загробного мира был изготовлен из материи черного цвета, а голова — из синего лоскута. Она была покрыта несколькими головными уборами. Рядом на белой оленьей шкуре лежал другой фетиш — жена Куль-отыра. Многочисленные жертвы в виде кусков ткани и шкурок, равно как и символические дары — модели луков, жертвуемые при рождении сына, были найдены в культовом амбаре.

Вражда между Нуми-Торумом и Куль-отыром касалась и культового места: над ним часто собирались тучи и гремел гром — Торум это место не любил.

Братья и сестры Нуми-Торуна

У верховного бога есть и другие братья и сестры. Его сестра Хотал-эква — богиня солнца; днем она проезжает по небу на крылатом олене, пылающем золотым огнем, вечером опускается в озеро с живой водой. Вечерняя заря — волосы Хотал-эквы, солнечный зайчик — ее рука. Рассказывают также, что заря стала кроваво-красной потому, что в нее

Нуми-Торум превратил человека, который стал мстить врагам за убийство отца и не мог остановиться, проливая кровь.

Брат солнца — Этпос-ойка («Старик месяц»): его силуэт виден в лунных пятнах, малые пятна считались детьми, которые дразнили луну и были за это похищены светилом; фазы луны — это хронические болезни Этпос-ойки.

Другой брат (по некоторым мифам — сын) — громовник Сяхыл-Торум или Шахэл-Торум: он живет в черных тучах и развозит воду на оленях с мамонтовыми бивнями вместо рогов; когда он ударяет оленей вожжами, вспыхивает молния, когда повозка колеблется из-за рывков оленей, вода проливается на землю в виде дождя. Как и всякий громовержец, Сяхыл-Торум — противник злых духов, кулей и менквов: человек не в силах с ними справиться, но бог поражает их своими пламенными стрелами — *торум санкв* (божий наконечник). Не достигают его стрелы только подводного мира, из-за чего разгорелась война между богами и Водяным царем, о чем рассказывает особый миф (приводимый ниже).

Этнографами исследовано культовое место громовника — холм Пурлахтын-шахэл (слово «шахэл» могло означать и «холм», и «гром», что характерно для культа громовержца, связанного с верхним миром, горой, возвышенностью). Рассказывают, что место для святилища было выбрано после свершения чуда: на холм принесли корень кедра, стали его рубить, а из дерева пошла кровь... На культовом месте сохранился замечательный амбар, на фронтоне которого было помещено изображение солнца, под ним над дверью — деревянные фигурки медведя и лося, по сторонам от двери — фигурки человека и собаки. Перед нами финно-угорская «космограмма», изображение космоса в символах «звериного стиля». Понятно,

почему медведь и лось оказываются помещенным в поднебесную сферу – ведь они были небесными животными, спустились с неба. Собака и человек напоминают не только о небесной охоте (здесь человек изображен безоружным), но и о том, что, согласно приведенному антропогоническому мифу, собака должна была сторожить недавно сотворенного человека. Заметим, что сам дом и амбар в любой традиционной культуре – это не просто жилище и хозяйственная постройка: дом также воплощал «модель мира» – космоса, с особо отмеченными сакральными местами – полкой у передней стены, чердаком, где обычно размещались культовые изображения.

Также содержал культовые изображения амбар в святилище Сяхыл-Торума. Главным фетишем была выкованная из железа антропоморфная фигура самого бога: культ громовника повсюду был связан с камнем и металлом – инструментами, которые могли высекать огонь. Его оружие составляли стрелы, в том числе неолитическое каменное орудие, которое также было амулетом – божьей стрелой. Рядом лежали идолы двуглавого божества и божества «антипода», на одном конце которого была вырезана остроголовая личина, на другом – полуантропоморфная маска, чем-то напоминающая филина, а также фигурки лося, выдры, рябчика, водоплавающих птиц.

Сяхыл-Торум был покровителем людей и защитником от злых духов, поэтому ему как бы посвящались дети, которым грозила опасность. Рассказывают, что несмышленый мальчик забрался на чердак своего дома, где раскрыл священный сундук с идолами и принялся играть с «куклами». «Игрушки» он оставил в беспорядке и после игры заболел. Родители не могли понять причины болезни, пока не

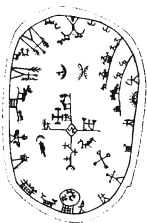
поднялись на чердак. Отец ребенка немедленно привел все в порядок, вырезал из дерева изображение ребенка — *аккань* — и поднес Сяхыл-Торуму в его святилище. Мальчик после этого выздоровел.

Вне амбара были обнаружены остроголовые идолы, которые могли представлять менквов — противников Сяхыл-Торума, но, скорее всего, были воплощениями найын-отыров («огненных богатырей») — покровителей огня, которыми считались Корс-Торум, Нуми-Торум, его семь сыновей и сам Сяхыл-Торум.

Огонь — важнейшая стихия, подчиненная человеку: неслучайно все высшие божества оказались его покровителями. Неслучайно на святилище Сяхыл-Торума, божества небесного огня, был обнаружен также и женский идол Най-щань — «Матери огня».

У хантов громовник Пей-ики мечет раскаленные каменные стрелы-молнии из лука-радуги (вспомним саамского Айеке и мордовского Атяма). Свой лук он опускает в воду, чтобы набрать воды для небесного дождя.

В обско-угорском пантеоне огонь воплощала Най-щань, Най-эква («Огненная женщина») — у манси; Чорэс най анки («Большого огня мать») — у хантов, а также богиня огня, сестра Нуми-Торума, которая носит огненное платье и имеет семь языков («Семиязыковая мать»). Богиня огня пользуется особым почитанием, ведь огонь — одно из главных культурных благ, его нельзя оскорбить безнаказанно: загасивший костер без должных обрядов вызывает гнев Най-эквы. Как и всякая хранительница очага, она защищала детей: ее молили не бросать искры на ползающего в доме ребенка и не допускать младенца копаться в очаге. Жертвы огню приносили очень часто — почти во время каждого жертвоприношения богам и духам не забывали и об огне.

Семь сыновей Нуми-Торума

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

Всеми земными делами занимаются семь сыновей Нуми-Торума, которых он послал на землю. Они стали покровителями всех групп обских угров. Старший сын Полум-Торум (или Топал-ойка) – бог реки Пелым – был участником творения мира и человека. Он владеет всеми богатствами реки Пелым и живет там с женой и детьми. Его фетиш – огромная береза, в которую сам бог мог превращаться.

Ас-ях-Торум – бог верховий Оби. Он распоряжался рыбными и пушными богатствами; мог принимать облик чайки, человека на белом коне или некоего чудища: в описании Григория Новицкого «Старик Обский» имеет вид некоей доски, «нос, аки труба жестяная, очеса стекляны, роги на главе малые».

Нёр-Торум или Нёр-ойка («Гора-старик») – бог Урала, покровитель и хозяин оленьих стад. Он жил на священной горе Ялпын-нёр у священного озера Ялпын-тур в каменном доме. Отец запретил ему проливать кровь, поэтому бог превращал в камень всех, кто покушался на его богатства. Рассказывают, что почитатели Нёр-Торума имели обычай отвозить его идол на реку Пелым, чтобы он мог повидаться с братом Полум-Торумом.

Довольно далеко от Урала, в селении на реке Ляпин был обнаружен каменный фетиш – кусок руды, привезенной с Урала, который именовался Ахвтас-ойка («Камень-старик»). Помимо шести рубаш на нем была специально сшитая шапка из пыжика; оно и понятно, ведь камень воплощал Нёр-ойку, покровителя оленей.

Аутгя-отыр – бог реки Аут. В образе щуки он живет на Обской губе и распоряжается морской рыбой. Ай-ас-Торум или Сяхыл-Торум-ойка – дух грома и бог Малой Оби, который может принимать облик лебедя (вспомним о громовом голосе лебедя-де-

миурга Ена у коми). Тайт-котль-Торум — бог реки Средняя Сосьва. Он воспитан богатырем-кузнецом Тайт-котль-ойкой и славится своей воинственностью: победил 60 богатырей, великанов-менквов, помогает своим братьям. Рассказывают, что в детстве бог был проглочен гигантской рыбой и находился в ее чреве в облике лягушки (вспомним Вяйнямёйнена в утробе Випунена).

Самым прославленным из семи сыновей Нуми-Торума был младший брат — Мир-сусне-хум.

Серебряное блюдо и война богов

Рассказывают, что однажды ненцы — самодийские соседи манси выловили необычайный улов рыбы. Чрезмерная удача, как и неудача, считается опасной в архаичных обществах. Рыболовы, присмотревшись к сетям, заметили в них необычное серебряное блюдо. Никто из рыбаков не решился взять его себе, пока не нашелся смельчак, который принес его в свой дом. На третий день этот человек заболел и умер. Куда ни переносили это блюдо — повсюду умирали хозяева.

Пришлось выбирать шамана, и хотя у ненцев было много людей, владевших бубном и техникой камлания, никто из них не решался камлать о блюде. Наконец нашлась девушка-шаман, которая решилась на это. Ей удалось объяснить рисунки на блюде. Там были изображены: Топал-ойка и его сын; Мир-сусне-хум и его сын, громовник Сяхыл-Торум-ойка — все на лошадях; в центре — водяной царь Вит-кан, голова и кисти рук которого были видны из воды.

Шаманка поведала миф о войне богов, запечатленный в рисунках. Однажды дух грома Сяхыл-Торум-ойка, живший на юге, решил наловить рыбы. Он собрал над озером грозовые тучи, и когда грянул гром, из тучи выпала лодка с двумя сыновьями громовника. Водяной царь услышал, что чужие ловят

рыбу в его владениях, и велел своим сыновьям поймать их. Те опрокинули лодку и утащили сыновей грома в подводный город. Там их приковали цепями к железной перекладине и убили.

Дух грома видел расправу, но ничего не мог сделать — ведь это происходило в подводном царстве. Тогда он пошел к старшему брату Топал-ойке и позвал его на войну. Поразмыслив, тот согласился. Затем братья отправились к Мир-сусне-хуму, и тот тоже велел седлать коней для битвы. Собравшись вместе, братья с сыновьями осадили город водяного царя. Тот взмолился, обращаясь к вышнему духу неба, чтобы его пощадили. Братья согласились на мир, но при условии: дух грома должен был получить столько рыбы, сколько пожелает. С тех пор каждое лето он мог ловить рыбу.

Закончив камлание, шаманка велела отвезти блюдо, на котором была изображена война богов, в Верхне-Нильдинские юрты к манси (там его видел В.Н. Чернецов). Есть другие блюда, хранящиеся в отечественных музеях: обычно на них изображены семь персонажей, иногда вооруженных саблями, — что также напоминает о семи воинственных сыновьях Нуми-Торума.

Оружие входит в обычный набор фетишей в культовых местах обских угров. Одно из таких мест — Пырсим на реке Сосьва — считается святилищем сыновей Нуми-Торума. Посреди поляны стоял обнесенный оградой культовый амбар для хранения фетишей — сумьях. В нем содержалось пять кукол, изображающих богов; внутри каждой из них находились пучки из 7 стрел: число семь напоминает нам о семи сыновьях Нуми-Торума. Средняя фигура помимо стрел имела еще и саблю. Фигуры были одеты в рубахи и обернуты кусками тканей. За оградой рос высокий кедр, на котором была вырезана личина: ее рот был вы-

мазан черным — следы кормления жертвенной кровью. К кедру было прислонено 60 жердей, на которых висели шкуры жертвенных животных — баранов, бычков, коз: их головы с рогами венчали вершины жердей, между которыми помещалась шкурка лисицы с черепом. На кедре и соседних березах висели «приклады» — жертвенные дары: ткани, веревки, рыболовная сеть. В жертвенном месте сохранилось покрывало и наголовник для жертв с аппликациями — изображениями всадника: так изображался Мир-сусне-хум.

Один из культовых амбарчиков в кедровой роще на реке Ляпин был помещен на высокий пень и содержал «идола» — тряпичную куклу, к которой было прикреплено девять литых изображений хтонических тварей — ящериц (или выдр): эти изображения до деталей напоминают культовые фигурки из древнего камского святилища — упомянутого выше Гляденовского костыща. Внутри куклы помещался завернутый в парчу наконечник копья. Еще Григорий Новицкий писал, что вогулы в Черных юртах боготворят копьё, которому приносят кровавые жертвы. Стоило жрецу возложить копьё на хребет жертвенного животного, оно падало на колени, будто сокрушенное неслыханной тяжестью. Значит, духу была угодна жертва. Рядом лежала связка из семи ритуальных стрел. Не забыли положить и деревянную модель лука. Здесь же обнаружены еще пять свертков, содержащих монеты и литые изображения ящериц. Духи нуждались в пропитании — в амбарчике была припасена посуда, стаканы, две пачки чая и даже пачка папирос...

В другом святилище манси, посвященном сыну Ай-ас-Торума или Сяхыл-Торума и внуку Нуми-Торума — богу войны Хонт-Торуму (в дру-

гих вариантах мифа он был сыном самого Нуми-Торума), была обнаружена кукла-фетиш самого бога, содержавшая целый пучок стрел. Рядом с амбарчиком располагались деревянные идолы посылных Хонт-Торума – Энки и Хуси.

Иерархия небесных существ

Одно из культовых мест манси было посвящено странному персонажу – Пайпын-ойке. Пайп – название берестяного туеска, и дух именовался «Старик Берестяного туеска»: туесок и хранился в культовом амбарчике. Туеса или коробки из бересты были священными предметами – в них хранили изображения божеств. Здесь же хранилась и кукла со знакомым нам фетишем-ящерицей внутри; очевидно, это была жена «Старика». В тотемических системах встречаются и не такие странные духи, но Пайпын-ойка занимал особое место в целой иерархии сверхъестественных существ. Сам он, согласно мифу, был спущен с неба, чтобы помогать богу войны Хонт-Торуму. Пайпын-ойка считался (несмотря на непрезентабельный фетиш) богатырем-родоначальником местной группы манси, поэтому он и именовался «стариком». Но и он имел подчиненных, изображения которых сохранились в его святилище, правда, вне амбара.

Один остроголовый деревянный идол изображал Мис-хума, лесного духа, который, в отличие от менквов, был доброжелателен к людям. Фигура обмотана кусками ткани с монетами, завязанными в уголки. Рядом с ним стоял некий Какын-пунк-ойка, имя которого буквально означает «Паршивый лысый мужик». Он считается работником Пайпын-ойки: недаром был одет в изношенную телогрейку. Зависимые люди всегда изображались жалкими уродами – даже их духам не полагалось приносить жертвы.

В ель, которая растет неподалеку от идола «работника», были воткнуты пять ножей. Ножи эти напоминали о других — враждебных человеку духах — менквах. Эти лесные великаны могли схватить человека, положить его в карман, унести к себе в лес и съесть. Чтобы менквы не трогали людей, в лесные деревья втыкали ножи и стрелы.

Возглавлял иерархию существ, покровительствующих людям, Мир-сусне-хум — младший сын Нуми-Торума.

Покровитель людей Мир-сусне-хум

Мир-сусне-хум («Смотрящий за миром») имеет множество имен и эпитетов: Ма-ехне-хум, Вит-ехне-хум («Землю объезжающий человек», «Воду объезжающий человек»); Али-хум («Южный человек» — он считался специальным покровителем верховий Оби); Лувн-хум («Всадник»), Сорни-отыр («Золотой богатырь»); Ас-талях-отыр («Верховий Оби богатырь») и многие другие.

Он родился между небом и землей, когда его мать Калтащ-эква была сброшена с неба или спущена с него в серебряной люльке (поэтому к нему, как и к Калтащ-экке, обращаются с мольбами о покровительстве детям). Мир-сусне-хум хотел повидать отца, и его хитроумная мать устроила так, что Нуми-Торум увидел Мир-сусне-хума раньше старших братьев — тот первым успел привязать своего чудесного коня к коновязи у дома отца. Так он получил не принадлежавшее ему старшинство (наподобие библейского Иакова), богатырское имя и отстоял свое право на главенство среди братьев в борьбе с Полум-Торумом. Рассказывают, что когда Полум-Торум отказался признать главенство Мир-сусне-хума, Нуми-Торум велел связать волосы соперников и положить братьев на крылатого коня. Кто завизжит от боли первым, тот лишится права на богатырское

имя. Полум-Торум не выдержал испытания — ему досталась только часть имени верховного бога.

Каждую ночь Мир-сусне-хум объезжает землю на всевидящем крылатом коне по имени Товлынг-лув; у коня золотая грива и серебряные копыта (в некоторых мифах — шесть ног). Сам герой (в песенных эпитетах) приобретает космические размеры: «Мужчина с глазами величиной с Обь, с глазами величиной с озеро, с ушами величиной с Обь, с ушами величиной с озеро». Он проверяет, все ли в порядке в мире людей, и передает им наказы своего отца. Бог выслушивает камлающих шаманов и помогает людям излечиваться от болезней. Поэтому Мир-сусне-хуму приносили жертвы при рождении ребенка, при вступлении в брак, при болезни и перед долгим путешествием — ведь он сам был богом-странником.

Мир-сусне-хуму подвластна была иерархия духов: лесные духи Мис и даже менквы ежегодно платили ему дань, а десятником у него служил Чохрын-ойка («Стрекоза-старик»).

На современный взгляд тотемический символ — стрекоза слишком легковесен для «серьезного» мифологического персонажа, но это — всего лишь символ. Культ Чохрын-ойки был распространен и у хантов, и у манси, которые верили, что существовало целых семь братьев Чохрын-ойка. Все они были умельцами — кузнецами, к ним обращались за помощью, когда возникала течь в лодке, пропадал в лесу олень, даже если заболело ухо. Его можно было умиловить, принося в жертву любимые им дары — ножи и табак (ножи были обнаружены и внутри куклы-идола Чохрын-ойки в его святилище; по-мансийски щохр — и «стрекоза», и «узкий нож», своим видом напоминающий стрекозу).

Почитаемым многими группами манси святилищем Мир-сусне-хума было Торум-кан («Бо-

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

жье место»), расположенное на острове среди болот, куда ведет единственная тропинка. В центре острова сооружалась опора, у которой ставили идолы главных божеств, тут же росла большая ель, у которой срубались ветви со ствола, кроме двух поперечных, так что дерево напоминало крест (универсальный символ Мирового древа) или человека с раскинутыми руками. Эта ель – Торум йив («Божье дерево») – воплощала Мировое дерево. На ствол помещалась культовая кукла Мир-сусне-хума, на грудь которого вешали серебряное блюдо с изображением всадника. Рядом устанавливались другие культовые деревья: на березе помещали изображение Калтац-эквы, на кедре – Мис-хума, на елях – сыновей Нуми-Торума. В жертву приносили оленей, шкуры которых развешивались на специальных жердях, а мясо делилось между жертвователями и богами. Лишь самому Нуми-Торуму не положено было мяса: ему достаточно было видеть жертвенный костер и знать, что на культовом месте почитают других богов (это обычная доля божества-демиурга).

Мир-сусне-хум научил людей охотиться на птиц переметом и велел птицам прилетать летом в северные края обских угров. Власть над птицами он получил потому, что в детстве, забравшись в гнездо, не тронул птенцов огромной птицы Товлынг-Карс. В благодарность птица стала носить его на своих крыльях. Как царь птиц, он руководит их перелетом: поэтому весной и осенью он предпочитает принимать образ журавля, который точно знает время отлета и криком побуждает к перелету других птиц.

Мир-сусне-хум может менять обличья. Рассказывают, как он превратился в лиственницу, потом – в синицу, наконец, стал невидимым духом: такие

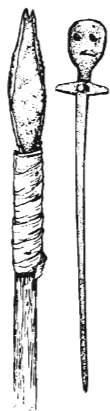
превращения под силу только богу или великому шаману. Миф приписывает ему сто жен и сто сыновей, от которых и пошли шаманы.

Гусь-богатырь и скифский Геракл

Мать, сама принимающая облик гусыни, дала сыну семь гусиных крыльев. В облике гуся он может спастись от преследующих его завистников-братьев и летать в птичью страну Мортимма. Недаром одно из его имен — Лунт-отыр («Гусь-богатырь»), а об остояцком идоле — медном гусе — рассказывал еще Г. Новицкий. Мир-сусне-хум добывает себе жен в иных мирах — это дочери водяного Вит-кана, месяц Этпос-ойки, хозяйка Птичьей страны Мортим-эква (где герой превращается в гуся) и даже дочь самого Куль-отыра.

На культовом покрывале, которое считается седлом и одновременно конем Мир-сусне-хума, аппликацией изображен всадник с невестой, которая сидит сзади.

В мифе о женитьбе на золотой гусыне Мир-сусне-хум выступает под именем Эква-пырищ («Сынок женщины») — это знакомая нам уловка мифологических персонажей, которые не хотят, чтобы их узнавали. Также поступила саамская лунная дева, прозывавшаяся на земле Никийя — никто. Из мифа ясно, почему Эква-пырищ пользуется этим мифологическим псевдонимом. В своих странствиях по земле он видит чудесную гусыню: герой сам превращается в гуся и вступает с ней в брак. Жена-гусыня высиживает потомство — трех гусей, но напрасно птичье семейство ждет, что отец полетит с ними на юг — в птичью страну. Эква-пырищ скрывается от своей семьи и проводит зиму на земле. Лишь на следующий год он, вновь обратившись в гуся, следует за своей супругой в ее страну, но тут и рас-

крываются его проделки. Вернувшись в Мортимма, птицы должны пролететь между колен ее хозяйки — как бы родиться вновь. Но Мортим-эква обнаруживает, что Эква-пыриш не настоящий гусь, а оборотень. Последнему приходится обнаружить себя и жениться на золотой гусыне.

Во Введении уже говорилось о том, что Мир-сусне-хум по имени и функциям родственен иранскому Митре, который «озирает всю землю, обитаемую иранцами». Напомним, что имя страны птиц — Мортимма — означало страну иранцев. В упомянутой сцене на ритоне из скифского кургана над водоплавающими птицами изображены два всадника. Д.С. Раевский предположил, что один из них — культурный герой и первопредок скифов Таргитай, сын неба и земли, призванный обустроить земной мир. Геродот сравнивал его с Гераклом, мы же вправе заметить, что его происхождение и функции сходны с происхождением и функциями Мир-сусне-хума (равно как и Митры). На ритоне Таргитай изображен передающим власть своему младшему сыну — устраивающим миропорядок. Не менее существенна для нас и сцена на другом скифском ритуальном сосуде (из Гаймановой могилы), где слуга передает Таргитаю птицу — утку или гуся для ритуальной трапезы. Утка и гусь были жертвенными животными Мир-сусне-хума.

Наконец, в другой ираноязычной стране — древнем Хорезме — на керамических флягах из храмово-дворцового комплекса Кой-крылган-кала был изображен гусь-оборотень. На его туловище помещались две человеческие личины. Гуся касается лапами грифон — Симург. Ю.А. Раппорт показал, что гусь этот воплощает целую вселенную — космогонический миф: мужская личина с бородой на спине птицы направлена вверх,

женская – вниз. Личины олицетворяют небесного бога и женскую богиню – мать землю (и воду), соответственно Ахурамазду и Ардвисуру Анахиту. Космический гусь оказывается и объединяющим космические стихии, и производным от них – как Мир-сусне-хум, рожденный от брака небесного бога и земной богини. Симург – Товлынг-карс – волшебный помощник героя, который чуть не растерзал его, когда тот пробрался в его гнездо.

Иранские истоки мифологических образов финно-угров еще ждут дальнейших исследований.

Сказка об обездоленном брате

Мир-сусне-хум следит за справедливостью в этом мире и помогает обездоленным, о чем повествует миф манси. Три брата поделили наследство отца и, как это бывает в сказках, младшему не досталось ничего. Ему же нужны были олени – не только для еды, но и для жертв духам-покровителям (пупыгам). Напрасно младший брат просил жадных старших братьев о помощи. Пришлось бедняге и его жене готовить в жертву духам последнее, что у них осталось – своего маленького сына. Сын уже был привязан к жертвенному столбу, к которому обычно привязывают жертвенных животных, отец уже занес над мальчиком топор, но топор повис в воздухе. Подобно ангелу, удержавшему руку библейского Авраама, Мир-сусне-хум задержал руку жертвователя.

Младший брат увидел человека в белых одеждах с упряжкой оленей: тот сказал, что ребенку еще не время умирать, и велел ему садиться на нарты. Они помчались то ли вверх, то ли вниз, пока не оказались на луне – Этпос. Мир-сусне-хум велел человеку зайти к хозяйке – пусть она его накормит. Но бедняга и здесь не получил еды. То же повторилось на солнце. Наконец, остановились у какой-то зем-

лянки, где Мир-сусне-хума встретила жена. Жена бога пожалела голодного, и тот получил в подарок важенку и ящик, в котором обычно хранят фетиш духа-покровителя. С тем человека и отпустили на землю, наказав ему не резать важенку, а отпустить на выпас, ящик же открыть поутру.

Наутро муж и жена проснулись в чуме, вокруг которого было множество оленей и всякого богатства. Тут к ним и пришел средний брат – его оленей поели волки. Затем за помощью обращается и старший. Он-то и узнает, что их младший брат разбогател, когда захотел принести в жертву сына. Жадный манси немедленно велел жене приготовить сына к жертвоприношению, а затем ударил его топором. Но топор никто не задержал...

Обско-угорская «Божественная комедия»

«Священное сказание» о Мир-сусне-хуме – «Желанном Богатыре, Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света» повествует о путешествии героя в иной мир. Оно именовалось священным, потому что слушать его можно было только посвященным – женщины не допускались в дом во время исполнения мифа.

Верховный бог Нуми-Торум предназначил желанному Богатырю и его супруге-утке (которую тот обрел в Птичьей стране) одну-единственную дочь. Странствуя по всему свету, покупая-продавая дорогой русский товар, Богатырь собрал невиданное по богатству приданое для единственной дочери.

«Русский товар» в новое время действительно пришел на смену драгоценным блюдам, вывозившимся из Передней (Западной) Азии и Волжской Болгарии: в святилище Мир-сусне-хума обнаружено серебряное блюдо, изготовленное русским мастером; в центре его – бегущий олень, на ободке – охотящийся лучник.

Но не суждено было родителям выдать свою дочь-невесту замуж.

Из священного темноводного Северного моря выплыли берестяные лодки со стрелками: невелики были их стрелы, но разили насмерть и мужчин, и женщин. Поразила стрела, выпущенная этими духами болезней, явившимися с того света, и единственную дочь Богатыря. Как ни пытались родители отпозить ее наваром из гусяного и утиного мяса, душа ее угасла. Приданое ушло на погребальные дары...

Но горе забылось, и Богатырь вернулся на свою веселую купеческую дорогу с дорогим русским товаром. Кони понесли его сани к устью Оби и дальше — в устье черноводного священного моря. Так он ехал, уже не ведая дороги, пока не попалась ему нарта с белоснежными оленями: хозяин нарты предложил ему поменять товар на меха. Отправились они дальше, но слышали шум от вырываемых с корнем деревьев. Страшный мертвец, почуявший живую кровь, стал угрожать им, но спутник спрятал богатыря меж своих оленей. Еще дважды приходилось попутчику спасать Купца от мертвецов, пока они не прибыли к дому, где в переднем углу сидел седовласый старик. Хозяин велел некоей женщине приготовить еды, и, пока та занималась готовкой, странник не мог отвести от нее глаз — так напоминала она его дочь.

Тут хозяева раскрыли перед гостем тайну: сам повелитель загробного мира, Куль-отыр, прослышав о богатствах, что собирает впрок на приданое купец, послал духов болезней, чтобы они отняли жизнь у невесты. Пусть люди не загадывают о будущем — его предопределяют боги и духи. Дочь Желанного Богатыря стала снохой Куль-отыра — женой его сына.

Встреча отца и дочери была радостной и долгой, но герой стал скучать по своей земле и жене,

предназначенной Торумом. Перед отъездом он получил подарки — соболью шапку, сапоги с семислойной медной подошвой и семисуставный посох. Пришла пора думать о том, как пробиваться через землю злых мертвецов, что подстерегали на пути в иной мир. Зять дал тестю своих оленей, а сам хозяин-старик — семь вожжей: в дороге можно порвать шесть из них, потеря седьмых может стать роковой. И правда, герою удалось уйти от двух мертвецов и даже вырваться от третьего, но при этом он порвал последние вожжи и лишился чувств.

Читатель помнит, почему все предметы, подаренные герою в ином мире, состоят из семи частей: чтобы выбраться с того света, нужно пройти все семь слоев Вселенной.

Когда герой очнулся, он был уже не в сумрачном загробном мире, а в мире солнечном, но олени его обессилели, лишившись последних вожжей. Человеческим голосом они поведали хозяину, что когда он доберется до семи берез, растущих из одного пня, к ним могут вернуться силы. Путник сбился с ног, пока не наткнулся на гнилой березовый пень. Оттуда выскочила старуха, белая, как заячья шкура, и едва не изрубила героя своим топором за то, что тот чуть не разрушил трубу ее чувала — очага. Герой помирился со старухой, и та пригласила его в дом: в этот дом заходили пушные звери — старуха оказалась хозяйкой зверей и родственницей путнику. Герой увидел, что стоптал свои медные подошвы и стер весь посох: когда за самобранным столом он стал расспрашивать о семи березах, хозяйка образумила его — он прошел почти весь мир, это и есть семь берез, воплощение Мирового древа.

Читатель помнит, что у основания семи берез — Мирового древа — пребывает сама Калтац-эква, тотемическим символом которой был заяц. В угорских похоронных причитаниях упо-

минается не только мрачная преисподняя Куль-отыра: умерший отправляется также к владычице подземного мира, которая живет на берегу озера, богатого гусями и утками. Ясно, что речь идет о земле Калтац-эквы, расположенной у самых корней Мирового древа в низовьях Оби, неподалеку от входа в преисподнюю, но оказавшейся райским местом.

Так герой смог вернуться к своим оленям и двинулся дальше. На пути его стояли три города — медный, серебряный и золотой (как царства в русских волшебных сказках). Хозяева этих городов расправлялись с незваными странниками: оленей они рубили на куски, но герой умел оживлять их, соединив кончики носов и кончики ушей. Тогда духи (а это были духи верхних миров) сделали на носах оживших оленей зарубки своими волшебными саблями, наказав, чтобы они переносили на тот свет людей, которым предопределили судьбу духи верхнего мира, а не духи преисподней. В золотом городе некий человек (сам Торум) дал герою золотую бумагу, которую тот должен прочесть во время священного праздника на своей земле.

Манси рассказывают, что когда видишь во сне, будто тебя в лодку посадили, — это к болезни и смерти (Куль-отыр везет тебя на тот свет). Правда, за больного может заступиться Тайт-котл-Торум, сын Нуми-Торума, и заставить Куль-отыра везти его обратно; тот же, кого пропускает вниз по реке сын Торума, обречен — он попадает в загробный мир. Тайт-котл-Торум может появляться в виде железного или серебряного ястреба: как и все сыновья Нуми-Торума, он одновременно и небесный дух, и земной покровитель людей.

Но и дальнейший путь был неблизким: герой видит, как наказываются проступки людей на том

свете. Того, кто пожалел рубанок для товарища, стругают в загробном мире, ссорившиеся супруги не могут поделить покрывала. Зато дружно прожившая жизнь пара счастливо живет на том свете, наслаждаясь изобильным столом.

Смысл увиденных сцен растолковывают герою волшебные олени: они исполняют роль проводников по царству мертвых, подобно Гермесу в греческой мифологии или Вергилию в «Божественной комедии» Данте.

Наконец, олени довели героя до дома и он отпустил их. Путник застал жену за работой и радостно поприветствовал ее. Трижды обращался он к ней, но она его будто не слышала. Богатырь рассердился и ударил женщину — та же в ответ принялась ковырять в ухе, приговаривая: «Кажется, покойные предки кричат мне что-то в ухо». Тут герой понял, что он еще не снял шапки, подаренной ему на том свете, поэтому живые люди его не видят. Когда он снял загробный дар, жена бросилась к нему на шею.

Герой рассказал о своей встрече с дочерью и о странствиях на том свете. Земная жизнь продолжалась, пока не наступил священный день, и герой собрал вокруг пиршественного стола весь народ, чтобы прочесть данную ему золотую грамоту. В грамоте говорилось о том, что Торум назначил герою и его жене отправиться на священный мыс, расположенный на беловодной Оби, где им будут приносить бесконечные жертвы с каждого охотничьего лука. Превратившись в речных гусей, они отправились туда. На этот мыс у священного озера Торум спустил лиственницу с золотыми корнями и ветвями, а на ее вершину — волшебный город с необъятным домом и сотней слуг. В доме новые хозяева нашли грамоту, где Богатырь назначался царем «с данью весенней белки и с данью осенней белки» и получал прозвание «золотая коса восходящего Солнца».

Там, за самобраным столом с пивом и медовухой, они праздновали обретение нового жилища.

Текст этого мифа был записан в 1947 г. в селе Низямы у реки Обь. Недалеко действительно располагалось священное место Золотого Богатыря — Мир-сусне-хума.

Эква-пырищ — избавитель солнца и луны и создатель зверей

В мифологических сказках о первых его деяниях Мир-сусне-хум именуется у манси Эква-пырищ или Эква-пыришь («Сынок женщины»), у хантов — Ими-хиты («Теткин племянник» или «Бабушкин внук»). Последнее прозвище объясняет миф, согласно которому герой — сын Торума — рождается на земле после изгнания матери с неба; но родители примиряются, а племянник остается с теткой, которая уходит с ним на Обь, учит его делать лодку, стрелять из лука и т. п. «Бабушкиным внуком» героя называют также в мифах о гигантской птице и о чудесной охоте: бабушка шьет ему шапку-невидимку, дает волшебные рукавицы, от которых пушной зверь сам падает с дерева на землю, учит различать пушных зверей.

В других мифах Эква-пырищ появился невесть откуда новорожденным младенцем. Люльку с Эква-пырищем обнаружила некая старуха, жившая со своим стариком в жилище на кочке среди Мирового океана или болота. Должно быть, то были первые люди или боги (то есть те же Торум и Калтащ-эква). Мальчик подрос и почувствовал богатырскую силу. Он отправился странствовать, и приемная мать дала ему амулет — обломок миски: его следует разломить, если попадешь в беду. В дороге он нашел семисуставный посох — семь его суставов соответствовали семи ярусам Вселенной. Тут голос сверху и вопрошил юного героя, куда он направляется. Тот отвечал,

что хочет испытать свою силу. Но голос, принадлежавший небесному богу, велел ему заняться творением — создать зверей и птиц. Тогда Эква-пырищ заявил, что не может ничего делать: ведь свет погружен во тьму — на небе нет ни луны, ни солнца. Голос свыше поведал герою, что светила находятся в подземном мире у Куль-отыра.

Тут Эква-пырищ и проявил свои чудесные способности: он скрутил три травинки, дунул на них и создал когтистого зверька, который смог прокопать отверстие в подземный мир. В преисподней было светло, и оттуда вырвались комары, наполнившие всю землю. Эква-пырищ же явился в дом к Куль-отыру и спросил, почему так много комаров вырвалось на землю. Удивленный хозяин нижнего мира захотел посмотреть, что происходит, а Эква-пырищ тут же запорошил ему глаза. Герой схватил солнце и месяц, которые Куль-отыр держал в своем доме, и, превратившись в гуся, полетел с ними на небо, к Нуми-Торуму. Куль-отыр погнался за ним в облике железной чайки. Но герой успел подбросить светила, так что они остались на небосводе, а Нуми-Торум мечом отогнал злого духа. Куль-отыр вернулся восвояси, признав, что отныне души умерших будут пребывать во мраке.

Теперь можно было приступать к творению зверей. Обернувшись гусем, Эква-пырищ спустился с неба на землю и первым делом, потеряв камнем о камень, создал пушистохвостую собаку — лайку. Из трех листиков березы он создал лесную мышь; обстругав еловую щепку, сотворил соболя, затем создал прочих зверей, наделив каждого своим делом. Собаке он велел идти к человеку, мыши — делать гнездо в сухой траве, лисице — охотиться на мышей.

В других сказках Эква-пырищ оказывается неопытным, но сильным юнцом, которого надо учить всякому делу. Однажды он отправился на рыбную

ловлю и стал грести так, что от его весел поднялся ветер, а за кормой — волны. Тем временем к нему присоединился старик в маленькой лодке — он и выловил сетью огромного осетра. Старик бросил рыбу в челн Эква-пырища, и тот подумал, что это злой дух — куль. Перепуганный герой возвращается в дом к тетке, и та успокаивает его — в его лодке не черт, а жертвенный осетр, которого пожаловал ему сам Полум-Торум.

Эква-пырищ выступает в роли культурного героя, которого в культурной антропологии принято называть трикстером: он в равной степени способен на подвиги и на нелепые поступки. Он — безымянный и сопливый мальчишка, но из его соплей возникает земля и первый человек. Его детство напоминает героическое детство многих эпических богатырей — он не способен правильно направлять свою непомерную силу. Вместе с тем, в единоборстве с более сильными богатырями он может использовать не силу, а хитрость: к примеру, он запорашивает глаза Куль-отыру.

Эква-пырищ и волшебная птица: сказка и шаманский миф

Однажды бабка сшила Эква-пырищу соболиную одежду и шапку. Тот надвинул шапку на глаза — и исчез. Шапка оказалась невидимкой, и юнец, почувствовав себя героем, тут же отправился на поиски невесты. По дороге он заходит в домики, где едва живые лежат четыре старика, головы которых упираются в углы их жилищ, а ноги торчат из дверей. Всех их морочит наш герой со своей шапкой-невидимкой и получает от них подарки: от одного — волшебный клубок ниток, от другого — шкуру горностая, от третьего — шкурку мыши, наконец, от четвертого — волшебный топорик.

С этими подарками Эква-пырищ приходит в город к Усын-г-отыру, Городскому Богатырю, и просит у него дочь в жены. Тот соглашается, если жених выполнит трудную задачу: две гигантские птицы Товлынг-карс, живущие посреди горячего моря, разоряют город и уносят людей. Богатырь требует, чтобы герой убил их.

Эква-пырищ добирается до высокой лиственницы, что растет посреди моря, и видит наверху гнездо. Он облачается в шкурку соболя, а потом мыши и добирается до гнезда, но тут из-под гнезда выскакивает железная лягушка и собирается сожрать героя. Здесь ему и пригодился топорик, которым он убивает лягушку. Эква-пырищ видит в гнезде птенцов гигантских птиц. Птенцы не могли летать, потому что лягушка подгрызала им крылья. Наконец они взлетают и, вернувшись, велят герою прятаться: назад возвращаются их родители, и каждый несет в когтях добычу — по живому человеку.

Благодарные птенцы отказываются есть людей, Товлынг-карс берется помочь герою, избавившему их от железной лягушки. Он переносит Эква-пырища к городу невесты и прикидывается мертвым, но Усын-г-отыр требует выполнения новых трудных задач. Ему нужен золотой окунь с края земли, потом чудесная птица — их помогает добыть Товлынг-карс, переносящий Эква-пырища на спине.

Наконец, сам Товлынг-карс просит героя вернуть ему три маховых пера, потерянных в борьбе со зверем-мамонтом. Эква-пырищ устраивает обмен: мамонт, который в этой же битве потерял три отростка рогов, получил их назад и стал таким сильным, что может сотрясать землю.

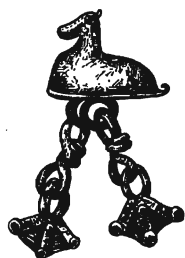

На обратном пути Эква-пырищ находит еще одно приключение: похищает у некой старухи ее красивую одежду. Та грозит, что если не она сама, то ее дух настигнет похитителя. И правда, герой смог

справиться со старухой и убил ее, но дух разгневанной хозяйки одежды настигает его и превращает в камень. Тут окаменевший герой и вспоминает о своем первом благодетеле, что подарил ему клубок. Старик, действительно, выручает Эква-пыриша, и тот возвращается в городок, где все уже давно готово к свадебному пиру.

Со своей женой Эква-пыриш навещает бабу, и они живут счастливо.

Волшебная сказка о поисках невесты содержит и шаманский миф. Чтобы обрести желанную девушку, герою приходится взбираться на Мировое древо и спасать птенцов говорящей птицы, которая и становится его шаманским помощником — относит его на край света. Этнографам известен обычай, по которому угорский юноша, чтобы стать полноправным членом рода «крылатого старика» (орла), должен был пройти испытание — взобраться на дерево, где обитает первопредок. Другие чудесные помощники — старики в тесных избушках — напоминают русскую бабу-ягу, которая также лежит в своей избушке, как покойница-предок. Чудесный клубок, который выручает героя, напоминает нам те же русские сказки и финские обычаи класть нитки в гроб к покойнику — они указывают путь в иной мир.

Духи и демоны

Многочисленные духи (*тонх, лунг, лунк*) считаются порождениями Нуми-Торума или других богов. Некогда, до появления людей, они населяли землю. Духи предопределили, как вести себя людям и кому из духов поклоняться.

Ханты рассказывают, что перед появлением людей духи *тонх* собрались на холме у небольшой речки, чтобы определить, где кому обитать. Совет длил-

ся столько дней, что до сих пор на холме не растет трава (ср. Лысую гору в европейских легендах), а вода в реке стала такой священной, что собака (проклятое богом животное), переплывая ее, теряет шерсть. Одни духи остались покровителями тех мест, где они обитали, другие должны были уйти в чужие края, те же, у кого были крылья, взлетели на небо.

Злые духи кули, сотворенные Куль-отыром, противостоят у манси покровителям людей *пупыгам* (пупухам, пупы, пуби) — духам семейных покровителей и предков. Пупыги обитают в фетишах — специально изготовленных предметах или идолах, а также в камнях, деревьях и т. п. Целые наборы таких фетишей хранились в специальных вместилищах, священных сундуках у хантов и манси: в одном из таких вместилищ хозяин держал Пупи-ики (голову медведя с медными пуговицами вместо глаз), который считался помощником в охоте и должен был отпугивать других медведей от оленьих стад. Рядом лежал Яув-лунг — высушенный окунь, на которого в свое время обратил внимание сам хозяин из-за золотистой окраски его чешуи. Окунь должен был помогать в рыбной ловле. Там же были фетиши Пугос — жизнедательницы и ее духов-помощников, призванных охранять от болезней.

Согласно одному из мифов, 77 пупыгов были посланы Нуми-Торумом на землю в помощь людям; они, однако, стали уничтожать людей и были за это заточены в преисподнюю — превратились в кулей.

У хантов духи именовались лунгами (лунками). Их могут видеть только животные или шаманы, но иногда они могут показываться в виде призраков, чудесных предметов или зверей. Среди них — Вонт-лунг, лесной дух, который помогает животным спастись от охотника, принимая облик преследуемой дичи; он же может в образе глухаря указать заблудившемуся человеку дорогу домой. Кар-лунг («Дух —

самец оленя») призван собирать оленей, отпущенных на вольный выпас. Известны также Ват-лунг — дух ветра, Тохланг-ваях-лунг — живущий на юге дух перелетных птиц, Кул-тэттэ-лунг — создатель рыб, Сарт-лунг — огромная щука, которая переворачивает лодки, Рахам-лунг и Кат-лунг — покровители семьи и дома, Паям-лунг — дух голода, Кынь-лунг — дух болезней (Куль-отыр у манси), Вор-лунг — дух, от которого зависит уровень воды в реках, и др. В отличие от богов, они постоянно вмешиваются в дела людей и поэтому пользуются ежедневным почитанием.

Мис

Лесные духи Мис считались творениями Калтащ-эквы. Хотя Мис были великанами (в один рост с деревьями), они доброжелательно относились к людям, браки между ними приносили удачу и богатство. Одна из женщин — Мис-нэ стала жить в селении со своим мужем-охотником, но люди обижали ее. Чудесная жена вынуждена была вернуться в лес, но наделила своего сына волшебными способностями все видеть и слышать в лесу.

Мужские духи Мис-хум особо почитались охотниками. Рассказывают, как один старик сделал для себя Мис-хум-ойку — деревянного идола, священный амбар которому поставил в своих охотничьих угодьях. Он регулярно навещал идола в его избушке, приносил водку и варево — мясо и рыбу, особенно после добычи первого лося или первой рыбы. Сам ел только тогда, когда от еды переставал идти пар: им питался Мис-хум.

Менквы

Много рассказывают о лесных людоедах менквах, которые имеют человеческий облик, только головы у них заострены (иногда они имеют много голов). Они сильные и злые, но глупые. Считается, что

в менквов могут превращаться погибшие в лесу люди. Сами менквы считаются родичами людей Пор.

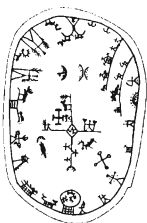
По другим мифам, менквы — это первые неудавшиеся люди: они были спущены с неба в море, но выбрались на берег. Как первобытные великаны в мифах других народов, они повсюду оставляли следы: лиственничные рощи — оставленные ими пососи, их тропы стали руслами рек. Однажды Тайткотл-Торум сразился с менквом и поразил его стрелой: от крика раненого чудовища разверзлась земля и потекла река.

Менквам посвящены святилища, где стоят их остроголовые деревянные идолы. Им не приносили кровавых жертв, но угощали чаем и спиртным.

Но и менквы помогают любимому герою обско-угорских сказок Эква-пыришу. Во время первой охоты трехголовый, пятиголовый и семиголовый менквы впряглись в его нарты, а пока он разогревал для них воду, добыли столько пушнины, что герой с бабкой могли всю жизнь жить безбедно.

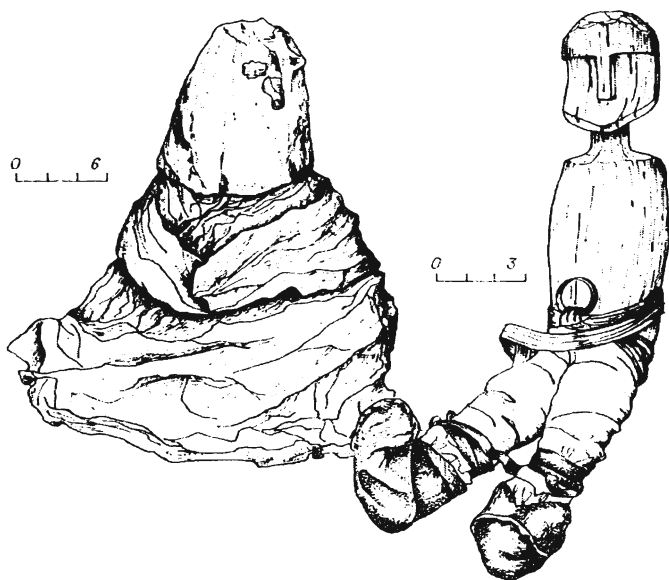
Как Эква-пыриш у Водяного дочь сватал

Среди почитаемых духов — водяной царь Йенк-лунг или Йенк-тонх (у хантов) или Вит-хон (у манси). Он может появиться в любом водоеме, хотя постоянным местом его обитания считается устье Оби. Там у него город, населенный водяными людьми, и дети, среди которых особо почитается дочь — Вит-хон-аги. В честь Водяного царя и его дочери трижды в году — после ледохода, в августе и в октябре — устраивались жертвоприношения. Вит-хону шили новую рубашку и жертвовали кусок шелковой ткани с пришитыми по углам колокольцами, а его дочери приносили в жертву телку. Рубашку и ткань вывозили на лодках на середину реки и, завернув в них камни, погружали в воду; кровь телки, собран-

Ялп-ус-ойка («Старик Священного города») – дух медведей. Считалось, что он **стережет лестницу, ведущую в верхний мир.** По преданию, Ялп-ус-ойка победил на некоем холме чужого богатыря; на этом месте он и построил свой «Священный город». С тех пор там находилось главное святилище, где справлялись медвежьи праздники. Фетиш Ялп-ус-ойки был найден в одном из святилищ манси: он обернут во множество лоскутов ткани и накидку с изображением всадника – Мир-сусне-хума.

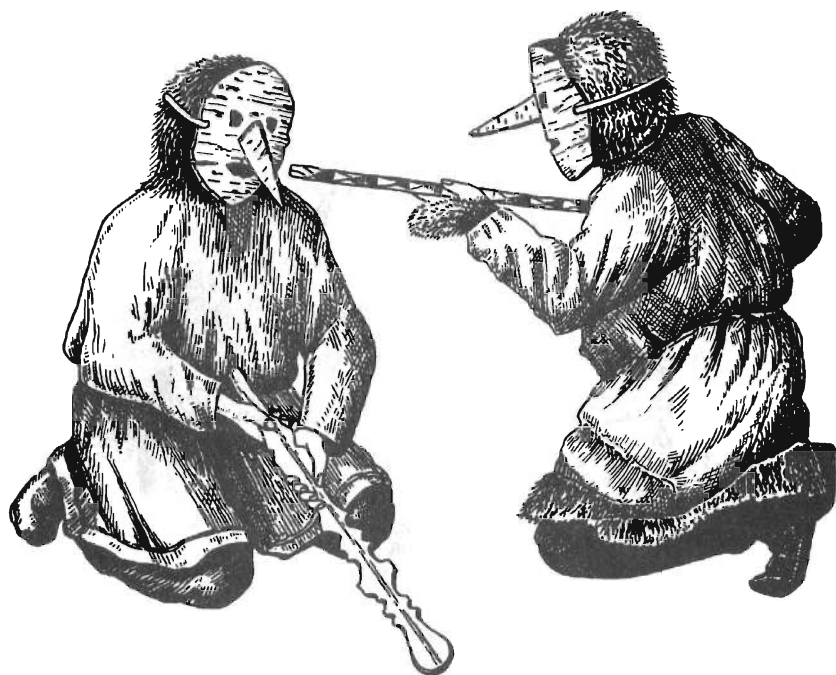
На грудь культовой кукле **Мир-сусне-хума** вешали обычно серебряное блюдо с изображением всадника. Эти серебряные блюда, обнаруженные в святилище Мир-сусне-хума, изготовлены русским мастером: в центре одного изображен **бегущий олень**, на ободке – **охотящийся лучник**.

Атрибут Мир-сусне-хума – **священная сабля**, которую покрывали специальной накидкой, так что сабля **«превращалась» в коня**. На этом коне представляющий Мир-сусне-хума шаман въезжал на **медвежий праздник**.

На культовом покрывале – яны-ялпыне, которое считается **седлом** и одновременно **конем** Мир-сусне-хума, аппликацией изображен **всадник с невестой**, которая сидит сзади.

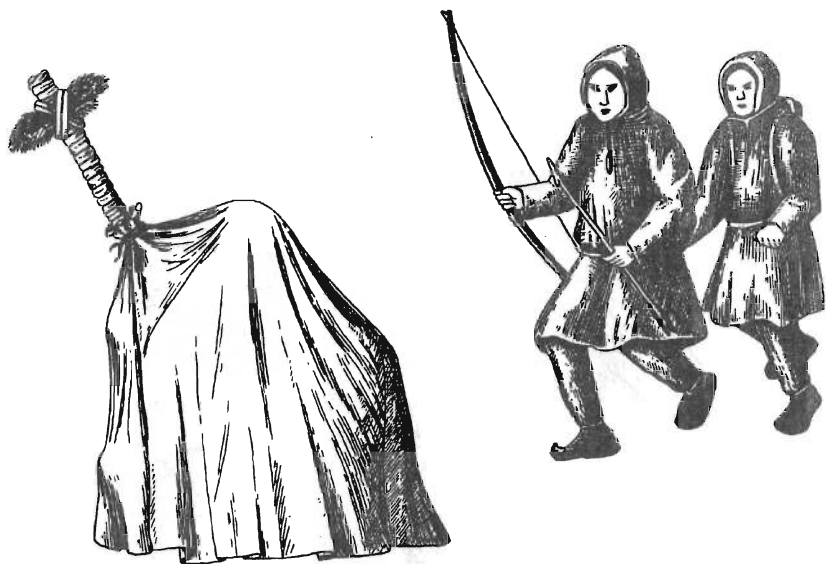
Удачная охота на медведя завершается
ритуальным пиром – **медвежьим праздником**,
во время которого медведь должен ожить
и отправиться обратно в лес
или даже на небо.

В одной из песен **праздник описывает сам медведь**,
точнее, его бессмертная душа.

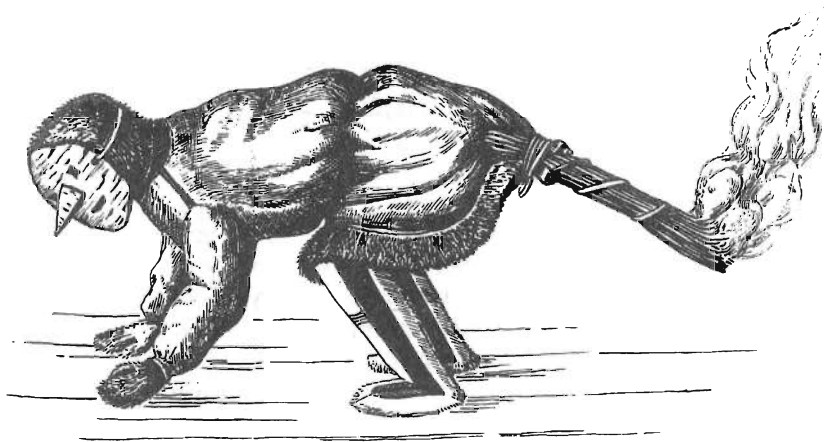
С него снимают шкуру и везут в город
для священной игры. Начинается священный пир,
а потом – священная пляска медведя,
во время которой шкуру зверя

наряжают в сарафан, украшают серебром.

Когда праздник кончается, медведь на железной цепи
поднимается к своему небесному отцу.

Медвежий праздник начинается с того, что в избу
входят **ряженные шаманы** в берестяных масках.
Они исполняют **ритуальные песни и танцы**.

Одно из культовых мест обских угров –
Пырсим на реке Сосьва; считается,
что это **святилище сыновей Нуми-Торума**.
В культовом амбаре содержалось пять кукол,
изображающих богов: внутри каждой из них находился
пучок из 7 стрел. Фигуры были одеты в рубахи
и обернуты кусками тканей.

ную в жертвенную чашу, также выливали в воду и молили водяных об удаче в рыбной ловле.

Сыновья водяного тоже могут появляться в источниках. Один из них вызвал на состязание в магическом искусстве самого Эква-пырища, и по сравнению с этим состязанием борьба Вяйнямёйнена и Лемминкяйнена кажется легкой забавой.

Однажды бабка (или мать) Эква-пырища отправилась к проруби за водой, которая вдруг закипела, как в котле. Не успела бабка придти в себя от изумления, как из проруби выпрыгнул красивый собою богатырь. Он вынул топорик и отколол от каждой голени бабки по кусочку кости. Из одного он сделал стрелу, из другого — древко, и этой стрелой богатырь пронзил насквозь лежавший на берегу камень — ведь магическая стрела, сделанная из человеческой кости имеет необычайную силу.

Богатырь велел бабке, когда она придет домой, передать вызов Эква-пырищу: если он может состязаться с богатырем в волшебстве, пусть идет по его следам — тогда сможет получить в доме богатыря невесту. Конечно, Эква-пырищ бросился по следам соперника, сделал такую же стрелу и пронзил камень. Но дальше испытания стали сложнее.

На своем пути Эква-пырищ обнаружил отрубленную руку. Пришлось и ему рубить себе руку; то же случилось и со второй рукой и с ногами — наконец, одна только голова Эква-пырища покатилась в поисках невесты. Правда, в конце пути герой смог собрать воедино все части своего тела и явился в дом к Водяному. Он отворил дверь и чуть не утонул в волнах: в доме — морской глубине — рыбаки прямо неводами ловят рыбу (вспомним «амбар Ахти» — карело-финского водяного царя).

На почетном месте в переднем углу сидели седовласые старик со старухой — хозяева водяного царства: на головах у них орлы свили гнезда. В сто-

роне же, рядом с прядущей женщиной, спал богатырь; чтобы пробудить его, жене пришлось ткнуть богатыря в бок ножом. Пробудившись и увидев гостя, богатырь велел своим чулкам, лыжам и стрелам спешить к нему, сам же пошел на охоту, чтобы накормить Эква-пырища. Скоро он принес на спине целого лося и, по обычаю, предложил гостю поискать себе товарища для еды.

Эква-пырищ вышел из дому и уже отчаялся увидеть кого-нибудь в подводном царстве, но вдруг кто-то с крыши схватил его за волосы. То была прекрасная девушка: по одной ее косе соболя бегают, по другой – птички порхают. Она и стала невестой Эква-пырища.

Мифы о добывании чудесной невесты и тяжелых испытаниях – брачных инициациях – широко распространены у народов мира. Невесту нужно было добывать в чужом роде: для родоплеменного общества чужой род был равнозначен иному миру, на пути туда жених должен был символически умереть, как Эква-пырищ. Вспомним о сватовстве Вяйнямёйнена и Ильмаринена в ином мире.

Как Эква-пырищ морочил менква и Усыннг-отыра

В роли трикстера – мифологического плута – Эква-пырищ выступает в отношении злых духов и людей другого рода (фратрии).

Рассказывают, что герой жил с бабушкой и младшим братом, промышляя в лесу. Однажды он добыл много еды на зиму и послал бабушку покликать товарища, чтобы поделиться едой. Когда наступила ночь, в дом явился лесной великан менкв. Он все лето бегал по лесу да песни пел и остался без еды.

Делать нечего, пришлось угощать гостя. Менкв тут же залез в амбар и сожрал все запасы. Когда чу-

дище узнало, что еды больше нет, оно пригрозило съесть младшего брата Эква-пырища. Герой еле уговорил менква подождать до лета — он добудет еще еды. Но летом удача оставила его — он добыл всего связку юколы (вяленой рыбы) да туесок рыбьего жира. Вернулся Эква-пырищ домой и сказал бабке, что скоро помрет, — и в самом деле умер. Тут явился менкв, узнал, что добытчика нет в живых, а еды он не заготовил, и сожрал его брата.

Тогда Эква-пырищ вышел из похоронного места и стал готовиться к мести. Приготовил он нарту и гнал ее, пока она не ударилась о какие-то два столба на дороге. Это оказались ноги менква. Менкв удивился: ведь Эква-пырищ умер. Но герой напомнил лесному чудовищу, что люди воскресают после смерти (ведь это было начало времен, и смерть не была окончательной), и теперь менкву пора поплатиться жизнью за убийство брата. Тот взмолился, чтобы бессмертный герой не убивал его, и дал выкуп — целую нарту мехов.

Когда в дом к Эква-пырищу пришли гости — два сына Усынг-отыра, Городского Богатыря, они изумились этому богатству. Эква-пырищ тем временем потихоньку привязал к спине своей собаки шкурки горностая и пустил ее в лес. Собака вернулась, и гости еще больше удивились чудесной собаке-добытчице. Они долго уговаривали Эква-пырища продать им собаку, пока бабка не велела внуку уступить ее за трех самок оленя. Вернувшиеся домой сыновья Усынг-отыра отправили «добытчицу» в лес, но та вернулась ни с чем. Тогда-то незадачливые братья поняли, что Эква-пырищ перехитрил их, и решили его убить.

Герой тем временем готовился к приходу рассерженных гостей: вскипятил котел с мясом и выставил его на поленницу возле дома. Братья опять изумились — котел кипел без огня. Забыв о мести,

они стали выпрашивать волшебный котел, и опять бабка посоветовала выполнить их просьбу. Конечно, котел в доме Усын-гытыра не стал закипать без огня, и братья опять отправились мстить. На сей раз Эква-пырищ изобразил праведный гнев и сказал, что это его бабка во всем виновата. К тому времени он успел повесить на шею старухи наполненную кровью оленью артерию, а сам бросился на бабку с ножом — та упала, заливаясь кровью. Тут Эква-пырищ проделал еще один трюк: бросил свой ножичек в стену и велел ему воскресить бабку. Когда старуха воскресла, гости забыли о мести: они задумали припугнуть своих сварливых жен и стали выпрашивать «волшебный» нож.

Братья вернулись домой, а жены принялись издеваться над ними; куда вам, дескать, тягаться с Эква-пырищем. Пришлось их проучить, и, конечно, бедные женщины не ожили после этой «науки». Опять рассвирепевшие братья бросились к дому обманщика, но дома оказалась лишь его «сестра», которая пряталась от чужих за занавеской. Братья изодрали в пути свою одежду, и сестра Эква-пырища так ее починила, что не видно было даже швов. Овдовевшие мстители, конечно, потребовали себе в жены сестру обидчика. По обычаю, ее поселили сначала в отдельной юрте. Наутро сестры женихов позвали «невесту» купаться, та же не желала входить в воду вместе с другими девушками и нырнула только тогда, когда они погрузились в воду. Это вновь был Эква-пырищ, который в воде превратился в щуку, доплыл до другого берега и отправился домой. На том берегу осталась лишь одежда «невесты».

Напрасно женихи целый день искали невесту неводом — она пропала. Настал черед Эква-пырищу отправляться к сватям: узнав, что его «сестра» утонула, он потребовал в жены дочерей Усын-гытыра.

Пришлось отдать ему девушек: но когда они пригляделись к хитрецу, то узнали пропавшую «невесту» братьев. Пришлось Эква-пырищу скрывать улики — он убил бедных девушек в лесу.

Сыновья Усын-г-отыра поняли, что самим им не справиться с обманщиком, и обратились за помощью к шаману. Тот повесил на огонь большой котел с мухоморами и стал ворожить. Прознавший об этом хитрец устроил шум у юрты шамана, и, когда участники ворожбы бросились наружу, окунул самого шамана в котел, так что тот погиб. Усын-г-отыр побоялся сам везти тело к отцу шамана и попросил об этом подвернувшегося свата — Эква-пырища. Эта задача оказалась не из легких: напрасно Эква-пырищ пытался представить дело так, будто охотники случайно убили пьяного шамана и что его зарубил топором собственный отец, — старый шаман разгадал уловки плута и бросился на него.

Наступил черед серьезных состязаний: Эква-пырищ превратился в гагару, шаман — в ястреба, и вот-вот догонит обидчика. Тогда герой превратился в иглу, пробил лед в реке и обернулся щукой. В воде он встретил другую щуку, которая плыла к «живой воде», где не было льда: но шаман уже перегородил реку ловушкой. Обе щуки попали в ловушку, но Эква-пырищ выдал себя — он долго бился на земле. Тут шаман и приказал своей жене держать его покрепче, а сам ударил по врагу колотушкой, да попал по руке своей старухе. Настал черед шаману держать увертливую щуку, и на этот раз старуха попала по руке шамана. Когда тот велел старухе покрепче прижать щуку к земле, он и вовсе прибил жену. Тут уж сам Эква-пырищ принял человеческий вид и расправился с врагом. На пути домой он получил щедрые дары от Усын-г-отыра — ведь он выполнил его просьбу и отвез убитого к его отцу...

Мось и Пор — предки людей

Ханты и манси делятся на две родовые группировки, фратрии («братства»), которые могут обмениваться женами: это Мось (Мош) и Пор. У них свои священные символы и ритуалы. Люди Мось (это имя считается родственным имени самого народа манси) верили, что они — потомки самой богини земли Калтащ-эквы (иногда в облике тотема — зайчихи) или созданных ею добрых лесных духов Мис.

В культовом месте Сяхыл-Торума были выставлены идолы разных существ, связанных с фратрией Мось: это были духи огня Най-эква и найын-отыры, а также мужские и женские духи Мис-хум и Мис-не.

Священными животными фратрии Мось считались зайчиха, гусь, трясогузка, лягушка, щука и конь; символом — созвездие Плеяд (женщины Мось). Священным деревом Мось и Калтащ-эквы была береза — береза с золотыми ветвями росла позади жилища Нуми-Торума, на ней сидели семь кукушек — воплощения человеческих душ. По верованиям хантов, роды происходят «у прекрасного подножия женского дерева для родов» — это древо судьбы, Мировое древо, у корней которого пребывают женские божества судьбы.

Рассказывают, что первый мужчина Мось чудесным образом родился из колена старухи. Он появился на свет в виде камня и стал богатырем. Едва он вырос, ему пришлось сражаться с многоголовыми людоедами Ялянями (они похожи на менквов — существ, относящихся к фратрии Пор), которые питались мясом хантов. Последнего семиглавого богатыря Мось едва одолел, а тело сжег на костре — из его пепла появились комары и мошки.

Предками фратрии Пор считались злые лесные великаны менквы. Но существует и другой миф, по-

вестующий о том, что люди Пор появились после нарушения страшного запрета людьми Мось. Охотник Мось привел к себе в дом невесту из далекого города. Его сестра повела невестку кататься и, съезжая с горы, пронзила ее своими лыжами. Испугавшись, сестра Мось оделась в одежду невестки и пришла неузнанной в дом к брату. У них рождается ребенок, и когда мужчина Мось узнает, что дитя — плод инцеста, самого страшного преступления в родоплеменном обществе, он убивает и сестру, и сына. Из крови женщины Мось вырастает растение порых (откуда и происходит название Пор). Его съедает медведица, у которой родятся два медвежонка и человеческая дочь. Охотники убили медведицу и медвежат, а девочку взяли с собой — на ней женился первопредок Пор, Городской Богатырь Усынгойка. Перед смертью мать успела заповедать дочери обряды почитания медведя — не есть медвежьего мяса, сохранять шкуру и кости. Благодаря этому ритуалу медведица с медвежатами после смерти превратилась в созвездие Большой Медведицы. С тех пор медведь считается священным животным — предком и покровителем людей. Он стал и культурным героем — дал людям огонь и лук.

Фратрии Мось и Пор воплощали две системы противопоставленных символов — богов, животных-тотемов, культовых предметов; люди Мось считались связанными с небесным миром, Пор — с земным (и преисподним). Двумя божествами, которые противостояли друг другу в мифологическом мире обских угров, были Культотыр — бог фратрии Пор и Мир-сусне-хум, относившийся к фратрии Мось. Это противостояние, как мы видели, не было абсолютным: два божества даже породнились — ведь дочь Мир-сусне-хума, «Купца», которому открыты все дороги, стала снохой бога преисподней. Мир-

сусне-хум оказывался и главным персонажем медвежьего праздника, самого главного праздника фратрии Пор.

Медвежий праздник

Удачная охота на медведя завершается ритуальным пиром — медвежьим праздником, во время которого медведь должен ожить и отправиться обратно в лес или даже на небо — к своему отцу Нуми-Торуму. В лесу охотники встречали «младшего брата», «раздевали» его (снимали шкуру), по приезде в дом укладывали голову на шкуру и лапы в почетном углу. К вечеру в доме собирались гости, каждый из которых приносил подарок медведю — платок, ленточку, монету. Зверя целовали в губы и нос, но при этом закрывали нос и глаза берестяными кружками — медведь не должен был чують и видеть участников праздника. Перед медведем ставили гриб-чагу для окуривания и чашу с обрядовым печеньем — вылепленными из теста фигурками оленей, лосей, птиц.

Медвежий праздник был чрезвычайно подробно описан присутствовавшей на нем этнографом З.П. Соколовой.

Праздник начинается с обрядовых песен о медведе: их должно быть исполнено пять (в честь медведицы — четыре: у нее на одну душу меньше). Под аккомпанемент старинного струнного инструмента — «лебеда» — начинается исполнение песен и танцев ряжеными. Они изображают тотемических предков — лося, ястреба, лягушку. На следующую ночь исполняются «птичьи песни»: о том, как птицы возвращаются в «Страну Северного ветра» из южной Птичьей страны, высиживают в гнезде из трех яиц птенцов, один из которых оказывается человеческим дитятей. Древний антропогонический миф о происхождении человека из яйца сохранился в этой обрядовой песне.

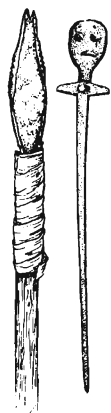

Символами и тотемами Пор наряду с медведем были также лось, лебедь, орел, филин, чайка, гагара, собака, а священными деревьями считались кедр и лиственница – недаром из лиственничных стволов были сделаны менквы. Лягушка была тотемом фратрии Мось, но, как мы увидим, персонажи Мось (сам Мир-сусне-хум) принимали участие в медвежьем празднике. Те родовые или территориальные группы обских угров, которые считали своим предком то или иное животное, так именовали себя сами: «народ-филины», «народ крылатого предка», «народ-гуси» и т. п.

Медвежьи праздники устраивались не только по случаю удачной охоты. Они проводились в течение семи лет ежегодно – каждую зиму: потом наступал семилетний перерыв (и здесь число семь связано с сакральным календарем). Их проводили в специальной «танцевальной избе» в поселке на Оби, который считался культовым центром фратрии Пор.

Людам фратрии Мось нельзя было принимать участия в медвежьем празднике: женщины (жены людей Пор, которые относились к фратрии Мось) не могли смотреть на медведя, прикрывали лица платками. Рассказывали, что человека Мось с реки Казым, приехавшего с женой на праздник и не ушедшего со священной пляски, унесли в лиственничный лес (лиственница – символ фратрии Пор) семь менквов на пляску семи медведей. Рукводил ею Ялп-ус-ойка («Старик священного города»), дух медведей: считалось, что он стережет лестницу, ведущую в верхний мир, – ведь сам он был спущен оттуда.

Ялп-ус-ойка оказался хозяином «Священного города» (Ялп-ус), потому что, по преданию, победил на некоем холме чужого богатыря – отыра: на этом месте победитель и построил

*свой город на Оби. С тех пор там — главное свя-
тилище, где справлялись медвежьи праздники.*

Во время пляски чудища подбрасывали нару-
шителя табу так, что он взмолился богине реки Ка-
зым (откуда он был родом) о помощи, но дух медве-
дя оказался сильнее, и богиня не избавила любо-
пытного героя от муки. Не смог спасти его и
дух-покровитель Тэк-отыр.

*На реке Казым была обнаружена «серебря-
ная баба» — фетиш, обмотанный платком, по-
верх которого были прикреплены серебряные
пластины со сценами охоты и рыбной ловли, спе-
циально изготавливавшиеся русскими мастерами
для обских угров (в обмен на меха). Нижняя
часть была обмотана платками и шкурками, к
ней прикреплена фигурка водоплавающей пти-
цы, напоминающая древние финно-угорские при-
вески. Казымские ханты называли фетиш Вут-
ими и считали дочерью Уен Торума — Большого
бога: очевидно, это было одно из воплощений
Калтац-эквы.*

Наконец, страдалец призвал Мир-сусне-хума.
И тут Ялп-ус-ойка стал похваться, что сильней
его нет ни в верхнем мире, ни на земле. Но когда от
скока богатырского коня стали ломаться листвен-
ницы, менквы поспешили вынести четыре котла,
чтобы священный конь поставил в них копыта, не
касаясь земли. Мир-сусне-хум объявил, что награ-
дил своего почитателя жизнью трех человек и по-
требовал отнести его назад, иначе не будет ни семи
медведей, ни лиственниц. Небесному богатырю
пришлось подчиниться, и менкв отнес его в селе-
ние. Правда, видимым этот пришелец из иного ми-
ра стал только тогда, когда после камлания были
принесены жертвы.

*Фетиш Ялп-ус-ойки был найден в одном из
святилищ манси: он обернут во множество лос-*

кутов ткани и накидку с изображением всадника — Мир-сусне-хума.

Медвежий праздник начинается с того, что в избу входят ряженные в берестяных масках. Они исполняют песню о происхождении людей Пор от медведицы, съевшей порых. Затем появляются танцоры с деревянными мечами, ряженные звери и птицы, среди которых лиса, петух, журавль, горбатая старуха с двумя лицами (одно — на затылке), старый лось и лосенок: лось учит малыша, как спастись от охотника, но во время танца сам падает, сраженный стрелой. Ряженный филин охотится на зайца: ведь заяц — символ фратрии Мось. Йибы-ойка («Филин-старик») — также особо почитаемый дух фратрии Пор. Считалось, что он вместе с женой жил в огромном гнезде на дереве, которое стояло со времен создания неба и земли, — на Мировом дереве. По преданию, он воевал некогда с лесными женскими духами Мис (ведь они были из фратрии Мось), но в бою повредил ногу и упал в реку Ляпин. Его жена — одна из дочерей Нуми-Торума — вытащила его на берег, с тех пор на этом месте — святилище духа Филина, там же стоят деревянные изображения самого Йибы-ойки, его жены и их сыновей.

Рассказывают, что однажды идол Йибы-ойки был украден и перенесен в другое святилище. Когда пропажа была обнаружена, идола пришлось вернуть. Но похитители, чтобы не остаться без покровителя, оставили себе часть даров из святилища и сделали изображение человека-птицы, Тавлын-ойки, который и стал считаться сыном Йибы-ойки. Так расселялись и размножались духи.

Мир-сусне-хум также был персонажем медвежьего праздника. Его атрибут — священная сабля, которую покрывали специальной накидкой, так что сабля «превращалась» в коня. На этом коне шаман, представляющий Мир-сусне-хума, въезжал на пра-

здник. Вспомним сабли в руках шаманов на культовых блюдах: они не только отгоняли злых духов, но и помогали проникнуть в иной мир. В одной из «медвежьих песен» сам медведь описывает появление Мир-сусне-хума: медведь с ревом насккивает на всадника на белом коне, но тот своим копьём пронзает «святителище» (сердце) зверя.

Наконец, в избу, где проходит праздник, бежит человек, который предупреждает, что из леса идут менквы. Они должны наказать виновных в нарушении обычаев. Но люди приготовились к появлению чудовищ: они сделали две деревянные фигурки мужчины и женщины и обмазали их кровью — этих «грешников» выдают менквам, и те уносят их в лес.

В мифах о Мось и Пор повествуется об учреждении медвежьих праздников и законов экзогамии: отношения между человеческими коллективами (фратриями) символически уподоблены отношениям между человеческим и звериным (лесным) мирами.

Целый пантеон тотемических духов-предков был выгравирован на металлической пластине, найденной в Зауралье, еще в 1 тыс. н. э. В нижней части пластины — изображение хтонических тварей (выдр?). Над ними стоят семь фигур, очевидно, воплощающих семь миров мифологической Вселенной. Головные уборы этих фигур символизируют их тотемическую принадлежность: у первой женщины на голове изображено растение — по мнению В.Н. Чернецова, порых, символ фратрии Пор. Далее стоят женщина-косуля, женщина-медведь и женщина-сова. Последняя из женских фигур — трехголовое существо, увенчанное еще одной личиной. Рядом — медведь с человеческой личиной возле пасти, наконец, филин. Большая часть тотемов относит-

ся к фратрии Пор. В целом композиция также оказывается космограммой: первый персонаж с растением воплощает земной мир, последний — филин — относится к небесному.

Почему спорят Пор и Мось

Рассказывают, как однажды поспорили женщины Пор и Мось. Пор сказала, что людей стало столько, что негде жить на земле. Надо, чтобы они стали умирать. Добрая Мось, напротив, хотела, чтобы все люди жили — пусть все реки будут течь маслом, тогда всем хватит еды. Но злая Пор лишь рассмеялась в ответ на глупое желание Мось — где в масляных реках будут плавать рыбы и как будут ходить лодки? Так люди стали умирать.

Миф о противостоянии и соперничестве двух фратрий характерен для родоплеменного общества. В святилищах нельзя было держать рядом духов-пупыгов — Мось и Пор: они враждовали. Даже дуалистические космогонии иногда возводятся к этому противостоянию. Вспомним уравнивающую оценку Ена и Омоля в мифе коми: Ен добр, но глуп, Омель зол, но умен и инициативен.

Почему люди не воскресают

В начале времен люди воскресали после смерти. Но вот один человек умер, и собака пришла спросить у Торума, как его оживить. Бог велел ей положить на голову умершего гнилушки, а на ноги — камень. Тут собаке и встретился черт — куль: он сбил с толку собаку, и та сделал все наоборот. Камень раздавил лоб человеку — тот умер навсегда, а бог проклял собаку.

Камень действительно кладут умершему на грудь (или в рот) при похоронах — чтобы он не встал из могилы.

Манси рассказывают также, что однажды два человека почувствовали близость смерти. Они призвали своих жен и велели приготовить для них гробы из липы. Гробы же нужно было поставить на землю. Женщины так и сделали, да велели закопать гробы на глубину трех аршинов. Через семь лет умершие очнулись: один из них был сразу засыпан землей, другой успел крикнуть о помощи. Когда его нашли, было уже поздно — умерший напроорочил, что отныне люди всегда будут умирать.

Это — повсеместно распространенный миф о происхождении смерти. Люди стали умирать из-за ошибки, совершенной в начале времен. Интересно, что в мифе манси «неправильным» — приведшим к вечной смерти — оказывается христианский обряд, согласно которому гроб помещают в могилу.

Живой мертвец

Умерший и не погребенный по обычаю человек становится опасным для живых. Рассказывают, как один человек по дороге в Ялп-ус (знакомый нам «Священный город» на Оби) навестил тещу и обнаружил ее больной. Она просила его заехать на обратном пути, что тот и сделал. В живых он тещу не застал — в доме стоял гроб. Теща была гостеприимна и хорошо кормила зятя, поэтому тот сходил к своей лодке, принес еды и бутылку вина. Тут теща встала из гроба, и зятю пришлось ее угощать. Гость знал, что вставший из гроба мертвец опасен, и сбежал в другой дом. Но и там, к своему ужасу, он увидел другого мертвеца, зятянутого сукном. Чтобы хоть как-то справиться со страхом, путник решил развести огонь. Тут он услышал, как теща рвется в дом, а другой мертвец в углу дома поднимается со страшным шумом.

Бедняга лишился чувств, а когда очнулся, то увидел, что дом пуст, а теща его лежит у дома, разо-

рванная надвое. Тут он и понял, что в доме был не мертвец, а Ялп-ус-ойка, его предок-покровитель.

Быличка повторяет сюжет широко распространенной сказки о том, как «свой» мертвец помогает живому человеку спастись от «чужого». Но у обских угров этот сюжет связан со знаковыми нам архаичными верованиями: ведь теща – мать жены – принадлежала к иной фратрии, значит, была потенциально враждебна. Ялп-ус-ойка, один из предков фратрии Пор, спас своего сородича.

Сколько душ у человека?

Обские угры верили, что у мужчин есть пять (или семь) душ, тогда как у женщин – четыре (или шесть). Различали душу-дыхание – *лили* (у хантов – *лил*) и душу-тень – *ис*. Лили вселяется в тело человека при его рождении, а после смерти переходит в фетиш – фигурку предка (*иттерма*) или тотема, которые хранятся в обско-угорских домах в священных коробах или в святилищах, а затем в тело ребенка из того рода, которому принадлежал умерший. Эта душа невидима.

Фигурку предка, или иттерма, необходимо было сделать из щепы, отколотой от стены дома, через четыре дня после смерти женщины и через пять – после смерти мужчины. Рассказывают, что древний богатырь, убивший своих врагов, не мог после этого спать: ему чудилось что-то страшное. Тогда он вырезал фигурку иттерма, и ему перестали сниться кошмары. В вырезанную фигурку непременно вставлялась серебряная монета, которая символизировала сердце, иначе умерший мог превратиться в черта – куля. Прикладывали к иттерма и волосы покойного. Фетиш должен был охранять дом от вторжения духа умершего.

Считалось, что душа женщины вселяется в четырех младенцев ее рода, а душа мужчины – в пятирх. После рождения младенца гадали, чья душа вселилась в новорожденного: старшая женщина в семье ставила люльку с младенцем на колени и произносила имена умерших родственников; когда дело доходило до имени вселившегося в младенца, люлька становилась тяжелой – ее невозможно было оторвать от колен.

Числа «четыре» и «пять» были символическими обозначениями пола у обских угров. Во время медвежьего праздника четыре дня положено было чествовать убитую на охоте медведицу, пять дней – медведя, две-три ночи – медвежонка. Медведь был тотемическим родичем человека, и у него было столько же душ.

Представления о судьбе ис после смерти двойственны, как и у всех народов. Верят, что она обитает на кладбище, где мертвецы живут так же, как привыкли жить при жизни: только живые люди становятся для них невидимыми духами. По мере того, как тело в могиле истлевает, происходит трансформация души – ис превращается в жучка. Духи умерших привязаны к живым сородичам. Когда манси переезжают на сезонные промыслы, они боятся, что духи с родового кладбища последуют за ними. Поэтому на пути они вырезают на деревьях устрашающие изображения животных, чтобы отпугнуть духов.

Кладбище ассоциируется и с загробным миром Куль-отыра: душа ис, или «вторая душа», которая путешествует в загробный мир вниз по реке, может иметь облик человека, птицы и даже комара. Она живет там столько же, сколько человек прожил на земле; правда, на том свете, где все происходит наоборот, человек становится все моложе и моложе, пока не превращается в младенца.

Человек должен взять с собой на тот свет свои ногти и волосы — иначе ему их не хватит для загробной жизни, и он вынужден будет отправиться на их поиски в мир живых, стать злым духом. Потом его душа начинает уменьшаться в размерах, пока не превратится в водяного жучка, и, наконец, исчезает вовсе.

Существуют также представления о душе *урт*, которая способна отделяться от тела во время сна и странствовать в образе кукушки (вспомним русское поверье о том, что кукушка определяет своим кукованием срок жизни), глухарки и других птиц, которые своим криком предвещают смерть. Сходные обозначения отделяемой души (двойника человека) известны и соседним финским народам — марийцам и коми (орт), удмуртам (урт). Во время странствий ее могут подстергать злые духи, пожиратели душ, которые охотятся за душами, ловят их, варят и едят. Если с человеком такое случилось, он болеет и умирает — спасти его может только шаман, возвращающий душу в тело.

Конец света

Мир погибнет в огненном потоке (у хантов — *чек-най*, «бедственный огонь»), которым некогда Нуми-Торум уже очищал землю. Рассказывают, что ревнивый бог хотел устроить еще один потоп, когда увидел, что люди больше почитают его сына, чем самого творца. Поначалу бог велел запереть новорожденного сына в круглый каменный дом. Однако младенец подрос, вырвался из каменного жилища и явился к отцу — в его золотые палаты. Тот разгневался и объявил, что за непослушание он не наделит сына той силой и хитростью, которая позволила бы ему превосходить всех людей. Но разозлился в ответ и юный герой. Он покинул отцовский дом, поселился у прислужника отца, но вскоре был заме-

чен в преступной связи с его женой. Тогда Торум велел казнить сына — сжечь его на огромном костре. День и ночь горел огонь, но герой не пролил ни слезинки. Когда же костер догорел, оказалось, что на его месте — маленькое озеро, а по озеру плавают гусенок (обычный образ Мир-сусне-хума).

Торум велел стрелять в гусенка, и народ целую ночь палил в него из ружей, но тот целым и невредимым вышел на берег и, как ни в чем не бывало, направился в город отца. Там он схватился с прислужником и оторвал ему голову. Торум увидел, что сына ничем не проймешь, и изгнал его на землю — пусть будет повелителем земного народа.

Так сын бога оказался на земле, стал заботиться о народе и лечить его, народ же стал поклоняться ему как богу. Торум, оскорбленный тем, что народ на него больше не смотрит, решил устроить на земле огненный потоп и погубить людей вместе с их покровителем. Сын узнал о замыслах отца и пришел к нему просить за свой народ, который готов приносить богу жертвы, лишь бы он пощадил землю. Но Торум был беспощаден — через семь дней начнется огненный потоп.

Сын бога вернулся к своему народу и велел приносить жертвы ему самому: народ стал жертвовать коней (еще один атрибут Мир-сусне-хума), а также поднес покровителю семь черных лис, семь чаш золота и семь шелковых занавесей. Через семь дней, действительно, с неба загредел гром и засверкала молния, разбушевалась вода, но чудесный покровитель утешал людей: пока он жив, им нечего бояться. Как ни старался Торум, потоп не достиг земли. Изумленный бог глянул вниз и увидел, что между двумя ярусами — небом и землей — стоит огромное медное корыто, куда собралась вся небесная вода.

Вражда между старым и новорожденным героем — знакомый нам мотив: и Вяйнямйнен, и

Тюштян в конце концов вынуждены были уступить свое место молодым героям. Сюжет мифа о потопе перекликается с библейской традицией: библейский Бог истребил потопом поколение великанов, которое родилось от браков сыновей Божьих с детьми человеческими.

И все же конец света неизбежен. За семь лет до этого злые духи — кули и менквы — отправятся в преисподнюю, а по дороге будут пожирать людей. Во время огненного потопы спасутся лишь те, которые заранее подготовят плоты из семи слоев древесины: шесть слоев прогорят дотла, седьмой останется на плаву. Но тех, кто будет плыть на плотках без укрытия, будут пожирать гигантские комары. Спасшиеся проживут еще столько, сколько жили до потопы, а потом превратятся в водяных жучков и, наконец, обратятся в прах — это и будет концом света. Правда, согласно верованиям хантов, за огненным последует водный потоп, который все смочет, и тогда начнется новая жизнь омолодившихся духов — лунков.

Последний миф

Христианская мифология, в том числе апокрифические сказания, оказала влияние на мифы обских угров, хотя и меньшее, чем у других финно-угорских народов. Усилия миссионеров и государственных властей приводили, как и повсюду, к формированию синкретических верований. Мир-сусне-хум, как Сын Божий на земле, был отождествлен с евангельским Иисусом, Нуми-Торум — с Богом-Отцом, Калтац-эква — с Богородицею. Полум-Торуму стали поклоняться как Николу Угоднику: в начале XX в. охотник манси зарезал перед иконой Николы барашка, доверчиво ожидая от святого помощи в охоте.

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

Эква-пырищ остался излюбленным героем обско-угорского фольклора и в новейшие времена. Рассказывают, как он вступился за бедняков, когда купцы стали мучить их непосильным трудом, как герой отправился к главному купцу, чтобы установить справедливость. Купец отправил его работать – прессовать уголь – на ту сторону Ледовитого моря. Мостом на ту сторону моря служила большая рыба. Эква-пырищ позвал всех людей обратно – в гости к хозяину, а сам ударил молотком по рыбе, так что мост, ведущий в Землю тяжкого труда, пропал. Герой же раздал товары людям и предрек, что скоро уже настанет «древнее время жизни человеческой», когда народу не нужно будет работать ни на купцов, ни на царя.

Слова сказочного плута напоминают прорицания «Кузьки – мордовского бога» – так же, как и других реформаторов религиозных и прочих идей. Но сказочный сюжет развивается по собственным канонам, и Эква-пырищ направляется к самому царю.

В царском дворце он, конечно, поражает воображение царской дочери (лишь царские да купеческие сыновья видят в нем сопливого мальчишку) и добивается невиданных успехов на дворцовой конюшне – лошади у него тучнеют, хотя сам он все время спит. Очевидно, магическая власть всадника Мир-сусне-хума над лошадьми была унаследована и нашим сказочным героем. Более того, скоро он и сам становится царем, хотя не может забыть о своей земле и воде.

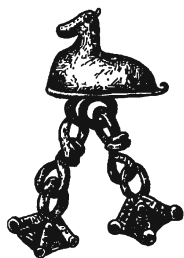
Способность Мир-сусне-хума проникать во все миры, включая небесный, получила замечательную трактовку в космическую эру: старики считают, что именно он надоумил людей строить самолеты, а также запускать спутники.

ВЕНГЕРСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Ближайшие родичи обских угров — венгры (в русских средневековых летописях они тоже называются угры) — в X—XI вв. приняли христианство. В их фольклоре сохранились лишь отголоски древних мифов. Представляют интерес и средневековые предания, повествующие о деяниях венгров, о происхождении народа.

Олень, указывающий путь

В «Деяниях венгров» автор XIII в. Шимон Кеза, как и прочие средневековые хронисты, начал историю своего народа с библейского всемирного потопа. Потомком Иафета, одного из спасшихся от потопа сыновей Ноя, был гигант Менрот. После того, как люди попытались построить Вавилонскую башню и Бог смешал их языки, Менрот ушел в землю Эвилат, которую теперь именуют Персией. Там он произвел от своей супруги Энет двух сыновей — Хунора и Могора: от них и произошли гунны, или угры-венгры. У Менрота родилось еще много детей от других жен, но два брата были первенцами, они быстро отделились со своими шатрами от отца, поселившись в Скифии.

Другой анонимный автор XIII в. считает (по созвучию) Могора потомком сына Иафета Магога, «первого короля Скифии». Потомками Магога были и властитель гуннов Аттила, и предок венгерских королей Юдьек. Предки венгров обитали в Скифии, но, сильно умножившись, вынуждены были искать новые земли.

Однажды братья вышли охотиться на болота Меотиды (Азовское море) и увидели самку оленя, которую принялись преследовать. Олень исчез, но братья обнаружили, что земли, на которых они оказались, изобилуют травой, деревьями, дичью и рыбой. Туда они и переселились с разрешения отца. Здесь братья нашли себе жен среди народа алан (вспомним предания о великанах алангасарах), умножились и стали могучим народом, расселившимся по всей Скифии.

Тогда гунны и их шесть вождей-братьев избрали себе судью, который должен был разрешать все споры, и двинулись на запад. Гунны со своим правителем Аттилой подчинили полмира, но, в конце концов, были разбиты. Вновь вернуться в Европу из Скифии гуннам-венграм удалось лишь в конце IX в. — там они обрели новую родину, Венгрию. По одному из преданий, они купили эту землю у моравского князя Морота, заплатив за нее небольшую цену — белого коня с уздой и седлом (венграм с древних времен было известно коневодство). И в этом походе венгров возглавляли всего семь вождей во главе с Арпадом.

Венгерский средневековый историк, как и все авторы того времени, не был оригинален. Он начинал историю своего народа с библейской легенды о разделении языков и отождествил венгров с более древним народом, гуннами, — благо, их имена в латинской передаче (а Кеца пользовался латинским языком) были по-

хожи: *huppi* и *hungari*. Деяния гуннов также были описаны им в соответствии с историей знаменитого автора VI в. Иордана: даже легенда о чудесном олене, показавшем путь гуннам, была заимствована из этой древней истории. Но вот имена героев начальной венгерской истории не были выдуманы Кезой: Менрот и особенно его жена Энех — персонажи древней легенды. Имя прародительницы венгров восходит к древнемадьярскому слову юнё — «корова»: это была, судя по всему, тотемическая прародительница.

Имена Хунора и Могора явно отражают древние этнонимы. Имя Хунор передает этноним оногуры: это объединение гуннских племен существовало в V–VII в. в степях Северного Причерноморья. Их соседями действительно могли быть венгры — мадьяры: это самоназвание венгров и отражает имя Могор — Мадьяр (имя «угры» — «венгры» они получили благодаря своему соседству с оногурами). Имя «мадьяр», как уже говорилось, родственно этнониму манси и даже названию фратрии Мось. Возможно, даже легенда о чудесном олене родственна обско-угорскому мифу о двух охотниках, которые преследовали небесного лося: один — на крыльях, другой — пешком. Крылатый охотник поразил лося и сказал пешему, где найти добычу: тот нашел зверя и увидел, что земля вокруг изобилует рыбой и зверем. Тогда он навсегда остался на новой родине.

Наконец, сюжет о семи вождах, которые возглавили поход венгров на запад, также относится к древнему преданию, согласно которому семь князей, именовавшихся «хетумогер» — «семь мадьяр», выступили во главе венгров в поход из Скифии на запад.

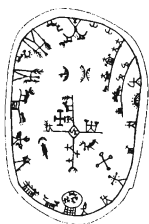

Легенда об обретении земли

В «Деяниях венгров», составленных в XII в., через два столетия после обретения ими новой родины, рассказывается легенда о «покупке» венграми земли, где им предстояло жить.

Семь князей во главе с Арпадом приблизились к своей будущей новой родине на Дунае и отправили посла, чтобы тот осмотрел окрестные земли. Посол увидел изобильную землю, покрытую прекрасными травами. Он явился к славянскому князю Святополку, который правил там после смерти Атиллы, и объявил ему о приходе венгров. Святополк сначала обрадовался, решив, что у него прибавится подданных-крестьян. Он отправил посла обратно, тот же наполнил дунайской водой флягу, а в бурдюк взял с собой земли и травы. Венгры убедились в том, что земля на Дунае прекрасна, а вода — сладка. Арпад наполнил рог дунайской водой и перед всеми мадьярами стал молить Бога, чтобы он даровал им эту землю навеки. За ним все мадьяры трижды призывали имя Божье (что они делают и до сих пор, замечает автор «Деяний»): то было имя древнего венгерского бога, о котором еще пойдет речь.

Затем венгры вновь снарядили посла и отправили с ним большого белого коня под золоченым седлом и с роскошной уздой. Князь Святополк вновь обрадовался, решив, что новые подданные прислали ему дар. Посол же потребовал земли, воды и трав в обмен за подарок. Святополк рассмеялся и разрешил венграм взять столько, сколько смогут. Посол вернулся к венграм, и те отправили наивному славянскому князю новое посольство — с требованием, чтобы он оставил купленную у него землю. Напрасно Святополк собрал войско и обратился за помощью к союзникам: венгры разбили незадачливого соперника. Тот бросился в волны Дуная и утонул.

В конце IX в. венгры разгромили Великоморавскую державу на Дунае и обрели новую родину. Легендарный белый конь (сыгравший роль «троянского коня» для князя Святополка) стал символом венгерского могущества. Венгерская конница наводила страх на всю раннесредневековую Европу, а русский князь Святослав, уже в X в. стремившийся также обосноваться на Дунае, мечтал о конях, которых он смог бы получить у венгров-угров.

Мировое древо

Семь легендарных вождей угорских племен, отвоевавших у славян на Дунае Венгрию, соотносятся с семью ветвями Мирового древа — семью мирами и семью сыновьями Нуми-Торума в близкой венграм мифологии обских угров.

Среди древних мифологических образов в фольклоре венгров сохранилось Мировое древо с семью (или девятью) ветвями: оно настолько высоко, что именуется «деревом без вершины» — вершина теряется в небесах (которые имеют семь слоев), корни уходят в преисподнюю, где располагаются страны хтонических существ — лягушек, ящериц и змей. У корней бьет источник жизни; смола, плоды и соки дерева питают все сущее на земле. Плоды этого дерева — золотые яблоки — дарят феи своим любимцам. На верхней — седьмой — ветви находится дом Солнца и его матери, ниже — дом Луны и ее матери. Месяц именуется в венгерском фольклоре «новым королем», Солнце оказывается женским персонажем (подобно Месяцу и Солнцу у обских угров). Здесь же обитает Сел-аня («Мать ветра»); от колебания ветвей Мирового древа поднимается ветер (представления о «гнезде ветров» сохранились и у финнов).

По другим представлениям, ветер дует из большой дыры в горе, которая находится дале-

ко — за семью другими горами: это отверстие стережет Мать ветра. В этом мифе гора эквивалентна Мировому дереву.

Древо охраняет огромная птица: недаром оно называется «орлиным деревом». Мифическая птица Турул играла особую роль в венгерской мифологии: анонимный венгерский хронист XIII в. века рассказал, что мать Алмоша — отца Арпада и прародителя венгерских королей забеременела после того, как увидела во сне эту чудесную птицу, овладевшую ею. Ей привиделось во сне, что целая огненная река истекает из ее груди: это — шаманская река, по которой можно проникнуть во все миры. Для венгров эпохи обретения новой родины этот символ был важен — ведь им предстояло следовать неведомыми путями. Само имя *Алмош* означает «сонный» — рожденный после вещего сна. Имя *Турул* восходит к тюркскому обозначению ястреба.

Вспомним «шаманский» изобразительный мотив, характерный как для пермского звериного стиля, так и для произведений иранской торевтики: гигантская птица уносит женщину в своих лапах. Эта сцена запечатлена на двух золотых сосудах из самого знаменитого из раннесредневековых кладов: он был найден в местечке Надь-Сент-Миклош в Трансильвании в XVIII в. И здесь женщины кормят чудесных птиц плодами, чтобы у них хватило сил донести ношу до неба. Нам хорошо известны мифы о земных невестах небесных богов и о земных правителях, которые имели небесное происхождение. Сон прародительницы венгерских королей отражал этот древний миф.

Шаман-талтош

Лишь талтош (шаман) может найти путь к Мировому дереву. Чтобы обрести чудесные способности, он должен подняться на небо — влезть на риту-

альный столб или дерево, символ Мирового древа (вспомним сходный обычай у ближайших родственников венгров — обских угров). Талтош с детства отличается от прочих людей: он рождается в новолуние с зубами (иногда с двумя рядами зубов), которые могут быть непомерно большими — кабаньими, лошадиными или волчьими, с волосатым телом или даже с копытами. В семилетнем возрасте во время грозы он исчезает в туче или уносится в виде вихря на небо. Там старые талтоши учат его, как устраивать бури и вихри, наводнения, как самому передвигаться со скоростью вихря. Рассказывают, что талтош может поднять вихрь, раскурив свою трубку.

Талтош может защищать свое селение от другого, враждебного, чародея. Во время грозы в тучах видны две группы сражающихся друг с другом талтошей. Победа «своего» талтоша обеспечивает хороший урожай, поражение может привести к семилетнему голоду. Талтош оказывается также противником ведьм — босорканей. Талтош имеет не только отдельные зооморфные черты, но может превращаться в животных, чаще всего — в коня или быка и сражаться в таком виде с другим талтошем. В некоторых легендах он оборачивается волком или может напустить волков на чужие стада.

Способностью к оборотничеству наделялись все высшие боги финно-угорской мифологии: вспомним мордовского Нишке, который также был связан с Мировым деревом и мог превращаться в быка, коня и других животных.

В сказках талтошем может называться и волшебник, и чудесный конь, похожий на русского конька-горбунка: поев раскаленных угольев, он из убогого животного превращается в волшебного жеребца. Конь-талтош помогает герою венгерской сказки добыть чудесную невесту, сражаться с драконом — шарканем и т. п.: в этом волшебном помощни-

ке также легко угадываются шаманские черты. Впрочем, шаркань — дракон, живущий в колодце, болоте или пещере, — может быть как раз помощником талтоша и закручивать вихри во время полета талтоша по воздуху. В легендах талтош или волшебный конь может указать, где зарыт клад: там, где гарцуют семь жеребцов, наверняка спрятано сокровище. Талтош может предвидеть будущее (во всяком случае, погоду) и даже возрождаться после смерти.

Миф о борьбе враждебных талтошей напоминает не только мифы о небесных битвах, от которых происходит северное сияние. Вспомним поединки шаманов и чародеев — начиная с состязания Вяйнямёйнена и Лемминкяйнена. Но более всего представления о борьбе талтошей связаны со славянскими верованиями о здухацах и подобных им фантастических персонажах, которые сражаются в тучах со своими противниками.

В XVI–XVIII вв., когда и в Венгрии проходили ведовские процессы, многих женщин обвиняли в том, что они — ведьмы-босоркани. Подсудимые отрицали свою вину, заявляя, что они — талтоши. Талтоши-женщины наделялись способностью лечить, гадать, предсказывать будущее, разыскивать потерянное имущество или обнаружить клад, сражаться с ведьмами и друг с другом, летая по воздуху.

Боги и предки

Только по данным языка можно обнаружить древние корни венгерских представлений о богах. Обозначение христианского бога Иштен связано с представлениями о предке, «отце»: видимо, к нему трижды обращались венгры перед походом на будущую родину. Молния именуется «стрелой Иште-на» — значит, небесный бог имел и функции громовника (как Укко у финнов и прочие небесные боги).

Богородица в венгерской народной традиции называется «мать (женщина) счастья (богатства)»: сохранилось представление о «семи матерях», которые могут быть соотнесены с семью ветвями Мирового древа, семью вождями венгров и т. п. «Мать счастья» должна была наделять судьбой, долей — значит, была сродни обско-угорской Калтащ-эке.

Древнее — тюркское — имя сохранил в венгерском языке и черт — ёрдёг: показательно, что имя злого духа было заимствовано у соседних народов, как это было с именами Керемета у марийцев, удмуртов, Шайтана — у мордвы, Перкеля — у саамов и др.

Мифы о творении

У венгров, как и у всех финно-угров, сохранились архаические дуалистические мифы о сотворении земли. Бог велел черту нырять за ней на дно океана, но черт не мог поднять на поверхность землю: вода вымывала ее из рук нечистого. Лишь на третий раз Бог заметил, что под ногтем у черта сохранилась частичка земли. Тогда Бог принялся сеять землю по поверхности и за шесть дней посеял ее достаточно для того, чтобы двум творцам хватило на ней места. В субботний день Бог прилег отдохнуть, черт же стал пытаться столкнуть его в воду. От этого земля разрослась.

Далее черт творит человека из глины, но не может вдохнуть в него душу: ведь он властен только над видимым материальным миром, духовный же мир зависит от Бога.

В другой дуалистической легенде также сохранились знакомые нам мотивы. Черт стал просить у Бога, чтобы он уступил ему души хотя бы тех людей, которые утонули. Бог согласился с тем условием, что черт спустится на дно океана и совет там веревку из морского песка. Конечно, нечистый не справился с задачей, и человеческие души ему не достались.

Эти дуалистические легенды, распространенные у всех финно-угров, едва ли могут считаться собственно финно-угорскими, в отличие от мифа о ныряющей за землей птицей. Они восходят к средневековым дуалистическим ересям — богомилству, о распространении которого в Европе мы говорили в начале книги, когда речь шла о поверьях поволжских волхвов. В Венгрии богомилы могли появиться уже в XI в., когда были изгнаны из соседней Византии. Именно в венгерской традиции сохранилась мотивировка бездействия Бога после творения, когда он не сопротивлялся козням черта: ведь Бог должен был отдыхать в седьмой день после творения.

В венгерской фольклорной традиции не сохранился уральский миф о ныряющей за землей птицей, однако образ водоплавающих птиц был запечатлен на прекрасных произведениях венгерского искусства эпохи завоевания новой родины (X в.). На двух серебряных дисках, вплетенных в косы погребенной в Ракамазе знатной венгерской дамы, изображена птица Турул, несущая в клюве росток некоего растения: вспомним, что в индоиранской традиции птица приносит священное растение — сому или хаому. В лапах у Турула — две водоплавающих птицы: мы уже знаем, что перед нами космограмма — символическое изображение небесного и земного (водного) мира. Важно, что эти диски с космологическими сценами вплетались в дамские косы — такая же мода была известна и далеким родичам венгров на Оби.

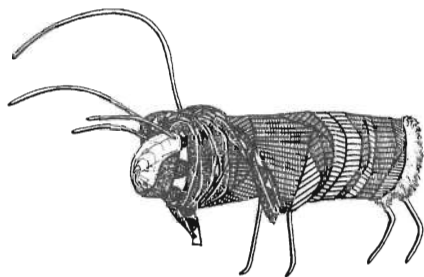
Зловредный цыпленок

Среди низших духов, известных славянам и другим народам Европы, у венгров бытует злобный персонаж, именуемый лидерц. Человек может «высидеть» его, если будет 24 дня держать подмыш-

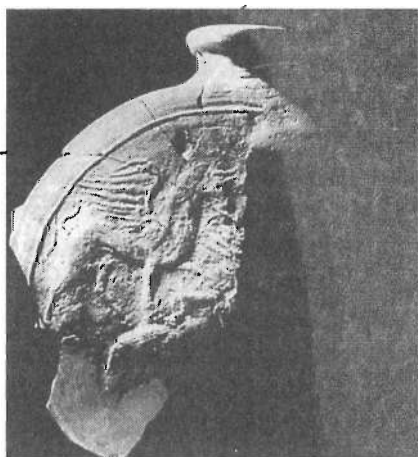
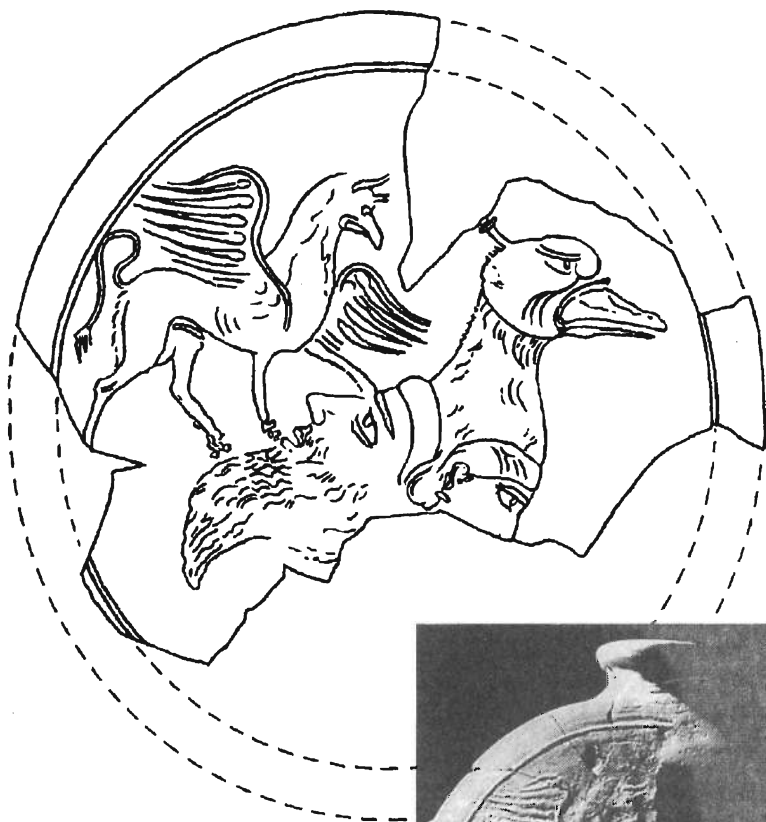

На этом серебряном ковше, найденном в Коцком городке (на Оби), изображен **большой шаман, окруженный семью меньшими.**

У хантов **Кар-лунг** («Дух – самец оленя») **призван собирать оленей**, отпущенных на вольный выпас.

Керамическая фляга из храмово-дворцового комплекса Кой-крылган-кала (Хорезм). На ней изображен **гусь-оборотень**. На его туловище помещаются две человеческие личины. Гуся касается лапами грифон – Симург. Гусь этот **воплощает целую Вселенную** – он и объединяет космические стихии, и является производным от них.

Такие серебряные диски
были вплетены в косы погребенной
в Ракамазе знатной венгерской
дамы. На дисках изображена
гигантская птица Турул, играющая
особую роль в венгерской мифологии.

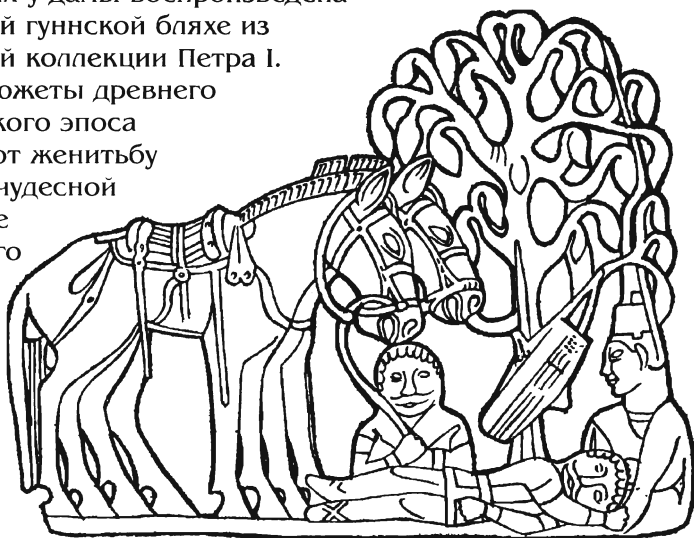

Фрагмент
росписи одной
из венгерских
церквей, изобра-
жающий **поединок**

венгерского короля XI в.

св. Ласло с вождем куманов
(половцев), похитившим венгерскую красавицу.

Эта **романтическая сцена отдыха**
на коленях у дамы воспроизведена
на золотой гуннской бляхе из
Сибирской коллекции Петра I.
Многие сюжеты древнего
евразийского эпоса
описывают женитьбу
героя на чудесной
красавице
у Мирового
дерева.

кой куриное яйцо. Вылупившийся цыпленок может обогатить своего хозяина, но при этом совершенно изнуряет человека, требуя от него все новых и новых заданий. Избавиться от него можно, придумав невыполнимую задачу: принести воды в решете, свет в лукошке, наконец, свить веревку из песка (чем бог чрезвычайно озадачил требующего человеческих душ черта).

Лидерц может являться человеку в виде блуждающих огоньков — они отмечают место, где зарыт клад, но могут заманить и в болото. Ночью же злодей может принять облик человека и даже вступить с женщиной в любовную связь. Но от этого возлюбленная лидерца непременно заболеет. Сходный персонаж, вылупляющийся из яйца, — куйгорож — известен и мордве, у финнов же духом-обогадителем считался пярä.

Странствующая душа

У венгров сохранилось представление о двух душах, имеющих у каждого человека. Душа-дыхание именуется *лелек*, что напоминает сходное по наименованию и значению (*лили, лил*) в обско-угорской мифологии и в мифах финских народов — это эстонская *лейл*, коми зырянская *лол*, удмуртская *лул*. Душа-дыхание неразрывно связана с телом и покидает его только после смерти. Другая душа — тень, или свободная душа. Она может покидать тело во время сна и совершать дальние путешествия в образе мыши (сходное поверье есть у коми-зырян). Возможно, ее древним обозначением было слово *иж* — оно родственно наименованию души-тени *ис* у обских угров. Это слово стало обозначать у венгров злого духа — ведь дух умершего, способный странствовать по земле, не давал покоя живым; так же называли духов болезни и саму болезнь.

**Евразийский миф
и святой венгерский король**

С X в., когда венгры оказались на новой родине в центре Европы, они восприняли многие обычаи окружающих европейских народов, что нашло отражение в их фольклоре, календарных и семейных обрядах. Однако среди этих обрядов сохранились реликты древних ритуалов, напоминающих о временах, когда венгры еще кочевали в причерноморских степях.

На Троицу — один из главных христианских праздников — у венгров устраивались состязания (в том числе по стрельбе из лука), скачки, что заставляет вспомнить о быте венгров-коневодов, наконец, выборы обрядового троицкого короля, как правило, победителя в скачках. Троицкий король считался правителем всего села на время праздника, а у молодежи оставался «судьей» весь год — до следующих троицких состязаний.

Другой «конный сюжет» в венгерских легендах остается непонятным, если не обратиться к быличкам финских (пермских) народов Поволжья. Венгры-секлеры, живущие в Словакии, рассказывали, как ночью из озера выходит белый конь: он пугает пастухов, пасущих коней в ночном, и исчезает наутро. Венгры оказываются в этой быличке менее находчивыми, чем коми-пермяки и удмурты. Коми знали, что ночью из воды выходят чудесные быстрые кони, правда, не белые, а вороные с огненными глазами. Если успеть обойти такого коня с нательным крестом, он остается служить хозяину. Удмурты верили, что из воды выходят крылатые огненные кони: если успеть бросить в воду железный предмет, они не смогут вернуться туда и останутся во власти человека. У марийцев сам водяной вют-водьж

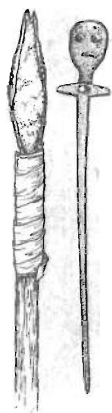
нередко появлялся в облике коня. Наконец, в виде белого жеребенка может выходить из моря и финский водяной.

Все это напоминает о тех легендарных временах, когда венгры выбрали себе «судью», который должен был вести их на поиски новой Родины. Белый конь стал символическим даром, за который венгры, согласно легенде, и обрели эту Родину. Более того, ежегодные состязания — борьба за титул «короля» — могут восходить к тем временам, когда люди верили, что от правителя зависит благополучие народа и мира в целом. Такие представления были распространены в Хазарском каганате, в состав которого входили и венгры, когда они обитали в причерноморских степях. Так, у хазар было принято, что в случае военного поражения или голода народ предъявлял обвинение правителю — кагану: он, дескать, стал стар и слаб, поэтому должен уступить место другому. Каган должен был доказать свою силу в борьбе или отступить (по преданию, его могли даже умертвить).

На хазарском Коцком ковше, обнаруженном у обских угров, есть шаманские изображения, в том числе представлена сцена борьбы старого кагана (в священной царской повязке) с его более молодым противником, волосы которого заплетены в косу.

Такие представления, как нам известно, были и у финнов — вспомним о судьбе Вяйнямёйнена, а также Тюштяна, культурных героев, которые вынуждены были уступить место только что родившемуся чудесному младенцу.

Предание о поединке короля с соперником сохранилось в венгерской исторической традиции о святом короле XI в. Ласло — Ладиславе. Ему пришлось сразиться с вождем куманов — половцев; врагов не только русских, но и венгров. Половецкий

вождь похитил венгерскую красавицу, и король выступал не только как воин, но и как рыцарь, спасающий даму. Всадники не смогли одолеть друг друга верхом, спешившись, они изломали свое оружие в поединке, и дело дошло до борьбы; боролись не только сами герои, но и их кони. Силы стали оставлять короля, но исход сражения решила героическая дева, которая поразила чужого богатыря в единственное его уязвимое место – пяту – топором (или мечом). Король смог отдохнуть после поединка, повесив оружие на дерево и положив голову на колени спасенной деве.

Эта средневековая рыцарская идиллия, воспроизведенная в росписях венгерских церквей – ведь Ласло был канонизирован – находит соответствие в древних изображениях, происходящих из степей Евразии. Сцена борьбы живо напоминает сходный изобразительный мотив на Коцком ковше: там также борются два пешеходных героя, которых сопровождают их кони. Наконец, романтическая сцена отдыха на коленях у дамы воспроизведена и на золотой гуннской бляхе из Сибирской коллекции Петра I. Все это – сюжеты древнего евразийского эпоса, явно связанные с последующей женитьбой героя на чудесной красавице у Мирового древа.

Космический олень и дары волхвов

Календарные обычаи венгров – христианские, схожие с обычаями соседних народов. На Рождество принято было колядовать, т.е. ходить с песнями-колядками по домам, собирая гостинцы, что напоминает о дарах волхвов. Конечно, речь идет не о тех волхвах, которые совершали страшный «обходной» обряд в Верхнем Поволжье в XI в., насильно собирая «дары» у «нарочитых жен», а о магах, которые по явлению новой звезды узнали о рождении Иисуса Христа и явились к нему со своими дарами. Но

сам «обходной» обряд колядования был древним: чем больше даров могли собрать колядующие, тем богаче будет наступающий год. Колядующие рядились в страшные зооморфные маски, изображающие нечистую силу, ибо считалось, что она выходит с того света на Святки (вспомним поверья об инвожо у удмуртов и сходные верования других народов). Колядующие, однако, изображали нечистую силу не для того, чтобы испугать односельчан: маски были смешными, а значит — не страшными. Среди масок выделялась голова оленя, часто вырезанная из дерева, с ветвистыми рогами.

Очень древним оказался мотив венгерских рождественских песен — колядок. В колядках упоминается чудесный олень с рогами в тысячу ветвей, на каждой ветви — тысяча свечей. Он пасется у чудесного источника, вокруг которого зеленеет трава. На его теле — солнце, луна и звезды.

Перед нами — космический олень, тело которого воплощает Вселенную, а рога — ветвистое Мировое древо. Венгерский народ сохранил тысячелетний уральский миф о небесном олене, несмотря на то, что далеко ушел от своей уральской прародины тысячелетие назад.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Адам**, библейский первочеловек 73, 205
- Азор-ава**, у мордвы богиня-хозяйка 306
- Азравка**, у мордвы земная женщина, сноха Нишке 301
- Азырен**, в марийской мифологии бог смерти 118, 272, 277, 278, 286, 325
- Ай-ас-Торум**, у обских угров один из сыновей Нуми-Торума, *см.* Сяхыл-Торум 371, 374
- Айеке**, Горагаллес, Тиермес, Арома-Телле, у саамов громовник 60, 168, 170, 194, 370
- Айеке-Донга**, у саамов радуга 170
- Акканийди**, у саамов лунная дева 158, 160, 161, 163–167, 277
- Аккрува**, у саамов Хозяйка рыб 172
- Акшо-кал**, у мордвы покровитель рыболовства 307
- Алак**, у марийцев помощник верховного бога 269
- Алангасары**, у удмуртов и марийцев великаны 232, 290, 422
- Албасты**, у тюрков злой дух 289, 321
- Аляк-инмар**, у удмуртов помощник верховного бога 235, 269
- Анге-патяй**, у мордвы богиня плодородия 293, 295, 302–307, 310, 323, 324, 334, 365
- Ангромайню**, в иранской мифологии создатель зла 352
- Апсары**, в индийской мифологии небесные девы 19
- Ардвисура Анахита**, у иранцев богиня плодородия 25, 26, 33, 362, 381
- Арома-Телле**, у саамов бог охоты 170

Асуры, в индийской мифологии демоны 71
Ас-ях-Торум, у обских угров один из сыновей
Нуми-Торума 371
Атям, у мордвы бог-громовник 309, 370
Аутья-отыр, у обских угров бог морской рыбы 371
Ахти, у финнов Хозяин вод 79, 88, 89, 102, 106, 120, 132,
352, 401
Ахтола, у финнов Морская страна 88
Ахурамазда, в иранской мифологии творец 20, 27, 352, 381
Ахуры, в иранской мифологии боги 29

Б

Баба-яга, злая старуха-волшебница в славянских сказках
24, 134, 161, 202, 289, 322, 330
Бальдр, в скандинавской мифологии бог 129
Бедой, у марийцев культурный герой 266, 272
Биегг-ольмай, Ильмарис, у саамов бог ветра 171
Босоркань, у венгров ведьма 427, 428
Брахма, в индийской мифологии бог-творец 19
Булдамурт, у удмуртов культурный герой 257

В

Вакуль, Куль васа, чукля, у коми водяной 199, 222–225
Вальхалла, у скандинавов небесный загробный мир 19,
166, 172, 351
Ванаиса, у эстонцев небесный бог 141
Ванапаганы, у эстонцев великаны 150, 152, 153
Ванем, у финнов бог, другое имя Укко («Старик») 98
Варма-ава, у мордвы Хозяйка ветра 315, 317
Варма-паз, у мордвы бог ветра 305, 324
Ват-лунг, у обских угров дух ветра 393
Веден-эма, у финнов Мать воды 89
Веденижанд, у вепсов Хозяин поля 144
Ведь-ава, у мордвы Хозяйка воды 306, 315, 317–319, 321
Ведь-паз, у мордвы бог вод 305, 307

- Велень-паз**, у мордвы бог земного мира 304
- Велламо**, у финнов и карел дева-лосось, дочь Ахти 88, 104, 106, 116, 219
- Велс**, Велняс, у балтов черт, противник громовника 161
- Вель-ава**, у мордвы Мать деревни 315, 320, 321
- Веральден-ольмай**, Веральден-радиэн, у саамов бог, «Муж Вселенной», Мировой столп 170
- Ветехинен**, у финнов водяной 88, 90
- Ветэ-Эма**, у эстонцев Мать воды 143, 144
- Вецорго**, у мордвы дочь Нишке 301, 308
- Випунен**, у финнов и карел великан 103, 117, 121, 130, 372
- Виранканнос**, у карел дух ячменя 80
- Вирмалайсет**, у эстонцев воплощение северного сияния 146
- Вирь-ава**, у мордвы Хозяйка леса 296, 307, 315, 317, 321, 322, 328
- Вирь-патяй**, у мордвы богиня лесов 305, 307
- Вирь мацеень ки**, у мордвы Млечный путь 8
- Вит-кан**, у обских угров водяной царь 372, 379
- Вит-куль**, у обских угров водяной 337
- Витнызе**, у марийцев помощник верховного бога 269
- Вишну**, в индийской мифологии демиург 70, 71
- Вожо**, у удмуртов сезонные духи 249, 252, 329
- Войпель**, у коми бог северного ветра 201, 202, 206, 360
- Волгенче-юмо**, у марийцев бог молнии 269
- Волос**, древнерусский скотий бог 54, 161, 253
- Вольык-кугу-юмо**, у марийцев бог скота 270
- Вонт-лунг**, у обских угров лесной дух 392
- Вор-лунк**, у хантов лесной дух 393
- Ворса**, у коми леший 199, 202, 214, 220, 222, 224, 225
- Ворсик-ойка**, у обских угров родовой предок 35, 37, 248
- Воршуд**, у удмуртов родовой покровитель 235, 236, 241, 242, 250, 254, 258, 259, 276, 334
- Вукузё**, у удмуртов водяной 230, 238–240
- Ву-мыму**, у удмуртов Мать воды 237
- Вумурт**, у удмуртов водяной 231, 238, 240, 249, 257
- Вэде**, у коми герой-охотник 220
- Вют-ава**, у марийцев Мать воды 275, 276
- Вяйнямёйнен**, Вяйно, Ейнемейнен, у финнов и карел культурный герой – демиург 64–66, 77, 79, 86, 88–90,

98, 100–117, 119–121, 129, 135, 141, 154, 184, 219, 253, 296, 299, 319, 332, 372, 401, 402, 418, 428, 437

МИФЫ ФИННО- УГРОВ

Г

Горагаллес (Хорагаллес, Гороюрий), у саамов бог грома, другое имя Айеке 168
Гаруда, в индийской мифологии птица – вестник богов 19, 31
Геракл, в античной мифологии герой 379, 380
Гидмурт, у удмуртов дворовый дух 241
Гог и Магог, библейские варварские народы 27
Гроа, у скандинавов вельва 169
Гудыри-мумы, у удмуртов мать грома 237, 250, 257, 259
Гуннар, у скандинавов герой 328

Д, Е, З

Дзо-дзог туй, у коми Млечный путь 8
Дзудзя, у коми прародительница 216
Дуннер-мунас, у саамов злой дух 173
Ева, библейская праматерь 73
Ейнемейнен, см. **Вйянямёйнен**
Ен, у коми бог-демиург 7, 110, 112, 136, 197–202, 205–207, 213, 218, 223, 228, 229, 261, 372, 413
Ендол-паз, у мордвы бог-молния 309
Ёвле, у коми богатырь 217
Ёукахайнен, Ёукахайне, Ёугамойне, у финнов и карел культурный герой 98, 100, 104, 109, 110, 114, 115, 120
Зарань, у коми небесная дева 213, 214
Золотая баба, легендарный образ 20, 21, 23, 24, 26, 41, 195, 203

И, Й

Ильман Укко, у финнов бог, другое имя Укко 98
Ильмаринен, у финнов и карел культурный герой –

кузнец 7, 64, 65, 70, 79, 81, 100–102, 104–107, 109, 111–116, 118–121, 131, 135, 141, 171, 228, 286, 330, 402

- Ильмарис** (Ильмаратче), у саамов бог ветра 171
Ильматар, у финнов и карел воздушная дева 64, 65, 101
Ильт, у обских угров жизненная сила 364
Илья-пророк, библейский пророк 100, 228, 259, 308
Инару, у саамов Хозяин рыб 172
Инворшуд, у удмуртов божество 242
Инву-мумы, у удмуртов Мать небесной воды 237
Инмар, у удмуртов бог-демиург 7, 112, 198, 223, 229–231, 233–235, 242, 250, 252–259
Ин-мумы, у удмуртов Мать неба 237
Иро, у финнов и карел девушка, родившая героев 100
Ис, у обских угров душа-тень 415, 416, 435
Иштен, у венгров высший бог 428
Ия, у марийцев злой дух 266, 288
Йенк-лунг, у хантов хозяин воды 394
Йибы-ойка («Филин-старик»), у обских угров герой 284, 411
Йоли-Торум-шань, *см.* Калтащ-эква 25, 337, 341
Йома, у коми злая волшебница 24, 201–205, 217, 261
Йомали, у биармов бог 7, 41, 42, 72
Йомаль, у коми небесный бог 7, 202, 212
Йоулетар, Хиллерво, у финнов Мать выдр 82
Йоунертар, у финнов Мать северных оленей 82

К

- Каба-инмар**, у удмуртов помощник верховного бога 235
Кава-юмо, у марийцев бог небосвода 269
Каврай, у саамов верховный бог 171, 173
Казым-ими («Казымская женщина»), покровительница хантов на р. Казым 410
Кайыккомбо корно, у марийцев Млечный путь 8
Кала-Тонт, Кала-Вайм, Кала-кунингас, у эстонцев водяные, духи рыб 144

- Калевала**, у финнов и карел страна героев-великанов 63, 107
- Калеванпойки**, у финнов и карел богатыри-великаны, сыновья Калева 135
- Калевипоэг**, у эстонцев великан-богатырь 150–153, 232
- Калевы сыновья**, у прибалтийских финнов великаны – культурные герои 135–137, 232, 259, 290
- Каллерво**, у финнов и карел герой 131, 133, 299
- Калм**, у обских угров крылатая вестница богов 360
- Калма**, у финских народов воплощение смерти 94, 95, 145
- Калтащ-эква**, Йоли-Торум-шань, Ма-анкв, у обских угров богиня земли 25, 204, 236, 338, 349, 355, 358, 360–364, 376, 378, 384, 385, 387, 393, 406, 410, 419, 429
- Камрусеп**, у хеттов богиня пчел 314
- Кардаз-ава**, у мордвы Мать двора 315
- Кардаз-сярко**, у мордвы домовый 306, 317, 321, 323
- Карс**, у обских угров гигантская птица 31, 32, 43, 349
- Кастарго**, у мордвы дочь Нишке 301
- Кат-лунг**, у обских угров дух-покровитель семьи и дома 393
- Квазь**, Куазь, у удмуртов бог 235, 255–257, 259
- Кекри**, Кякри, Кеури, у карел покровитель скота 81, 93
- Керейтар**, у финнов Мать лисиц 82
- Керемет**, у марийцев и удмуртов противник демиурга 229, 230, 233, 234, 252, 255–257, 260–262, 271, 274, 285, 324, 366, 429
- Кереметы**, у удмуртов и марийцев злые духи, слуги Керемета 8, 262, 266, 287, 288
- Кече-ава**, у марийцев Мать солнца 275
- Кёндёс**, у карел покровитель пахоты 80
- Кинде-мочин-кугу-юмо**, у марийцев бог урожая 270
- Киямат**, у марийцев бог смерти 277, 278, 285, 286
- Коддь-акка** («дикаря старуха») у саамов шаманка, мать Мяндаша 190
- Консыг-ойка**, у обских угров медведь, спущенный с неба 55, 345
- Коркамурт**, коркакузё, у удмуртов домовый 240, 241

- Корс-Торум**, у обских угров бог, отец Нуми-Торума 300, 337, 341, 349, 370
- Косяр-Торум**, у обских угров дед Нуми-Торума 349
- Кратти**, Кратой, у финнов покровитель имущества 79, 145
- Кугурак**, Курык кугыза, у марийцев культурный герой 272, 273, 287
- Кугу-Юмо**, у марийцев бог-демиург 260–262, 268, 270, 273
- Куд-ава**, у мордвы Мать дома 315, 320, 321
- Кудо-водыж**, у марийцев родовой покровитель 276
- Кудым-ош**, у коми богатырь 57, 211, 215, 220
- Кудырчо-юмо**, у марийцев громовник 269, 274, 291
- Куллерво**, у финнов и карел культурный герой 131–133, 137, 217, 222
- Кул-тэттэ-лунг**, у обских угров – создатель рыб 393
- Куль**, у обских угров и коми злой дух 198, 223, 228, 337, 339, 342, 343, 365, 366, 389, 392, 413, 415, 419
- Куль-отыр**, Кынь-лунк, у обских угров противник демиурга 110, 173, 337, 339–341, 349, 361, 364–367, 379, 383, 385, 388, 389, 392, 393, 407, 416
- Курык-водыж**, у марийцев хозяин гор 276
- Кутысь**, у удмуртов дух болезней 251
- Кылдысин**, у удмуртов бог земли 234–236, 255–259, 265, 275, 361
- Кынь-лунг**, у хантов противник творца 337, 365, 393

Л

- Лембо**, Лебпо, у финнов злой дух 85, 103
- Лемминкяйнен**, Каукомойнен, у финнов и карел культурный герой-неудачник 68, 69, 98, 121, 122, 129, 130, 132, 184, 314, 319, 401, 428
- Лидерц**, у венгров дух-обогадатель 430, 435
- Лиейб-ольмай**, у саамов бог леса 172
- Лиеккио**, у финнов бог растений 79
- Лили**, лил, у обских угров душа-дыхание 415, 435
- Линнумаа**, у финнов и карел страна птиц 78
- Линнунрата**, у финнов Млечный путь 8
- Линнутее**, у эстонцев Млечный путь 8

- Литова**, у мордвы земная невеста громовника 311–313
Лов, лол, у коми душа человека 227
Лоухи, у финнов и карел хозяйка Похьёлы 77, 106, 107, 120
Луд, у удмуртов противник демиурга 8, 55, 229, 255, 256
Луд зазег сюрес, у удмуртов – Млечный путь 8
Лудмурт, у удмуртов полевой дух 240
Луё, у финнов творец 84
Луи-вот-лойка, у обских угров северный ветер 359
Лукутар, у финнов Мать чернобурых лисиц 82
Лул, у удмуртов душа 251, 435
Лунг, у обских угров дух 391, 392, 419
Лунт-отыр («Гусь-богатырь»), у обских угров другое имя
 Мир-сусне-хума 379
Луот-хозик, у саамов Хозяйка оленей 172

М

- Маахисы**, маанвэки, маннлайсы, у финнов подземные духи 90
Маа-Эма, у эстонцев Мать-земля 6, 99, 143
Маддер-акка, у саамов Мать-земля 6, 167, 168
Мадер-атче, у саамов небесный бог 167
Мамонт, у финно-угров мифическое животное 59, 212, 239, 390
Мана, Калм, у эстонцев воплощение смерти 145
Манала, у финнов и карел подземная страна 76, 77, 91, 95,
 121, 129, 130, 139, 145
Ман-Эмойinne, у финнов Мать-земля 6, 99
Маннутар, у карел Хозяйка земли 81
Мардус, у эстонцев дух преисподней 145
Марум-Эма, у эстонцев Мать бури 144
Мастор-ава, Мода-ава, у мордвы Мать земли 6, 315, 316
Мастор-паз, у мордвы бог земли и преисподней 302, 305,
 306, 323, 324, 334
Менкв, у обских угров лесной великан 15, 127, 231, 342,
 351, 368, 370, 372, 375–377, 393, 394, 402, 403, 406,
 409, 410, 412, 419
Меру, в индийской мифологии Мировая гора 19, 20, 121
Метсаваймы, метсатонт, у эстонцев подземные духи 143,
 144, 149

- Метсик**, Маа-кунингас, у эстонцев дух плодородия 150
Метсола, у финнов лесная страна 85, 86, 95, 111, 130
Мецижанд, у вепсов хозяин леса 144
Мир-сусне-хум, у обских угров культурный герой 20, 25, 29, 32, 339, 347, 361–363, 372–374, 376–382, 387, 395–397, 407, 409–412, 418–420
Мис, у обских угров лесные духи 377, 393, 406, 411
Митра, в иранской мифологии бог 29, 380
Миэллики, Миэлотар, Меттики, у финнов хозяйка леса 85, 86
Мланд-ава, у марийцев Мать земли 264, 275, 288
Мланде-кугу-юмо, у марийцев бог земли 270
Могор, у венгров первопредок 421, 423
Мода-ава, у мордвы Мать земли 315, 316
Моисей, библейский пророк 331, 333
Мороз-атя, у мордвы Дед Мороз 301
Мортим-ма, у обских угров земля птиц 352, 379, 380
Мортим-эква, у обских угров Хозяйка перелетных птиц 352, 379, 380
Мось, у обских угров фратрия 347, 357, 363, 406, 407, 409, 411–413, 423
Музьем-мумы, у удмуртов Мать земли 237
Му-Кылчин, у удмуртов божество плодородия 234, 236, 237, 257
Мунчокузё, у удмуртов банник 241
Мых-ими, у хантов богиня земли 6, 338, 364
Мэр-кугу-юмо, у марийцев покровитель людей 269
Мяндаш, у саамов олень-прародитель 155, 172, 189–194, 219
Мяндаш-дева, у саамов мать Мяндаша 190–192
Мяндаш-йог, у саамов кровавая река между землей людей и жилищем Мяндаша 192

Н

- Назаром-паз**, у мордвы бог зимы 304
Найнас, у саамов витязь, воплощение северного сияния 19, 155, 160, 166, 167

- Най-эква**, у обских угров богиня огня 342, 357, 370, 406
- Нар-ава**, у марийцев Мать лугов 315
- Нармонь ки**, у мордвы Млечный путь 8
- Нешке-паз**, Нешке, у мордвы покровитель пчел 308, 313
- Нёр-Торум**, у обских угров бог Урала, покровитель и хозяин оленьих стад 371
- Никийя**, у саамов небесная невеста 159, 163, 379
- Ниркес**, у карел хозяин белок 82
- Нишке**, Чи-паз, Чам-паз, у мордвы бог-демиург 292, 296, 300–308, 311, 312, 320, 323, 330, 334, 427
- Нишкенде-тейтерь**, у мордвы сестра Нишке 305, 306
- Нойды**, у саамов шаманы 30, 164, 174, 184–187
- Нокеайнен**, у финнов Мать соболей 82
- Норов-ава**, у мордвы богиня плодородия 295, 305, 306, 315, 316
- Норов-паз**, у мордвы бог плодородия 301, 334
- Нуми-Торум**, у обских угров бог-демиург 15, 25, 28, 29, 36, 110, 332, 336–339, 341, 342, 344–346, 349, 360–368, 370–374, 376, 378, 382, 385, 388, 391, 392, 400, 408, 411, 417, 419
- Нюлэсмурт**, у удмуртов леший 239, 240, 257

О

- Оадзь**, у саамов ведьма-лягушка 164–166, 200, 204
- Обыда**, у коми злой дух 205
- Овда**, у марийцев злая волшебница 289
- Один**, у скандинавов верховный бог 39
- Омоль**, у коми противник демиурга 110, 136, 198–202, 205–209, 234, 337, 413
- Онары**, у марийцев великаны 290
- Орт**, у коми душа-двойник 227
- Осьяс и Ошьяс**, у коми первопредки 212
- Отыр**, у обских угров богатырь 29, 342, 409
- Ош-кече-кугу-юмо**, у марийцев бог света 269, 274
- Ошлапей**, у коми колдун 196, 197

- Пайпын-ойка**, у обских угров дух 375
Пакся-патяй, у мордвы богиня пашен 305
Палванен, Пайанен, у карел громовник 81, 99
Палэсмурт, у удмуртов лесной дух 23, 175, 239
Пама, у коми колдун 196, 215
Паям-лунг, у обских угров дух голода 393
Пейвальке, у саамов сын солнца 156, 163, 165
Пейве, у саамов бог солнца 56, 156, 157, 170, 185, 190, 279
Пеко, Пеллон Пеко, у карел и эстонцев дух плодородия 80, 143, 149, 150
Пера, у коми богатырь 36, 211, 213–215
Перке-кугу-юмо, у марийцев бог достатка 270
Перкеле, у финнов противник громовника 98
Перкель, у саамов черт 60, 62, 98, 155, 156, 161, 170, 361, 429
Перкунас, у балтов громовник 60, 61, 98, 156, 161, 308, 309
Пиямбар, у марийцев дух-посланник 269, 271–273
Полум-Торум, у обских угров старший сын Нуми-Торума 341, 371, 376, 377, 389, 419
Пор, у обских угров фратрия 394, 406–409, 411–413, 415
Порт-водыж, у марийцев домовый 276
Похьёла, Сариола, Пиментола, Унтамола, у финнов и карел страна Севера 69, 76–78, 83, 86, 102, 106–112, 114, 115, 118–121, 154, 222, 319, 328
Пугос, у хантов богиня-жизнедательница 364, 392
Пупыг, у манси родовые покровители 381, 392, 413
Пурышо-юмо, Пуйыршо-юмо, у марийцев предопредели-
тель судьбы 269, 271, 274, 288
Пурьгине-паз, Мельказ, у мордвы громовник 60, 61, 301, 305, 308–311, 314, 315, 340
Пшемисл, у чехов культурный герой 331
Пяйвела, у финнов и карел мифическая страна 98, 121, 122, 129

Р

- Равдна**, у саамов богиня земли 171
Равк, у саамов вампир 174, 175, 186
Радиэн, Радиен-атче, у саамов небесный бог-отец, воплощение дня 167
Радиен-киедде, у саамов сын Радиен-атче 167
Разиайке, у саамов богиня пастбищ 171, 173, 174
Рахкой, у финнов злой дух 79
Рана-нейде, у саамов богиня пастбищ 171
Рауни, у финнов и карел жена Укко 61, 81, 98–100, 171, 205, 310
Рахкой, Рахко, у финнов лунный дух 79
Ронготеус, Рунка-тейвас, у финнов и карел дух ржи 80
Рота, Рута, у саамов бог болезней 172, 173
Рухтнас, у саамов бог-воитель 171, 173, 174

С

- Саваоф**, библейский демиург 59
Садко, в русских былинах гусляр 90, 141
Саена, в иранской мифологии волшебная птица 31
Сайва-Гуэлле, у саамов дух — помощник шамана 185
Сайваймо, у саамов небесный загробный мир 172
Сакче-юмо, у марийцев бог-хранитель 269
Салме, у эстонцев невеста звезды 141
Сампо, у финнов и карел волшебная мельница 78, 110, 115, 119–121, 140, 151, 200, 222, 329
Сампса, Сампса Пеллерво, у карел дух растительности 80, 81
Сар-акка, у саамов богиня 168
Сейды, у саамов культовые камни и духи 110, 171, 187–189, 193
Сел-аня, у венгров Мать ветров 425
Симург, в иранской мифологии волшебная птица 31, 32, 243, 380, 381, 432
Соломон, библейский царь 146

- Сома**, в индийской мифологии божественный напиток 20, 31, 430
- Сорсатар**, у финнов и карел дочь утки 67
- Стефан Пермский**, миссионер, у коми культурный герой 195–197, 345
- Султан-Керемет**, у мордвы культурный герой 269, 295, 322, 324
- Суометар**, у финнов и карел прародительница финского народа 66, 67, 135
- Сыржа**, Сырява, у мордвы земная невеста громовника 61, 310
- Сюдбей**, у коми людоед 203, 217
- Сюэтар**, Сюэятар, у финнов и карел злая волшебница 73, 74, 77, 78, 102, 131, 133, 134, 165, 204, 296
- Сяхыл-Торум**, у обских угров громовник 350, 356, 357, 368–372, 374, 406

Т

- Таара**, у эстонцев громовник 147, 148
- Таеватаат** («Небесный дед»), у финнов другое имя Укко 98
- Тайт-котль-Торум**, у обских угров один из сыновей Нуми-Торума 372, 385, 394
- Тала**, Сталло, у саамов злой дух 173, 174, 188
- Талтош**, у венгров шаман 426–428
- Тапио**, у эстонцев бог леса 79, 82, 85, 86
- Таргитай**, в скифской мифологии культурный герой 380
- Таргылтыши**, у марийцев духи умерших от болезней 285
- Тайт-котль-ойка**, у обских угров богатырь-кузнец, воспитатель Тахыт-котль-Торума 372
- Тайт-котль-Торум**, у обских угров сын Нуми-Торума, бог реки Средняя Сосьва 372
- Телепинус**, у хеттов бог плодородия 313, 314
- Тиермес** (Торатурос), у саамов другое имя Айеке 168, 170
- Товлынг-Карс**, у обских угров огромная птица 378, 381, 390
- Товлынг-лув**, у обских угров крылатый конь Мир-сусне-хума 377

- Тол-ава**, у мордвы Мать огня 315, 318
Толмурт, у удмуртов дух ветра 241
Тоннту, у финнов дворовый дух 79, 145
Топал-ойка, *см.* Полум-Торум 371–373
Тор, у скандинавов громовник 39, 40, 70, 148, 168–170
Торум, у обских угров обозначение божества 148, 170, 336, 367, 384–387, 413
Тохланг-ваях-лунг, у обских угров дух перелетных птиц 393
Тул-ава, у марийцев Хозяйка огня 275
Тулс-Эма, у эстонцев Мать огня 144
Тул-он-кугу-юмо, у марийцев бог огня 270
Туно, у удмуртов шаманы 252–254, 256
Туня-юмо, у марийцев бог ветров 269
Туонела (Туони), у финнов и карел загробный мир, обитель мертвых 73, 76, 77, 95, 96, 102, 103, 111, 115, 118, 129, 208
Турисас, у финнов бог победы 79
Турул, у венгров мифическая птица 426, 430, 433
Туули-Эма, у эстонцев Мать ветра 144
Туури, у финнов громовник 70, 79, 81
Тухеройнен, у финнов Мать норок 82
Тылл, у эстонцев великан 152
Тюштян, у мордвы культурный герой 112, 272, 330–333, 419, 437

У

- Убыр**, у удмуртов чудовище 237, 254
Укко, Исянен, Ильман Укко, у финнов верховный бог 60, 61, 70, 80, 81, 98–101, 106, 107, 116, 119, 148, 171, 205, 310, 428
Укс-акка, у саамов богиня 168
Уку, Пикне, Кыу, Эйке, Ванатаат, Тэватаат, Ванаиса, у эстонцев – громовник 98, 143, 148
Унтамо, у финнов и карел герой 131, 299
Уром, у удмуртов первочеловек 233
Урт, у удмуртов и обских угров душа-двойник 251, 417

Усынг-отыр, Городской богатырь, у обских угров герой
346, 390, 402–405, 407

Ф, Х

Фрейр и Фрейя, у скандинавов боги плодородия 39, 170

Халтья, у финнов духи-хозяева 91

Хаома, в иранской мифологии волшебный напиток 20, 31,
33, 430

Хара, в иранской мифологии Мировая гора 20

Хатавайнен, у карел Хозяин зайцев 82

Хель, у скандинавов Хозяйка преисподней 40

Хийси, Хийзи, у финнов и карел хозяин леса 8, 53, 68, 69,
82–85, 97, 103, 104, 115, 116, 118, 121, 122, 131, 133,
137, 145, 151

Хиитола, у финнов лесная страна 83, 108, 121

Холохонка, Хейхенейкко, у финнов Мать диких птиц 82

Хонготар, Тапиотар, у финнов Мать медведей 73, 86

Хотал-эква, у обских угров Хозяйка солнца 367

Хрунгнир, у скандинавов великан 169

Хунор, у венгров первопредок 421, 423

Ч

Чакли, у саамов гномы 173, 175, 176

Чам-паз, Вере-паз, у мордвы высший бог 292–298, 300,
302, 304, 307, 308, 310, 323

Чи-паз, у мордвы высший бог, бог солнца 292, 293, 300,
305

Чуды, чудь, у коми мифический народ 207–211, 215, 225,
227, 233, 249

Ш

Шайтан, у удмуртов и мордвы противник демиурга
229–231, 256, 288, 293–299, 303–305, 429

- Шарабха**, в индийской мифологии волшебный зверь 28
Шаркань, у венгров дракон 427
Шкай, Шкай-пас, Шкабаваз, Вярдя-Шкай, у мордвы бог-демиург 292, 295, 296, 298, 299, 306, 307, 312, 313, 320, 321, 324
Шонди, у коми солнце 200, 213, 214
Шорни-Торум, см. Мир-сусне-хум 20, 25
Шочын-ава, у марийцев Мать плодородия 268, 273, 275, 291
Шунды-мумы, у удмуртов Мать солнца 237

Э, Ю, Я

- Эгрес**, у карел покровитель огородных культур 80
Эква-пыриш, у обских угров культурный герой 339, 379, 380, 387–391, 394, 401–405, 420
Эрге-Пугош-юмо, у марийцев сын бога 268
Этпос-ойка, у обских угров месяц 368, 379, 381
Юбмел, у саамов небесный бог 7, 155, 156
Юкс-акка, у саамов богиня 168
Юмала, у финнов высший бог 7, 59, 60, 78, 81, 96, 100, 108, 142, 156, 198, 202, 260
Юман-ава, у марийцев мать бога Юмо 268, 275
Юмо, у марийцев обозначение божества 7, 260–266, 268–274, 285
Юрт-ава, у мордвы Мать двора 315, 317, 320
Ябме-акка, у саамов Хозяйка преисподней 172
Ябмеаймо, у саамов преисподняя 172, 186
Ялп-ус-ойка, дух медведя («Старик священного города») 395, 409, 410, 415

ЧТО ЧИТАТЬ О ФИННО-УГРАХ И ФИННО-УГОРСКОЙ МИФОЛОГИИ

- Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А.* К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов / Балто-славянские исследования. 1980. М., 1982.
- Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. М., 2000.
- Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
- Высек пламя Илмаринен. Антология финского фольклора / Сост. Э.Г. Рахимова. М., 2000.
- Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Новосибирск, 1986.
- Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. М., 1975.
- Девяткина Т.П.* Мифология мордвы. Саранск, 1998.
- Дубов И.В.* И поклоняешься идолу камени... СПб., 1995.
- Калевала. М., 1977 (Библиотека всемирной литературы).
- Калевипоэг. Эстонский народный эпос / Собрал и обработал Фр. Крейцвальд. Таллин, 1950.
- Карельские эпические песни. М.-Л., 1950.
- Карельское народное поэтическое творчество / Сост. В.Я. Евсеев. Л., 1982.
- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. Томск, 1996.
- Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар, 1984.
- Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания / Сост. В.А. Акцорин. Йошкар-ола, 1991.
- Маскаев А.Н.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.
- Мельников П.И.* (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981.

- Микушев А.К.* Эпические формы коми фольклора. Л., 1973.
- Мировоззрение финно-угорских народов. М., 1990.
- Мифология коми. Сыктывкар, 1999.
- Мифы, легенды и сказки удмуртского народа / Литературная обработка Н. Кралиной. Устинов, 1986.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н.В. Лукина. М., 1990.
- Мокшин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968.
- Напольских В.В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции. М., 1991.
- Напольских В.В.* Как Вукузё стал создателем суши: удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск, 1993.
- Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.
- Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.-Л., 1931.
- Саамские сказки / Запись, перевод В.В. Чарнолуцкого. М., 1962.
- Сагалаев А.С.* Урало-алтайская мифология. Новосибирск, 1991.
- Симонсури Л.* Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991.
- Сурхаско Ю.Ю.* Семейные обряды и верования карел. Л., 1985.
- Федянович Т.П.* Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Поволжья. М., 1997.
- Фольклор народа коми. Т. 1. Предания и сказки. Архангельск, 1938.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
- Хелимский Е.А.* Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Чарнолуцкий В.В.* Легенда об олене-человеке. М., 1965.
- Чернецов В.Н.* Вогульские сказки. Л., 1935.
- Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.
- Ярыгин А.Ф.* Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Мир и миф древних финно-угров.

Финно-угорская общность: миф и язык 5

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ МИР ДРЕВНИХ ФИННО-УГРОВ:

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ, ИДОЛЫ,

«ЗВЕРИНЫЙ» СТИЛЬ 11

Финно-угры и индоиранцы 18

Прародина ариев и Уральские горы 19

Золотая баба 20

Александр Македонский и Уральские горы 26

Волга и миф о Мировом океане 27

Чудесный зверь и волшебный всадник 28

Шаманизм и экстатическое зелье на Оби, в Иране
и в Индии 30

Семь слоев мифологической Вселенной в символах
«звериного» стиля 35

Волшебная страна Биармия и викинги 38

Чудь и волхвы 43

Дуалистический миф о сотворении человека
и прения с волхвами 45

Расправа с волхвами: миф и ритуал 51

Культ медведя и медвежья свадьба
в Ярославском Поволжье 53

Финская заговорная грамота 58

Гневливый громовник и небесная свадьба.
Перкунас и Перкель 60

ФИНСКАЯ И КАРЕЛЬСКАЯ МИФОЛОГИЯ 63

Сотворение мира. Мировое яйцо и птица-творец 63

Сотворение человека и небесная свадьба 66

Этиологические мифы – происхождение созвездий
и священных животных 68

Космический бык	70
Небесное происхождение медведя	72
Происхождение вредоносных тварей	73
Как устроен мир	75
Боги и духи	78
Хийси — лесной дух, ставший чертом	83
Тапио и Миэллики — хозяева леса	85
Ахти — хозяин вод	88
Маахисы — подземный народ	90
Духи-хозяева	91
Дух-добытчик пяра	94
Калма — смертная сила	94
Поединок колдунов	96
Священный брак Укко и Рауни	98
Чудесное рождение Вяйнямёйнена	100
Добывание огня	101
Строительство первой лодки	102
Заговор, останавливающий кровь	103
Создание кантеле	104
Неудачная женитьба Вяйнямёйнена	106
Вяйнямёйнен и Ильмаринен освобождают Луну и Солнце из Похьелы	106
Вяйнямёйнен и Еукахайнен	109
Уход Вяйнямёйнена	111
Ильмаринен — божественный герой-кузнец	112
Происхождение железа	113
Героическое сватовство	115
Ильмаринен и смерть	118
Чудесная мельница сампо	119
Лемминкяйнен в Манале	121
Первая война и мститель Куллерво	131
Сюэтар и чудесная женитьба	133
Сыны Калевы — герои-великаны	135

ЭСТОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ И МИФЫ

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ	138
Мифы о творении и конце света	138
Салме — невеста звезды	141
Боги и духи	142
Вороний камень	146
Таара — бог победы	147
Метсаваймы — лесные хозяева	149
Пеко — покровитель урожая	149
Калевипоэг, ванапаганы и священные камни	150

СААМСКАЯ МИФОЛОГИЯ	154
Как был сотворен мир	155
Сватовство Солнца и космическая битва	156
Морж — морской Старец	158
Лунная дева Акканийди	158
Медведь-жених	160
Медведи-оборотни	162
Никийя в мире людей	163
Оадзь — ведьма-лягушка	164
Найнас	166
Рождение человека	167
Громовник Айеке — небесный лучник	168
Саамские боги и три яруса Вселенной	170
Похищение Разияйке	173
Равк — саамский вампир	174
Чакли	175
Леший-побратим	176
Шука-оборотень	183
Нойды и шаманский спиритизм	184
Нойда и живой мертвец	186
Сейды и шаманские духи	187
Волшебные звери	188
Олень Мяндаш — первопредок саамов	190
Конец света	194

МИФОЛОГИЯ КОМИ	195
Стефан Пермский и древние колдуны	195
Творцы мира Ен и Омоль	198
Дети Ена Войпель и Йома	201
Йома и Баба-яга	202
Происхождение людей	205
Борьба Ена и Омоля	205
Почему небо удалилось от земли	207
Загробный мир	208
Чуды — древний народ	208
Мамонт — «земляной олень»	212
Остьяс и Ошъяс — предки коми	212
Пера-богатырь	213
Медведь-богатырь Кудым-Ош	215
Дзудзя — прародительница	216
Богатырь-сиротка	217
Как медведь хотел стать сильнее человека	218
Охотники-богатыри и их чудесные жены	219
Петух и волшебная мельница	221

Ворса — леший	222
Вакуль — водяной	223
Нечистая сила	225
Упыри-еретники	226
Орт и лов — двойник и душа человека	227
Ен и Илья-пророк	228

УДМУРТСКАЯ МИФОЛОГИЯ 229

Как Инмар и Керемет творили мир	229
Сотворение великанов и людей	231
Удмуртская троица	234
Земной бог Кылдысин	235
«Матери» явлений природы	237
Водяные и их чудесные животные	238
Лешие и «половинники»	239
Домовые-ревнивы	240
Воршуд — покровитель рода	241
Вожо — сезонные духи, предки и нечистая сила	249
Две души человека	251
Туно — удмуртские шаманы	252
Мировое древо и Керемет — святилище и злой дух	255
Моление богам	258

МАРИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ 260

Кугу Юмо — «Великий бог». Его противник Керемет	260
Борьба за души	262
Распределение судеб	262
Почему в мире все стало кривым	263
Почему кончился Золотой век	264
Почему случился Потоп	265
Как марицы получили свою веру	266
Небесные стада	267
Семья Кугу Юмо и марицкий пантеон	268
Небесная дева	270
Кугурак и небесная невеста	272
Жертвы и жрецы	273
Духи-матери и духи-хозяева	275
Киямат и Азырен — боги загробного мира	277
Как был обманут бог смерти	285
Кульг предков и свеча-солнце	286
Кереметы и родовые покровители	287
Нечистая сила	288
Онары — первобытные великаны	290

МОРДОВСКАЯ МИФОЛОГИЯ	292
Птица-демиург и Мировое древо	292
Как Бог и Шайтан творили мир	293
Сотворение человека	297
Человек, сотворенный из пня	299
Бог Нишке и его небесная семья	300
Богиня плодородия Анге-патяй и ее дети	302
Духи-хранители, созданные из искр, и моления-озксы ...	306
Золотой век	307
Громовержец Пурьгине-паз	308
Небесные боги и их земные невесты	310
Духи-матери	315
Ведь-ава	317
Домовые духи	320
Вирь-ава и злые духи	321
Священные урочища и Султан-Керемет	322
Смерть и поминки: баня и свеча для предков	325
Проклятые мертвецы	328
Старик и смерть	329
Пахарь-богатырь Тюштян	330
Последний волхв: Кузька – мордовский бог	334

МИФЫ ОБСКИХ УГРОВ	336
Как Нуми-Торум сотворил мир	336
Небесная свадьба. Солнце и луна	339
Как был сотворен человек	341
Первая человеческая пара	342
Сотворение животных	344
Медведь, спущенный с небес	345
Волшебная охота на лося	347
Налим-людоед	348
Как устроена Вселенная в мифах обских угров	349
Северный ветер	359
Нуми-Торум – «Верхний бог»	360
Богиня земли Калтащ-эква и богини-жизнедательницы ..	361
Куль-отыр – хозяин преисподней	365
Братья и сестры Нуми-Торума	367
Семь сыновей Нуми-Торума	371
Серебряное блюдо и война богов	372
Иерархия небесных существ	375
Покровитель людей Мир-сусне-хум	376
Гусь-богатырь и скифский Геракл	379
Сказка об обездоленном брате	381
Обско-угорская «Божественная комедия»	382

Эква-пыриш — избавитель солнца и луны и создатель зверей	387
Эква-пыриш и волшебная птица: сказка и шаманский миф	389
Духи и демоны	391
Мис	393
Менквы	393
Как Эква-пыриш у Водяного дочь сватал	394
Как Эква-пыриш морочил менква и Усын-отыра	402
Мось и Пор — предки людей	406
Медвежий праздник	408
Почему спорят Пор и Мось	413
Почему люди не воскресают	413
Живой мертвец	414
Сколько душ у человека?	415
Конец света	417
Последний миф	419
ВЕНГЕРСКАЯ МИФОЛОГИЯ	421
Олень, указывающий путь	421
Легенда об обретении земли	424
Мировое древо	425
Шаман-талтош	426
Боги и предки	428
Мифы о творении	429
Зловредный цыпленок	430
Странствующая душа	435
Евразийский миф и святой венгерский король	436
Космический олень и дары волхвов	438
Указатель имен	440
Что читать о финно-уграх и финно-угорской мифологии	456

Научно-популярное издание

Мифы народов мира

Петрухин Владимир Яковлевич

МИФЫ ФИННО-УГРОВ

Редактор *М. Торчинская*

Младший редактор *Д. Дедова*

Корректор *И. Мокина*

Технический редактор *Н. Духанина*

Компьютерная верстка *Л. Быковой*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.02 от 03.02.2004 г.

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область, г. Балашиха, ш. Энтузиастов, д. 7 / 1

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

МИФЫ ФИННО-УГРОВ

Самобытные мифологические традиции финно-угорских народов – финнов и карелов, венгров, эстонцев, мордвы и марийцев, коми и удмуртов, хантов и манси – начали формироваться на заре нашей эры. Мифы о птице-демиурге, сотворившей мир, о небесном охотнике и гигантском лосе, подвиги героев знаменитого эпоса «Калевала», безусловно, вызовут интерес широкого круга читателей, тем более что последовательное изложение мифологий финно-угорских народов предлагается на русском языке впервые.

ISBN 5-17-019005-0

9 785170 190058